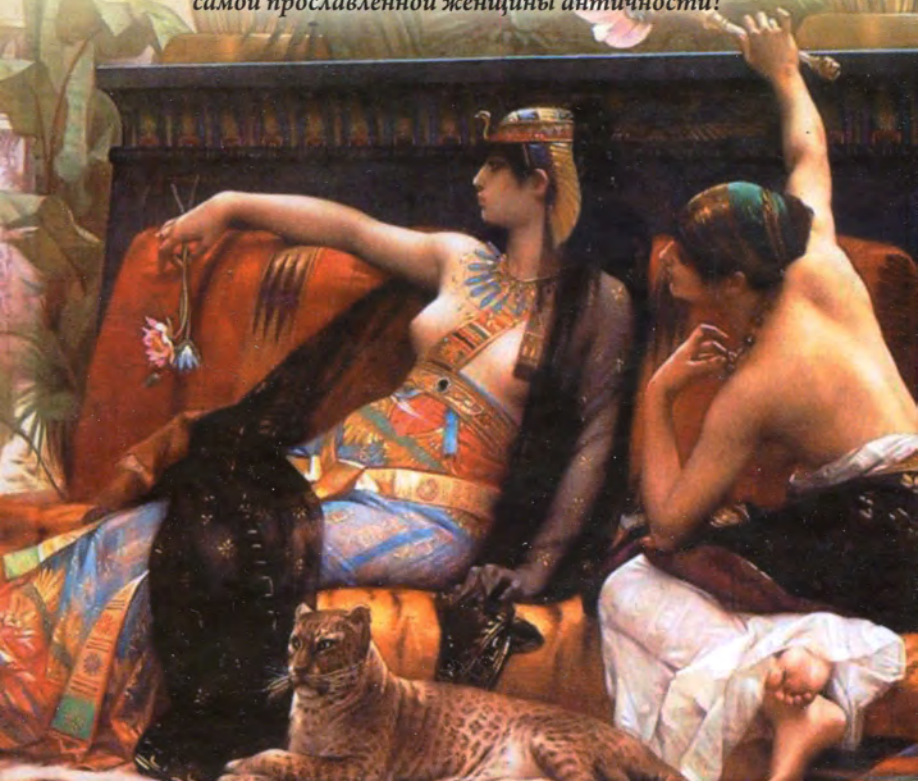

■ Джоан Флетчер ■

КЛЕОПАТРА ВЕЛИКАЯ

ЖЕНЩИНА, СТОЯЩАЯ
ЗА ЛЕГЕНДОЙ

*Вымысел и реальность в истории
самой прославленной женщины античности!*

Джоан
Флетчер

■ Джоан Флетчер ■

КЛЕОПАТРА
ВЕЛИКАЯ
ЖЕНЩИНА, СТОЯЩАЯ
ЗА ЛЕГЕНДОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31
Ф71

Joann Fletcher
CLEOPATRA THE GREAT
THE WOMAN BEHIND THE LEGEND

Перевод с английского И.В. Александрова

Компьютерный дизайн Э.Э. Кунтыш

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Intercontinental Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Флетчер, Д.

Ф71 Клеопатра Великая. Женщина, стоящая за легендой / Джоан Флетчер; пер. с англ. И.В. Александрова. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 478, [2] с.

ISBN 978-5-17-069496-9 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: Ист.библ.(84)-3)

ISBN 978-5-271-32605-9 (ООО «Изд-во Астрель»)

ISBN 978-5-17-069487-7 (ООО «Изд-во АСТ»)(С.: ЖЗЛ)

ISBN 978-5-271-32606-6 (ООО «Изд-во Астрель»)

*В оформлении обложки использованы работы,
предоставленные фирмой Fotobank*

Клеопатра.

Едва ли не самая известная женщина в мировой истории.

Легенды, которые рассказывают о ней, настолько противоречивы, что их можно счесть ложью или поэтическим преувеличением.

Так какой же была Клеопатра в действительности?

Слабой правительницей, попавшей в жернова непростой эпохи, - или умным, циничным политиком, готовым ради независимости Египта на все?

Была ли она так красива, как принято считать?

И наконец, покончила ли она с собой - или была убита?

Книга доктора Джоан Флетчер не только развенчивает многие легенды о Клеопатре, но и раскрывает тайны великой царицы.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)31

© Joann Fletcher, 2008

© Перевод. И.В. Александров, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Содержание

Введение.....	7
ЧАСТЬ I	17
1. Дух Александра: Европа и Египет	19
2. Кровное родство: Птолемеи и их Клеопатры.....	55
ЧАСТЬ II.....	103
3. Богиня на исторической арене: юные годы Клеопатры.....	105
4. Завуалированное предложение: Клеопатра встречается с Цезарем.....	145
ЧАСТЬ III.....	177
5. Река жизни: путешествие по Нилу	179
6. Великая мать Исида: рождение Цезариона.....	218
ЧАСТЬ IV	249
7. Дворец Цезаря: Клеопатра в Европе.....	251
8. Смерть и воскресение: Осирис отмщен	291
ЧАСТЬ V.....	327
9. Интимная жизнь: Антоний и «расточительная роскошь».....	329
10. Богиня золотого века: возрождение империи	368
ЧАСТЬ VI.....	409
11. Последний год: поражение, смерть и вечная жизнь	411
12. Эпилог: последствия.....	446

Введение

Как одна из знаменитых женщин древней истории Клеопатра в первую очередь ассоциируется с Египтом и представляется, вероятно, его самой прославленной царицей. Однако менее известно то, что она фактически была европейкой по происхождению и, как ее легендарный предшественник Александр Великий, вела свой род от выходцев из Македонии на севере Греции. Она говорила на греческом языке, носила греческое имя, и ее жизнь была связана с судьбой эллинистического мира в его борьбе за выживание против экспансии Рима.

Клеопатра играла ключевую роль в событиях, приведших к возникновению западной цивилизации, и даже ее смерть стала поворотным пунктом в истории Европы. И все-таки преобладает мнение, что ее жизнь можно рассматривать только из-за ее близости к известным римлянам. Как писал историк Р. Гарланд, «она стяжала себе славу главным образом тем, что спала с Юлием Цезарем и Марком Антонием — двумя самыми могущественными людьми ее времени, а также своим чрезмерным тщеславием»*.

Находясь в их тени в качестве чуть больше, чем экзотического, но порочного приложения, служа удобным прикры-

* См.: *Garland R. Celebrity in the Ancient World // History Today* 55 (3), pp. 24–30.

тием их недостатков, Клеопатра появляется в римских источниках, только когда своей политикой затрагивает интересы Рима. Едва ли имеются основания утверждать, что она возродила былую славу Египта, воссоздав великую империю за счет Рима: официальный Рим не признавал ее удивительных достижений, большинство документальных свидетельств целенаправленно уничтожалось, тексты скрывались, а ее имя изымалось из письменных источников.

Сделав все возможное для уничтожения сведений об этой женщине, пропитанная ненавистью пропаганда Рима создала свой собственный имидж Клеопатры, который живет и поныне. Римляне по-настоящему боялись только двух человек — ее в том числе. Они отплатили ей за это пренебрежением, замешанным на лжи и женоненавистничестве, столь сильном, что она утвердилась в западном сознании как роковая женщина, цеплявшаяся за власть, пока не утратила своих соблазнительных чар, а полное драматизма самоубийство, когда она дала себя ужалить змее, возвысило ее до высочайшего статуса трагической героини. Хотя ее имя стало синонимом трагедии и неукротимости, общераспространенные представления о Клеопатре сложились на основе пропаганды Рима, драмы елизаветинской эпохи и образа, созданного Элизабет Тейлор, однако подлинная Клеопатра, при всей своей славе, нам почти неведома. Продолжительное время историки классической античности не проявляли особого желания проникнуть в «экзотический» мир Древнего Египта, а египтологи по большей части обходили стороной эру, считавшуюся ими «неегипетской». Даже в 1960-х годах о ее правлении отзывались как о «темном царстве, время от времени озаряемом вспышками молний, когда Египет оказывался втянутым в мировые события»*. Тем не менее к этому времени в определенных научных кругах положение наконец стало меняться. В заслуживающей особого внимания

* См.: *Skeat T.C. Notes on Ptolemaic Chronology III // Journal of Egyptian Archaeology. 1962, № 48, p. 100.*

биографии Клеопатры, впервые опубликованной в 1953 году, Ханс Фолькман отмечал, что результаты недавно проведенных исследований позволяют «сорвать обманчивую паутину ненависти, сплетенную вокруг Клеопатры ее врагами, и вскрыть правду»*. К 1980-м годам обнаружилось так много новой информации, что ученые начали сотрудничать в подготовке исторического материала для двух крупных выставок — одной в США в 1988 году, а другой в Европе в 2001 году.

Были собраны поразительные документы — от текстов по случаю памятных событий, эпитафий и хвалебных речей до записей о сборе налогов, астрологических карт и личных писем; несколько лет назад удалось идентифицировать даже почерк Клеопатры. Сейчас, когда греческие и египетские свидетельства по численности и богатству почти не уступают римским источникам, стало возможным объединить отчеты об археологических раскопках с мест, ныне утраченных, и данные, полученные недавно при раскопках, в частности, дворца Клеопатры. Как монеты с ее изображением, скульптуры и архитектурные памятники позволяют составить общую картину, точно так и ювелирные изделия, одежда, косметика, продукты питания, предметы мебели и все детали повседневной жизни, какой она была в I веке до н.э., обогащают наши знания о самой царице. Воссоздавая жизнь в ее приморском дворце в Александрии, в великолепном имении на берегу Тибра или на борту золотого прогулочного корабля и сцены устраиваемых пиров, изучая обширные библиотеки, экзотические наряды и даже секреты ее красоты, мы можем понять и развеять устоявшиеся мифы начиная с выхода на мировую арену, когда она появилась из свернутого ковра, и заканчивая легендарной смертью от укуса змеи.

Имеющийся материал дает мифам более рациональное объяснение и позволяет установить, где конкретно находилась Клеопатра в определенные моменты ее жизни. Так,

* См.: *Volkman H. Cleopatra: a Study in Politics and Propaganda.* — London: Elek, 1958, p. 176.

25 марта 51 года до н.э., несколько дней спустя после восхождения на трон, семнадцатилетней, не по годам развитой девушкой она участвует в совершении древнего обычая перевозки по Нилу священного быка — земного воплощения бога Солнца. Позднее, после рождения первенца, в полночь 28 декабря 47 года до н.э., она будет стоять в святилище на крыше храма в Дендере во время обряда, совершаемого при лунном свете, чтобы наполниться силой богини-матери Исиды. Даже сцена ее смерти 10 августа 30 года до н.э. с участием всего вспомогательного состава исполнителей поставлена так, чтобы надолго произвести неизгладимое впечатление. Как постановщик ярких театральных представлений, призванных подчеркнуть ее божественное происхождение, Клеопатра буквально преображается в богиню в каждом конкретном случае. Стараясь угодить вкусам аудитории у себя в стране и за рубежом, она появляется Венерой в Риме, совершает плавание по Средиземному морю как Афродита и возрождает бывшую империю Египта как Исида, иными словами, впитывает все атрибуты женской божественности.

Она часто совершала путешествия, и тщательное изучение древних источников позволяет проследить ее маршруты из Египта в Грецию, Малую Азию, Аравию и Италию. Хотя Клеопатра родилась и выросла в греческом городе Александрия на египетском побережье Средиземного моря, она два года прожила в Риме и многие месяцы провела в Афинах, Эфесе, Антиохии и Тарсе. На ее воспитание повлияли эти постоянные морские путешествия из наиболее оживленного и богатейшего порта древнего мира. Основанный Александром Великим в 331 году до н.э., для того чтобы превратить Египет из замкнутого стоячего болота в оживленный космополитический центр, великолепный город Александрия стал очагом международных отношений, а его величайшим достоянием, несомненно, являлся сам Александр. Его мумифицированное тело в стеклянном саркофаге воспринималось Клеопатрой как символ собственного потенциаль-

ного величия, а ее решимость возродить огромную империю Александра, простиравшуюся до Индии, помогала противостоять римской экспансии в течение более двадцати лет, и при ней Египет последним из царств Александра оставался независимым.

Хотя во время своего правления Клеопатра большое внимание уделяла отношениям с миром за пределами Египта, ее древнее царство служило экзотическим фоном традиционных ритуалов, необходимых для поддержания ее статуса божественного монарха. Появление перед подданными во время регулярных плаваний вверх и вниз по Нилу обеспечивало ей поддержку с их стороны и финансовые ресурсы, нужные для проведения амбициозной внешней политики. Даже монеты с ее строгим, почти мужским профилем, выпускавшиеся с таким расчетом, чтобы вызывать симпатию на обширных территориях, где правили мужчины, служили важным средством пропаганды. В современном мире эти изображения считаются подтверждением того, что Клеопатра была отнюдь не красавицей, и поскольку совершенно определенно не существует ее правдивых портретов, появились даже утверждения, что «Нефертити — это лицо без царицы, а Клеопатра — это царица без лица»*.

Данное высказывание относительно Нефертити лишено справедливости, а в последние годы изменились представления и о самой Клеопатре. Ее узнали в ряде произведений изобразительного искусства, в том числе по крайней мере в трех изумительных мраморных бюстах, которые выгодно отличаются от изображений женщин, считавшихся в те времена первыми красавицами. И все-таки главным достоинством Клеопатры была не эстетика лица; Клеопатру Великую, в полной мере заслуживающую такого же эпитета, как и ее предшественник Александр, теперь можно наконец признать

* См.: *Goudchaux G.W. Was Cleopatra beautiful? The conflicting answers of numismatics // Cleopatra of Egypt (eds Walker S. And Higgs P.). — London: BMR, 2001.*

«личностью, чье величие и харизма сопоставимы с качествами самого Александра»*.

Мое увлечение Клеопатрой, как и многим другим, началось в детстве. Я проявляла немалый интерес к людям, оставившим след в истории, особенно если о них сложилось противоречивое или негативное представление. Тесная взаимосвязь между Клеопатрой и Александром лишь усилила мое желание узнать больше. Взрослея, я продолжала читать о них все, что могла найти, посещала места, где они бывали, и пыталась составить представление об их особых отношениях с Древним Египтом. Мой интерес достиг пика, когда я работала над диссертацией по древней истории и египтологии в 1984 году. Тогда-то я и познакомилась с незаурядной семьей Клеопатры — Птолемеями, греческой династией, правившей Египтом триста лет от Александра до самой Клеопатры. И хотя этих правителей обычно называют слабыми, неэффективными и не имеющими прямого отношения к фараоновскому прошлому Египта, Птолеми внесли значительный вклад в египтологию.

Питая пристрастие к историческим исследованиям, Птолеми основали публичную библиотеку в Александрии, привлекли многих ученых к сбору текстов со всех концов древнего мира и их изучению. Здесь египетский жрец Манefon составил список фараонов за трехтысячелетнюю историю Египта, распределив их по династиям, и его системой пользуются и поныне. Сведения о бальзамировании — практике, наиболее характерной для Египта, — мы получили только из двух греческих источников, один из которых принадлежит к временам Клеопатры; и даже в терминологии, относящейся к древней культуре страны, преобладают греческие заимствования. Для примера можно назвать и такие

* См.: *Green P. Alexander's Alexandria // Alexandria and Alexandrianism: Papers delivered at a Symposium organized by the J. Paul Getty Museum and the Getty Center for the History of Art and Humanities April 22–25, 1993. — Malibu: Getty Museum, 1996.*

общеизвестные египтологические термины, как «иероглиф», «obelisk», «пирамида», «саркофаг», и имена богов — Исида, Осирис, Анубис, имена фараонов — Тутмос, Аменофис, Сесострис, название реки Нил и даже самой страны Египет.

Птолемии как рачительные наследники осуществляли программу широкого строительства по всей стране, в том числе большинства храмов, сохранившихся до наших дней. В надписях на стенах даются подробные описания ритуалов, не встречающихся в каких-либо других источниках, и благодаря тому, что надписи часто делались на двух языках — на греческом и египетском, современный мир получил ключ к расшифровке иероглифов. Первыми прочитали вслух имена Птолемея и Клеопатры.

Используя богатства инородной империи, греческие монархи Египта преобразили свое царство. И хотя неудержимая римская экспансия привела к постепенному истощению состояния Птолемеев, оно было многократно приумножено Клеопатрой. Будучи последней правительницей из династии и первой, овладевшей египетским языком, она восстановила империю Египта до размеров тысячелетней давности; Египет снова стал мировой супердержавой, и его народ по праву гордился царицей, которую он боготворил в течение столетий после ее смерти.

Хотя в современном Египте ее все еще воспринимают как своего рода символ, многие египтологи относятся к этому скептически. Недавно некоторые ученые высказали мнение, что Клеопатра могла быть самой известной женщиной Древнего Египта, но «гораздо более важной фигурой являлась Хатшепсут — женщина-фараон, правившая почти двадцать лет в XV веке до н.э.»*. Только вот важной для кого?

Клеопатра не только правила в течение такого же периода времени, она преобразовала Египет, превратив его из

* См.: *Roehrig C. Hatshepsut — from Queen to Pharaoh.* — New York: MMA, 2005.

марионеточного царства, подвластного Риму, в державу столь великую, что она чуть не завладела всем известным миром. Поэтому хотя Хатшепсут действительно была феноменальной личностью, без сомнения оказывавшей влияние на престолонаследников-Птолемеев, ее значение для Египта и остального Древнего мира несравнимо меньше, чем влияние Клеопатры, которое на протяжении столетий чувствовалось на огромных территориях этого региона.

Это влияние стало еще более очевидным, когда мы проводили обширные исследовательские работы в Йоркском университете и принимали участие в телевизионных передачах. Один из наших первых проектов касался связей между Египтом и Северной Африкой. Мы прослеживали пути сокровищ, принадлежавших дочери Клеопатры, чей роскошный двор многим напоминал стиль жизни ее матери и чья внешне схожая с пирамидой гробница находится на территории современного Алжира.

При осуществлении следующих проектов мы отправились в Южную Аравию, славившуюся своей собственной правительницей — царицей государства Шеба. По некоторым данным, Клеопатра нашла кратковременное убежище в Аравии, а длительные торговые связи с Египтом почти наверняка способствовали тому, что арабийцы переняли практику бальзамирования. Затем в Риме, где Клеопатра жила несколько лет, похороны забальзамированной почитательницы Исиды и ее сына в I веке н.э. служили новым доказательством того, что Египет оказывал немаловажное влияние на Европу. Даже за пределами известного мира первые описания Британии и ее народа сделал партнер Клеопатры — Юлий Цезарь.

Принесли плоды и долгие поиски Нефертити. Мы продолжаем обнаруживать сведения об этой женщине-фараоне, жившей в более ранний период, а открытия, сделанные в Долине царей и ее окрестностях, позволяют судить, что о таких женщинах помнили долго, перед ними преклонялись

их преемницы вплоть до времен Клеопатры. Но если я начала заниматься научно-исследовательской работой по проблеме Нефертити без определенного интереса к ней как к личности, то Клеопатра привлекала мое внимание выдающимися способностями и достижениями.

По мере обнаружения все новых и новых фрагментов исторической головоломки желание собрать их воедино стало слишком сильным, чтобы я могла сопротивляться ему. До этого я уже сотрудничала в подготовке научно-популярной биографии Александра, но мое увлечение Клеопатрой оказалось не из легких, потому что в предшествовавший ей трехтысячелетний период египетской истории было немало женщин-фараонов, которые дают ключ к пониманию личности их последней преемницы. Во многих биографиях Клеопатры авторы сначала показывают царицу просто как женщину, затем они сопоставляют, как ее изображали в более поздние столетия — от Плутарха до Шекспира и до Голливуда. На мой взгляд, такой подход скорее отражает представления последующих культур, а не ее времени. Подлинную Клеопатру нужно искать в современной ей исторической среде.

Но даже тогда бывает нелегко составить достоверное представление, особенно в случае с Клеопатрой, ибо и при жизни она воспринималась совершенно по-разному разными людьми. Эта полная решимости правительница, блестящий политик, эрудированный ученый и мать четверых детей являлась многогранной личностью, которая действительно могла быть всем для всех. Римляне считали ее безнравственной и распутной. Греки и народы Ближнего Востока видели в ней благодетельницу и освободительницу. Для египтян она была живой богиней и царицей, а в своих собственных представлениях — истинной преемницей Александра. В густом тумане небылиц и пропагандистских выдумок весьма проблематично, если не сказать вообще невозможно, различить жизненно правдивый женский образ.

Таким образом, только сага, охватывающая период в несколько тысячелетий, отражающая события на трех континентах и включающая в себя все имеющиеся исторические сведения, может передать сущность этой невероятно сложной и бесконечно пленительной женщины. «Великой властительницей» справедливо назвал ее в 1615 году йоркширец Джордж Сандис, творивший после царствования Елизаветы I, а его современник Уильям Шекспир вынужден был признать великую Клеопатру «лучшею из женщин»*.

Йоркшир
2007 год

* Шекспир У. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 6: Отелло. Антоний и Клеопатра. Уимбелин. Зимняя сказка. — М.: Интербук, 1997, с. 289.

ЧАСТЬ I

1

ДУХ АЛЕКСАНДРА: ЕВРОПА И ЕГИПЕТ

В один из дней марта 51 года до н.э. дочь незадолго до этого скончавшегося царя Птолемея XII стояла перед выточенным из горного хрусталя саркофагом Александра Великого и, всматриваясь через прозрачный камень в лицо мумифицированного бога, раздумывала над сложившейся для нее ситуацией, о прошлом и будущем. Она знала, что в ее жилах течет кровь знаменитого полководца*. Ей исполнилось семнадцать лет, а он в более раннем возрасте уже вел войска в свое первое сражение и в конце концов покорил весь известный мир. Если она возродит его империю, вернет былое величие, то докажет, что достойна стать его преемницей.

Свет от колеблющегося пламени факелов в погребальной камере отражался в хрустальном саркофаге, и она могла ясно видеть характерные черты Александра. Этот человек ушел из жизни почти триста лет назад, но мастера бальзамирования обеспечили его постоянное физическое присутствие здесь, а погребальные ритуалы соединили душу с телом в

* Предположение автора, основанное на легенде. — *Примеч. ред.*

соответствии с древними представлениями, в которые он сам твердо верил.

В древности за тело царя боролись его преемники, неспособные управлять самостоятельно, пока наконец оно не обрело покой в Александрии, в великолепной усыпальнице недалеко от дворца. В соответствии с давней египетской традицией благоговейно относиться к царским останкам его почитали как Александра Ктиста — основателя города, в чьем теле пребывал его дух, о котором жрецы проявляли заботу. Для правящей династии Александр служил объектом поклонения и источником вдохновения, а царские отпрыски, руководившие проведением обрядов, гордились, что они с ним одной крови. Но Клеопатра чувствовала это острее, чем кто-либо из ее предшественников.

Будь она мужчиной, было бы легче осуществить свой план единолично владеть престолом, хотя до нее, как она прекрасно знала, Египтом правили многие представительницы слабого пола — от легендарных женщин-фараонов до самодержиц из птолемеевской династии. Ее единокровная сестра правила как самовластная царица, пока их низложенный отец не вернул себе трон, приказав немедленно казнить дочь. Уже в раннем детстве Клеопатра осознала, что в монаршем доме Птолемеев ближайшие родственники — самые опасные враги. В тот момент основной помехой для осуществления честолюбивых замыслов Клеопатры являлись двое малолетних братьев и сестра, люто ненавидевшие ее. Хотя все они считались божественного происхождения, Клеопатра всегда ходила в любимицах у отца, и перед смертью тот назвал ее своей наследницей вместе со старшим из двух братьев, как того требовала семейная традиция. И все-таки решение Клеопатры занять трон и пренебречь десятилетним братом, а заодно и его жадными до власти советчиками, управлявшими им, означало, что даже сейчас они плели заговоры с целью убрать ее с дороги.

Если жизнь в похожем на лабиринт дворце с интригами кланов и царедворцев представлялась небезопасной для всех четырех детей, то действительность за пределами укрепленных стен казалась ненамного лучше. Легко возбудимые жители Александрии нередко выказывали свое отношение к правителям бунтами и восстаниями, иногда предпринимая штурмы дворца и не останавливаясь перед убийством членов царской семьи. Только за семь лет до этого они свергли отца Клеопатры; его полное драматических событий возвращение при военной поддержке Рима опустошило египетскую казну. Хотя жители Александрии решительно выступали против римского вмешательства, не говоря уже о том, каких денег это стоило, лишь постоянное присутствие римского гарнизона во дворце могло служить гарантией безопасности для царя, снова занявшего свой трон.

Сейчас силы Рима находились там, где требовалось, и оставалось только ждать, когда Египет попадет к нему в руки так же легко, как и остальные средиземноморские территории некогда могучей империи Александра: Македония и Греция — в 146 году до н.э., Киренаика — в 96 году до н.э., Малая Азия и Сирия — в 65 году до н.э. и наконец Кипр — в 58 году до н.э. И после недавней кончины египетского царя во время неполного солнечного затмения, — безусловно, самого ужасного предзнаменования, — единственные, кто стоял на пути могущественного Рима к мировому господству, это семнадцатилетняя девушка и ее малолетний брат.

И вот настал момент, когда при таком неравенстве сил Клеопатра впервые заявила о своем праве называться «Великой». Преисполненная решимости любой ценой сохранить независимость страны, при поддержке ближайших советников она начала забирать власть в свои руки. Хотя александрийцы требовали вывода римских войск, размещенных в городе, подобный необдуманный шаг привел бы к полномасштабному военному конфликту, в котором истощенный Египет не смог бы выстоять. Не имея иного выбора, кроме

сохранения статус-кво, Клеопатра в глазах антиримски настроенных александрийцев выглядела соглашателем и стала такой же непопулярной, как ее отец. Вместе с тем она сознавала, что подлинная опора власти находится за пределами беспокойного греческого города на Средиземноморском побережье, что ее можно обрести в сердце древнего царства. Так начали складываться прочные отношения между Клеопатрой и народом Египта.

Новая царица сумела завоевать сердца и умы египтян во многом благодаря тому, что умела говорить на их языке, и как первая из своей династии, кто владел египетским языком, глубоко понимала их древнюю культуру. Выросшая во дворце, где образование было возведено до уровня искусства, она прекрасно знала историческое наследие, которое могло помочь раскрыть громадные ресурсы, необходимые для возрождения Египта и пополнения его богатств. По рекомендации греческих и египетских советников Клеопатра через несколько дней после восхождения на престол продемонстрировала уважение к местным традициям по случаю рождения далеко на юге, в Фивах, священного быка Бухиса, земного воплощения бога Солнца. Обряд помещения бога в храм уже тысячу лет совершался в Египте. Хотя он являлся не больше чем формальностью для предшественников царицы, мало что смысливших в эзотерических действиях и находившихся на них лишь по протоколу, Клеопатра решила не ограничиться присутствием на церемонии, а лично руководить ею.

Первой из монархов за несколько столетий она принимала такое активное участие в обрядах, которые придавали силу Египту, и на это решение ее вдохновило отношение к ритуалам Александра Македонского. Во время полугодового пребывания в Египте он тоже участвовал в совершении традиционных церемоний, почитая древних божеств и священных животных, вмещавших души самих богов. Вместе с тем Александр принес с собой и греческую культуру. Ос-

новав город на египетском побережье Средиземного моря, он наполнил его всеми элементами традиционной греческой культуры, которая постепенно распространилась на юг и преобразила страну.

Хотя греческая культура пустила корни в Египте при Александре, культурный обмен между Египтом и Критом начался более чем на две тысячи лет раньше. Иностранное влияние постепенно проникло на юг по Нильской долине, и длинноволосые минойцы в ярких юбках к 1500 году до н.э. дошли до Фив. Они везли с собой дары и перенимали архитектурный стиль египтян, их технологии и культы животных.

На часть греческого мира даже претендовали египетские правители — от воинственной царицы Ахотеп (ок. 1550 года до н.э.), которую называли «владычицей Северных островов» Эгейского моря, до Аменхотепа III (XIV век до н.э.), по-гречески Аменофиса, претендовавшего на Кносс, Родос и Микены. Первые археологи, проводившие раскопки в Тель-эль-Амарне, куда перенес столицу один из фараонов этой династии, а именно Эхнатон, установили, что найденные там микенские гончарные изделия относятся приблизительно к 1350 году до н.э., а такие же гончарные изделия, найденные на западном Средиземноморском побережье Египта, позволили сделать вывод, что там в конце второго тысячелетия до н.э. находилось поселение успешно торговавших греческих купцов.

К концу бронзового века около 1200 года до н.э. бурные события в районе Средиземноморья вызвали миграцию населения в Египет через Малую Азию, Сирию и Палестину. Согласно египетским источникам, эллины-ахейцы, данайцы и пиратствующие ликийцы, которых египтяне называли «народом моря», объединялись с ливийцами и неоднократно совершали нападения на Египет.

Остановленные последним великим воином-фараоном Рамсесом III, многие из вторгшихся ливийцев обосновались

в районе дельты Египта, а спустя некоторое время слабеющая монархия завербовала их в качестве наемников и переселила в другие места. После распада в 1069 году до н.э. Египта на два государства фараоны перебрались на север страны в город Джанет, расположенный в дельте и более известный под греческим названием Танис. Они рассчитывали в дальнейшем быть похороненными на территории, прилегающей к главному храму города, где оставались в неприкосновенности их наполненные золотом гробницы. Склепы же их предков в Долине царей далеко на юге, в Фивах, были разграблены не без участия жрецов Амона, правивших там в то время как самозванные жрецы-цари. Совершая перезахоронения царских останков в более безопасные части долины, они использовали любую возможность для возвышения своего статуса. Они оставляли некоторые мумии для захоронения рядом с собой и повреждали тела тех монархов, которые при жизни ограничивали их жреческое влияние, и таким образом сводили с ними счеты.

Пока фараоны севера договаривались о разделе власти со своими южными коллегами, их бывшие ливийские противники, осевшие в дельте, сами завладели тронem. Господствующее положение на севере страны давало им прямой выход в Средиземное море, район, где возникло так много греческих торговых колоний, что египтяне называли его «Греческим морем». Египет начал появляться в греческой литературе, и в эпических поэмах «Илиада» и «Одиссея» Гомер в VIII веке до н.э. писал, что Фивы — «град, в котором сто врат», «где богатства без сметы в обителях граждан хранятся»*.

Греки обычно совершали путешествия в Египет, чтобы своими глазами увидеть его богатства, однако две культуры

* Текст приводится по изданию: *Гомер. Илиада* / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича. — М.: Дюна, 1993, с. 147, строки 382—383. См. также: *Гомер. Одиссея* / Пер. с древнегреч. В. Жуковского. — М.: Дюна, 1993, с. 50, строки 120—137.

сближались и в совместной борьбе против экспансии на запад Ассирийской империи из района нынешнего Ирака. Захватив Египет в 671 году до н.э., ассирийцы вернулись двумя годами позже и разделились со всеми местными правителями, кроме саисского номарха Нехо I, поставив его править Египтом в качестве своего вассала. Его сын Псамтек I, более известный по греческому имени Псамметих, опирался на тридцать тысяч греческих наемников, размещенных на постоянной основе вдоль восточной границы Египта. Они обеспечивали оборону против иноземного вторжения и отбили нападение вавилонского царя Навуходоносора II в 601 году до н.э.

Сын Псамметиха Нехо II (610—595 гг. до н.э.) создал первый египетский флот из греческих триер, самых совершенных по тем временам боевых кораблей, и заставил замкнутую в себе культуру Египта обратить взор за Средиземное море. Этот саисский фараон поддерживал греческие торговые колонии в дельте, при нем начался экономический подъем Египта, в основном благодаря сооружению канала, соединившего Нил с Красным морем. Нехо II якобы даже направил морскую экспедицию вокруг Африки. В 592 году до н.э. его преемник послал греческие, египетские и иудейские войска на юг страны. Заложив храм Исиды на острове Филэ, они двинулись дальше на юг и дошли до Абу-Симбела, где находился вырубленный в скале храм. Надписи, высеченные здесь воинами, считаются древнейшими в Египте на греческом языке.

Тот факт, что саисцы вернулись к памятнику более шестисотлетней давности, свидетельствует, что они не намеревались забывать времена, когда Египет был мировой державой, с которой никто не мог сравниться. В ответ на неоднократные иностранные вторжения, приведшие к уничтожению большей части египетского наследия и унижению национального достоинства, саисцы делали все возможное, дабы вернуть былую славу. Они возродили ритуалы, обновили

рисунки в гробницах, реставрировали древние памятники, пирамиды и даже покоившиеся в них мумии легендарных монархов. Мумифицированные останки фараона Джосера из шестиступенчатой пирамиды в Саккаре заново обернули тканью и захоронили, а мумию из третьей пирамиды в Гизе, как было установлено, Микерина, перезахоронили в новом гробу. Такие тесные контакты с давно почившими предками подвигли саисцев на изменение способов бальзамирования как людей, так и животных. Хотя отдельных животных, например, священных быков, бальзамировали с давних времен, теперь эта практика стала применяться настолько широко, что буквально миллионы священных зверей, воплощавших то или иное божество, предлагались на продажу верующим. Так возникла отдельная, весьма доходная отрасль египетской экономики, а иностранцы воспринимали мумии животных как уникальные, своеобразные образцы египетской культуры.

Связи с греческим миром упрочились в особенности при саисском фараоне Амасисе, прозванном Филэллином после женитьбы на гречанке. Хотя он «очень любил выпить и пошутить и вовсе не имел склонности к серьезным занятиям»*, он тем не менее с помощью греков усилил флот и разместил в традиционной столице Египта Мемфисе тридцать тысяч греческих наемников. В этом крупном городе в верховье дельты Амасис расширил большой храм бога-творца Птаха. Его название «Хет-ка-Птах», что значит «Дворец души Птаха», в устах греков превратилось в Айгуптос, а в наших — в Египет, но уже не как название города, а всей страны.

При Амасисе преобразился и его родной город Саис, в котором гробницы предков из его династии были сооружены в храмовом комплексе богини-созидательницы Нейт. Ей поклонялись как матери Солнца, создавшей мир своим сме-

* Здесь и далее текст приводится по изданию: *Геродот. История* / Пер. Г.А. Стратановского. — М.: АСТ, 2006, с. 175.

хом, но она в любой момент могла разрушить его своим громовым голосом. Этой богине также поклонялись в поселении греческих купцов Навкратисе, которые жертвовали этому культу десять процентов всех товаров, ввозимых в Египет через единственный официально разрешенный коридор.

Навкратис как магнит притягивал к себе иностранцев, не только потому, что был торговым центром, владевшим монополией на импорт греческих товаров. Некоторые выдающиеся личности в греческой истории приезжали в Египет, чтобы перенять его мудрость. В их числе были государственные деятели, такие как афинский законодатель Солон и спартанец Ликург, литературные гиганты Пиндар и Еврипид, философы Пифагор, Евдокс, Платон и Анаксагор. Последний особенно интересовался ежегодными разливами Нила. Поэтому нет ничего удивительного, что греки дали название великой реке Египта, которая до этого называлась просто «большая река», или «па-итеру-аа». Там, где начинается дельта, она разделяется на меньшие рукава — «реки», то есть «на-итеру». Из этого слова в итоге выпало «т», а египетское «р» было заменено на греческое «л». В результате возникло название реки — Нейлос. Даже крылатое выражение «Египет — это дар Нила» принадлежит греческому историку Гекатею. В своей несохранившейся работе, обычно называемой «Агугжтлака» («История Египта»), он отмечал, что район египетской дельты — «дар реки».

Геродот, посетивший Египет пятьюдесятью годами позже, сделал в основном такие же наблюдения, что и Гекатей до него. Оба историка бывали в одних и тех же местах, и их сопровождали местные жрецы — хранители древней культуры, которые могли перевести содержание рисуночного письма, названного «иероглифами» (от греческого hieros — священный и glyphe — то, что вырезано). В Карнаке им обоем показывали Большой гипостильный зал в храме, где между громадными колоннами стояли статуи царей и вер-

ховных жрецов. От своих гидов оба посетителя узнали, что со времени первого фараона Менеса сменилось 341 поколение. Подчеркивая культурное превосходство своей страны в силу ее древности, жрецы Саиса даже сказали одному афинскому политику, что он и его соотечественники — просто дети, поскольку у них такая короткая история.

Хотя греки продолжали считать Египет колыбелью цивилизации, жрецы которого приняли власть от самих богов, некоторые привычки им казались совершенно невероятными, ибо, как писал Геродот, «нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов»*. Это особенно проявлялось в отношении женщин. Если респектабельные гречанки выходили из дома лишь в исключительных случаях и то закутанными с головы до пят, то египтянкам разрешалось отлучаться из дома. Как отмечал Геродот, они «ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут»**. Грекам казалось еще более странным, что в Египте «мочатся женщины стоя, а мужчины сидят»***. Не могут не вызвать улыбку эпитеты, которыми греки награждали египтян: «пожиратели крокодилов и папируса». Характерные надгробные сооружения — по-египетски «мер» — стали называть «пирамис» по аналогии с небольшими греческими хлебцами, а высокий каменный монолит «техен» получил название «обелиск», что значит «вертел».

Когда могущественная Персидская империя, наследница Ассирии и Вавилона, начала экспансию на запад, народы Южной Европы и Восточного Средиземноморья вдруг осознали свою «эллинистичность». Они возомнили о себе, что имеют превосходство над всеми не говорящими по-гречески «варварами», персов заклеили как изнеженных трусов в штанах, а Троянскую войну представляли в качестве дока-

* Геродот. Указ. соч., с. 120.

** Там же.

*** Там же.

зательства греческого превосходства над более слабыми восточными соседями. Иногда в число последних включали египтян, якобы уже утративших свою таинственность в силу того, что с ними давно поддерживались тесные отношения, однако потребность во взаимной поддержке против общего врага оставалась.

Когда персидский царь Камбис захватил Египет в 525 году до н.э. и казнил последнего саисского фараона, он приказал выбросить из усыпальницы тело его предшественника Амасиса и подвергнуть его наказанию и бичеванию. Поскольку «набальзамированное тело, несмотря на все их усилия, не распадалось, Камбис приказал предать мумию огню»*, чтобы лишить душу фараона ее физического пристанища. Потом он, высмеивая культ быка Аписа, сказал жрецам: «Жалкие вы людишки! Разве это боги?»** Он нанес смертельную рану животному и велел высечь жрецов.

Вопреки подобным сообщениям греков персы успешно правили Египтом, используя гражданских чиновников, оставив большинство из них на своих постах, но заменив фараона наместником персидского царя. Повсюду вплоть до Элефантины на юге были дислоцированы военные гарнизоны, оживилась торговля благодаря возобновлению навигации по каналу, соединявшему Нил с Красным морем, и широкому использованию верблюдов в качестве транспортного средства.

Хотя Персия завладела всеми греческими колониями в Малой Азии, городу-государству Афины досталась убедительная победа в битве при Марафоне в 490 году до н.э., и, несмотря на то что город подвергся позже разграблению во время ответной атаки, грекам удалось нанести ряд серьезных поражений персам на суше и на море. Греки также помогли египтянам изгнать персидских оккупантов, что было увеко-

* Геродот. Указ. соч., с. 187.

** Там же, с. 192—193.

вечено египтянами в батальном эпосе в стиле Гомера, однако персы вскоре вернулись. В то время как греки увязли в своих междоусобных конфликтах и между Афинами и Спартой велась Пелопоннесская война 431—404 годов до н.э., изолированный Египет вновь оказался под персидским господством и пережил серьезный культурный упадок. После окончания войны Греция снова пришла ему на помощь и придала дельте мужества подняться на борьбу.

Города Саис и Мендес провозгласили независимость, отразив нападения персов с помощью греческих сил под командованием Хабрия. Подлинное возрождение началось в 380 году до н.э., когда египетский полководец Нахтнебеф, более известный по греческому имени Нектанеб, провозгласил себя фараоном (380—362 гг. до н.э.). Эта последняя египетская династия, имевшая резиденцию в городе Себенит в дельте, возродила национальную гордость, древнее искусство, построила многочисленные храмы и способствовала распространению культа священных животных, среди которых на первом месте находился бык Апис из Мемфиса. Хотя персы снова вторглись в Египет в 373 году до н.э., они опять были разбиты.

Нектанеб I, проводивший ярко выраженную прогреческую политику, женился на гречанке Птолемаиде, родственнице Хабрия. Родившаяся от их брака дочь, когда выросла и превратилась в решительную и образованную девушку, удостоилась чести возглавить экспедицию на юг в район Акмима на поиски новых каменоломен. Хотя ее имя в истории не сохранилось, остался ее официальный титул в вырубленном в скале храме, реставрированном в XIV веке до н.э. фараоном Эйе, отцом знаменитой Нефертити. Ее возвышенный титул дочь Нектанеба взяла себе: «Унаследовавшая знатность, великая милостью, красотой и любовью, государыня Верхнего и Нижнего Египта, владычица Обеих Земель».

Нектанеба I на троне ненадолго сменил его сын Джедхор. Он первым из фараонов начал чеканить монеты. До этого экономика Египта основывалась на бартерной торговле. Джедхора сместил его племянник Нектанеб II (360—343 гг. до н.э.). После того как в 350 году до н.э. он отразил при содействии Афин и Спарты новое вторжение многочисленных сил персов, его стали боготворить повсюду в Египте. Попытки Нектанеба II вернуть былую славу страны путем возрождения ее мощи совпали с общенациональным стремлением создать «магическую оборону» против персидской угрозы. Однако и эти ритуальные заклинания не помогли легендарному Нектанебу II избежать поражения в 343 году до н.э., после которого Египет снова вошел в состав Персидской империи. Такие города, как Гелиополь и Мендес, подверглись разрушению вместе с гробницами царей, пытавшихся противостоять персидскому правлению, а многих представителей правящих классов увезли в Персию. Самому Нектанебу удалось бежать на юг, в Нубию, хотя ходили слухи, будто еще в то время, когда он находился у власти, он уплыл в Северную Грецию. Там во исполнение предсказания, что македонская царица Олимпиада скоро родит сына от Зевса, главного греческого бога, Нектанеб якобы под видом божества соединился с ней, и она родила от него сына, что очень соответствовало духу традиционных египетских легенд о божественном зачатии. Согласно мифу, ребенок, которого она назвала Александром, должен был стать преемником последнего египетского фараона.

Несмотря на жестокость своего правления, персы продержались немного более десятилетия, прежде чем сам Александр в 332 году до н.э. прибыл в Египет, чтобы заявить права на свое легендарное место рождения. Встреченный населением, жаждущим избавления от ненавистных персов, как спаситель и законный наследник Нектанеба II, он положил начало трехсотлетнему греческому правлению, куль-

минацией которого станет выдающаяся личность самой Клеопатры.

Появившаяся на свет в Египте у потомков македонян, Клеопатра получила традиционное македонское имя, начинающееся на «к» в своей исходно греческой форме. Хотя это имя обычно переводят как «слава отца», более точно его смысл можно передать, по утверждению Дж. Уайтхорна, словосочетанием «овейная славой предков». А предки у нее были действительно прославленные. С древних времен известны по меньшей мере тридцать три Клеопатры, и ее знаменитое имя корнями восходит к мифам и силам природы. Первая Клеопатра была дочерью северного ветра Борея. Мифологическое происхождение имени также ассоциируется с дочерью царя Мидаса, а первая историческая Клеопатра могла доводиться сестрой настоящему Мидасу, царю Фригии (Центральная Турция). Эта Клеопатра вышла замуж за первого исторического македонского царя Пердикку (670—652 гг. до н.э.). Жившие, как считалось, на задворках цивилизованного мира и в географическом, и в культурном отношении, македонцы населяли самую северную часть Греции, граничившую с землями скифов и Фракией, где татуированные воины все еще коллекционировали головы своих врагов. Когда македонская знать сама не воевала, она занималась охотой, развлекалась, устраивала пиршества, продолжавшиеся не один день кряду.

В Македонии правили цари, а большая часть Греции перешла к демократии. Южные соседи Македонии относились к ее жителям как к полуварварам и считали их диалект трудным для понимания, хотя македонцы говорили на греческом, имели греческие имена и поклонялись греческим богам, чья мифологическая обитель находилась на заснеженной горе Олимп, возвышавшейся на границе Македонии. Ее ранние правители вели свое происхождение от сына Зевса Македона с VII века до н.э. У них были приняты полигамные и кровосмесительные отношения. Военная верхуш-

ка решала, кто должен наследовать престол. Обычно он переходил к старшему сыну царя. В таких случаях не обходилось без угроз, подкупов и убийств. Поэтому главной задачей царя явилось устранение соперников и произведение на свет наследника.

После вступления в брак с первым историческим царем Македонии Пердиккой I первая историческая Клеопатра стала матерью царского дома, остававшегося вассалом Персии, пока он не перешел на греческую сторону после великой победы Афин в битве при Саламине в 480 году до н.э. На протяжении следующего столетия девять царей правили беспокойной Македонией. Обстановка несколько стабилизировалась при Архелая (413—399 г. до н.э.), который перенес столицу из Эг в прибрежную Пеллу, тем самым обеспечив необходимый выход в Эгейское море. После того как Пелла превратилась в многонациональный город и царскую резиденцию, а афинские мастера украсили ее мраморный дворец фресками и мозаикой, Архелай стал приглашать к своему двору выдающиеся умы того века. Хотя афинский философ Сократ отклонил приглашение, в число тех, кто принял царское покровительство, входили поэт Пиндар, Гиппократ, считающийся отцом медицины, и великий драматург Еврипид, написавший свой шедевр «Вакханки» под впечатлением от своего нового пристанища и его кровавой истории.

После убийства Архелая и окончания то затихавшей, то разгоравшейся с новой силой гражданской войны Аминта III (392—370 г. до н.э.) укрепил оборону Македонии против Иллирии на западе и женился на иллирийской царевне Эвридике, которая родила ему трех сыновей. В обстановке постоянной вражды в царской семье оборвалась жизнь Аминты и его старшего сына. Вероятно, к их смерти были причастны Эвридика и ее любовник, а когда ее второй сын умер от ран, полученных в сражении с иллирийцами, третьего и младшего сына Филиппа, которому исполнилось двадцать

четыре года, в 359 году до н.э. избрали царем. Избавившись от других претендентов на трон освященным веками способом, Филипп II (359—336 гг. до н.э.) разгромил иллирийцев и годами вел войны. В сражениях он потерял правый глаз, у него были изуродованы рука и нога. Но Македония в результате упорной борьбы из небольшого царства, раздираемого междоусобицами, превратилась в мировую державу.

Филипп находил время для чрезвычайно сумбурной бисексуальной любовной жизни, включая юношеские забавы и со своей троюродной сестрой Арсиной, и с не менее чем семью женами. Самой известной из них была Миртала из Эпира (современная Албания), с которой он встретился во время ночной мистерии плодородия на открытом всем ветрам острове Самофракия. При совершении бракосочетания ей дали имя Олимпиада, чтобы отразить божественность земли, ставшей ее новым домом. Ведущая свое происхождение от морской богини Фетиды, матери греческого героя Ахилла, Олимпиада особо почитала Зевса и его сына Диониса, бога виноделия и воплощения жизненных сил природы. Служительницы Диониса впадали в состояние полного неистовства, и Олимпиада исполняла таинства Диониса с ручными змеями, которые «наводили страх на мужчин, когда, выползая из-под плюща, <...> они обвивали тирсы и венки женщин»*.

И все же, несмотря на власть, которой она обладала как царица, Олимпиаде приходилось считаться с другими детьми ее мужа: сыном от его третьей жены Филиппом Арридем и дочерью от второй — Кинаной, сражавшейся бок о бок со своим отцом. Хотя Олимпиада произвела на свет такую же воинственную дочь Клеопатру, вершиной ее достижения был сын Александр, известный в истории как Великий и считавший себя отпрыском Зевса, как это внушила ему мать.

* Здесь и далее текст приводится по изданию: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 2 т. Т. 2. — М.: Наука, 1994, с. 117.

Александр родился в июле 356 года до н.э. в тот самый день, когда в Эфесе сгорел храм Артемиды, потому что богиня отлучилась, очевидно, для того чтобы помогать его матери при родах. Уже в семилетнем возрасте мальчик проходил военную подготовку, а первый боевой опыт приобрел в четырнадцать лет. Юноша Александр с внешностью девушки, длинными волнистыми волосами, был «очень светлым, и белизна его кожи переходила местами в красноту»*. Он брал пример со своего предка Ахилла, главного героя «Илиады», строка из которой «тщиться других превзойти, непрестанно пылать отличиться»** стала для него чем-то вроде девиза. С детства Александр пристрастился к чтению и хорошо знал историю и культуру стран, находившихся далеко за пределами Греции. Однажды, когда в отсутствие отца прибыли персидские послы, Александр, «не растерявшись, радушно их принял; он настолько покори́л послов своей приветливостью и тем, что не задал ни одного детского или малозначительного вопроса, а расспрашивал о протяженности дорог, о способах путешествия в глубь Персии, о самом царе — каков он в борьбе с врагами, а также о том, каковы силы и могущество персов»***, иначе говоря, проявляя осторожное любопытство, старался получить разведывательную информацию, которая могла пригодиться во время его будущих походов.

Образование сына Филипп поручил в то время малоизвестному фракийскому философу Аристотелю, который учился у Платона в Афинах и чей отец был врачом в семье Филиппа. Новоиспеченный наставник перебрался в Македонию, там ему предоставили хороший дом и условия для преподавания. Несмотря на расхождения его республиканских взглядов с принципами монархии, которой он служил, Аристотель говорил, что «мудрец будет и предаваться люб-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 117.

** *Гомер*. Илиада, с. 104, стих 208.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 118.

ви, и заниматься государственными делами, и вступать в брак, и жить с царями»*.

Политическое учение Аристотеля вооружило Александра знаниями об управлении государством, а идеал высоко принципиальной «добродетельной души» послужил ученику примером для подражания. Александр любил читать Гомера и даже в походах не расставался со списком «Илиады», исправленным Аристотелем. Интерес царевича к научным исследованиям нашел отражение в том, что из своих походов он посылал своему наставнику образцы флоры и фауны.

Между тем совет Аристотеля заботиться о греках «как о друзьях и близких, а к варварам относиться, как к животным и растениям» совпадал с убежденностью греков в своем превосходстве над другими народами. Аристотель сравнивал рабов с «одушевленными орудиями»** и с таким же успехом мог утверждать, что мужчины превосходят женщин, которые со своими высокими голосами, как у евнухов, представляют собой отклонение от нормы. Как писал Аполлодор Афинский, женщин греки подразделяли на три основные категории: куртизанок, служивших для наслаждений, наложниц — для ухода за телом и жен для законного продолжения рода и ведения домашнего хозяйства. Все это объясняло, почему в греческом обществе «респектабельные» женщины практически не выходили из дома.

Хотя Аристотель придерживался мнения, что самые важные отношения для мужчин — это отношения с мужчинами, привязанность Александра к Гефестиону, его бывшему соученику и другу на всю жизнь, была в равной степени реакцией на неразборчивые отношения отца Филиппа и пробле-

* Текст приводится по изданию: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. с древнегреч. М.Л. Гаспарова. — М.: Танасис, 1995, с. 215.

** Текст приводится по изданию: *Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 4* / Пер. с древнегреч. А.И. Доватура. — М.: Мысль, 1984, с. 381.

мы, вызванные появлением многочисленных отпрысков в результате этих отношений. Считалось, что другой соученик, Птолемей, доводился Александру единокровным братом, поскольку его мать Арсиноя, царица и троюродная сестра Филиппа, была одной из его многочисленных любовниц, пока ее не выдали замуж за незнатного землевладельца по имени Лаг. Согласно древним источникам, «македоняне считают Птолемя сыном Филиппа, внуком Аминты, официально же называют сыном Лага; дело в том, что, по их словам, Филипп выдал мать Птолемя замуж за Лага, когда она уже забеременела им»*. Птолемей, по свидетельству древнеримского историка Квинта Курция Руфа, «был связан с царем кровным родством, утверждали даже, что он был сыном Филиппа»**, и даже «Олимпиада также давала понять, что Птолемей родился от Филиппа»***, — факт, по поводу которого сам Птолемей не распространялся из уважения к матери.

В 340 году до н.э. Филипп назначил шестнадцатилетнего Александра регентом. После подавления восстания фракийских племен силами под командованием юноши отец и сын вместе боролись за объединение всей Греции перед началом войны с главным противником — Персией. Аналогичные долгожданные панэллинистические походы против нее в отместку за захват Греции всегда заканчивались внутренними распрями, когда Афины и Спарта оспаривали первенство в борьбе, и сейчас они не соглашались, чтобы Македония выступала во главе объединенных греческих сил. Возник

* Текст приводится по изданию: *Павсаний*. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1 / Пер. С.П. Кондратьева. — СПб.: Алетейя, 1996, с. 29.

** Текст приводится по изданию: *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. — М.: Изд-во МГУ, 1993, с. 220.

*** См.: *Alexander Romance in Chugg A.M. The Last Tomb of Alexander the Great*. — London: Richmond Editions/Periplus, 2004, p. 52. Дж. Бинген считает, Птолемей сам распустил этот слух. См.: *Bingen J. Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture*. — Edinburgh: EUP, 2007, p. 18.

антимакедонский блок, по иронии судьбы финансируемый заклятым врагом — Персией. Возглавил коалицию афинский оратор Демосфен, который в своих саркастических, направленных против Филиппа речах, «филиппиках», говорил, что он не только не настоящий грек, но к тому же из «неуважаемой» страны. Тем не менее Филипп вскоре разгромил коалицию враждебных государств и заручился их поддержкой против Персии, пообещав освободить афинских пленных. Александр также вернул прах павших во время своего единственного посещения Афин, где были поставлены статуи «Филиппу и его наследнику на вечные времена».

Когда все уже было готово к великому походу, планы Филиппа вдруг изменились из-за возникновения внутри царства угрозы стабильности. Отчужденные отношения Филиппа с Олимпиадой переросли в открытую вражду, после того как он женился на Клеопатре, молодой племяннице придворного, и дядя невесты выразил надежду, что скоро появится наследник чисто македонской крови. Это так возмутило Александра, что он затеял драку, а потом покинул двор, направившись с матерью в Эпир, где царствовал ее брат. Когда у Филиппа и его новой жены стали появляться наследники престола, царь Эпира упрекнул своего македонского зятя, что тот оскорбил честь его семьи. Филипп тогда сделал ловкий ход, предложив ему жениться на царевне Клеопатре, восемнадцатилетней сестре Александра и племяннице эпирского царя.

После того как это предложение было принято и ситуация дома в достаточной мере стабилизировалась, Филипп послал передовой отряд в Малую Азию и спросил оракула в Дельфах, победит ли он персидского царя. Получив неопределенный ответ «Бык увенчан; конец его близок, и есть совершитель»*, он истолковал это как подтверждение его близкого успеха. Но жертвенным быком оказался сам Фи-

* Павсаний. Указ. соч. Т. 2, с. 184.

липп. Когда жарким летним днем 336 года до н.э. в Эгах собрались гости на свадьбу дядюшки с племянницей, Филиппа убил Павсаний, которого закололи телохранители царя. Одни предполагали, что он действовал в одиночку, желая отомстить за нанесенные ему обиды, другие считали, что покушение организовала Олимпиада, чтобы освободить трон для своего сына. Лежала ли на ней вина или нет, царица не оставила никаких сомнений в своих чувствах, открыто возложив золотой венец на голову мертвого убийцы и сделав жертвоприношения. О готовящемся заговоре скорее всего было широко известно, поскольку оратор Демосфен объявил об этой новости в далеких Афинах почти сразу после произошедшего. Как только разнеслась весть об убийстве, встал вопрос об избрании нового царя. Войско остановило свой выбор на сыне Олимпиады, и его надлежащим образом возвели на престол как Александра III.

По македонской традиции Филиппа кремировали, и ритуал совершал его сын. Прах собрали и положили в золотой ларь со звездой македонского дома, который надлежало захоронить с роскошными погребальными атрибутами в царском некрополе в Эгах. Людей из ближайшего окружения убитого царя предали на суд войска под председательством Александра. Всех телохранителей оправдали, а родственников последней жены Филиппа — Клеопатры признали виновными и казнили на его могиле. Хотя суд помиловал саму Клеопатру, ее и дочь убили по приказу Олимпиады. Если верить более поздним источникам, их сварили заживо. Олимпиада могла также иметь отношение к судьбе одного из старших сыновей Филиппа — Арридея, чей недуг «не был врожденным и возник не сам собой: рассказывают, что когда Арридей был ребенком, у него проявлялись добрые и благородные наклонности, но потом Олимпиада при помощи всяческих зелий довела его до того, что он лишился рассудка»*.

* *Плутарх. Указ. соч., с. 164.*

Когда обстановка дома наладилась, Александр обратил взор на Грецию, многие города которой отказывались признавать его, пока он с македонской армией не подходил к их воротам. Несмотря на попытки Демосфена распространять ложные слухи, будто он погиб, покоря кельтские земли на Адриатическом море, Александр вернулся и снова установил свою власть. Афины уже были не в состоянии спорить, и Александра наконец признали верховным командующим греческих сил все, кроме Спарты, продолжавшей настаивать на том, что первенство в осуществлении военного командования должно принадлежать ей. Тогда Александр решил обратиться к дельфийскому оракулу. Хотя Александр прибыл в неблагоприятный день, когда не представлялось возможным встретиться с оракулом, он схватил за руку жрицу, чтобы силой притащить ее в храм. Она раздраженно воскликнула: «Ты непобедим, сын мой!»* Александр воспринял ее слова как предсказание своих будущих успехов.

Назначив вместо себя править Македонией умелого полководца Антипатра, весной 334 года до н.э. Александр наконец выступил против Персии во главе объединенных сил, состоящих из сорока тысяч пехотинцев и шести тысяч всадников. Достигнув Геллеспонта, войско переправилось через узкий пролив из Европы в Азию. Александр принес в жертву быка богу моря Посейдону и nereидам, вылил в воду вина и первым спрыгнул с корабля на берег. Метнув копье, которое воткнулось в песок, он сказал, что вся Азия «на конце его копья». Потом Александр повернул в сторону Трои, легендарного города гомеровской «Илиады», где оставил свое вооружение, а взамен взял кое-что из древнего оружия, сохранившегося еще от Троянской войны. Возложив венки на могиле Ахилла, Александр просил богов дать ему силы легендарного предка для предстоящих сражений.

* *Плутарх*. Указ. соч., с. 124.

Ознакомительную экскурсию пришлось прервать, когда пришло известие, что персы сосредотачивают силы на берегу реки Граник к востоку от Трои, чтобы взять Александра живым или мертвым. Македонский царь повел войска в бой на своем знаменитом коне Буцефале (что значит «Бычья голова»). В ожесточенной битве персы были разбиты, и Александр отправил в Афины триста брошенных ими щитов в дар богине Афине-Палладе, повелев сделать такую надпись: «Александр, сын Филиппа, и все эллины, кроме лакедемонян, взяли от варваров, обитающих в Азии»*. Остальную добычу он послал матери в Пеллу и тем самым моментально ликвидировал долг в пятьсот талантов, оставленный Филиппом (1 талант равен 26 килограммам серебра).

Повсюду в греческих колониях Малой Азии Александра встречали как освободителя. В Эфесе все налоги, которые прежде горожане платили Персии, он велел отдавать Артемиде, чей храм все еще восстанавливался, после того как он был сожжен в день его рождения. Серьезное сопротивление войска Александра встретили только в Милете. Надежды его жителей на персидский флот не оправдались. Город был осажден и взят штурмом.

Когда эллины заняли все побережье, а персидский флот лишился способности действовать, Александр восстановил на престоле в Галикарнассе царицу Аду, свергнутую ее братом. Македонец даже стал называть ее матерью, в то время как его настоящая мать Олимпиада продолжала держать в своих руках власть в Македонии, к великому неудовольствию регента Антипатра.

Повернув на юг, Александр пересек Анатолию и вышел на Киликийскую равнину. К тому времени он оправился после лихорадки и неудачной попытки отравления (не без участия персов) и был готов встретиться с самим персидским царем. Дарий III, взбешенный, что македонский выскочка

* *Плутарх*. Указ. соч., с. 126.

проник слишком далеко на территорию его империи, двинулся против Александра с огромной армией численностью шестьсот тысяч человек, имея десятикратное превосходство над ним.

Ноябрьским утром 333 года до н.э. оба войска встретились при Иссе недалеко от Тарса. Александр, снова сражавшийся во главе конницы, сминая ряды персидских войск, пробивался к Дарию, который стоял на золоченой боевой колеснице в окружении отборных воинов-телохранителей. Дарий не выдержал натиска и «обратился в бегство»*, ибо «не было человека, который бы вел себя на войне так трусливо и неразумно»**. Это послужило сигналом к общему отступлению персов. Они проиграли сражение, потеряв сто десять тысяч человек убитыми, и такая численность потерь за один день боев оставалась непревзойденной до начала XX столетия. Спасаясь бегством, Дарий бросил в лагере огромные богатства на сумму три тысячи талантов. Для персидского царя это была разменная монета, но Александр никогда не видел таких денег. Он захватил даже «наполненную драгоценностями палатку Дария со множеством прислуги и богатой утварью»***. Уставший после битвы Александр направился в купальню и нежился в огромной ванне из золота, вдыхая «удивительный запах душистых трав и других благовоний»****, а потом он и его соратники пировали, возлежа на роскошных ложах.

Дарий бросил даже свою мать, сестру, бывшую ему женой по персидскому обычаю, и детей, к которым Александр отнесся с глубоким уважением, однако отклонив предложение Дария о заключении союза в ответ на возвращение близких. Александр также решил не преследовать противника в глубь

* Здесь и далее текст приводится по изданию: *Арриан. Поход Александра*. — М.: Миф, 1993, с. 69.

** Там же, с. 93.

*** *Плутарх. Указ. соч.*, с. 128—129.

**** Там же.

персидской территории, а предпочел утвердиться в Восточном Средиземноморье. Египет все еще находился во власти персов, и они могли ударить с тыла. Поэтому Александр должен был захватить Финикию и Египет, прежде чем двигаться на восток. Хотя большинство финикийских городов вдоль побережья современной Сирии и Палестины желали избавиться от персидского владычества, потребовалась полугодовая осада и штурм Тира с использованием осадных машин, катапульт и установленных на судах стенобитных машин. Во время аналогичной осады Газы, находившейся дальше к югу, была захвачена огромная добыча, в том числе шестнадцать тонн ладана и мирра.

Когда второй посол от Дария предложил Александру всю Малую Азию к западу от Евфрата, руку его дочери и десять тысяч талантов, полководец ответил, что он уже владеет этими землями и деньгами и может жениться на дочери Дария без его согласия. Зная, что Дарию понадобится значительное время для сбора новой армии, Александр чувствовал себя уверенно, решив идти дальше на юг, в Египет, где он остался на шесть месяцев. Александру предстояло осуществить как стратегические, так и коммерческие планы, поскольку для плаваний по Средиземному морю требовалась сильная береговая база, которая позволила бы завладеть морской торговлей, прежде контролируемой персами.

Пока его ближайший друг Гефестион с флотом плыл вдоль берега, Александр за неделю прошел расстояние в сто тридцать миль от Газы до египетской границы. В конце октября 332 года до н.э. он вступил в укрепленный пограничный город Пелусий. Никто не оказывал ему сопротивления; персидский сатрап Египта просто передал ему казну. Приказав флоту следовать за ним на юг по восточному рукаву дельты, Александр отправился во главе войска по суше. Перед ним лежала земля храмов и гробниц, построить которые, казалось, было не под силу человеку. И все же, при всей своей таинственности, Египет не был совсем уж неизвестен Алек-

сандру. Еще в детстве он слушал рассказы матери об экзотических богах, а позднее, как и многие его современники, читал произведения греческих путешественников, служившие путеводителями для последующих поколений.

Когда позади остался лагерь первых греческих наемников, македоняне вошли в Бубастис, по-египетски Пер-Бастер, то есть «дом Бастет» — богини, чьим священным животным была кошка. Наряду с Исидой она почиталась как богиня плодородия. При совершении посвященных ей обрядов верующие женщины пили и танцевали под звуки систра. Далее лежал Юну, называвшийся греками Гелиополь. Этот некогда великолепный «город Солнца» за десятилетие до прихода Александра частично разрушили персы, когда устанавливали здесь свое господство. На земле еще лежали обожженные огнем гранитные обелиски, но громадный храм за городом, казалось, не пострадал. В храме с массивными колоннами трижды в день в течение трех тысячелетий поклонялись первоначальному творцу, богу Солнца — Ра, душа которого все еще присутствовала в его священном быке Мневисе.

Переправившись на западный берег Нила и ступив на землю мертвых, македонская армия подошла к самым известным чудесам древнего мира — великим пирамидам Гизы, в то время еще облицованным сияющими белыми известняковыми плитами. Эти памятники, насчитывавшие более двух тысяч лет, произвели на Александра такое сильное впечатление, что он объявил о намерении воздвигнуть памятник на могиле отца, «не уступающий величайшим пирамидам Египта»*. Но с Гизы только начиналась земля пирамид, тянувшаяся на многие мили. Продвигаясь дальше на юг, воины Александра проходили мимо пирамид и храмов солнца в Абусире, могли видеть возвышавшиеся на крутых

* См.: *Andronicos M. Vergina: the Royal Tombs and the Ancient City.* — Athens: Ekdotike Athenon, 1988, p. 229.

откосах пирамиды Саккара, и так до конечного пункта маршрута — Мемфиса, традиционной столицы Египта.

Под всеобщее ликование Александр вступил в великий город. Египтяне приветствовали его как спасителя и освободителя от персидского ига. В течение многих лет чужеземный царь, восседавший на троне за тридевять земель, грабил их богатства, проявлял неуважение к их традициям и жесточайшим образом подавлял восстания. И теперь явился другой царь, вполне реальный и зримый, который всячески демонстрировал уважение к ним и их стране. Египтяне видели в Александре фараона по праву победителя, и его признал таковым верховный жрец города Маатранефер. Представитель национальной знати, наследственный верховный жрец Мемфиса являлся духовным лидером Египта, чьи тесные отношения с монархией служили гарантией стабильности в стране. Мудрые цари поощряли этот союз, ибо, как заметил сам Платон, «в Египте царь не может без жреческого сана осуществлять правление»*.

Основой их власти в Мемфисе служил культ бога-творца Птаха. В его громадном храме находились многочисленные изображения фараонов, которым продолжали поклоняться, в том числе Имхотепу — строителю первой пирамиды в Египте. Почитаемый греками как Имуфес, он считался столь же мудрым, как богиня Исида. Ей также поклонялись как матери быка Аписа и как священной корове Мемфиса. Корова и бык содержались в золотом стойле в храме, им делали пожертвования, а карлики танцевали перед ними.

Желая отдать им дань уважения, подобно последнему египетскому царю Нектанебу II, Александр, вероятно, хотел почтить и всех предшественников быка, которые после смерти становились единым целым с Осирисом, владыкой загробного мира. Быка как Осириса-Аписа, или Ссраписа, чей

* Платон. Законы. Политик, 290 d—e / Пер. С. Шейнман-Топштейн. — М.: Мысль, 1999.

культ широко распространился во времена Александра, бальзамировали и хоронили в разветвленной сети катакомб, называемых Серапейон. Они находились под песками Саккары высоко над городом. К этому месту паломники вроде Александра шли по двухкилометровой мощеной дороге между рядов стоящих по обеим сторонам сфинксов. Она вела из города через долину с пышной растительностью и поднималась на крутой обрыв, где начиналась пустыня. Тем не менее Саккара не выглядела тихим кладбищем. Вокруг пирамид, гробниц и молелен, насколько хватало глаз, шла торговля похоронными принадлежностями. Группы чужестранцев бродили между рядами торговцев всякой всячиной. *Фегойи*, что значит «носители богов», катили тележки с небольшими мумиями животных к месту их погребения. Заунывное бормотание жрецов время от времени заглушалось воплями профессиональных плакальщиц, рвущих на себе волосы и бьющих себя в грудь в освященной веками манере.

Миновав пирамиды самой ранней постройки, сооруженные божественным Имхотепом, дорога тянулась дальше к скоплениям меньших по размеру пирамид и длинным улицам, образованным гробницами. За ними начинался Серапейон. Там, где яркое солнце отступало перед мраком подземных камер, на сотню метров тянулись огромные галереи. По сторонам были вырыты большие ниши, в которых хоронили священных быков в гранитных саркофагах. Каждый из них украшался драгоценными камнями и цветами, а стены были исписаны молитвами царей и простолудинов, отдававших дань уважения всем в совокупности душам Аписа.

Здесь находились гробницы не только быков. По традиции фараонов, похороненных рядом с храмом после прихода в упадок Долины царей, на территории, примыкавшей к Серапейону, столь великолепно отреставрированному при последней египетской династии, построили усыпальницу и для Нектанеба II, последнего египетского царя. После бег-

ства фараона из страны в 343 году до н.э. саркофаг, высеченный для него из зеленого камня и украшенный прекрасными изображениями бога Ра в царстве мертвых, так и остался в центре погребальной камеры пустым и невостребованным подобно горькому напоминанию о былой славе Египта.

Итак, признанный преемником Нектанеба II, Александр был преисполнен решимости положить начало новому золотому веку, и в ноябре 332 года до н.э. в тронном зале храма Ра его официально провозгласили фараоном Верхнего и Нижнего Египта. Возлагая ему на голову двойную красно-белую корону, верховный жрец Маатранефер назвал его «Гором, сильным правителем, вырвавшим страну из рук иноземцев». Ему дали имя Мериамон Сетепенра, что значит «возлюбленный Амона и избранник Ра», которое было написано иероглифами в двух защитных овальных картушах. Как «избранник Ра» он стал частью традиции, уходившей корнями в век пирамид, а эпитет «возлюбленный Амона», верховного божества, отождествлявшегося с греческим Зевсом, укрепил в нем веру в то, что божественный статус — нечто большее, чем принятие желаемого за действительное. После коронации началось празднество на македонский манер с вином, гимнастическими и литературными состязаниями. Затем Александр обосновался во дворце Мемфиса, став обитателем «большого дома», или «пер-аа», от которого произошло слово «фараон».

В течение последующих двух месяцев Александр наметил военные и экономические планы. На регулярных встречах с местным жречеством и учеными мужами царь обсуждал египетские законы и обычаи. Как все фараоны до него, он являлся верховным жрецом страны и намечал проекты строительства и обновления храмов, посвященных традиционным богам Египта. Он также изучал местные верования и даже слушал египетского философа Псаммона. Об уважении к национальным традициям свидетельствует случайно сохранившийся папирус с одним из распоряжений, которые

рассылал по Мемфису служивший под командованием Александра военачальник Певкест. Там говорилось: «По приказу Певкеста никого не впускать. Это комната жреца».

В январе 331 года до н.э. из Мемфиса Александр отправился разыскивать подходящее место для нового торгового центра. Он плыл на север по восточному рукаву Нила до греческой торговой колонии Навкратиса. Решив, что этот не имевший выхода к морю город едва ли сможет развиваться в дальнейшем, Александр спустился вниз по течению на сорок пять миль до Средиземноморского побережья, а затем достиг Пер-гвати (греческое название Каноп). Здесь поклонялись Осирису в виде кувшина, по форме напоминавшего человеческую голову и, согласно поверьям, содержавшего части его расчлененного тела. Хотя на узкой полоске холмистой земли между морем и озером Мареотисом на юге расположились всего несколько рыбацких селений, Александр вспомнил, как эту часть открытого всем ветрам побережья Египта описывал Гомер:

На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос;
Он от берегов на таком расстоянии, какое удобно
В день с благовеющим ветром попутным корабль пробегает.
Пристань находится верная там, из которой большие
В море выходят суда, запасенные темной водою*.

Фарос, постоянно обдуваемый зефиром — северо-западным ветром, приносящим свежесть со Средиземного моря, — считался священным островом, обителью сына Посейдона — Протея, морского старца. Сюда приплыл греческий царь Менелай, возвращаясь после Троянской войны домой, а дочь Протея, Эйдофея, выйдя из морской пучины, помогла ему отправиться дальше в плавание. Сейчас самому Александру

* Гомер. Одиссея, с. 55, стихи 354–359.

во сне явился старец, который читал строки из поэмы Гомера. Когда Александр увидел это место, то сказал, что Гомер был не только великим поэтом, но и провидцем.

Часть суши, простиравшаяся перед ним, напоминала «голову быка с двумя прямыми рогами, выдававшимися в открытое море»*. Александру «место показалось чрезвычайно подходящим для основания города, который, по его мнению, должен был здесь процветать. Его охватило горячее желание осуществить эту мысль, и он сам разметил знаками, где устроить агору, где и каким богам поставить храмы, — были посвященные эллинским богам, был и храм Исиды Египетской, — и по каким местам вести кругом стены»**.

Александр также наметил строительство большой библиотеки — учреждения, подобающего городу, основанному на литературном источнике. Согласно замыслу Александра, город должен был иметь пять районов по названиям пяти букв греческого алфавита: район Альфа, центральный, располагающийся вокруг пересечений основных дорог, район Бета — «Басилея», или «царский квартал», и районы Гамма, Дельта и Эпсилон для проживания смешанного населения. В городе предусматривалась система подземных труб для снабжения питьевой водой и прямоугольная застройка, позволявшая ветру с моря переносить потоки прохладного воздуха летом. Для местного климата, напоминающего климат Французской Ривьеры, «характерно изобилие солнца летом, хотя жару смягчает почти постоянно дующий северный ветер, а зимой бывает довольно прохладно и дождливо»***.

В развевающемся на ветру плаще Александр быстрыми шагами ходил по берегу, представляя, каким будет его детище, а архитектор Динократ следовал за ним по воображаемым

* См.: *MacLeod R* (ed.). *The Library of Alexandria: Center of Learning in the Ancient World*. — London: I.B. Tauris, 2002, p. 36.

** *Аппиан*. Указ. соч., с. 111.

*** См.: *Weigall A*. *Flights into Antiquity*. — London: Hutchinson, 1928, pp. 123–124.

улицам, пока ему не пришло в голову нанести планировку города на земле зернами ячменя, служившего для воинов продуктом питания. Когда люди наткнулись на огромную змею, прорицатели Александра сказали, что это дух-хранитель города. Как хорошее предзнаменование они расценили и появление в небе орла — символа и посланца Зевса. Но налетевшая огромная стая морских птиц склевала зерно, которым были размечены улицы и площади. Опасения Александра рассеялись после заверений предсказателя Аристандра, что город будет изобиловать всем и процветать.

Названный Александрией в честь основателя, город вскоре стал самым известным и цветущим из почти семидесяти поселений, основанных Александром на территории разрастающейся империи. Все они строились в традиционно греческом стиле, и их население составляли бывшие македонские воины, греческие поселенцы и местные жители. Хотя в Александрию стекались тысячи иммигрантов со всех концов Древнего мира, она всегда стояла особняком как «*Alexandria ad Aegyptum*», то есть как «Александрия, соседствующая с Египтом», и тогда люди говорили о поездках «из Александрии в Египет».

Послав племянника Аристотеля Каллисфена на юг, в Асуан для проверки теории его дяди о том, что разливы Нила вызваны не подземным божеством, а дождями, идущими еще дальше на юге, Александр решил отправиться на запад, в отдаленный оазис Сива, где пребывал оракул Зевса-Амона, ливийского варианта бога Амона. Этот прославленный оракул в уединенном месте среди песков Сахары в четырехстах милях на запад от Фив, как считали, был создан жрецами храма Амона в Карнаке в то же самое время, что и оракул Зевса в Додоне, родном городе Олимпиады в Эпире. К оракулу Аммона, снискавшему себе репутацию тем, что предсказания его сбывались в точности, посылал своих жрецов Нектанеб II, служивший Александру образцом для подражания. И хотя он никогда не говорил о причине визита,

вопрос о собственной божественности все еще будоражил ум. Однако на деле он, очевидно, намеревался опробовать древние караванные пути, проходившие через Сиву и близлежащие оазисы и соединявшие Центральную Африку с новым городом на побережье. Станет ли его детище преуспевающим — это еще один вопрос, который он, вероятно, хотел задать богу.

Итак, в конце января 331 года до н.э. Александр тронулся в путь на запад вдоль моря, и, после того как он принял послов из греческой колонии в Кирене (современная Ливия), его немногочисленная группа повернула на юг в глубь Сахары. Через некоторое время налетела сильная песчаная буря, которая замела дорогу, и даже местные проводники засомневались, куда нужно идти. Люди Александра блуждали, пока перед ними чудесным образом не появились два ворона, они-то и указали им путь. Хотя позднее сопровождавший царя Птолемей рассказывал, что их спасли не птицы, а две змеи, способность Александра вызывать подобных хранителей породила слухи, будто он и в самом деле — сын божий.

Как первый фараон, самостоятельно проделавший трудный путь, Александр вышел из пустыни и прямо направился к храму Аммона, стоявшему на каменистом холме. Встретить его вышел верховный жрец, который приветствовал его на греческом языке, но вместо «О пайдион!» («О, дитя!») произнес «О пай диос!» («О, сын Зевса!»)* Эта оговорка, несомненно, очень понравилась гостю. Затем в клубах благовоний на свет вынесли изваяние Аммона под покрывалом, напоминающее «фаллоподобное изваяние, облаченное в одежды и украшенное драгоценными камнями»**. Его пронесли вокруг храма и вернули в темноту внутреннего святилища. Александр неотступно следовал за божеством.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 134.

** См.: *Levi P. Atlas of the Greek World*. — Oxford: Phaidon, 1980, p. 178.

Через некоторое время царь вышел из храма, но когда его спросили о предсказании, он лишь заметил, что «услышал ответ, который пришелся ему по душе»*. Скорее всего Александр вел речь о своем божественном происхождении и решил раскрыть секрет только матери после возвращения в Македонию; когда же его спросили, удалось ли отомстить за убийство отца, последовало заявление, что «жрец запретил Александру кощунствовать и сказал, что отец его — не из числа смертных»**. Хотя к таким убеждениям хочется относиться как к самообману, вера Александра в божественное происхождение вполне имела право на существование в древнем мире, ибо граница между нравственным и сверхъестественным была тогда весьма расплывчатой, и миллионы поклонялись как богам своим и предшественникам, а в некоторых случаях и современникам.

Какие бы ответы Александр ни получил, они его обрадовали, и он сделал щедрые жертвоприношения оракулу. Вернувшись в Мемфис, он велел устроить место поклонения богу в основном культовом центре в Фивах, а также построить гранитное святилище в храме в Карнаке и известняковое — в Луксоре. По примеру прежних фараонов он включил в царские регалии рога священного животного Амона — овна. Желая оказать Александру божественные почести, город Митилена на монетах изобразил его лик с рогами и вьющимися волосами. Так родилась легенда о всепобеждающем «двурогом».

Решая, кому передать управление Египтом на время своего отсутствия, Александр счел небезопасным вручить власть в руки одного человека. Поэтому, последовав совету Аристотеля, что царь должен сохранять равновесие между всеми сторонами, он назначил комитет из египтян, македонян и персов для управления страной в духе древних тради-

* *Арриан*. Указ. соч., с. 114.

** *Плутарх*. Указ. соч., с. 134.

ций. Во главе его он поставил Клеомена из Навкратиса. Завладев Египтом и всем Восточным Средиземноморьем, Александр теперь мог отправиться в поход против Дария.

Весной 331 года до н.э., став другим человеком и живым богом, Александр повел войска из Египта через пустыни Передней Азии и Месопотамии и в том же году нанес третье и окончательное поражение Дарию. В возрасте двадцати пяти лет Александр, царь Македонии, верховный правитель Греции, владыка Малой Азии и фараон Египта, стал великим царем Персидской империи по праву завоевателя и женился на красавице дочери Дария. Кроме того, он стал богатейшим человеком на свете, обладая ста восьмьюдесятью тысячами талантов, то есть примерно 375 тоннами золота. Значительная часть его пошла на чеканку монет, в результате навсегда изменилась вся мировая экономика.

Повсюду на новых рынках процветала торговля, эллинистическая культура распространялась по пути, которым шли воины Александра, протянувшемуся на одиннадцать тысяч миль. В течение следующих восьми лет великий полководец продвинулся на восток от Вавилона через всю Персию до Афганистана (в древности Согдиана), где женился во второй раз. Затем он и его люди перешли горный хребет Гиндукуш и оказались в муссонных долинах Индии. Там они сражались против раджей и их вселявших страх боевых слонов и праздновали победы. Провозгласив себя непобедимым богом, Александр вернулся на запад через знойные пустыни Гедрозии (юг современного Пакистана и Ирана). Часть войск на кораблях вдоль берега Индийского моря и Персидского залива доплыла до устья Евфрата и вернулась в Вавилон. Там Александр начал планировать свой следующий поход в Аравию и далее через Северную Африку до Гибралтарского пролива.

За тринадцать лет, с тех пор как Александр выступил в поход из Македонии в 336 году до н.э., в результате бесконечных сражений без единого поражения ему удалось со-

здать империю, раскинувшуюся на трех континентах на площади два миллиона квадратных миль. Его сверхчеловеческие достижения изменили лицо известного мира, и его царствование стало поворотным пунктом в мировой истории. Греческая культура коренным образом изменилась под влиянием многих других, с которыми она столкнулась во время этого похода. Просто невероятно, что карьера Александра только начиналась, когда он неожиданно умер в возрасте тридцати двух лет, так и не вернувшись в Египет и в город, который он основал, но никогда не видел.

2

КРОВНОЕ РОДСТВО: ПТОЛЕМЕИ И ИХ КЛЕОПАТРЫ

Александр Великий умер 10 июня 323 года до н.э. в старинном дворце Навуходоносора в Вавилоне. В городе, расположенном на берегу Евфрата недалеко от построенных для царицы Висячих садов, находился также зиккурат, известный как Вавилонская башня. Но эти легендарные достопримечательности затмевала семидесятиметровая ступенчатая пирамида. По замыслу Александра, она должна была служить уникальным местом для кремации его ближайшего друга Гефестиона, умершего от лихорадки в конце 324 года до н.э. Его тело, очевидно, забальзамировали на время сооружения пирамиды, которое закончилось в мае 323 года до н.э.

После кремации соратника Александр совершил плавание по каналам Евфрата и заболоченной местности, чтобы развеяться от дурных предзнаменований, а потом вернулся в Вавилон. Его не покидали мысли о подготовке будущего похода в Аравию. Почувствовав, что заболел, он стал спать в ванной комнате дворца, стараясь сбить жар, по привычке много пил, когда жар усиливался. До солдат донесся слух о

его болезни, и они требовали, чтобы их допустили к Александру. Проходя мимо кровати, они в последний раз приветствовали его. Затем, завещав свое личное имущество Птолемею, а кольцо с печатью — высшему военачальнику Пердикке, Александр слабым голосом сказал, что оставляет царство «наилучшему», а его тело должно идти к Амону. Это означало, что он хотел быть похороненным в Египте, где древние погребальные обряды гарантировали бы вечную жизнь. Всю ночь 9 июня Птолемея и ближайшие друзья Александра провели в храме Сераписа, египетского бога, чей культ Александр исповедовал во время похода. Но даже Серапис не мог спасти царя, и «вероятнее всего, страдая церебральной малярией, он впал в глубокую кому и умер»*.

Древний мир содрогнулся, когда разнеслась весть о его смерти. Приближенные собрались у смертного одра, не зная, что делать дальше, пока Пердикка не назначил заседания совета знати для решения вопроса о преемнике. Хотя он и гейтары хотели дождаться рождения ребенка Александра от его жены-согдианки Роксаны, пехотинцы настаивали на незамедлительном венчании на царство Арридея, единокровного брата Александра. Хоть и слабоумный, он был македонцем царских кровей, а будущий ребенок Роксаны был бы полуварваром и, что еще хуже, мог оказаться женского пола. Ни одна из сторон не хотела уступать, и жестокая борьба разгорелась рядом с телом Александра, пока пехотных командиров не заставили замолчать.

Во время этих споров к телу никто не притрагивался почти неделю. Однако, несмотря на летнюю жару, оно не подверглось никаким изменениям. Неизменившийся цвет лица расценили как доказательство божественности Александра. По всей видимости, все это время он находился в предсмертной коме и только что умер или даже был еще

* См.: *Chugg A.M. The Last Tomb of Alexander the Great.* — London: Richmond Editions/Periplus, 2004, p. 34.

жив, когда мастера бальзамирования приступили к работе. После того как они удалили мозг и внутренние органы, чтобы не допустить гниения, на голову надели царский венец и умащенное благовониями тело положили в гроб наподобие египетского саркофага, как поведал древнегреческий историк Диодор (I век до н.э.), сделанный из чеканного золота. Саркофаг под золотисто-пурпурным покрывалом установили посередине зала, и сподвижники Александра принялись решать, что делать дальше.

Родившийся осенью 323 года до н.э., Александр IV стал соправителем с Арридеем, хотя и тот и другой являлись просто марионетками в руках диадохов*. Поскольку никто из них не был способен единолично управлять таким огромным царством, они решили поделить его между собой. За Пердиккой осталось командование армией, Антипатр занял положение наместника Македонии, Лисимаху досталась Фракия, на долю Антигона пришлась Малая Азия, Селевк получил Вавилонию, Птолемей, очевидно, по собственному предложению, «стал правителем Египта, а Клеомен, назначенный наместником самим Александром, был поставлен ему в подчинение»**.

Птолемей и все другие диадохи поспешно оставили Вавилон и направились в свои земли, повелев сделать великолепный катафалк для перевозки драгоценного тела Александра на запад. Катафалк представлял собой отлитое из золота сооружение, напоминавшее храм. Внутри его находились картины, изображавшие Александра в движении, как это всегда происходило на самом деле: в колеснице, со своей кавалерией и флотом. На одной из картин даже были нарисованы слоны в боевом снаряжении с воинами армии Алек-

* Диадохи (от *греч.* *diadochos* — преемник, наследник), полководцы Александра Македонского, боровшиеся после его смерти за верховную власть. — *Примеч. пер.*

** См.: *Arrian. History of Events after Alexander* 156. F. 1, 5, in *Walbank F.W. The Hellenistic World*. — London: Fontana, 1981, p. 100.

сандра. На сводчатом, украшенном изнутри куполе храма стояла золотая статуя Ники, крылатой богини победы. Под развевающимся огромным пурпурным знаменем и под звон колокольчиков на каждом углу крыши сверкающий кортеж выехал из Вавилона и медленно покотил на запад, привлекая толпы людей.

Разногласия по поводу места его назначения вскоре вылились в полномасштабную войну, поскольку, несмотря на то что Александр хотел быть похороненным в Египте, у Пердикки имелись свои планы. Уже будучи регентом при двух царях и помолвленным с дочерью Антипатра, он получил предложение о женитьбе от вдовствующей сестры Александра Клеопатры. Замышляя самому занять трон, он понимал, что ему нужно завладеть телом Александра, не только для того, чтобы умиротворить вероятную невесту и тещу Олимпиаду, но и воздать должное распространенной вере в то, что царский род Македонии перестанет существовать, если ее цари не будут захоронены в традиционной усыпальнице в Эгах.

Все диадохи хотели умерить амбиции Пердикки, а наиболее решительно действовал Птолемей. Он похитил саркофаг в Дамаске и положил в него куклу, «тело же Александра, по его приказу, провезли вперед без всякой пышности по глухим неезженным дорогам. Пердикка захватил мнимый траурный поезд, считая, что добился цели, и таким образом потерял время. Он обнаружил обман слишком поздно, когда дальше преследовать было уже бессмысленно»*. Так началась первая из многочисленных войн между преемниками. Пердикка вторгся в Египет в 321 году до н.э. с целью завладеть телом Александра и разделаться с Птолемеем. Но после гибели двух тысяч солдат при переправе через Нил у Мемфиса, причем более половины из них стали жертвами

* Текст приводится по изданию: *Элиан. Пестрые рассказы.* — М.: Ладомир, Наука, 1995, с. 100.

крокодилов, остальные взбунтовались, убили Пердикку и предложили регентство над всей империей Птолемею.

Однако он отказался, предпочтя оставить за собой Египет и имевшее для него первостепенную важность тело Александра, которое «он похоронил по македонскому обряду в Мемфисе»*, где находился храм Амона. Птолемей исполнял не только последнюю волю Александра быть похороненным с Амоном. Поместив золотой гроб в пустой каменный саркофаг Нектанеба II в Серапейоне, он, по всей вероятности, воплотил желание полководца, состоящее в том, чтобы его воспринимали в качестве преемника Нектанеба. К входу вела вымощенная дорожка, оканчивавшаяся в полукружье статуй знаменитых греков. В течение времени эти статуи подверглись сильной эрозии под воздействием песка, приносимого ветром из пустыни. Вероятно, это были изображения Александра и таких личностей, как Гомер, Пиндар, Платон, Аристотель, Птолемей и сам Дионис. Они составляли вполне подходящую компанию на месте временного упокоения Александра, пока шло строительство постоянной гробницы в Александрии.

Птолемей со всей ответственностью отнесся к своей обязанности перед Александром. Он не только писал его биографию, но оказался единственным из диадохов, кто строил и восстанавливал храмы от имени соправителей — Арридея и Александра IV. Хотя египетские жрецы по достоинству оценили старания Птолемея, заявив, что этот великий правитель совершил лучшее из возможного для богов Верхнего и Нижнего Египта, обоим монархам не довелось воздать должное его деяниям, ибо они оставались заложниками в Македонии у стареющего регента Антипатра и его сына Кассандра.

Арридея женили на его кузине Эвридике, внучке Филиппа от его воинственной дочери Кинаны. Чета поддержи-

* Павсаний. Указ. соч. Т. I, с. 52.

вала желание Кассандра унаследовать корону, пока слухи о том, что Кассандр якобы отравил Александра, не заставили его мать Олимпиаду действовать. После разгрома армии Эвридики в 317 году до н.э. она вынудила ее покончить с собой и приказала казнить Арридея. Таким образом, был расчищен путь к трону в качестве единственного царя ее шестилетнему внуку Александру IV. Затем в 315 году до н.э. Кассандр взял в плен Олимпиаду и, передав мать Александра родственникам ее жертв для казни, в конце концов отравил малолетнего царя и его мать Роксану и в 310 году до н.э. сам занял трон Македонии. Родную сестру Александра Клеопатру бросили в темницу, чтобы она не завладела властью после замужества. Когда она приняла предложение Птолемея о вступлении в брак и о предоставлении ей убежища в Египте, ее убил Антигон.

Хотя все ближайшие родственники Александра были убиты, сам Птолемей уцелел. Он продолжал осуществлять правление от лица умерщвленного Александра IV, в то время как все остальные друзья-преемники великого полководца провозгласили себя царями. Только в 305 году до н.э. в возрасте шестидесяти лет Птолемей наконец стал царем, но он всегда отказывался от божественных почестей при жизни и принял только греческий эпитет «Сотер», то есть «Спаситель», который Родос присвоил ему за оказание военной помощи. Противоборствуя с другими преемниками, его соперниками, он также начал чеканить собственные монеты. На них он был изображен с большими, как у Александра, глазами, взлохмаченными волосами, с венцом на голове и характерными чертами — решительным подбородком и крючковатым орлиным носом. Последнее, вероятно, послужило причиной появления орла на его личном значке, нашедшего отображение на гербе Птолемеев и являющегося центральным элементом на национальном флаге Египта.

К ноябрю 311 года до н.э. строительство Александрии продвинулось настолько, что она уже могла стать новой

царской столицей. При незначительном числе видимых ориентиров на береговой линии возникла потребность в сооружении огромного маяка на острове Фарос. Между островом и материком предполагалось насыпать мол протяженностью в одну милю, который разделял бы городскую гавань на восточную и западную части, а третья, меньшая по размерам гавань, соединяющая Средиземное море с озером Марейотисом и Нилом, давала бы возможность совершать плавания из города по реке.

Греки и иудеи селились в различных районах города, но египтяне предпочитали западный сектор, который они называли Ракед, что значит «строительная площадка» (в греческом произношении Ракотис). Они называли своих греческих соседей «носителями поясов». Межэтническая напряженность не возникала благодаря уникальному сочетанию греческих, египетских и еврейских законов, поскольку греки не навязывали своего законодательства местному населению. Такая же терпимость наблюдалась в религиозной сфере, после того как Птолемей объединил египетского Сераписа — древнего сочетания Осириса и Аписа — с греческими богами Зевсом, Асклепием и Гадесом. В результате получилось божество с греческими чертами, но египетского происхождения, устраивающее всех как государственный бог. Хотя культ Сераписа приобрел главенствующее положение во многих храмах Александрии, Птолемей I задумал создать храм муз, или мусейон (музей), в котором науки были бы возведены до уровня религии. В этом огромном научном центре, финансируемом из царской казны, предполагалось собрать ведущих ученых, которые проводили бы исследовательские работы на благо империи и для укрепления ее положения в мире. Организовать библиотеку поручили ученику Аристотеля Деметрию Фалерскому. Убедительным подтверждением могущества нового государственного бога сочли то, что у Деметрия восстановилось ухудшившееся зрение, после того как тот обратился с молитвами к Серапису.

Птолемей I также привлек группу греческих и египетских экспертов в качестве советников по вопросам культуры и религии. Пока новый режим продолжал строить и восстанавливать храмы повсюду в Египте, возрождались древние мелиоративные методы, в результате чего повысилась урожайность, появилась возможность наделять землей воинов-ветеранов. Стали возникать новые греческие города, а существующим египетским населенным пунктам давали другие названия, основанные на именах греческих богов, но близкие к местным культам. В процессе переименований, когда такое древнее поселение, как Хенен-несу, стало Гераклеополем, «городом Геракла», Шедит — Крокодилополем, «городом крокодилов», и Эдфу — Аполлонополем, «городом Аполлона», Древний Египет медленно отступал под натиском нарождавшегося царства Птолемеев.

За долгую жизнь и во время разных странствий Птолемей I родил многих детей. После непродолжительного супружества со знатной персиянкой по имени Артакама и любовных походов с несколькими куртизанками он женился на дочери Антипатра, Эвридике, потом на его внучатой племяннице Беренике, которая, «превосходя остальных жен Птолемея добродетелью и разумом, пользовалась у царя наибольшим влиянием»*. Несмотря на то что он имел девятерых детей от разных женщин, в том числе шестерых от Эвридики, дети, родившиеся от Береники I, составят основу династии. Когда Эвридика и их старший сын Птолемей Керавн (что значит «гром и молния») были отправлены в ссылку в 287 году до н.э., престарелый царь провозгласил своего добродушного младшего сына Птолемея II регентом, позволившего ему проводить оставшиеся годы в праздности во дворце. Последний из великих диадохов, Птолемей I, умер в своей опочивальне в возрасте восьмидесяти четырех лет, прожив на полстолетия дольше, чем его любимый Александр, но был похоронен с ним. В ис-

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. I, с. 436.*

полнение воли Птолемея I его кремировали по македонским обычаям, собрали прах и поместили в недавно построенную алебастровую гробницу, когда Птолемей II «перевез прах Александра из Мемфиса (в Александрию)»* для совместного захоронения.

Покойный царь успел договориться о женитьбе своего двадцативосьмилетнего преемника на дочери своего давнего союзника Лисимаха Фракийского. С сознанием долга она произвела на свет троих детей, после чего брак был внезапно расторгнут из-за необузданных амбиций своенравной сестры нового царя Арсинои II. Наиболее одаренная из детей Птолемея I, она была выдана замуж в шестнадцатилетнем возрасте за шестидесятилетнего Лисимаха, родила ему троих сыновей, за что ее провозгласили царицей Фракии и Македонии. Однако, жадная до власти, она с помощью ложного обвинения добилась отстранения пасынка-престолонаследника, сторонники которого бежали к Селевку за помощью. После того как Селевк сразил Лисимаха в сражении, его убил Керавн, чьи притязания на Фракию, Македонию и Египет были подкреплены женитьбой на его единокровной сестре Арсиное II, теперь вдове Лисимаха. Но даже она возмутилась, когда ее новый муж принялся устранять соперников, начав с ее сыновей. Она бежала на остров Самофракия и находилась там, пока Керавн не погиб в сражении, после чего она вышла замуж в третий раз.

Арсиноя, претендовавшая на египетский трон, пожаловала в Александрию и, устроив интригу, добилась изгнания первой жены своего брата Птолемея II. После этого она сама вышла за него замуж в 275 году до н.э. и стала регентшей вместе с ним — первой в длинном ряду птолемеевских цариц, имевших равный со своими мужьями статус. Хотя некоторых греков привело в изумление если не совместное регентство, то такой брачный союз, Арсиноя II уже состояла в браке с единокровным братом Керавном. Браки между близ-

* *Павсаний*. Указ. соч., с. 55.

кими родственниками были традицией у фракийских, эфирских и македонских правителей, а браки между братом и сестрой — обычным явлением в персидской царской семье и, конечно, для некоторых прежних царских династий в Древнем Египте.

Арсиную II, несомненно, вдохновлял пример Хатшепсут, ее предшественницы XV века до н.э., которая вышла замуж за своего единокровного брата и сама стала обладать фараоновской властью*. Арсиноя II присвоила себе эпитеты Хатшепсут «дочь Ра» — женский эквивалент традиционного фараоновского титула «сын Ра» — и «дочь Геба» — бога Земли и отца Исиды. Как и Хатшепсут, она носила характерную красную двойную корону Геба, украшенную рогами овна-Амона, перьями, а также коровьими рогами и солнечным диском Хатхор-Исиды. Головной убор с аналогичной символикой можно видеть и на ее портретах, выдержанных в греческом стиле. На большой камее с изображением свадебного торжества ее брат в греческом шлеме, а сама Арсиноя II с венцом Диониса поверх пучка светлых волос и под свадебной вуалью Геры, сестры-жены Зевса. Помимо светлых волос все отпрыски имели длинный нос, пухлые щеки и большие глаза, которые можно принять за признак экзофтальмического зоба, а скорее всего это — преувеличенная характерная черта, такая же, как у их мнимого дядюшки Александра. Это внешнее семейное сходство Арсиноя II эксплуатировала в своих политических целях. Активно навязывая имидж династии, имеющей божественное происхождение, супружеская пара представляла своих покойных родителей Птоле-

* Птолемеевские царицы «играли такую же роль, как и цари» и «на короткий период в античности ликвидировали гендерную иерархию». (См.: *Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt*. — New York: Wayne State University Press, 1984, pp. XVIII—XIX.) И еще: они «гораздо больше напоминают своих фараоновских предшественниц, чем гречанок любого сословия». (См.: *Springborg P. Ptolemaic Queens? Greek daemons, the Roman Emperor and his genius / Royal Persons: Patriarchal Monarchy and the Feminine Principle*. — London: Unwin Hyman, 1990, p. 198.)

мея I Сотера и Беренику I как богов-спасителей, которым поклонялись наряду с Александром на новом празднике Птолемеи, рассчитанном на то, чтобы продемонстрировать силу династии.

Проводившиеся раз в четыре года, Птолемеи, вероятно, были самым пышным празднеством из тех, что когда-либо устраивались в Древнем мире с таким невероятным расточительством, ставшим визитной карточкой Птолемеев. Во время этого фестиваля, основанного на традициях древнегреческих дионисийских мистерий, богом птолемеевского дома представлялся Дионис, возвращающийся из Индии подобно Александру с несметными сокровищами. Шествие продолжалось целый день. По свидетельствам очевидцев, в сверкающих на солнце доспехах проходили восемьдесят тысяч воинов, за которыми шли толпы людей в роскошных нарядах, вели слонов и верблюдов, нагруженных экзотическими товарами из Африки, Аравии и Индии. Не виданные до сего времени жирафы и носороги вызывали такой же испуг, как и большие механические фигуры, поднимавшиеся, чтобы получить выпивку среди моря вина. Пронесли золотые статуи богов и огромных размеров золотые доспехи и короны. Украшенный драгоценными камнями миртовый венок диаметром сто двадцать футов* (в слово «венки» в древности вкладывали вульгарное понятие «женские гениталии») везли в сопровождении золотого фаллоса длиной восемьдесят футов со звездой на конце, что служило не слишком тонким намеком на механизм престолонаследия.

Вслед за родителями обожествлялись и их дети: греческое прозвище Арсиной II Филадельфия, то есть «любящая брата», полученное за якобы примерную любовь к мужу-брату, было перенесено и на Птолемея II в мужском варианте — Филадельф, и они, таким образом, стали богами-близнецами вроде Зевса и Геры. Им даже больше подходило сравнение с египетскими Исидой и Осирисом, поскольку

* Фут — мера длины, равная 30,48 см.

богиня Исида выступала в качестве активной партнерши в их альянсе. Подобно тому как Арсиноя II, сокрушая все на своем пути, пробилась наверх, Исида присвоила роли всех других женских божеств, включая Хатхор, богиню любви, которую греки называли Афродитой. Рожденная из морской пены, Афродита была идеальной богиней для новой, расположенной на морском побережье столицы. Ее земное воплощение описывалось как «восходящая из сверкающего моря, смеющаяся и словно молнией поражающая своей красотой»*.

Однако, вероятно, всемилостивая и всемогущественная Арсиноя не питала особого уважения к своим подданным и, предав забвению свой тщательно подобранный общественный имидж, относилась к ним презрительно. Вот как она, по свидетельству Афиней, отозвалась об одном из праздничных гуляний: «Отвратительное сборище черни, развлекающейся примитивным и неподобающим образом»**. Сама же она жила в исключительной роскоши и богатстве, в то время как большинство женщин Древнего мира не имели никакой финансовой самостоятельности. Верша финансовые и политические дела в духе своих предшественниц-фараонов, Арсиноя II, обладавшая выдающимся талантом правительницы, добилась важных результатов у себя в стране и во внешней торговле.

Создав строжайшую систему учета хозяйственных ресурсов, а также систему сбора и регистрации поступлений

* См.: *Collectanea Alexandrina in Thompson D.B. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience; Aspects of the Ruler-Cult.* — Oxford: Clarendon Press, 1973, 84.

** Афиней (Атений), Athenaios — греческий эрудит III века н.э., родился в городе Навкратисе в Египте, впоследствии жил в Риме. Ему принадлежит сочинение «Дейпносифисты» («Пир мудрецов») в 15 книгах, из которых до нас дошли 12. Построенное в форме застольной беседы ученых на всевозможные темы, оно содержит выписки из многочисленных утраченных сочинений греческих авторов. В данном случае цитата приводится по изданию: *Wilkins J., Hill S. Food in the Ancient World.* — London: Blackwell, 2006. — *Примеч. пер.*

при наличии эффективно функционировавшей почтовой службы, введя царскую монополию на все — от полотна и папируса до парфюмерных изделий и растительного масла, монархия смогла накопить огромные богатства. Глава финансового ведомства — диойкет — совершал инспекторские поездки вверх и вниз по Нилу, а местные чиновники следили за повседневной деятельностью, начиная с тренировок греческих гимнастов и кончая ведением дел с ремесленниками и купцами. Они также привозили рабов из Палестины, Сирии и Нубии. Несмотря на низкий уровень развития рабовладельческой системы в Древнем Египте, греки полагались на эту форму труда в своем домашнем хозяйстве, в земледелии и на производстве. И конечно, они должны были платить подати и импортные пошлины за них. Расширились внешнеторговые связи благодаря возобновлению навигации по старому каналу, соединявшему Нил с Красным морем. Главный порт на канале — Береника — служил воротами в торговле с Аравией, Индией и Востоком. Птолемеи также имели деловые контакты с арабскими купцами, такими как Зейд бен Саид, который импортировал в Египет мирру и каламус для храмов в районе Мемфиса.

Но Птолемеи не хранили «без пользы сокровищ в богатых палатах так, как запас муравьи в бесконечном труде накаплиют; многое в дар получают богов знаменитые храмы»*. Это делалось для того, чтобы поднять их статус как благотворительных институтов и заручиться преданностью жрецов и народа, который видел в них традиционных правителей, делающих пожертвования и совершающих древние обряды. Дополнительным бременем на корону ложились погребения священных животных: для похорон одной священной коровы требовалась мирра огромной стоимости — сто талантов, эквивалентных двум тысячам шестистам ки-

* Текст приводится по изданию: *Феокрит. Мосх, Бион. Идиллии и эпиграммы. Идиллия XVII* / Пер. М.Е. Грабарь-Пасек. — М.: Ладомир, Наука, 1998, с. 83.

лограммам серебра. Большие средства уходили на содержание армии. Перед ней стояла задача не допустить распада Птолемеевского царства и отражать посягательства со стороны Кирены на западе, где правил неполнородный брат супружеской пары Магас, сын Береники I от раннего брака. Чете пришлось пресекать нашествие нубийцев на юге, подавлять восстание кельтских наемников на севере Египта и защищать Восточную дельту от вторжения Селевкидов, после чего стороны заключили мир в 271 году до н.э.

Сфера влияния Птолемеев распространилась через Средиземное море, что нашло отражение в установке огромной мраморной статуи Исиды в Акрополе в Афинах, постройке зданий на острове Делос и храма, посвященного Птолемею II на острове Кос, где он родился. На Самофракии Арсиноя II воздвигла монумент в знак признательности за предоставленное ей здесь убежище и построила храм в виде ротонды с колоннами дорического ордера и высеченными бычьими головами в память о первой встрече на этом острове родителей Александра.

На другом конце Средиземноморья чета также расширила торговые связи с Италией, где греческие колонии постепенно переходили к Риму. Хотя этот небольшой итальянский город будто бы посылал делегацию к самому Александру, Арсиноя II и ее муж первыми из наследников установили официальный контакт, направив посольство в Рим в 273 году до н.э. Со своей стороны, как писал Дион Кассий Коккеян*, римляне, довольные, что за морем о них такого высокого мнения, направили посла в Александрию. Подписание договора было отмечено выпуском первых серебряных монет Рима, имевших такое сходство с монетами Арсинои II, что невольно думаешь, не делились ли Птолемеи своим опытом. Они даже не могли представить себе, что эти новые союзни-

* Дион Кассий Коккеян (между 155–164 гг. — после 229 г.), греческий государственный деятель и историк, автор сочинения «Римская история» в 80-ти книгах. — *Примеч. пер.*

ческие отношения, выражаясь современным языком, станут бомбой замедленного действия, которая вызовет роковые последствия для Египта.

Пока же Птолемеи правили себе на славу, и установление их господствующего положения в Средиземноморье ознаменовалось окончанием строительства Фаросского маяка, сразу ставшего одним из чудес света. Высотой в сто тридцать пять метров, он лишь незначительно уступал другому чуду — пирамиде Хеопса в Гизе. Свет маяка, отражаемый отполированными металлическими зеркалами, был виден на расстоянии пятьдесят миль и считался рукотворной звездой, которой Исида освещала мир. На Фаросе недалеко от маяка стояла огромная, бесподобной красоты статуя нильской богини. Она облюбовала себе удобное место на обдуваемом ветром морском берегу. Великая Исида Фариа представляла собой шагающую женщину, некое подобие Статуи Свободы «в движении», держащую наполненный ветром плащ, что символизировало изобретение ею мореходства и ее роль повелительницы ветров, унаследованную от Хатхор и Аффродиты.

Видимые всем, кто попадал сюда морским путем, по обеим сторонам великой Исиды стояли громадные изваяния царствующих супругов в образе фараонов, дабы овеять былой славой их современный город. С широкими бульварами и мраморными колоннадами, затененными кронами деревьев, он предвосхитил многие европейские города, возникшие в более поздние времена. С Александрией, построенной на основе регулярной планировки, зачастую сравнивают Нью-Йорк, вместивший в прямоугольные кварталы небоскребы, финансовые дома, транспортные терминалы, рестораны фастфуд, театры, библиотеки и парки с древними египетскими обелисками. Александрия даже имела автоматические двери: замечательный ученый и инженер Герон создал устройство, в котором сила пара использовалась для открывания и закрывания дверей в храме. Это было одно из многих

изобретений, сделанных на средства из царской казны в мусейоне, где разместились лекционные залы, лаборатории, обсерватории, сады и зоопарк, но больше всего этот храм науки славился своей библиотекой. Здесь предполагалось собрать все познания человечества под эгидой Птолемеев. Соперничавшие с ними преемники Александра решили организовать собственную библиотеку в Пергаме в Западной Анатолии (нынешняя Турция), и немедленно введенный запрет на экспорт папируса из Египта заставил их изобрести пергамент как средство продолжения гонки за знаниями.

Желая иметь переводы на греческий язык всех известных в Древнем мире текстов, Птолемей II обязал ученых выполнить полный перевод древних трудов, начиная с иудейских священных книг и заканчивая легендарными сочинениями египетских авторов. Он поручил египетскому советнику своего отца Манефону написать полную историю всех известных фараонов с тех времен, когда стали вестись летописи. В переписке монарх и историк обменивались мнениями по религиозным вопросам. В одном из писем царю Манефон, сравнивая египетских и греческих богов, утверждал, что Тоту, священными животными которого были ибис и обезьяна, соответствует греческий бог Гермес.

Птолемей II произвел некоторые кадровые перестановки. Он уволил главного библиотекаря Деметрия, поддерживавшего претендента на престол, и поставил вместо него комментатора Гомера, филолога и поэта Зенодота, чей помощник Каллимах из Кирены составил первый библиотечный каталог. В него вошли наименования ста двадцати тысяч свитков по истории, риторике, философии, юриспруденции и медицине. Копии многих из них передали на хранение во вторую, «дочернюю» библиотеку в храме Серапеса. В медицинском центре Серапейона служили жрецы-медики, хорошо знавшие древние египетские тексты по медицине и труды Гиппократ и Аристотеля. Внук последнего Эразистрат вместе со своим коллегой Герофилом проводил анатомиче-

ские исследования на живых людях. По свидетельству Авла Корнелия Цельса, царь разрешил отдавать им для вивисекции осужденных преступников, и медики, пока во вскрытых телах еще теплилась жизнь, изучали, как функционируют артерии. Таким образом, ученые установили, что не сердце, а мозг является центром нервной системы. При Птолемее II, которого воспринимали как «самого августейшего из царей и покровителя искусств и учености»*, музейон и библиотека стали легендой, и, «что касается количества переписанных книг, построенных библиотек, коллекции, собранной в Мусее, стоит ли говорить о том, что известно всем»**.

Знаменитые здания составляли часть царского дворца, располагавшегося на мысе Лохиада и постепенно разраставшегося по мере того, как каждый монарх, следуя македонской традиции, возводил для себя палаты из привозного мрамора. Непременным элементом убранства были интерьерные фонтаны, мозаики и роскошная обстановка; даже обеденный зал, напоминавший палаточный павильон, украшали «сто мраморных статуй работы лучших мастеров, <...> картины живописцев сикионской школы вперемешку с различными отборными портретами»***. Высоко под алым потолком восседала пара огромных золотых орлов, — теперь символ дома Птолемеев удвоился в соответствии с числом близнецов-монархов, — а внизу подле золотых и серебряных столов, сервированных посудой с украшениями из драгоценных камней, стояла сотня лож из золота.

Эта непомерная роскошь была в духе Арсинои II, и Птолемей II полностью полагался не только на ее вкус в оформлении интерьера, но и прислушивался к мнению супруги по другим жизненным вопросам. Дело ее рук обычно вызывало восторг у тех, кому доводилось побывать во

* *Афиней*. Пир мудрецов XII. 536.

** Текст приводится по изданию: *Афиней*. Пир мудрецов в 15-ти книгах / Пер. Н. Голинкевич. — М.: Наука, 2004, с. 262.

*** *Афиней*. Указ. соч., с. 255.

дворце во время празднеств. Вот что говорила одна гостья своей подруге:

Плащ ты теперь надевай поскорее и с пряжками платье,
Вместе пойдем мы с тобою в палаты царя Птолемея.
<...> Говорят, что по воле царицы
Все там разубрано пышно. <...>
Все, что увидишь, о том перескажешь тому, кто не видел*.

И все-таки находились и такие, на кого это не производило большого впечатления и кто считал, что «в Египте нет ничего, кроме театральной пышности и показного блеска»**. Подобные суждения задевали самолюбие монархии, для которой важна была внешняя сторона.

Создав за пять лет блистательный образец потребительского общества в рамках отдельно взятого дома Птолемеев, Арсиноя II умерла в возрасте сорока шести лет накануне полнолуния 9 июля 270 года до н.э. После ее пышной кремации по македонскому обычаю греки представляли, что их бог Солнца Аполлон послал за ней золотую колесницу, чтобы доставить ее на небеса, а египтяне были уверены, что вознесшаяся душа Арсиноя сияет в созвездии Исида звездой Софис, появляющейся ежегодно между 17 и 19 июля. В честь обожествленной правительницы каждый год проводились празднества. В городе, где ее почитали и улицы которого носили имя царицы, устраивались шествия во главе со жрецами, а люди пили вино из кувшинов с ее изображением.

В Александрии на обдуваемом ветрами мысе Зефирионе построили храм Арсиноя II в образе Афродиты, повелительницы ветров, по архитектуре напоминавший гигантский питьевой сосуд, что должно было символизировать потребление алкоголя при отправлении царского культа. Недалеко

* *Феоκριт, Мосх, Бион*. Указ. соч. Идиллия XV, с. 69–70.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 530.

от гавани, там, где возвышался огромный каменный обелиск Нектанеба II, находился еще один роскошный храм Арсинои. Под его магнитными сводами, как говорят, парила в воздухе железная фигура Арсинои II восьми футов высотой, сверкавшая перидотами цвета морской волны и изображавшая царицу в момент ее вознесения на небо*.

Птолемей повелел, «чтобы ее статуя была установлена во всех храмах. Жрецам это понравилось, ибо они знали о ее возвышенном отношении к богам и ее прекрасных делах на благо всех людей»**. Названную «возлюбленной овна», ее почитали в Мендесе, городе, «где с женами коз супруги-козлы сходятся»***. Этот аспект ритуального поведения в сдержанной форме отмечал историк Геродот, констатировав, что там «произошло удивительное событие: козел открыто сошелся с женщиной»****.

Арсиною II, как и Александра, изображали с рогами барана и, как его, называли «дитя Амона», который якобы сам сообщил ей, что «поставит ее во главе богов на земле». Ее действительно почитали повсюду в Египте как женское дополнение Осириса, Ра, Птаха, Мина, Монту и Себека, древнего бога-крокодила оазиса Фаюм. Столицу Фаюма переименовали в Арсиною, и весь этот плодородный район вокруг озера, лежащий к юго-востоку от дельты, стал называться Арсиноитский ном (провинция). Порт на Красном море также получил название Арсиноя, и ее почитание распространилось до Кипра, Делоса и Теры, что явилось отражением птолемеевского влияния в Восточном Средиземноморье.

Хотя Птолемию II явно не доставало мудрого правления своей сестры-жены, ее физическое присутствие, кажется,

* Согласно историкам древности, такой замысел не был осуществлен из-за смерти архитектора и самого Птолея II. — *Примеч. пер.*

** Надпись на «Мендесской стеле».

*** Текст приводится по изданию: *Страбон. География* / Пер. Г.А. Стратановского. — М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004, с. 545.

**** *Геродот. Указ. соч.*, с. 126.

никогда не было неизменным условием, поскольку царь, как и его отец, всегда поддерживал отношения со многими женщинами, в том числе с исключительной красоты Билистихой из Аргоса. Обычно называемые «наложницами», они следовали традициям второстепенных жен и жили в предоставленных им отдельных дворцах, напоминая большие женские домашние хозяйства, какие существовали у фараонов прошлого.

Птолемей II был «добр и приветлив, разумен, искусен в любви»* и обожал хорошую жизнь. В конце концов это не могло не сказаться на нем. Страдавший избыточным весом, как и его единоутробный брат Магас, в последние годы жизни он болел подагрой, которую усугубляло неумеренное потребление вина. Он мог только сидеть у окна в своем дворце и, наблюдая, как его подданные внизу устраивают пикники на песке, сетовать: «Несчастный я человек! Подумать только, я не могу даже быть одним из них»**. Птолемей II умер в возрасте шестидесяти двух лет в январе 246 года до н.э., и после кремации по македонским обычаям его прах был похоронен в Александрии. Церемонию проводил его сын и наследник, тридцативосьмилетний Птолемей III.

Венчал его на царство верховный жрец Анемхон II в 246 году до н.э., в том же самом году, когда он женился на своей двоюродной сестре Беренике из Кирены, бывшей единственным ребенком и наследницей полнотелого Магаса. Овладение флотом Кирены сыграло решающую роль в возобновлении войны Птолемеев против Селевкидов. Береника II правила Египтом в отсутствие мужа и якобы даже участвовала вместе с ним по крайней мере в одном сражении. Кампания была затяжной, но успешной. Владения Египта расширились до Вавилона, где Птолемей III обнаружил и вернул себе египетские сокровища, давно захваченные персами.

* *Феокрит, Мосх, Бион. Указ. соч. Идиллия XIV, с. 67.*

** *Афиней. Пир мудрецов XII, 536.*

После того как Птолемей III получил греческий эпитет «Эвергет» (Благодетель), его с супругой стали почитать как богов-благодетелей, а Беренику отождествляли с Исидой и Афродитой. Она считалась привлекательной женщиной. Как писал Д.Б. Томпсон, «с глубоко посаженными миндалевидными глазами, широким носом, круглым подбородком своей внешностью она немного напоминала Нефертити. <...> Похоже, эллинистические греки, как и современные люди, восхищались профилем Нефертити»*, который Береника II подчеркивала, собирая свои светлые волосы в пучок на затылке. Она также носила длинные локоны, как у себя в Кирене, и увековечила свои волосы, оставив прядь на жертвеннике в храме Арсиной в знак благодарности за военную победу мужа. Когда таинственным образом они исчезли, вероятно, унесенные порывом постоянно дующего морского ветра, придворный астроном объяснил это событие тем, что они были помещены на небо и превратились в новое созвездие Волосы Береники (Coma Berenikes), которое он наблюдал ночью.

Пользуясь своей поразительной внешностью в политических целях, в ознаменование морских побед Береника стала носить необычную корону в виде носовой части корабля и заклочку в виде якоря. Хороший знаток духов, она пользовалась ими с большим успехом, подражая предшественницам. Играя далеко не представительскую роль, Береника первой из женщин птолемеевского рода всю жизнь носила полные царские титулы. По-египетски ее называли «та пер-аат Беренига», что значит «фараон Береника», «считали равнозначной египетскому царю и почитали как женское воплощение Гора»**.

* См.: *Thompson D.B. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience; Aspects of the Ruler-Cult.* — Oxford: Clarendon Press, 1973, p. 86, p. 105, note 5.

** См.: *Tait J. Cleopatra by Name; Cleopatra Reassured* // *British Museum Occasional Paper № 103, 2003* (eds Matthewa R. and Roemer C.). — London: BMR, 2003, p. 7.

За двадцать пять лет своего царствования она родила шестерых детей. Две ее дочери имели такие же привилегии и получили такое же образование, как и ее сыновья. После смерти одной из дочерей в детском возрасте местные жрецы постановили, что в каждом храме должна быть установлена ее статуя из золота, украшенная драгоценными камнями. Аналогичные классические статуи изображали оплакивающую дочь Беренику II под накидкой, коленопреклоненную, смотрящую вверх в позе обожествленного Александра.

Подобные фигуры устанавливались в новом Серапейоне Александрии, где находились «обширные, окруженные колоннадами дворы, статуи, дышащие жизнью»*. В новом храме имелись царские молельни и подземные помещения, где совершались таинства культа Аписа. В так называемом Канопском декрете говорилось, что культу священных животных монархи уделяют «особое внимание: расходы на погребение Аписа и Мневиса принимаются на казенный счет целиком, участие казны в погребении других животных гарантируется на последующее время». Не менее щедрые пожертвования делались для Александрийской библиотеки. Еще Птолемей II выписал из Афин рукописи великих драматургов, с тем чтобы сделать с них копии. Афиняне потребовали пятнадцать талантов золота в залог того, что рукописи будут возвращены. Царь предпочел лишиться залога и оставил бесценные подлинники у себя, отослав обратно копии. В 235 году до н.э. библиотекой стал заведовать соотечественник Береники II Эратосфен Киренский, который выдвинул революционную идею о том, что Земля круглая. Вычислив ее окружность на основе расстояния между Александрией и Сиеной (нынешний Асуан), он определил длину диаметра Земли с точностью до 80 километров. Он опреде-

* Текст приводится по изданию: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. — СПб.: Алетейя, 2000, с. 274.

лил, что продолжительность года составляет 365 суток с четвертью, хотя его календарь не был принят египетскими жрецами, которые предпочли придерживаться своего календаря, согласно которому год состоял из 360 дней и еще пяти дней, отводившихся для праздников богов.

Благодаря тесным отношениям между короной и жречеством протянулась прямая линия к фараоновскому прошлому Птолемеев, и когда верховного жреца Анемхона II назначили «жрецом царских предков», под его началом начали строить громадный храм в Эдфу, кульговом центре Гора. Задуманный как царствие, воплощенное Гором, тем, чье бытие предшествует предкам, в новом храме кумулятивная сила предков-фараонов должна была передаваться Птолемеям. Но только при посредстве жрецов.

Когда по повелению Птолемеев древняя египетская мудрость в массовом порядке переводилась на доступный греческий, шесть тысяч новых символов добавились к существовавшим восьмистам, что сделало иероглифическое письмо недоступным для всех, кроме избранных. По сути дела, новый храм олицетворял собой огромный ритуальный документ. При совершении таинств жрецы подбирали слова таким образом, чтобы они создавали аллитерирующий эффект. Например, простая фраза «пожертвования будут делаться в твоём храме, о сокол в пестром оперении» звучала наподобие скороговорки: «шеспу эр шеспет эк шенбет сабшувт». После произнесения фразы, что богиня «Нехбет покарает того, кто покушается на твою неприкосновенную землю», по-египетски «шатат хер шеми шаш шау эк шата»*, фараон пронзал копьем врагов Гора, говоря: «В руках у меня копьё. Им я отгоню тех, кто таится во мраке, я проткну и

* См.: *Watterson B. The Use of Alliteration in Ptolemaic, Glimpses of Ancient Egypt: Studies in Honour of H. W. Fairman* (eds. Ruffle J. et al.). — Warminster: Aris & Phillips, 1979, pp. 167—169.

рассеку их тела, я отражу их нападение на Гора в пестром оперении»*.

Эта демонстрация решимости пустить в дело копье и вообще уничтожить темные силы имела целью представить царя защитником богов, которые, в свою очередь, защищали Египет. Боги не оставались безразличными, ибо недаром Птолемеи завладели территорией, охватывающей Египет, Ливию, Израиль, Иорданию, Сирию, Ливан, Кипр, Киликию, Памфилию, Ликию, Карию, часть Ионии в современной Турции, часть Фракии, греческий Пелопоннес и бассейн Эгейского мира.

Оправдав египетский эпитет «стойкого защитника богов и заступника Египта», шестидесятидвухлетний Птолемей III умер зимой 222 года до н.э. Церемонию кремации проводила его вдова и преемница Береника II, которая сделала соправителем своего двадцатилетнего сына Птолемея IV (221—205 гг. до н.э.). Тем не менее эпитет Птолемея Филопатор («любящий отца») никак не вязался с его чувствами к матери, чья популярность мешала осуществлению амбиций влиятельных придворных в окружении ее сумасбродного сына. Во время ужасающей чистки Береника II и все ее дети были убиты за исключением четырнадцатилетней Арсиной, которую пощадили, чтобы устроить свадьбу с братом, после чего они стали называться «любящими отца богами». Хотя молодая Арсиноя III отождествлялась с Афродитой и Исидой, постоянно грустное выражение лица на портретах отражало далеко не радостные события, сопутствовавшие восхождению на престол, и испытанную горечь от того, что брат-муж продолжительное время поддерживал отношения с Агафоклеей, дочерью Птолемея III от его честолюбивой любовницы Энанты.

* Храмовые тексты, приведенные в издании: *Quirke S. (ed.) The Temple in Ancient Egypt: New Discoveries and Recent Research.* — London: BMR, 1997, p. 183.

Веда такой же роскошный образ жизни, как и царь, Агафоклея и ее брат Агафокл оказывали тлетворное влияние на Птолемея IV, который, несмотря на то что рос в нормальных условиях и получил великолепное образование, был «испорчен распутством и вином, <...> а делами первостепенной важности правила царская любовница Агафоклея и ее мать Энанта, содержательница притона»*. Даже спартанский царь Клеомен, живя в изгнании при дворе и будучи царским советником при последнем режиме, «собственными глазами видел все язвы египетского царства»**. Его убили, а истерзанный труп выставили на всеобщее обозрение***.

В 217 году до н.э. у Птолемеев возникли проблемы, когда селевкидский царь Антиох III отвоевал Сирию и двинулся на Египет с семидесятитысячным войском и сотней индийских слонов. Чтобы собрать равную по силе армию, огромное число египтян стали срочно обучать македонской военной тактике, на громадных судах доставили по Красному морю семьдесят три африканских слона, плохо поддающихся дрессировке. Отрезав по примеру матери прядь волос в качестве жертвоприношения богам, хрупкая Арсиноя III обратилась к воинам, — сейчас ее изображают с копьем в руках, — перед началом битвы при Рафии 22 июня. К великому удивлению, египтяне одержали победу, и, вернув себе всю Сирию, монархи-победители вернулись домой, встреченные ликующим народом. Но когда до египтян стало доходить, в чьих руках сосредоточена власть, в Среднем Египте начались серьезные волнения, перекинувшиеся на дельту.

Не лучшим образом обстояли дела и у союзников Птолемеев в Риме. После вторжения армии Ганнибала с его

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 293.

** Там же.

*** Согласно Плутарху, Клеомен покончил жизнь самоубийством после неудачной попытки поднять восстание в Александрии, а его труп, зашитый в звериную шкуру, был распят. — *Примеч. пер.*

знаменитыми слонами римляне запросили и получили экстренные поставки египетского зерна. В знак благодарности они выпустили золотые монеты с изображением бога войны Марса и царского орла Птолемея, а также направили послов в Египет с подарками царю и царице, чтобы «напомнить о старой дружбе и возобновить ее»*.

В числе подарков царю была послана нарядная пурпурная тога, но такого рода одежда едва ли понравилась Птолемею IV, который, как и его предшественники, для демонстрации силы выставлял напоказ богатство. Он регулярно воздавал почести богу царского дома, изображал «нового Диониса» и сделал себе татуировку в виде ветви плюща — священного растения этого бога. С венком из плюща на голове и «тимпаном в руке [он] обходил дворец, собирая подаяния для богини»**, и участвовал в обрядах, сопровождавшихся обильными возлияниями.

Птолемей IV подражал Александру, который во время культовых мистерий напивался в сильной степени. Поэтому неудивительно, что величайшим достижением Птолемея IV, к чему, вероятно, приложили руку и его родители, было создание мавзолея Александра. В центре города, на северной стороне Канопской дороги, Птолемей IV построил мемориальное здание — Сема, где перезахоронил своих предков, включая останки матери и Александра Македонского, перенеся их из прежней мраморной гробницы.

По свидетельству Страбона, «частью дворцовых помещений царей являлась так называемая Сема. Это была ограда, где находились гробницы царей и Александра»***. Тело и гробница бесследно исчезли столетия назад, хотя «усыпальница была достойна славы Александра по размерам и архитектуре»****. Согласно отрывочной информации, она

* Текст приводится по изданию: *Тит Ливий*. История Рима от основания города. В 3 т. Т. 2. — М.: Ладомир, 2002, с. 339.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 293.

*** *Страбон*. Указ. соч., с. 537.

**** *Диодор*. Историческая библиотека XVIII. 28.

представляла собой высокое, внушительное строение, вероятно круглое, со зданием в виде пирамиды наверху. В подземной погребальной камере или внутреннем святилище находились урны с прахом Птолемея I, Птолемея II, Птолемея III и их жен — Береники I, Арсиной II и Береники II рядом с мумией Александра, покоившегося в золотом гробу и каменном саркофаге.

Мавзолей Сема притягивал древние силы Александра во благо Птолемеев точно так же, как храм в Эдфу собирал вместе силы царских предков во благо Египта. Пока завершалось оформление внутреннего убранства в храме в Эдфу, южнее, в Нубии, шло строительство нового храма Гора, в настенных надписях которого упоминалась Арсиноя III. Ей воздавались почести за рождение сына — первого ребенка из рода Птолемеев, появившегося на свет в браке между родными братом и сестрой. Весьма грустного, как и мать, мальчика, названного Птолемеем, сделали соправителем вскоре после рождения в октябре 210 года до н.э. Вероятно, из-за того что он оказался единственным ребенком, Арсиноя III постоянно умоляла своего брата-мужа прекратить оргии во дворце. Но он продолжал предаваться «непристойной любви, неумеренным и непрерывным попойкам. Как и следовало ожидать, очень скоро нашлось много людей, которые злоумышляли на его жизнь и власть»*.

В 207 году до н.э. Хорвеннефер из Фив провозгласил себя фараоном при поддержке карнакских жрецов, вставших в прямую оппозицию к Птолемеям и их союзникам-жрецам в Мемфисе. Юг откололся от Египта и скатился к анархии. В конце 205 года до н.э. Птолемей IV, не дожив до сорока лет, умер. Придворные замалчивали его смерть, убили Арсиною III и тайно кремировали чету, после чего поставили одинаковые серебряные урны с их прахом рядом с Александром в его достроенной гробнице.

* Текст приводится по изданию: *Полубий*. Всеобщая история. В 2 т. Т. 1 / Пер. с греч. Ф. Мищенко. М.: СПб., Наука, 2005, с. 435.

Их шестилетний сын был провозглашен Птолемеем V, а семья Агафокла взяла над ним опекунство, удерживая в своих руках власть угрозами и насилием, пока дело не дошло до конфликта, выразившегося в том, что Энанта приказала своему телохранителю бить молящихся в храме за непочтительное отношение. Возмущенные насилием александрийцы ворвались во дворец, схватили Агафокла и вывели его на ристалище, чтобы расправиться с ним. Сестру, мать и других родственниц также привели на ристалище для расправы. «Мятежники кусали их, кололи копьями, вырывали глаза; чуть кто падал, его терзали на куски, и так замучили всех до последнего. Вообще египтяне в ярости страшно свирепы»*.

Пока придворные греки боролись за власть в Александрии, царские сановники на местах проявляли пассивность, и к 200 году до н.э. селевкидский царь Антиох III вознамерился взять реванш за поражение в битве при Рафии и в союзе с Македонией готовился к вторжению в Египет. Перед лицом этой угрозы министры Птолемея V обратились к Риму за помощью. Разгромив наконец своего злейшего врага, карфагенского полководца Ганнибала, римляне только обрадовались, получив возможность помочь Египту и напасть на Македонию. В 197 году до н.э. они одержали над ней победу.

В том же году тринадцатилетний Птолемей V отметил свое совершеннолетие и перенес царскую столицу из Александрии в относительно безопасный Мемфис, к великой радости тамошних жрецов. После того как царские войска вновь овладели Фивами, вспыхнувшее прежде восстание в дельте было жестоко подавлено, и его главарей осудили свои же сограждане в среде священников. Затем в Мемфисе царь публично «наказал их, как они того заслуживали»**.

* *Полибий*. Указ. соч. Т. 2, с. 254.

** Отрывок из греческой части надписи на Розеттском камне.

Несомненно, их забили до смерти палками с привязанными к ним камнями — освещенным веками способом. Крайней кульминацией мероприятий в Мемфисе стала коронация царя по традиционному обычаю, состоявшаяся 26 марта 196 года до н.э., то есть восемь лет спустя после фактического восшествия на престол. Верховный жрец Гармахис возложил на голову фараона красно-белую корону объединенного Египта и назвал Птолемея V Эпифана (Богоявленный) «богом, сыном бога и богини, подобным Гору, сыну Исиды и Осириса»* — явная аллюзия на его родословную.

Затем египетские жрецы и греческий священнослужитель культа Александра собрались вместе и издали совместный декрет, где говорилось, что Птолемей V установил порядок, потратил большие суммы на храмы и «сделал множество подарков <...> священным животным Египта»**. Декрет записали на греческом и египетском языке для широкого ознакомления с ним на стелах, установленных повсюду в стране. Наиболее известная из них находилась в храме Нейт в Саисе. В качестве строительного камня она оказалась позднее в Розетте, и еще через две тысячи лет эта плита дала ключ к дешифровке иероглифов.

Вскоре после коронации состоялось царское бракосочетание, и тогда Антиох III изменил свои планы. Вместо того чтобы напасть на Египет, он пожелал заключить с ним союз и предложил юному фараону руку своей десятилетней дочери Клеопатры и всю Келесирию (Полую Сирию, область между горами Левана от Киликии до Газы) в качестве приданого. Когда молодые поженились в 194 году до н.э. в Рафии, Египет получил селевкидскую территорию не в результате военных действий, а благодаря матримониальным отношениям.

* Отрывок из греческой части надписи на Розеттском камне.

** Там же.

Супружеская пара взяла себе эпитет «Знамение и явление божье». Клеопатру называли «женским олицетворением Гора», равнозначным мужу, и даже Рим признавал «египетских царей — Птолемея и Клеопатру»*. Известная как Сирийка, первая правившая в Египте Клеопатра внесла в птолемеевский род струю свежей крови, поскольку была потомком персиянки Апамы, жены македонца Селевка I, а ее мать происходила из царской семьи Понта в Малой Азии (современная Турция). Но Клеопатра не унаследовала ни резких черт отца, ни малопривлекательную внешность своих предков по материнской линии, имевших широкий нос. С точеным профилем, уложенными кольцами волосами, как у Береники II на киренский манер, и в платье, похожем на наряд Исиды, она выглядела настоящей богиней.

После дочери, которую называли Клеопатрой, у монаршей четы родился сын Птолемей. Это произошло, когда царские войска снова овладели Фивами, покончив с двадцатилетним периодом анархии. Тамошние жрецы бежали в Нубию, а мятежного фараона бросили в темницу, но потом по совету жрецов Мемфиса простили ради достижения примирения. Во время этой пиар-кампании супруги совершили путешествие вверх по Нилу на юг страны до Филэ, появляясь перед вновь завоеванными подданными. Местные жрецы поздравили монархов с подавлением восстания в Фиваиде и рождением сына.

Продолжая поддерживать хорошие отношения с Римом, правители Египта также возобновили союз с греческими полисами. На официальном приеме по случаю возобновления союза речь зашла о физическом состоянии фараона. Всех интересовало, может ли он на скаку поразить копьём быка. В последние годы популярность Птолемея V среди подданных заметно снизилась в связи с тем, что он отменил введенные ранее налоговые послабления и стал требовать боль-

* *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3, с. 155.

шие пожертвования от греческих придворных на военную кампанию против Сирии. Весной 180 года до н.э. двадцатидевятилетнего царя отравили его военачальники. Он был первым из династии, кого бальзамировали после смерти. Похоронили его предположительно в мавзолее Александра и Птолемея, а наследницей престола стала его вдова, двадцатичетырехлетняя Клеопатра I, которая в традициях двойной мужско-женской династии взяла соправителем своего старшего сына, шестилетнего Птолемея VI. Официально провозглашенные «фараоны, явленная богиня-мать Клеопатра и явленный бог Птолемей, сын Птолемея»*, стали приравняться к Исиде и Гору, а сын получил греческий эпитет «Филометор», что значит «Любящий мать».

Отменив планы военной кампании против селевкидских родственников в Сирии, Клеопатра мирной внутренней политикой снискала всеобщую любовь. Ее македонским именем стали называть детей повсюду в стране. Одна преисполненная гордости женщина, став бабушкой, написала дочери: «Не раздумывай и назови малютку Клеопатрой»**. Когда царица неожиданно умерла в апреле 176 года до н.э. в возрасте двадцати восьми лет, ей воздавали почести жрецы из Фив, а не служители культа из Александрии. Этот факт свидетельствовал, что в царской столице не поддерживали просирийскую позицию.

Придворные быстро женили десятилетнего царя Птолемея VI на его сестре Клеопатре II, чтобы не допустить женьитьбы на какой-нибудь иностранке, строящей козни против Египта. Советники малолетнего монарха рекомендовали начать войну против Сирии, правитель которой Антиох IV, брат покойной Клеопатры I, на правах дяди собирался отнять у юной царицы трон. Затем, чтобы не дать ему мани-

* См.: *Whitehorne J.* Cleopatra – London: Routledge, 2001, p. 88.

** См.: *Rowlandson J.* (ed.) Women and Society in Greek and Roman Egypt: a sourcebook. – Cambridge, Cambridge University Press, 1998, p. 292.

пулировал самым младшим Птолемеем как пешкой, мальчика сделали соправителем с двумя другими детьми, создав объединенную трехстороннюю форму правления.

После вторжения в Египет в 169 году до н.э. Антиох IV быстро захватил Мемфис и, взяв несовершеннолетнего племянника Птолемея VI под «протекцию» селевкидской семьи, короновался как соправитель по египетскому обычаю. Но сирийский фараон правил совсем недолго и запомнился дикими оргиями. Однажды, «когда пиршество подходило к концу и многие уже удалились, шуты внесли царя, закутанного с головы до ног <...>. Вскочивши под возбуждающие звуки музыки, он плясал и представлял вместе с шутами, так что все от стыда разбежались»*.

После коронации этот экстравагантный монарх двинулся на Александрию, где Клеопатра II и ее младший брат создали свою монархическую власть, поддерживаемую гражданами, способными отразить нападение Антиоха. Рим, заинтересованный в нейтралитете Египта и Сирии, пока он воюет с Македонией, направил послов в Александрию, они приказали Антиоху IV немедленно покинуть Египет. Ему ничего не оставалось, как уйти из страны, что он и сделал 30 июля 168 года до н.э., и Египет стал фактически протекторатом Рима. Молодым царям римские послы в несколько категоричной форме заявили, что впредь они могут «полагать вернейший залог спокойствия для их царства в покровительстве народа римского»**.

Трое молодых монархов, Птолемей VI, Клеопатра II и Птолемей VIII, которых величали «Теи филотетрис» («Любящие мать боги»), правили вместе, пока не разразился голод, приведший к тому, что в стране начались волнения и Фивы снова провозгласили независимость. Когда Птолемей VI выступил на юг для подавления мятежников, его

* *Афиней*. Указ. соч., с. 254.

** *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3, с. 557.

сверг младший брат Птолемей VIII при поддержке жителей Александрии. Низложенный царь отправился в Рим, чтобы пожаловаться своим покровителям отцам-сенаторам, но надобность в этом уже отпала, поскольку александрийцы вскоре свергли алчного до власти Птолея VIII и попросили бывшего повелителя вернуться. Увидев собственными глазами слабость Египта, римляне побеспокоились о том, чтобы поделить царство: Птолемей VIII должен был получить Киренаику, а у Птолея VI с Клеопатрой II оставался Египет.

Возобновив совместное правление, «фараоны, явленные боги Птолемей и Клеопатра», всячески старались поддержать свое реноме в глазах египетских подданных: они расположились в царском дворце в Мемфисе, принимали прошения и жалобы и приглашали на обеды местную элиту. Во время официальной поездки на юг в 156 году до н.э. они присутствовали при совершении культовых обрядов, посвященных быку Бухису в Фивах, занимались делами в Эдфу, Эсне и Филэ, а также заложили новый храм в Омбосе (Ком Омбо). Он был посвящен богу-крокодилу Себеку и Гору Старшему — Хароерису, и строительство его святилища частично оплатил местный гарнизон в знак преданности юному царю и царице.

Сходные чувства проявили и иудейские войска, когда Птолемей и Клеопатра предоставили убежище иудейскому первосвященнику Хонию IV после осквернения Иерусалимского храма их общим врагом Антиохом IV. Они разрешили Хонию построить в расположенном в дельте городе Леонтополе (современный Тель-эль-Яхудиа, что значит «Еврейский холм») на месте древнего святилища богини-кошки Бастет храм, аналогичный Иерусалимскому, только меньший по размерам. Этот мудрый шаг привлек в уязвимый пограничный район иудейских поселенцев, которые стали участвовать в защите пути, ведущего в Мемфис.

При наличии египетских баз по всему Эгейскому морю к юным монархам с большим уважением относились во всем греческом мире, хотя в Кирене их младший брат Птолемей VIII продолжал полагаться на помощь римлян и завещал свои богатства Риму. Он даже сделал предложение очень богатой римской даме, но она не приняла его. Когда у Птолемея VIII родился побочный сын Птолемей Апион от любовницы Ирены, старшие брат и сестра Птолемея VIII исключили его из числа наследников египетского престола, потому что у них родились свои дети. Старшего из них Птолемея Евпатора («Знатного») они называли своим наследником, но после его безвременной кончины их преемником стал его младший брат Птолемей VII. Однако произвести на свет будущих монархов Птолемеевой и Селевкидовской династии было суждено двум дочерям этой четы. Так что при столь сложных родственных отношениях уместнее говорить не о фамильном древе, а «генеалогической паутине».

После того как решительный по натуре Птолемей VI овладел Сирией, он выдал свою старшую дочь Клеопатру Теу за селевкидского царя Валаса, но тот оказался настолько беспомощным, что Птолемей VI расторгнул брак и сам завладел тронem. Венчанный на царство во время пышной церемонии в Антиохии, он выдал свою дочь во второй раз за соперника Валаса и вместе с новым зятем нанес последнему сокрушительное поражение. Валас бежал к царю Набатей, где был убит, а его голову выслали Птолемею VI. Но в момент величайшего триумфа сорокаоднолетний царь птолемеевского Египта и селевкидовской Сирии был сброшен с лошади и впал в кому. Через несколько дней после сражения он умер.

Клеопатра II сразу сделала своего семнадцатилетнего сына Птолемея VII соправителем. Это известие вскоре дошло до Кирены, и Птолемей VIII вторгся в Египет. Хотя он

обещал пощадить молодого царя, если Клеопатра II выйдет за него замуж, Птолемея VII убили «в объятиях его матери»* во время свадебной церемонии. Затем в ходе массовых репрессий против сторонников прежнего режима Птолемей VIII, «перебив многих александрийцев, вынудил бежать множество граждан, выросших при его брате, и все острова и города наполнились грамматиками, философами, геометрами, музыкантами, живописцами, учителями гимнастики и многими другими искусниками»**. Естественно, Птолемея VIII стали изображать невероятным чудовищем, и вместо эпитета «Эвергет» (Благодетель) он получил прозвище «Какергерг» (Злодей), и хотя александрийцы знали, что он именуется «Трифоном» (Великолепным), они обычно называли его «Фисконом» (Пузатым).

Безобразно толстый и низкий ростом, Фискон во всем своем неприглядном виде предстал перед римскими послами в 139 году до н.э. Демонстративно отказавшись от своего обычного переносного кресла, он лично встретил гостей на пристани, дабы сопроводить их до дворца, находившегося поблизости. Нисколько не чувствуя себя стесненными в присутствии фараона, римляне с усмешкой заметили: «Вот какую услугу оказали мы александрийцам нашей поездкой: дали им посмотреть, как их царь пешком ходит!»*** Вместо того чтобы восхищаться царскими одеждами из тончайшей просвечивающейся ткани, гости испытали отвращение при виде человека, «совершенно заплывшего жиром и с необхватным животом»****.

Республиканские идеалы Рима противоречили выставлению напоказ богатства, чем отличались Птолемеи, не го-

* Юстин Марк Юниан. Эпитома сочинения Помпея Трога «*Historiae Philippicae*» / Пер. с лат. А.А. Деконского, М.И. Рижского. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2005, с. 212.

** Афиней. Указ. соч., с. 256.

*** Текст приводится по изданию: Плутарх. Застольные беседы. Изречения царей и полководцев. — Л.: Наука, 1999, с. 377.

**** Афиней. Пир мудрецов XII. 549.

воря уже о макияже, парфюмерии, париках и драгоценностях, к которым благосклонно относились египтяне обоих полов. Послы сообщили сенату, что они «поразились численности населения в Египте и изобилию природных богатств», отметив, что «держава могла бы сохранить свою мощь, если бы нашлись умелые правители»*.

Тем не менее, при всех своих недостатках, Птолемей Фискон понимал, что будущее Египта зависит от его народа. Фискон способствовал развитию национальной культуры, назначая египтян на высокие посты, и довел отношения короны со жречеством Мемфиса до логического конца, заключив династический брак между церковью и государством. Факт, обойденный вниманием классических источников: Фискон выдал одну из своих младших дочерей Беренику, рожденную от наложницы, за сына верховного жреца Петубастиса I, который короновал его в Мемфисе в 145 году до н.э. А когда соправительница Фискона, Клеопатра II, родила сына, они назвали его Птолемей Мемфисец, дабы укрепить связи с духовной столицей Египта. Позднее его изобразят как их наследника на настенных рисунках храма Эдфу, открытого 9 сентября 142 года до н.э. в присутствии царствующих брата и сестры — «двух Горов».

Но править вместе со старшей сестрой, пользовавшейся большей популярностью, никогда не устраивало Фискона, и психологически мастерским ходом он заменяет ее более молодым персонажем — честолюбивой дочерью Клеопатрой III. Когда дядюшка и племянница родили своего первенца 18 февраля 142 года до н.э., в тот же самый день, когда родился новый бык Апис, Клеопатра III начала бесстыдную кампанию по представлению себя в качестве земного воплощения Исиды, чтобы противодействовать притязаниям матери на какую-то божественность.

* См.: Diodorus 28b. 3 in *Walker S. and Huggs H. Cleopatra of Egypt: from History to Myth.* — London: BMP, 2001, p. 20.

Хотя Фискон женился на племяннице, только когда она родила ребенка, попытки супругов нейтрализовать Клеопатру II оказались безуспешными. Она была решительно настроена сохранить в своих руках власть, которая принадлежала ей по рождению, а не досталась благодаря замужеству, и народная поддержка означала, что дядя и племянница обязаны согласиться с совместным трехсторонним правлением. Когда женщины появлялись вместе, их различали по тому, кто сестра, а кто жена. Из них более плодотворной оказалась жена, Клеопатра III, которая до 135 года до н.э. родила пятерых детей: будущих Птолемея IX и X и трех дочерей — Клеопатру Трифену, Клеопатру IV и Клеопатру Селену.

Опасаясь за жизнь своего единственного оставшегося сына Мемфисца, достигавшего совершеннолетия, сорокалетняя Клеопатра II отправила его в Кирену и предприняла шаги, чтобы единолично завладеть тронem. После острой внутриворцовой борьбы верные ей иудейские войска и александрийцы в 132 году до н.э. наконец изгнали Фискона и его семейку и снесли его статуи. Лишенный титулов, Фискон бежал на Кипр, а Клеопатра провозгласила себя единоличной правительницей Египта, взяв себе амбициозный эпитет «Любящая мать богиня-спасительница». Она вернула не только титул бывшего мужа, но и часть титула первого Птолемея, чтобы показать династические амбиции, ибо, как подозревал Фискон, собиралась вернуть четырнадцатилетнего Мемфисца и сделать его соправителем. Но Фискон опередил ее, он вызвал их сына на Кипр и убил его. Потом набальзамировал его тело и по частям отослал матери, которая показала их александрийцам, дабы они видели деяния их бывшего царя.

Клеопатра II правила одна в течение года, но потом бежала в Антиохию с царской казной, когда Фискон захватил Александрию и расправился с ее сторонниками — заживо сжег на арене гимнасия. Однако из-за начавшихся волнений

в районе Фив Фискону не оставалось ничего, кроме как пойти на примирение, и Клеопатра снова взяла на себя роль «сестры» рядом с презренным братом и дочерью.

Пытаясь сохранить влияние за рубежом, Фискон и Клеопатра III послали своего сына Птолемея IX править на Кипре. В селевкидской Сирии они продолжали династические интриги против Клеопатры II, чья старшая дочь Теа правила там, состоя в браке поочередно с тремя селевкидскими царями. Сделав предложение одному, убив другого и даже застрелив из лука одного из своих сыновей, Теа неохотно сделала соправителем своего сына-подростка Антиоха VIII Грипа, «крючконосого», которого ей предложили женить на старшей дочери Фискона — Трифене и сделать ее царицей. Чтобы не допустить этого союза, Теа хотела отравить Грипа, но он заставил мать саму выпить яд, после чего она умерла.

Потеряв из-за амбиций своего брата Фискона четверых из пяти детей, — двоих он убил сам, дочь Теа была мертва, а младшая дочь стала ее злейшим врагом, — Клеопатра II по крайней мере могла довольствоваться тем, что пережила ненавистного младшего брата, который умер 28 июня 116 года до н.э. И ничего удивительного, что он не упомянул ее в завещании: Фискон передал Киренаику своему старшему сыну Птолемею Апиону, а Египет и Кипр — Клеопатре III и оставил за ней право назначать соправителем любого из сыновей. Она отдала предпочтение младшему, более покладистому сыну, но ее мать и александрийцы настаивали, чтобы новым царем стал старший сын. Таким образом, образовалась новая трехсторонняя монархическая власть, включавшая представителей из трех поколений: к двум Клеопатрам — матери и дочери — присоединился двадцатилетний Птолемей IX Сотер, прозванный Лафуром. Клеопатра II вскоре умерла, продержавшись на троне почти шестьдесят полных событиями лет.

Клеопатра III, освободившись наконец от двух монархов, доминировавших в ее жизни на протяжении большей части второго столетия до н.э., стала фараоном, «женщиной-Гором» и «дочерью Ра». Она избавилась также от никогда не устраивавшего ее статуса соправительницы, и древние источники признают, что «мы не знаем ни одного из царей, который был бы так ненавидим своей матерью»*. Кроме того, Клеопатра III использовала всех своих детей в политических целях. Так, старшую дочь Трифену выдала за Грива Сирийского, среднюю дочь Клеопатру IV, отданную в жены ее брату Птолемею Лафуру, заставила развестись, когда он стал соправителем, потому что не хотела иметь своевольную дочь в качестве соперницы. В ярости Клеопатра IV уехала в Сирию и вышла замуж за своего кузена Антиоха IX, враждовавшего со сводным братом Грипом и его женой Трифеной, вскоре вражда разгорелась и между сестрами. После того как Трифена приказала убить свою младшую сестру, которая скрывалась в храме Аполлона (ей отрубили руки, когда она в отчаянии цеплялась за статую бога), Антиох IX отомстил, принеся в жертву Трифену духу ее сестры, своей убитой жены.

Между тем в Египте у Клеопатры III еще оставалась одна дочь, юная Клеопатра Селена, которую выдали замуж за Лафура, чтобы создать тройственную монархию, состоящую из матери, сына и дочери, где первенствовала бы, конечно, Клеопатра III. У Лафура и Селены родились несколько детей. Лафур занялся исполнением религиозных обязанностей как жрец культа Александра и приверженец поклонения священным животным, и в 115 году до н.э. направился через всю страну в Элефантину на праздник разлива Нила. Клеопатра III решила воспользоваться этим случаем, чтобы заменить Лафура своим младшим сыном, и обвинила Лафура в том, что он пытался убить ее. Толпа хотела расправиться

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 1, с. 57.*

с ним, но ему удалось спастись и бежать на корабле, бросив сестру-жену Селену и детей, двоих из которых якобы назвали Птолемеями. Теперь Клеопатра III могла править вместе со своим послушным младшим сыном Птолемеем X, который, чтобы подчеркнуть официальный титул «Александр I», позаимствовал особенный шлем с белыми перьями своего знаменитого тезки. Он также перенял от низложенного брата роль жреца культа Александра, по крайней мере на то время, пока его матери не пришлось в голову самой играть эту ранее мужскую роль, и она даже стала надевать головной убор из слоновьей кожи, какой был у Александра. Хотя в ношении традиционно мужской одежды Клеопатра III подражала предшественницам, ее стремление представить себя на равных с царями часто приводило к тому, что в портретных изображениях появлялись ярко выраженные мужские черты.

Исполняя традиционно мужские роли в египетских храмах, Клеопатра III одна стояла перед Гором в Эдфу, а в скальном храме Эль-Каба* одна совершала ритуалы, имея странный эпитет «женщина в образе Гора, владычица Верхнего и Нижнего Египта, могучий бык». Таким образом, теперь она была не только божественной, но и бесполой, чтобы, как пишет Дж. Уайтхорн, «стать и царем, и царицей, богом и богиней»**, и ей поклонялись как живой Исиде, Клеопатре-Афродите с не менее чем пятью личными культами. Но гипертрофированная мания величия претила александрийцам, которые называли ее «Кокке», то есть «багряная», что на жаргоне значило «женские гениталии», и это было самое отвратительное прозвище из всех, что присваивались кому бы то ни было из Птолемеев.

* Эль-Каб — древнеегипетский город на восточном берегу Нила напротив Иераконполя, древнеегипетское название Нехеб и древнегреческое — Эйлетиасполь. — *Примеч. пер.*

** См.: *Whitehorne J. Cleopatras.* — London: Routledge, 2001, p. 147.

Несомненно, у ее старшего сына Лафура имелись веские основания ненавидеть мать. Чтобы спасти свою жизнь, он бежал на Кипр, а Клеопатра III послала туда ударную команду, и он бежал дальше, в селевкидскую Сирию, к своему двоюродному брату Антиоху IX, при поддержке которого ему удалось отвоевать Кипр и наметить планы вторжения в Египет. Но его безжалостная мать умела сводить счеты с людьми. Она заручилась поддержкой овдовевшего Грипа, отправив к нему свою дочь Клеопатру Селену, пребывавшую в одиночестве после вынужденного бегства ее мужа Лафура. Клеопатра III даже забрала их двоих сыновей вместе с сыном Птолемея X. Их посадили на корабль и погрузили на него все, чем дорожила царица, — ее завещание, огромное количество монет, произведения искусства, драгоценные камни, «женские украшения»*, отправив эти сокровища на остров Кос, где они должны были храниться в храме Асклепия.

Мать и сын снова схлестнулись во время так называемой «войны скипетров». Египетским сухопутным силам Клеопатры во главе с иудейскими военачальниками Хелкиасом и Ананией при поддержке флота под командованием Птолемея X удалось разбить Лафура и отнять большую часть Сирии. Но через несколько месяцев после этой величайшей победы Клеопатра III умерла, немного не дожив до шестидесятилетия. Поговаривали, что ее убил младший сын Птолемей X. Сам он женился на племяннице Беренике III, которая взяла династическое имя Клеопатра, выходя замуж за дядю, очень похожего на его пресловутого отца Фискона. Хотя десятый Птолемей был так толст, что мог передвигаться только при поддержке двух человек, «когда дело доходило до плясок во время пирушек, он вскакивал с высокого ложа, как был босиком, и выделял

* См.: *Антиан Александрийский*. Римская история. В 2 т. Т. 2. Внешние войны. — М.: Рубежи XXI, 2006, с. 262.

такие коленца, что с ним не могли сравниться профессиональные танцоры»*. Все же александрийцы отдавали предпочтение его брату Лафуру, называя Птолемея X «Коккесом»** («сыном Кокке»).

Однако отношения с египтянами претерпели существенные изменения, поскольку теперь члены царской семьи состояли в родстве с мемфисскими жрецами, после того как младшая сестра царя Птолемея, называемого Александром, вышла замуж за сына верховного жреца Петубастиса I Пшерптаха. Когда их юный сын «полуптолемей» Петубастис II стал преемником отца, Птолемей X возвел его в сан верховного жреца в Александрии, и он «пил вино на глазах у царя. Он [царь] вручил ему золотой жезл, посох уас, полотняную мантию от южного дома и кожаную одежду, которую полагалось надевать при совершении обрядов во время праздников и процессий в честь Птаха. Он [царь] возложил золотые украшения ему на голову по обычаю предков для семнадцатилетнего юноши»***.

Для поддержания тесных отношений между светской властью и религиозными лидерами Птолемей X и Клеопатра-Береника III наносили регулярные визиты в Мемфис и предоставляли все больше привилегий многим храмам — в частности, храму Гора в Африбисе. Сам царь называл его «превосходным и замечательным, одним из древнейших и наиболее известных»****. Но частая смена монархов при дворцовых переворотах создавала такие проблемы для каменщиков, что они стали оставлять царские картуши незаполненными, а когда в Фивах снова началось восстание, они и вовсе прекратили работу.

* *Афиней*. Пир мудрецов XII, 550.

** *Страбон*. Указ. соч., с. 537.

*** См.: *Reymond E.A.E.* From the Records of a Priestly Family From Memphis I. — Wiesbaden: Verlag Harrasswitz, 1981.

**** См.: *Dunand E., Zivie-Coche C.* Gods and Men in Egypt: 3000 BCE to 395 CE. — London: Cornell University Press, 2004, p. 209—210.

Огромная территория Киренаики была утрачена в 96 году до н.э., так как Птолемей Апион завещал ее Риму. Когда римляне оказались у самых западных границ Египта и его перспективы выглядели весьма безрадостно, греческие наемники Птолемея X в 89 году до н.э. низложили фараона, и тому пришлось бежать к своей могущественной сестре Селене. После убийства в 96 году до н.э. ее мужа Грива она предложила себя в жены сводному брату Антиоху IX, а после его смерти сделала двадцатилетнего пасынка и племянника Антиоха X своим четвертым супругом. В сорокалетнем возрасте она родила молодому мужу двух сыновей — последних селевкидских царей. При ее содействии Птолемей X собрал армию наемников и вернулся в Египет.

Но платить войскам было нечем. В отчаянии Птолемей X решил обратиться за помощью к своему тезке. Войдя в подземную погребальную камеру Сема в Александрии, где покоилась мумия Александра, он совершил самый ужасный кощунственный акт — похитил золотой саркофаг Александра Великого и переложил его прах в «гроб из прозрачного камня»*. Александрийцы, узнав, что золотой гроб их любимого Александра переплавлен, чтобы заплатить тем, кто сражался против них, пришли в ярость и прогнали Птолемея X из Египта. Они гнались за ним по морю почти до самого Кипра, и во время морского сражения он погиб.

Лафур, чей младший брат был убит буквально на пороге его дома, незамедлительно отплыл в Египет и снова стал фараоном. Празднуя во второй раз коронацию в Мемфисе, которую проводил его племянник Петубастис II, он взял к себе в соправительницы свою дочь Клеопатру-Беренику III, потому что та, как это знали даже римляне, по свидетельству Цицерона, пользовалась большой популярностью у александрийцев. Затем Лафур переключил внимание на продолжавшиеся волнения на юге. Верных короне людей он заверил,

* Страбон. Указ. соч., с. 537.

что «величайший из богов, царь Сотер, достиг Мемфиса и что Гиеракс во главе значительных сил направлен наводить порядок в Фивах. Мы информируем вас об этом, чтобы вы не теряли мужества»*.

Хотя «значительные силы» действовали эффективно и в Фивах восстановили порядок, неожиданно возникла серьезная внешняя угроза, когда римляне объявили, что Птолемей X завещал им Египет. Однако увязшие в собственных проблемах, многие римляне считали, что любой назначенный в Египет прокуратор будет представлять угрозу стабильности их и так уже шаткой республике. Поэтому при диктаторе Корнелии Сулле приняли решение, что пока Лафур может продолжать править.

Для внимательного отслеживания событий в 86 году до н.э. в Александрию прибыл сторонник Суллы полководец Лукулл, тепло встреченный Лафуrom, который подарил ему изумруд с вырезанным изображением царя. Расположившийся в гостевых апартаментах дворца, Лукулл был настолько поражен богатством и изобилием предметов искусства, что начал приобретать книги для своего дома в Риме и не жалел денег на коллекционирование произведений греческого искусства, подражая своему господину, Сулле, который вывез из Олимпии, Дельфы, Эпидавра и Афин большое количество произведений искусства в качестве образцов необходимой, хотя заимствованной культуры. На республику обрушилась лавина восточного богатства, и многие римляне сочли, что причина неизбежного упадка в «иностраных нравах» и «гнусной роскоши»**, привнесенной из-за рубежа.

Такие же несметные богатства достались Риму во время войны против Митридата VI Понтийского, который захватил остров Кос в 88 году до н.э., сокровища Клеопатры III и ее

* См.: *Maehler H. Egypt under the Last Ptolemies / Institute of Classical Studies Bulletin 30, 1983, p. 2.*

** *Ювенал. Сатиры / Пер. Д. Недовича. — СПб.: Алетейя, 1994, с. 64.*

внуков. Когда Сулла прибыл в Понтийское царство для мирных переговоров, одному из этих царевичей, сыну Птолемея X, удалось проникнуть в лагерь Суллы, его увезли в Рим, и он стал крайне важным осведомителем о делах Птолемея.

Лафур умер в возрасте шестидесяти одного года в 81 году до н.э., оставив Клеопатру-Беренику III единственной наследницей, и Рим воспользовался случаем, чтобы вмешаться. Следуя птолемеяевской традиции совместного правления в лице монархов мужского и женского пола, Сулла послал в Александрию своего юного протеже, царевича Птолемея, чтобы тот занял трон вместе с пользовавшейся большой популярностью, но уже немолодой мачехой и двоюродной сестрой. Хотя александрийцы прозвали его «Парисактом», («Узурпатором»), Птолемей XI полностью соответствовал статусу соправителя. Не желая довольствоваться ролью младшего партнера женщины после долгих лет отсутствия при дворе, он убил ее на девятнадцатый день совместного правления. Любой советник сказал бы ему, что это неразумный шаг: александрийцы, по обыкновению, ворвались во дворец, вытащили его в гимнасий и разорвали на куски с жестокостью, не виданной с тех пор, как они мстили за смерть Береники II и Арсинои III в 203 году до н.э.

Затем, несмотря на сомнительные утверждения, что молодой Птолемей XI якобы все завещал Риму, александрийцы, пользуясь своим македонским правом выбирать следующего царя, направили послов в Понт, дабы предложить корону Египта и Кипра оставшимся царевичам Птолемеям. По всей вероятности, они были сыновьями Лафура и Селены, но римляне, претендовавшие на Египет, заявили, что они незаконнорожденные*. Даже если они родились у одной из

* Старший царевич Птолемей стал Птолемеем XII Авлетом; его матерью, вероятнее всего, была сестра-жена Птолемея IX, Клеопатра Селена, хотя некоторые считают, что она была наложницей, возможно, сирийкой или гречанкой, а то даже и элитной египтянкой. «Специалисты

второстепенных жен Лафура, обычно называемых любовницами или наложницами в моногамной культуре, подобной Риму, такие обвинения ничего не значили в Египте или Македонии, где современная интерпретация законности рождения не служила неперенным условием для института монархии.

Невзирая на мнение Рима, новоизбранный египетский царь Птолемей, сухопарый мужчина с крючковатым носом двадцати пяти лет от роду, прибыл в конце 80 года до н.э. в Александрию, город, который он не видел с детства. В январе 79 года до н.э. он женился на Клеопатре V Трифене, вероятнее всего дочери Лафура и, возможно, Селены, потому что молодоженов называли «Любящими отца богами» и «Брато-сестролюбящими богами». Они серьезно отнеслись к своему божественному статусу, и если раньше к царям обращались «государь», то теперь все петиции к Птолемею XII начинались со слов «божественный государь». Он также принял эпитет «Неос Дионис», некогда принадлежавший Птолемею IV. Новый царь играл на флейте с большим мастерством и показал себя «не мужем, но флейтистом и фокусником»*, за что получил прозвище Авлет («Флейтист»), считавшееся почетным в культе Диониса. Такие музыкальные способности высоко ценили в среде спартанских военных, и музыка в греческой культуре занимала такое же место, как драма, уходившая корнями в дионисийские мистерии. Авлет в развевающейся накидке, венце из плюща и с рожками регулярно устраивал представления, вовлекая в них придворных. Так он почитал бога птолемеевского дома.

по генеалогии придерживаются общего мнения, что в настоящее время неизвестно, кем являлась по происхождению и, следовательно, по этнической принадлежности бабушка Клеопатры VII по материнской линии». См.: *Bianchi R.S.* «Images of Cleopatra VII Reconsidered», *Cleopatra Reassessed // British Museum Occasional Paper No. 103* (eds Walker S. and Ashton S.) — London: BMP, 2003, p. 13.

* *Афиней*. Указ. соч., с. 264.

Римляне неодобрительно относились к подобным выходкам, и, считая, что зазорно развязно плясать и открыто напиваться и что мужчина всегда должен быть прилично одет, писатель Ливий выразил мнение многих римлян, согласно которому македонцы в Египте «выродились»*.

Если абстрагироваться от дегенеративных увеселений, то первые пять лет правления Авлета были небогаты событиями, хотя отмечалась некоторая сдержанность в отношениях между царем и его двоюродным братом, верховным жрецом Петубастисом II, который, конечно, сам мог претендовать на трон. Но поскольку у Авлета имелось на него больше прав, Петубастис II довольствовался тем, что, соблюдая законный порядок престолонаследия, оставался духовным лидером египтян до своей смерти в 76 году до н.э. в Мемфисе. Примирение наступило после того, как его четырнадцатилетнего сына и преемника Пшеренптаха III возвели в сан верховного жреца во время пышной церемонии в Александрии. «Царь сам остановил военную колесницу. Он возложил мне на голову золотой венец славы с фигурой царя и украшенный настоящими драгоценными камнями. Меня сделали его пророком»**.

Облеченный полномочиями царственного двоюродного племянника Авлета, Пшеренптах III ответил любезностью на любезность во время запоздалой коронации в Мемфисе, на которой Птолемей XII Филопатор Филадельф Неос Дионис получил традиционное культовое имя «Наследник Бога-Спасителя, избранник Птаха, образ правды». И тогда юный верховный жрец гордо произнес: «Я возложил урею*** на голову царя в день объединения Двух Земель и совершил

* *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3, с. 232.

** Здесь и ниже приводятся отрывки из текста, высеченного на базальтовой стеле Пшеренптаха. 40 год до н.э. Стела хранится в Британском музее в Лондоне. — *Примеч. пер.*

*** Урей — у древних египтян символ царского величия и власти на короне в виде кобры с раздутым воротником. — *Примеч. пер.*

все обряды во Дворце юбилеев. Я также совершил службу, скрытую от посторонних глаз». Тот же самый источник сообщает, что царская семья совершила поездку по стране, а потом в Мемфисе состоялся государственный прием, на котором царь «с придворными, женами, царскими отпрысками вкушали еду и приятно проводили время и присутствовали на празднике всех богов и богинь».

Хотя Авлет и Клеопатра V Трифена произвели на свет дочь Беренику IV в период между 80 и 75 годами до н.э., упоминание о «его женах» и «царских отпрысках» свидетельствует, что были и другие женщины, чьи дети официально признавались у египтян законными, несмотря на утверждение римлян, что Береника IV была единственной «законной» дочерью Авлета, лишь на том основании, что она родилась от его первой жены Клеопатры V Трифены. Тем не менее по какой-то причине Трифена попала в немилость, и ее имя не встречается в официальных источниках после августа 69 года до н.э., когда, как известно, родилась вторая дочь от женщины, личность, возраст и даже национальность которой неизвестны.

И это загадочное обстоятельство, конечно, разочаровывает, поскольку тем ребенком была Клеопатра Великая.

ЧАСТЬ II

3

БОГИНЯ НА ИСТОРИЧЕСКОЙ АРЕНЕ: ЮНЫЕ ГОДЫ КЛЕОПАТРЫ

Итак, можно предположить, что матерью Клеопатры была одна из второстепенных жен Авлета, упомянутых в египетских источниках, скорее всего аристократка из династии мемфисских жрецов*. Если это так, тогда понятно, почему Клеопатра хорошо знала культуру и язык коренного народа. Но при отсутствии прямых доказательств в пользу такого предположения некоторые ученые утверждают, что Клеопатра на тридцать две части была гречанкой, на двадцать семь частей — македонкой и на пять — персиянкой. И не-

* Хотя В. Хусс (*Huss W. Die Herkunft der Cleopatra Philopator. 1990*) и Г. Гельбл (*Hölbl G. A History of Ptolemaic Empire. — London: Routledge, 2001*) высказывают мнение, что мать Клеопатры VII была египтянкой, другие историки считают, что она «происходила из македонской знати» (*Bingen J. Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture. — Edinburgh: EUP, 2007*); если некоторые ученые утверждают, что Клеопатра была черной африканкой, то М. Хеймер (*Hamer M. Queen of Denial. 1996*) замечает: «Чернокожая царица — факт немислимый, чтобы быть признанным в современной Америке»; между тем М. Фосс (*Foss M. Search for Cleopatra. — London: Michael O'Mara, 1997*) констатирует: «Если она была черной, об этом никто не упоминает».

смотря на постоянные кровосмесительные отношения между братьями и сестрами в роду Птолемеев, где время от времени появлялись личности, страдавшие ожирением и психической неуравновешенностью, у самой Клеопатры ничего подобного не наблюдалось.

Детские годы она провела со своей старшей сестрой Береникой IV и тремя младшими детьми: сестрой Арсиной, которая родилась между 69 и 65 годами до н.э., и двумя братьями Птолемеями, родившимися в 61 и 59 годах до н.э. Как известно, заботу о старшем мальчике поручили евнуху по имени Потин. Все четверо младших детей Авлета, рожденные от разных матерей, считались совершенно законными в глазах египтян, и их величали «наши владыки и великие боги»*. С рождения слышавшая обращение к себе «Теа» («богиня»), Клеопатра усвоила свой божественный статус и в особенности прониклась осознанием его, когда посетила Сему вместе с отцом, который в царских регалиях, золотой короне и пурпурной мантии верховного жреца культа Александра совершал ритуалы перед телом их легендарного предка.

Семейный статус повышался благодаря кровной связи с Пшеренптахом III, верховным жрецом Мемфиса, действовавшим в роли «ока царя Верхнего Египта и уха царя Нижнего Египта». Он имел такой же статус царского доверенного лица, как и Горанх, верховный жрец Летополя, чья семья уже давно породнилась со жречеством Мемфиса и кто уже поддерживал Авлета, за что удостоился эпитета «возлюбленный бога и друг царя».

Получив щедрое вознаграждение в виде снижения налогов, жрецы — сторонники Авлета — принялись укреплять стабильность повсюду в стране. Когда начался новый период строительства храмов в Танисе, Медамуде и Ком Омбо, монументальный вход в Эдфу украсили громадными фигу-

* См.: *Grant M. Cleopatra.* — London: Dorset, 1972, p. 22.

рами Авлета, попирающего врагов, и фигурами его сестры-жены Клеопатры V Трифены, «дочери бога Солнца», которые позднее заделали из-за того, что она впала в немилость.

Благодаря возобновлению прямой торговли с Индией царская казна, оскудевшая из-за недавнего неурожая, частично пополнилась. Авлет назначил «военного наблюдателя за Красным и Индийским морем», который должен был пресекать вылазки набатейцев (арабских племен, населявших район современной Иордании), недовольных тем, что в их посреднических услугах больше не нуждались, и возобновил экспорт текстиля, вина, стекла и рабов с Африканского Рога. Приобретенные в Индии такие товары, как специи, смола, драгоценные камни, слоновая кость и шелк, экспортировались с большой прибылью.

Такие богатства вызвали у римлян еще больший интерес к царству Авлета, особенно в связи с тем, что протеже Суллы, Птолемей XI, как говорили, завещал Египет Риму. После окончания диктатуры Суллы в 78 году до н.э. власть в Риме перешла к трем честолюбивым полководцам: Гнею Помпею Магну, Гаю Юлию Цезарю и Марку Лицинию Крассу. Последний призывал аннексировать Египет.

Стараясь выиграть время и спасти свое царство от вторжения, Авлет не скупился на взятки различным римским сенаторам и помогал финансировать поход Помпея против понтийского царя Митридата VI. После его самоубийства римляне завладели всеми богатствами царства, в том числе бывшей казной Птолемеев, которую Митридат захватил на острове Кос. Добыча Помпея, привезенная в Рим, оказалась столь огромной, что сенат устроил для него триумфальный въезд в столицу, походивший на птолемеевские празднества с той лишь разницей, что по крайней мере пять тысяч солдат противника погибли в этом конфликте. За колесницей Помпея через город прошли вдова и дети Митридата, что явилось кульминацией триумфальной процессии. Сенсацию у толпы вызвала голова Помпея, сделанная из трофейного жемчуга.

Цезарь, понимая, что Помпей затмил его своей популярностью, стал искать способ, как взять реванш. Между тем Помпей не только добавил к своему имени эпитет Александра «Великий», но даже перенял стиль его прически с вздернутым локоном над бровью, чего Цезарю никогда не удалось бы повторить из-за редеющих волос.

Рим переключил внимание на некогда могущественную империю Селевкидов, чья овдовевшая царица Селена отправила двоих сыновей в Рим в 75 году до н.э. заявить права на трон Сирии и Египта на основании того, что они там родились. Но Рим отнюдь не собирался поддерживать подобные притязания: Помпей был послан на восток, чтобы прибрать к рукам Иудею при финансовой поддержке Авлета, а Египет находился в плотном окружении, учитывая, что римские войска постоянно пребывали на его северо-восточных границах, а также на западных, после того как сын Фискона Апион передал Риму Киренаику в 96 году до н.э.

В результате постепенного завоевания бывшей империи Александра римляне стояли уже у самого порога его города, и юная Клеопатра полностью осознавала опасность, представляемую ими для будущего ее семьи. Ее отец продолжал снабжать деньгами Помпея, и она не видела, как финансовые средства помогают сдерживать неизбежный натиск римлян. Традиционная птолемеевская демонстрация богатства, особенно бросавшегося в глаза во время шикарных пиров в честь Помпея, воспринималась подтверждением того, что Авлет может служить доступным источником средств, и при продолжавшейся раздаче денег лишь страх перед захватом римлянами удерживал александрийцев от открытого восстания.

Недовольство населения выражалось в спорадических вспышках насилия. По свидетельству древнегреческого историка Диодора, когда один из приезжих римлян непредумышленно убил кота, возмущенная толпа египтян окружила дом, где расположился римлянин. Они кричали и требо-

вали смерти. Ни посланные царем сановники, пытавшиеся увещеваниями образумить народ, ни страх перед Римом не спасли неосторожного. Его растерзали тут же на улице. Это событие, обычно воспринимаемое как проявление любви египтян к животным, приобретает гораздо больший смысл в антиримской атмосфере, сложившейся в 60 году до н.э.

Тогда же Помпей, Красс и Цезарь создали первый триумvirат, коллегия из трех лиц с целью разделения власти, скрепленную женитьбой Помпея на дочери Цезаря. Как сильные правители Римской республики они с максимальной выгодой воспользовались положением Авлета и по программе «деньги за трон» предложили ему крайне важный титул «друг и союзник римского народа» в знак благодарности за помощь в завоевании селевкидской территории.

Хотя этот жест явился чуть ли не гарантией того, что Египет не будет захвачен, титул Авлета обошелся казне в шесть тысяч талантов, что составляло почти весь годовой доход его царства. Из-за незначительного подъема уровня воды в Ниле и неурожайных лет, начавшегося голода и забастовок такую сумму не представлялось возможным собрать только за счет торговли, а повышение налогов вызвало бы открытое восстание. За неимением альтернативы Авлету пришлось взять в долг огромные суммы у состоятельного римского ростовщика Гая Рабирия Постума, чтобы заплатить Цезарю за долгожданный титул.

В 58 году до н.э. римляне захватили Кипр, где правил брат Авлета Птолемей, под предлогом, что тот якобы помогал пиратам нарушать римское судоходство. Гордый царь отклонил предложение о предоставлении ему взамен поста верховного жреца, предпочтя смерть унижению, и принял яд. Не желая лишиться нового и дорого обошедшегося ему титула «друг Рима», Авлет отказался помогать брату, и когда римляне завладели кипрской казной, александрийцы наконец взбунтовались. Воспользовавшись своим давним правом сменять монархов, они изгнали Авлета и посадили

на трон его старшую дочь Беренику IV, а соправительницей призвали Клеопатру V Трифену, которая десять лет провела в изгнании. Хотя позднее историки пришли к выводу, что она, вероятно, была еще одной дочерью Авлета, и присвоили ей имя Клеопатра VI, по-видимому, она была все же пятой и вернулась, чтобы сменить на троне своего брата и прежнего мужа.

Свергнутый летом 58 года до н.э. и опасавшийся за свою жизнь, Авлет бежал из дворца и из страны, но не остался в одиночестве. Согласно греческому источнику, с ним находилась одна из его дочерей, и поскольку старшая — Береника IV — стала царицей, а младшая Арсиноя только-только начала ходить, то принято считать, что речь идет о средней и любимой дочери — одиннадцатилетней Клеопатре*.

Покинув Александрию на корабле, отец и дочь поплыли на север и спустя неделю прибыли на Родос, где им оказали теплый прием. Жители острова уже давно относились к числу союзников Птолемеев и поклонялись Исиде. Их знаменитый Колосс Родосский — бронзовая, ста двадцати футов высотой статуя греческого бога Солнца Гелиоса с явными чертами Александра рухнула во время землетрясения, но, как писал Плиний Старший, даже лежащей она вызывала восхищение. Колосс, конечно, произвел огромное впечатление на молодую царевну.

И все-таки Авлет приплыл на Родос прежде всего для встречи с римским государственным деятелем Марком Порцием Катонем, задержавшимся там по пути на Кипр, где ему надлежало наблюдать, как идет аннексия, и завладеть его казной. Авлет пригласил римлянина к себе, но ему сказали, что он сам должен идти к Катону, который только что выпил слабительное и, надо полагать, принял египетского царя,

* Страбон пишет, что Авлет имел трех дочерей (см.: *Страбон. География* XVII. 796), в то время как Порфирий позднее утверждал, что четырех, предполагая, что Береника IV и Клеопатра Трифена были его дочерьми. — *Примеч. авт.*

сидя в туалете. Катон «не вышел ему навстречу и даже не поднялся с места, но приветствовал, как любого случайного гостя, и просил сесть. Птолемей был немало озадачен»*, потому что живого египетского бога еще никогда так не унижали.

Мало чего добившись, отец и дочь отправились дальше, в Афины, культурный и научный центр, уступавший только Александрии. Им оказали достойный прием, ибо Птолемеев там давно почитали как богов, и их статуи украшали Акрополь. Монарший визит Авлета и его дочери был отмечен официальной записью. Потом они отбыли в Рим. К тому времени Рим прибрал к рукам всю западную часть империи Александра: Македонию, Грецию, Киренаику, Малую Азию, Сирию и совсем недавно Кипр. Оставался только Египет, который Авлет решил вернуть любой ценой.

По прибытии в Италию коронованных особ официально принял Помпей и в знак благодарности за их помощь предложил одну из своих шикарных вилл в тридцати милях к юго-востоку от Рима на лесистых склонах Альбанских холмов. Предположительно они по крайней мере один раз посетили новый храм Исиды на Монте-Гинесто недалеко от Пренесте (ныне Палестрина) — культ Исиды уже распространился до Рима. Ее храм, разрушенный во время националистических выступлений во II веке до н.э., вскоре был построен заново на вершине Капитолийского холма, самом престижном районе города. И хотя на чужих богов наложили запрет всего за полгода до царского визита, люди восставили их «силой», поскольку египетские божества явно занимали особое место в сердцах римлян.

Хотя кирпичные дома в городе не приводили в восторг александрийца, римская военная мощь означала, что члены сената теперь являлись самыми влиятельными личностями в мировой политике. Авлет подкупом влиял на них, пока не

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 243.*

иссякли деньги, и ему пришлось занимать еще большие суммы, чтобы вернуть свой трон. Клеопатра V Трифена и Береника IV, также решительно настроенные не допустить его возвращения, послали делегацию в составе ста влиятельных горожан, дабы изложить сенату свою точку зрения; но взятками, угрозами и даже убийством некоторых из них Авлету удалось сорвать эти замыслы. Возникла опасность со стороны соперника Помпея — Юлия Цезаря, который сам добивался избрания наместником Египта. Из этого ничего не вышло, и Цезарь направился на запад, когда его консульские полномочия в Галлии продлили еще на пять лет, а Помпей остался полновластным хозяином в Риме.

Пока продолжались споры по «египетскому вопросу», не приведшие ни к чему, кроме того что еще больше денег стало переходить из одних рук в другие, отчаявшийся Авлет, чьи средства значительно оскудели, решил больше не тратиться и в 57 году до н.э. вернулся в Эфес. Некогда богатейший город Малой Азии, входивший в состав птолемеевской империи, Эфес представлял собой замечательный космополитический город, где находился храм Артемиды, сожженный в день рождения Александра Великого и все еще восстанавливавшийся, когда он двадцать два года спустя проходил через него со своим войском по пути в Египет. Новый мраморный храм, на реставрацию которого ушло целых сто двадцать лет, возвышался на подступах к городу со стороны моря. Широкая лестница с мраморными ступенями вела к храму, окруженному двумя рядами колонн. Внутри помещалась огромная скульптура улыбающейся Артемиды с вытянутыми вперед руками из слоновой кости из-под выполненных из золота одежд. Ей несли всевозможные подношения, в том числе бусы из жемчуга и янтаря, а на алтаре приносили в жертву быков.

В храме, украшенном различными скульптурами от бронзовых статуй египетских жрецов до мраморных изваяний воительниц-амазонок, портрет Александра работы его лю-

бимого художника Апеллеса, должно быть, восхитил птолемеевских преемников великого полководца, пожелавших сделать собственные пожертвования. Храму, считавшемуся одним из семи чудес Древнего мира, Авлет подарил две двери из слоновой кости. Его дочь Клеопатра к двенадцати годам видела четыре из этих чудес: Фаросский маяк и пирамиды в своей стране, Колосса Родосского в образе Александра-Гелиоса и вот сейчас храм Артемиды в Эфесе. Ее личное знакомство с каждым из них подчеркивало значимость как ее самой, так и ее династии в Древнем мире.

Желание ее отца внести вклад в украшение храма, вероятно, было продиктовано тем, что его сестра-жена Клеопатра V Трифена и их дочь Береника IV закончили сооружение посвященного ему пилона в Эдфу с дверями высотой сорок пять футов из ливанского кедра, обитыми сияющей бронзой. Церемония открытия состоялась 5 декабря 57 года до н.э. И это было последнее появление Клеопатры V Трифены. После последовавшей вскоре ее смерти Береника IV осталась единственной правительницей, и до Эфеса дошли слухи, что она активно ищет мужа на роль соправителя.

Не придавая значения своим единокровным братьям, двум сыновьям Авлета, едва вышедшим из детского возраста, Береника IV устремила взоры на последнего из своих селевкидских родственников, младшего сына Селены, безуспешно пытавшегося двадцатью годами раньше при поддержке Рима завладеть сирийским и египетским тронem. Ему не удалось воспользоваться шансом управлять Египтом, так как он умер при загадочных обстоятельствах. Последующие попытки Береники IV соединиться с другой ветвью селевкидского дома, выйдя замуж за внука Грива и Трифены, сорвал новый наместник Рима в Сирии Авл Габиний, заявивший, что это не в интересах Рима и Авлета, который также давал ему взятки.

Отчаявшиеся александрийцы пригласили в мужья Беренике IV некоего самозванца, претендовавшего на проис-

хождение от селевкидских царей, которого прозвали «Кибиосактом» (торговцем соленой рыбой), но он пришелся ей не по нраву, и спустя неделю его задушили. Не желая отступить, александрийцы привели человека по имени Архелай, выдававшего себя за сына Митридата VI Понтийского, а на самом деле бывшего сыном одного из его офицеров. Быстро усвоив способ действий Авлета, он подкупил Габиния, прибыл в Египет и женился на Беренике IV. К счастью для него, она осталась довольной новым мужем. Между тем у Помпея, кому подчинялся Габиний, имелись свои планы. Разбив Понт и желая прибрать к рукам богатства Египта, он наконец принял решение в пользу Авлета и приказал Габинию восстановить на престоле Авлета за десять тысяч талантов.

Таким образом, весной 55 года до н.э. ликующего Авлета и Клеопатру приветствовали в Эфесе Габиний и его войска. Конницей Габиния в то время командовал двадцативосьмилетний Марк Антоний, который «тотчас влюбился»* в четырнадцатилетнюю царевну с первого взгляда, как позже писали историки. С римскими войсками, совершавшими марш на юг, Авлет и Клеопатра добрались до Египта и после захвата Антонием Пелусия вошли в Александрию. Там в сражении Архелай был убит. Не подчинившись приказу Авлета, Антоний с почестями похоронил его, а Авлет «в гневе и злобе... [на] всех египтян»** казнил свою дочь Беренику IV и всех ее сторонников. Лишь благодаря вмешательству Антония удалось избежать всеобщей резни, за что «он оставил у александрийцев громкую молву о себе»*** после возвращения в Рим. Большинство габинианцев получили постоянное назначение в Египет, чтобы защищать Авлета

* У Аппиана: «Он был увлечен красотой Клеопатры, когда она была еще ребенком, а он юношей в звании начальника конницы сопровождал в Александрию Габиния, руководившего походом». См.: *Аппиан Александрийский*. Римская история. — М.: Наука, 1998, с. 564.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 400.

*** Там же.

от александрийцев или наоборот. Эти рослые опытные воины, сражавшиеся в Галлии и Германии, приспособились к жизни в царской столице и даже женились на местных уроженках.

Почувствовав себя в безопасности, Авлет ознаменовал начало своего второго правления традиционным празднеством; возобновил строительство храмов в Копте, Гермонфисе и Филэ и приступил к сооружению целого храмового комплекса Хатхор-Исиды в Дендере, что севернее Фив. Ни царицы, ни старшей царевны не было в живых, и Клеопатре приходилось присутствовать с отцом на закладке первого камня 16 июля 54 года до н.э. Назначенная на самый благоприятный день в году, когда появляется звезда Исиды — Сотис, возвещающая начало нильского разлива, эта церемония ознаменовала также вознесение на небеса божественной Арсиной II. Это событие должно было послужить мощным стимулом для обеих богинь, чтобы дать живительную влагу стране.

Несмотря на несколько неурожайных предыдущих лет, Авлету удалось вернуть огромный долг ростовщику Рабирию, объявившемуся в Александрии. За оказанную царю денежную помощь он был назначен первым казначеем. В Александрии ростовщик расхаживал в греческом плаще и занимался бесцеремонным вымогательством. Рабририй так обогатился и стал столь одиозной личностью за год, пока занимал свой пост, что Авлету пришлось взять его под стражу. Потом царь предоставил ему возможность бежать в Рим. Там Рабририя и Габиния немедленно привлекли к суду за незаконное присвоение средств. Их обоих еще обвинили в «неримском» поведении за ношение чужеземной одежды. Юрист-республиканец Марк Туллий Цицерон назвал Габиния «коварным, жуликоватым, женоподобным мальчишкой», а выступая с речью в защиту Рабририя, назвал Александрию городом мошенников и плутов.

На самом деле египетская столица была центром культуры и знаний, и в период культурного ренессанса, совпавшего со вторым сроком правления Авлета, его четверо оставшихся детей получили действительно разностороннее образование. Помимо того что они имели доступ в уникальные образовательные заведения — библиотеку и мусейон, где в течение двух столетий проводились передовые научные исследования, каждый из детей имел своего наставника: старшего царевича Птолемея обучал Феодот Хиосский, а Арсиною — евнух Ганимед.

Старшая сестра Клеопатра после возвращения в Александрию из европейского турне продолжила образование и преуспела в науках намного больше, чем все остальные Птолемеи. К ней обращались «Теа», что по-гречески значит «мудрая» и «божественная». Египетские историки более поздних времен отмечали высокий интеллект Клеопатры как наиболее важное качество. Так, Иоанн Никиуский называл ее «самой известной и мудрой из женщин <...>, достигшей величия благодаря своей смелости и силе воли»*. «Последняя из мудрецов Греции»**, она была «выдающимся ученым»***, эрудированной царицей, которая «всячески возвышала статус ученых и любила их общество»****.

Пользуясь тем, что ее отец взял под покровительство мусейон и появились несколько новых философских школ, Клеопатра слушала лекции Филострата и приняла участие в философском диспуте о древнем фараоновском «Ритуале предков», отметив, что в Гадесе «мертвые ждут живую воду, чтобы снова родиться и расцвести как цветы весной»*****.

* John of Nikiou 67, in *Hughes-Hallett L. Cleopatra: Histories, Dreams and Distortions.* — London: Bloomsbury, 1990, p. 70.

** El-Masudi in *Hughes-Hallett L. Ibid.*

*** См.: *el-Daly O. Egyptology: the Missing Millenium.* — London: UCL Press, 2005, p. 131.

**** El-Masudi in *el-Daly O. Ibid.*, p. 133.

***** См.: *Roberts A. My Heart, my Mother: Death and Rebirth in Ancient Egypt.* — Rottingdean: Northgate Publishers, 2000, p. 202.

Она, вероятно, также училась у придворного астронома Сосигена и очень интересовалась астрологией и Зодиаком, представления о котором сложились в Вавилоне.

Имея возможность пользоваться царской библиотекой, где хранились личные дневники и книги Александра, в том числе экземпляр гомеровской «Илиады», которую дал ему Аристотель, Клеопатра, по-видимому, читала пьесы великих афинских драматургов Эсхила, Софокла и Еврипида, собственноручно написанные ими и оказавшиеся здесь благодаря хитрости и ловкости предков-Птолемеев. И хотя математик и царский наставник Евклид говорил им, что «нет царского пути к геометрии»*, его последователи Катон и Фотин посвятили свои работы Клеопатре.

Следуя семейной литературной традиции, берущей начало от Птолемея I, который написал биографию Александра, и продолженной Птолемеем IV, автором ряда трагедий, и Птолемеем VIII, который оставил после себя описание птиц, обитавших в царском зоопарке, Клеопатра также, по утверждению арабских историков, «писала книги по медицине, магии и косметике помимо других книг, которые хорошо известны всем лекарям»**. В I веке до н.э. Александрия была центром медицинских знаний. Здесь придворный врач Диоскорид занимался исследованием чумы, Аполлоний изучал труды Гиппократов, а хирург-гинеколог Филоксен специализировался в области лечения рака матки. Наблюдения Клеопатры за развитием утробного плода, как считается, оказали влияние на греческого врача Галена. Учение о ядах — еще одна сфера ее интересов, и не исключено, что с ним ее познакомил фармацевт Зофир, которого взял к себе Авлет для приготовления противоядий. По некоторым сведениям, она наблюдала за действием различных ядов во время казней в гимнасии и вела записи.

* Прокл. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида. Введение II-8.

** El-Masudi in *el-Daly O.* Op. cit., p. 133.

В более поздних источниках ее называли Теосебией, то есть «писцом бога» — согласно поверьям, авторов всех письменных произведений вдохновлял Тот, египетский бог мудрости и покровитель всех писцов. Своего эпитета Клеопатра удостоилась благодаря тому, что она первой из Птолемеев освоила египетский язык, который называли «словами Тота» и считали, что бог сам придумал его. Зная по крайней мере девять языков, в том числе родной для Птолемеев греческий, а также языки сирийцев, иудеев, мидийцев, парфян, арабов, эфиопов и троглодитов*, Клеопатра свободно говорила на египетском; этот факт дает основание предположить, что ее матерью была египтянка. Несомненно, египтянином был ее троюродный брат Пшеренптах III, верховный жрец Мемфиса. О его жене Таимхотеп из Летополя говорилось: «Достойная молодая женщина, красноречивая, дающая мудрые советы»**.

Хотя такие способности редко ценились в Древнем мире, в птолемеевском Египте принадлежащие к элите женщины участвовали в жизни общества, основанного на принципах равенства, характерных для древней культуры. Главным знатоком этой культуры для Птолемеев был местный жрец Манефон, составивший перечень фараонов с начала египетской истории. В него наравне с мужчинами он включил многих женщин, не входивших ранее в официальные списки, что явилось прямым результатом птолемеевской политики. Кажется неслучайным, что Манефон трудился для Птолемея II и его сестры-жены Арсинои II, первой из птолемеевских женщин имевшей равные со своим братом-мужем властные функции и принявшей титул фараона.

Хотя Геродот утверждал, что Нитокрис была единственной египетской царицей, Манефон придерживался иной точки зрения. Второй он назвал Скемиофрис, переименовав

* Народность, жившая на юге Египта. — *Примеч. пер.*

** Надпись на стеле Пшеренптаха, хранящейся в Британском музее Лондона.

на греческий лад имя Собекнефру, которая изменила традиционный царский титул «сын Ра» на «дочь Ра» и стала носить царский головной платок и мужской схенти поверх женского платья, тем самым создав новый стиль царской одежды. Третьей в списке цариц он указал Аменсис. Так звучал в искаженном греческом произношении титул «дочь Амона», принадлежавший Хатшепсут. Она заняла престол после своего единокровного брата и мужа в качестве регентши его сына от второстепенной жены. Имея больше прав на трон, она царствовала в течение пятнадцати лет. При ней возродилась торговля на всем побережье Красного моря и началось осуществление грандиозного строительного проекта в Луксорском храме, в результате чего он стал местом, где каждый монарх соединялся с Амоном по программе возрождения царей, в том числе и сам Александр. В находившемся поблизости Карнаке золоченые верхушки обелисков из розового гранита, воздвигнутых ею, отражали солнечные лучи на стоявший на другом берегу ее заупокойный многоступенчатый храм в Деир эль-Бахари. Сцены оплодотворения ее матери Амоном, изображенные на стенах храма, не оставляли и тени сомнения в том, что Хатшепсут его дочь. Она пожелала быть похороненной со своим смертным отцом в Долине царей непосредственно позади ее храма в Деир эль-Бахари. Ее тело вынесли из их общей гробницы в более поздние времена, а еще столетие спустя мумию, найденную в другом месте долины, идентифицировали как Хатшепсут.

В мужском платье, с наклеенной бородой, наделенная титулами, каких не имели ее предшественницы, Хатшепсут служила образцом для последующих женщин-фараонов, коих мы находим в списке Манефона. Следующей он назвал Акенхерес. Это искаженное Анххеперура, тронное имя Нефертити, чье мужского фасона платье сбивало с толку многих историков, считавших ее мужчиной. Нефертити воцарилась после смерти мужа Эхнатона, хотя попытки четы

ограничить влияние жречества, проповедовавшего культ Амона, привели к тому, что жрецы стали удалять имена Эхнатона, Нефертити и их прямых наследников так называемого амарнского периода (1352—1323 гг. до н.э.) из всех надписей. Поэтому сведения о любой правительнице той эпохи Манефон, вероятно, черпал из источников Фив, а не Мемфиса. О глубоком уважении, с которым все еще относились к этим правительницам в северной столице, можно судить по тому, что верховные жрецы Мемфиса продолжали жениться на женщинах с одинаковыми именами. Например, верховный жрец Нескедти женился на Собекнефер, и у них родилась дочь, названная Нефер(т)ити, а верховный жрец Хоремхет взял в жены женщину по имени Нефер(т)ити, которая родила дочь, и ей дали такое же имя.

Саму Нефертити похоронили в Долине царей, вероятнее всего, в гробнице KV.56, рядом с гробницами ее мужа Эхнатона (KV.55) и его преемника Тутанхамона (KV.62), относящимися к амарнскому периоду, но на каком-то этапе ее тело перезахоронили жрецы Амона. Они сняли с мумии ткань, в которую она была обернута, изуродовали ее лицо и как безмянную поместили в боковую камеру другой усыпальницы, пытаясь скрыть ее личность, что, вероятно, имело важное значение в политическом смысле. По сути дела, весь амарнский период считается «отсеченным», когда правители намеренно предавались забвению последующими царями.

Тем не менее женщины амарнской династии продолжали выходить замуж за членов монаршей семьи, за царей от Хоремхеба до Сети II, что объясняет нахождение ювелирных изделий в вероятной гробнице Нефертити KV.56 — «Золотой гробнице». Эти драгоценности с именами Сети II и его жены Таусерт не предназначались для ношения, поскольку кольца были слишком малы для взрослой женщины, а царские имена на изделиях, если их надеть, выглядели бы перевернутыми. По-видимому, они являлись жертвенными дарами прославленной предшественнице: на них Таусерт изображе-

на в официальной позе, как Нефертити, стоящая перед своим мужем в момент передачи ей власти.

Таусерт, что значит «всемогущая», правила как регентша до 1188 года до н.э., прежде чем приняла полный царский титул «сильный бык, любимый Маат, дочь Ра, возлюбленная Амона», вобравший в себя женские и мужские названия и скопированный с титула ее деда Рамсеса II, чье облачение для официальных церемоний она также переняла. В период гражданской войны, уже после смерти, Таусерт подверглась нападкам, место ее захоронения в Долине царей было разграблено, а пустая гробница почти на тысячу лет осталась открытой как печальный финал женщины-фараона. Несмотря на то что ее имя изъяли из официальных документов по приказанию преемника под предлогом наведения порядка, Манефон нашел доказательство для «царицы Туорис», при которой пала Троя, поместив пятую и последнюю женщину-фараона во временные рамки, привычные для его птолемеевских покровителей.

Многое узнав о своих предшественниках-фараонах и предках-Птолемах, Клеопатра вскоре пошла по их стопам, когда Авлет приступил к осуществлению планов престолонаследия. На грандиозной церемонии, состоявшейся в Александрии 31 мая 52 года до н.э., он удостоил всех четырех оставшихся детей эпитета Филадельф — «Любящий брата (сестру)» и лишь шестнадцатилетнюю Клеопатру назвал Теа Филопатор, «Любящая отца богиня». Так она стала полноправной соправительницей наравне с отцом.

Тридцатый год правления Авлета — это первый год правления Клеопатры. Официальные документы за период с середины 52-го до середины 51 года до н.э. датировались: «Год тридцатый, он же первый». Повсюду в Александрии выставили мраморные скульптурные головы соправителей в македонском стиле. Клеопатра изображена с худощавым лицом, широко посаженными, как у Александра, глазами, орлиным носом и округлым подбородком. В одном случае —

это девушка с решительным выражением лица, очень серьезно воспринявшая новую роль, с диадемой македонского образца, сдвинутой ближе ко лбу. Однако ее первые официальные портреты были написаны в Дендере, где велось строительство храма. Оно продвигалось столь медленными темпами, что два года ушло только на сооружение подземных крипт для храмовых сокровищ и отделочные работы в них. Стены в крипах расписали фигурами шестнадцатилетней правительницы Клеопатры в скромном платье из тончайшей ткани, с широким ожерельем на шее, высоким плюмажем, короной Хатхор-Исиды с рогами и солнечным диском, надетой поверх длинных волос, закинутых за плечи. В одной руке она держит анх — символ жизни, другую — подняла, словно защищая отца, делающего подношения богам храма.

Авлет оставил завещание, согласно которому после его смерти правительницей должна остаться Клеопатра, а соправителем — ее единокровный брат Птолемей. Авлет также призвал римский сенат гарантировать исполнение этого условия. Однако республиканское правление Рима в то время переживало кризис. Впоследствии Юлий Цезарь писал: «Один экземпляр его завещания был через его послов доставлен в Рим для хранения в государственном казначействе (но хранился у Помпея, так как из-за политических смут его нельзя было передать в казначейство); другой с тождественным текстом был оставлен в Александрии и был предъявлен Цезарю запечатанным»*. Затем, проявивший себя как монарх, упорно державшийся за египетский трон, хотя полжизни он провел за рубежом, Авлет умер в Александрии на шестьдесят втором году жизни. Частичное солнечное затме-

* Здесь и далее текст приводится по изданию: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Перевод и комментарии академика М.М. Покровского. — М.: Ладомир, Наука, 1993, с. 352.

ние, произошедшее 7 марта 51 года до н.э., драматически ознаменовало его кончину.

Клеопатра не допустила, чтобы новость о смерти ее отца вышла за пределы круга близких ей людей. Ее царственный кузен Пшеренптах III получил титул «обоснованный пророк царя Птолемея»*. Это указывало на то, что Авлета нет в живых, и, пока кузен занимался организацией похорон, шел традиционный десятидневный процесс бальзамирования, проводившийся, как всегда, скрытно. Клеопатра сама продолжала выпускать официальные документы от своего имени и от имени отца без упоминания ее десятилетнего брата Птолемея, чьи советники, узнай они истинное положение дел, просто захватили бы власть и правили от его имени. Она также знала, что Рим немедленно вмешался бы и заставил ее принять брата в качестве соправителя, так что сенат получил официальное уведомление о смерти Авлета только 30 июня 51 года до н.э., то есть почти на четыре месяца позже.

Между тем Клеопатра собрала свою группу советников, на чьих кольцах с печаткой будет выгравирован ее картуш и портрет в знак преданности. При поддержке Пшеренптаха и его жрецов она утвердилась в своей роли как истинная наследница отца, продолжая и совершенствуя его строительные проекты в Дендере и Гермонтисе. Ее щедрое покровительство храмам будет важным средством сохранения верности коренного населения, которое облагалось большими налогами в течение первых пяти лет ее царствования для поддержания ее режима. И чтобы привлечь жителей на свою сторону, она отважилась оставить Александрию, пока приближенные ее брата не были готовы бросить ей вызов, и совершила путешествие на юг, чтобы лично предстать перед своими подданными.

По прибытии в Мемфис она должна была нанести государственный визит в храм города, чтобы получить в той или

* Текст на стеле Пшеренптаха, хранящейся в Британском музее.

иной форме официальное признание Пшеренптаха, и, хотя не сохранились какие-либо письменные свидетельства ее коронации, Клеопатра Теа Филопатор удостоилась официального титула «царица Верхнего и Нижнего Египта». Эквивалентом ему служил эпитет «женщина-Гор, великая, идеальная, добродетельная богиня, возлюбившая отца, подобие своего отца», а также специально созданный — «царица Верхнего Египта, земли красной короны, и царица Нижнего Египта, земли белой короны».

Чтобы подчеркнуть тесную связь со страной, Клеопатра надевала красно-белую корону объединенного Египта вместо простой македонской диадемы. Еще одним традиционным головным убором, которому она отдавала предпочтение, когда выходила к своим египетским подданным, была древняя корона бога земли Геба, представлявшая собой бараньи рога Амона и рога коровы, солнечный диск и два длинных пера Исиды-Хатхор. Корона отражала статус «дочери Геба»: Геб, будучи отцом Исиды, символизировал связь Клеопатры с богиней. Обе короны и титул связывали ее и с тремя предыдущими женщинами-фараонами: Арсиной II, Нефертити и Хатшепсут.

Помимо причудливых корон, не менее важным элементом царственной внешности Клеопатры являлись ее волосы; за ними ухаживала искусная служанка Ирада. Хотя для появления перед египетскими подданными новой царице требовались довольно неестественно выглядявшие парики из длинных прямых волос, традиционно разделенных на три части, в повседневной жизни Клеопатра предпочитала более практичную прическу «арбуз». Чтобы сделать ее, волосы зачесывали назад прядями, напоминаящими полоски на арбузе, и затем закалывали в пучок на затылке. Такая прическа, которую всегда носили Арсиноя II и Береника II, уже почти два века как вышла из моды, но Клеопатра возродила ее; правда, в отличие от своих предшественниц она не скрывала ее под накидкой из тонкой ткани. И хотя обе царицы

имели светлые волосы, как Александр, Клеопатра была огненно-рыжая, если судить по портрету женщины с царской диадемой и египетскими заколками в волосах, в которой признали Клеопатру.

Ее волнистые рыжие волосы, собранные на затылке в пучок в виде прически «арбуз» и увенчанные царской диадемой наподобие обруча, могли дополняться скромным греческим платьем. Однако роль Клеопатры в египетском мире требовала участия ее придворной дамы-модельера Хармионы в создании замысловатых костюмов древнего фасона — традиционных по стилю, обтягивающих, из тончайшей ткани, с украшениями из золотых блёстков, драгоценных камней, бисера и перьев. Птолемеевским женщинам особенно нравилось платье из переливчатых перьев грифа; крылья птицы обхватывали торс и живот, как бы защищая часть тела, ответственную за детородную функцию.

В начале своего правления, дабы подчеркнуть сходство с отцом и провести параллель между его титулом «Новый Дионис» и своим — «Новая Исида», Клеопатра, вероятно, носила такие же одежды, в каких изображалась сама Исида. В дальнейшем Клеопатра «звала себя Новой Исидой» и, «когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды»: поверх традиционного белого платья, которое носили как богини, так и служители культа, надевалось черное одеяние, превращавшее ее в «царицу в черном», подобную Исиде. Ее «черные покровы»** переняли жрецы меланефоры, «носители черного». Благодаря закрепителям краски, изобретенным Птолемеями, спокон веков не совсем белое египетское полотно становилось цвета морской волны, фиолетовым, огненно-красным и малиновым. Сама Исида, по представлениям египтян, носила широкий черный плащ, а под ним была одежда «многоцветная, из тонкого виссона <...>.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427.

** Текст приводится по изданию: *Плутарх*. Исида и Осирис / Пер. Н.Н. Трухиной. — М.: Эксмо, 2006, с. 62.

Но что больше всего поразило мое зрение, так это черный плащ, отливавший темным блеском. Обвившись вокруг тела и переходя на спине с правого бедра на левое плечо, как римская тога, он свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромой»*.

Хотя греки поклонялись богине как Исиде, египтяне продолжали называть ее Асет, чье имя, означающее «трон», отражало ее роль в сохранении основ царства. Птолеми, давно осознавшие это, воздавали мольбы «Исиде Великой, божьей матери, всемогущей царице богов, без которой никто не смеет войти во дворец, по чьей воле цари восходят на трон»**. Восприняв сущность каждой богини, Исида стала «Мирионимой», то есть «многоименной», а ее главенство над божествами и монархами позволило Клеопатре как новой Исиде претендовать на власть и в брэнном, и в божественном мире.

Самым эффективным способом соединиться с подданными, в большинстве своем неграмотными и плохо воспринимающими или вовсе не воспринимающими официальные изображения в храмах, было бы появление перед ними величественной, но сразу же узнаваемой. Далекая от того, чтобы походить на бессловесного истукана на золотом троне, Клеопатра говорила с ними на их родном языке — первой из монархов за три столетия со времен последнего урожденного египетского фараона Нектанеба II. Египтянами она воспринималась отнюдь не македонянкой, разговаривающей только на греческом со Средиземноморским миром, а подлинным фараоном, прямо общающимся с ними на их нильской земле. Ее дело — это их дело, и своим активным участием в совершении обрядов, с давних времен служивших опорой их страны, она добилась их верности.

* Текст приводится по изданию: *Апулей. Метаморфозы* / Пер. М.А. Кузьмина и С.П. Маркиша. — М.: Издательство Академии наук СССР, 1959, с. 298.

** См.: *Dunand F. and Zivie-Coche C. Gods and Men in Egypt: 3000 BCE to 395 CE.* — London: Cornell University Press, 2004, p. 237.

В Дендере Клеопатра ознакомилась с ходом строительства нового храма. Прибыв в Фивы 22 марта 51 года до н.э., она стала первым монархом на памяти местных жителей, лично присутствовавшим на церемонии помещения в храм быка Бухиса, родившегося в конце правления ее отца. Считавшийся земным воплощением бога Солнца Ра, Бухис также отождествлялся с богом войны Монту и богом плодородия Мином, причем и тот и другой считались аспектами Амона. Он являл собой «богов, олицетворенных в быке»*, а имя Бухис — это греческий вариант Ба-хер-кхет, что значит «душа на теле». Египтяне называли быка «живым духом Ра, рожденным от великой коровы, соединенной с богами-творцами, он есть Амон, ходящий на четырех ногах, воплощение Монту, бога Фив, отец отцов, мать матерей, который возобновляет жизнь каждого из богов»**.

Бухиса отбирали при рождении по специфическим внешним признакам: тело у него должно быть белым, а голова черной, однако предполагалось, «что цвет лохматой шерсти у него меняется каждый час и что она растет не так, как у всех животных»***. Накрытый бисерной сеткой, чтобы на него не садились мухи, с золотой короной в виде солнечного диска, позолоченными рогами и подведенными глазами, он буквально благоухал от вылитых на него дорогих духов, к счастью для царицы и тех, кто находился в непосредственной близости, ибо церемония длилась трое суток.

Церемония введения быка в храм представляла идеальную возможность для богов, воплощенных в быке, соединиться с Клеопатрой как верховной богиней. После этого жрецы направили бы их общие силы на повышение столь необходимого стране плодородия. Поскольку уже который год подряд стояла засуха и свирепствовал голод, требовалось

* См.: *Mond R., Myers O.H. The Bucheum I and II.* — London: Egypt Exploration Society, 1934. II, pp. 25, 46—49.

** См.: *Mond R., Myers O.H. Ibid.* I, p. 14, II, pp. 11—12.

*** *Макробий. Сатурналии* I. 21.

что-то радикальное, чтобы начать этот процесс. Согласно классическим описаниям, дошедшим до нас со времен Клеопатры, ритуальная церемония посвящения быка продолжалась сорок дней. Как свидетельствовал Диодор, «только женщины могут смотреть на него; стоя лицом к нему, они поднимают платье и обнажаются»*.

Использование их общей сексуальности для стимулирования открытого проявления мужской плодовитости греки называли «анасирмене»; нечто подобное видел Геродот на празднике плодородия во время непристойных женских пирушек. Дочь бога Солнца Хатхор прибежала к этому методу, чтобы разгорячить его. Для стимулирования скрытых сил бога Солнца женщины царского рода в далекой древности совершали такие же ритуальные действия. Так, на некоторых изображениях диск солнца многочисленными ладонями, которыми заканчиваются его лучи, ласкает Нефертити с обнаженной грудью, или жрица «Божья длань» делает мануальную стимуляцию своему божественному мужу Амону-Ра, доводя его до экстаза, когда он «взял свой фалл в руку и извергнул семя»**, чтобы сотворить мир. Также известно, что царица выступала в главной роли вместе со священным быком при выполнении обрядов на празднике сбора урожая: она танцевала вокруг царя, изображая поднятыми над головой руками коровьи рога, а потом прижимала руки к груди. Вслед за этим под пение жрецов «Приветствуем тебя, Мин, того, кто оплодотворяет свою мать, и тайной покрыто, что ты совершил с ней во тьме»*** сексуальные силы царицы и быка сливались для создания новой жизни. Упоминания о «быке, который спаривается с прекрасными женщинами»****

* Диодор. Историческая библиотека. I. 85.

** См.: *Faulkner R.O. Spell 527 // The Ancient Egyptian Pyramid Texts.* — Warminster: Aris & Phillips, 1969, p. 198.

*** См.: *Roberts A. Hathor Rising: the Serpent Power of Ancient Egypt.* — Rottingdean: Northgate Publishers, 1995, p. 89.

**** См.: *Faulkner R.O. The Ancient Egyptian Coffin Texts II.* — Warminster: Aris & Phillips, 1977, p. 68. Spell 420.

в «Текстах саркофагов» (заупокойных заклинаниях, начертанных на внутренних стенках египетских гробов) перекликаются с греческими мифами о Минотавре, наполовину мужчине, наполовину быке, родившемся у минойской царицы Пасифае в результате соития с быком. Даже в самом сердце греческой цивилизации, древнейшем храме Афин, находился священный хлев, или «буколий», где верховные жрицы ритуально спаривались с быком Диониса. По преданиям, Зевс, главный бог греческого пантеона, преобразался в животных, чтобы оплодотворять смертных женщин.

Вера в репродуктивную способность божественного быка оставалась настолько прочной в Египте, что еще в 1851 году местные женщины в Саккаре, чтобы зачать, совершали ритуальные действия со скульптурным изображением быка Аписа в натуральную величину. В древние времена сам акт предполагал проникновение божественного жара или света. Это мог быть и небесный огонь наподобие молнии, и «животворный свет луны»*, а небесное тело ассоциировалось с Исидой, чья корона в виде рогов связывала ее с лунным серпом. Поэтому можно предположить, что во время трехдневного мероприятия в Фивах и Гермонтисе с участием Клеопатры исполнялся некий ночной ритуал для активизации скрытых сил плодородия.

Если прежде церемонии помещения быка в храм в Фивах носили скорее показательный характер и совершались чиновниками от имени царя, то в данном случае Клеопатра не только присутствовала лично, но и принимала активное участие, привнеся знаменитую птолемеевскую нарочитую пышность, которая станет характерной чертой событий, происходивших в духе театральных представлений на протяжении ее царствования. После предварительных церемоний, согласно египетским источникам, «владычица Двух Земель, богиня Филопатор, сидя на веслах, везла быка на

* *Плутарх*. Исида и Осирис, с. 52.

барке Амона в сопровождении царских лодок, и все жители Фив и Гермонтиса со жрецами находились с ним, и он прибыл в Гермонтис, в свою обитель»*.

Совершенно удивительный факт: Клеопатра сама везла на лодке священного быка от Фив до Гермонтиса, расположенного вверх по течению на противоположном берегу Нила, ширина которого достигала в том месте 9 километров. Это потребовало бы больших усилий, учитывая, что ей пришлось бы грести почти против течения. Но даже если ее роль была сугубо церемониальной и заключалась не больше чем в том, чтобы держаться за весло, — это как сейчас при посадке дерева официальным лицом, когда ему нужно лишь немного помахать лопатой, а физическую работу выполняют подручные, — можно отметить полное понимание многогранной египетской мифологии. Клеопатра, по сути дела, инсценировала легенду о царе Снофру, великом строителе пирамид, которому столетиями поклонялись после его смерти как посланцу бога Солнца на земле. По преданию, его прокатали на лодке юные жрицы, дочери бога Солнца Хатхор — богини, тесно связанной с Исидой, богиней мореплавания и вторым «я» Клеопатры.

Итак, после того как очаровательная, одетая в черное девушка взошла на золотой барк Амона, заняла место рядом с косматым разукрашенным быком в короне и, вероятно, коснулась золотого весла, давая сигнал к отплытию, гребцы сами вывели на открытую воду священное судно, за которым следовала флотилия со жрецами и свитой. Местные жители столпились на берегах, чтобы увидеть необычную регату; говорили, «что в Гермонтисе и прекрасных Фивах люди предавались пьянству, и шум был слышен на небесах», а «что до правительницы, то все могли видеть ее»**.

* Текст на стеле Бухиса № 13, хранящейся в Копенгагене.

** См.: *Mond R., Myers O.H. The Bucheum I and II.* — London: Egypt Exploration Society, 1934. I, p. 13.

Когда суда наконец подошли к пристани в Гермонтисе, прибывших вышли встречать жрецы. Они проводили Клеопатру и быка до его нового местожительства в великолепном храме бога войны Монту. Окропленная священной водой и умащенная благовониями, Клеопатра совершила необходимые ритуалы перед Монту, матерью Бухиса — священной коровой — и потом перед самим Бухисом, чья антропоморфная, похожая на Минотавра фигура, изображенная на стене храма, позволяет предположить, что его роль исполнял жрец в маске. Сама же Клеопатра произнесла: «Я преклоняюсь перед твоим величием и воздаю хвалу твоей душе, о великий бог». Эти слова записали в столбик между фигурами бога и царицы.

Тем не менее нет никаких упоминаний об участии ее предполагаемого соправителя и брата Птолемея XIII в мероприятиях, проводившихся в Гермонтисе в конце марта 51 года до н.э. Он также отсутствовал, когда Веннефер, верховный жрец Исиды Великой, воздвигал греческую стелу (каменную плиту с надписями) в Арсиноитском номе Фаюма 2 июля «от имени царицы [василиссы] Клеопатры, богини Филопатор»*. Мы видим ее возлагающей дары на жертвенник перед сидящей на троне Исидой и кормящей грудью сына Гора. Здесь Клеопатра также изображена как единовластная правительница, традиционный фараон в двойной короне, жесткой льняной юбке и с плоским обнаженным торсом, женщина-монарх, какого не видели более тысячи лет.

Клеопатра опять-таки названа единовластной правительницей в документе, датированном 29 августа 51 года до н.э., и, видимо, так обстояли дела первые полтора года ее царствования. Хотя Рим не представлял непосредственной угрозы из-за своих собственных внутренних проблем, Египет переживал трудный период, когда его ресурсы полностью

* Текст на стеле, хранящейся в Лувре.

истощились. Клеопатра получила в наследство от отца пустую казну. Низкий уровень подъема воды в Ниле, отмечавшийся несколько лет подряд, и плохие урожаи вынудили ее ввести высокие налоги, и лишь благодаря ее тесным отношениям со жрецами и народом удалось избежать восстания. За счет налогов и доходов от внешней торговли Клеопатра в итоге смогла ежегодно выручать примерно двенадцать с половиной тысяч талантов, демонстрируя способность к накоплению богатства, которое сравнялось с финансовыми достижениями птолемеевских предшественников, если не превзошло их.

Тем не менее советники ее брата были решительно настроены не допустить ее единоличного правления. Евнух Потин, некогда нянчивший брата, и воспитатель Феодот вступили в тайный сговор с командующим египетскими войсками Ахиллой с целью устроить переворот. Несмотря на отсутствие деталей, необычная храмовая архитектура и документы, касающиеся транспортировки бобовых, позволяют судить о возможном сценарии. Недавнее изучение карт звездного неба, изображенных в храме Дендеры, дает представление, как оно выглядело в августе 50 года до н.э. Клеопатра, вероятно, отправилась на юг страны на открытие этого изумительного образца резной работы, и отсутствием царицы вполне могли воспользоваться в качестве удобного случая для отстранения ее от власти.

Не составило большого труда убедить александрийцев, что дочь Авлета, игнорируя их, проводит слишком много времени со своими египетскими подданными. В связи с тем что из-за нехватки продовольствия в царской столице было введено нормирование продуктов, к 27 октября 50 года до н.э. советникам Птолемея удалось взять под контроль запасы продовольствия, оставив без него сторонников Клеопатры по всей стране. Всю пшеницу и бобовые надлежало отправлять в хранилища Александрии «под страхом смертной казни» за невыполнение указа Птолемея XIII и Клеопатры, чье

имя теперь стояло на втором месте. Официальные документы от имени «фараона Птолемея и фараона Клеопатры, богов, любящих своего отца» датировались «год первый, он же третий», потому что на первое место ставился год правления Птолемея.

Невзирая на эти трудности в борьбе за власть с группировкой брата, Клеопатра не забывала об ответственности перед коренными жителями в религиозной сфере. Когда на третий год ее царствования в 49 году до н.э. в Мемфисе умер бык Апис, она предоставила деньги на ритуалы похорон и заплатила 412 серебряных монет за полагающиеся по обету пожертвования духу быка и за продукты питания для жрецов. Тысячи людей из всех слоев общества собрались на мемфисском кладбище Саккара, когда тучное тело быка вынесли из золотого стойла, обмыли в специальном шатре и перенесли в помещение для бальзамирования на территории храмового комплекса. Под зауспокойное пение плакальщиц, постоянно находившихся снаружи, тело положили на огромный бальзамический стол из известняка для потрошения. После сорока дней сушения в солях углекислого натрия тушу обмазали бальзамическими веществами и обернули тканью лучшего качества из храмов Фаюма, заложив под нее особые амулеты в ключевых точках. Затем в неестественном положении на согнутых коленях быка положили в гроб.

После того как один из жрецов бога Птаха, очевидно проводивший бальзамирование, вышел наружу и разорвал кусок ткани, давая сигнал верующим, чтобы они еще интенсивнее выражали свое горе, гроб вынесли и водрузили на тяжелую золотую повозку, которую покатали к гробнице в Серапейоне высочайшие лица государства. В процессии шли две жрицы, представлявшие Исиду и ее сестру, богиню Нефтиду. Сама Клеопатра могла по крайней мере еще один раз в роли Исиды принять участие в культовом обряде, связанном со священным быком. На такую поразительную

мысль наводит базальтовая стела без надписей с изображением набальзамированного Аписа, оплакиваемого Исидой и Нефридой. Красную корону Северного Египта на голове Исиды раньше считали ошибкой скульптора, однако вполне возможно, он хотел изобразить Клеопатру как земное олицетворение Исиды, появившееся на многолюдной церемонии в красной короне, что должно было означать ее решимость держать под своим контролем регион, который эта корона символизировала. Хотя участие в таких ритуалах гарантировало поддержку со стороны коренного населения, Клеопатра вела борьбу за власть со сторонниками своего брата в Александрии. В Риме также дела достигли кризисной точки, и последствия скоро должны были сказаться на Египте.

К тому времени Юлий Цезарь после длительного пребывания в Галлии вернулся в Рим и готовился к противоборству с Помпеем, занимавшим главенствующее положение в столице. Больше не связанные родственными отношениями, они начали составлять новые альянсы, назначая родственников и сторонников на ключевые правительственные посты. Одним из протеже Цезаря был молодой Марк Антоний, который «в юности был необычайно красив»*. Он проявил себя как «факел и буря последующего поколения»**, однако ему пришлось бежать из Рима из-за долгов. Некоторое время он учился в Афинах и на Родосе, а потом Габиний взял его к себе командовать конницей в Антиохии. Оттуда он перебрался в Эфес, встретился с Клеопатрой в 55 году до н.э., когда она была еще ребенком, сделал себе имя в Александрии, потом вернулся на запад и стал служить у Цезаря в Галлии. Красота молодого человека, восхищавшая по крайней мере одного трибуна и большинство женского населения Рима, сочеталась с «телом, достойным гладиато-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 399.

** *Луций Анней Флор*. Малые римские истории // Две книги Римских войн / Пер. А. Немировского. — М.: Ладомир, Наука, 1993, с. 234.

ра»*, одним из немногих положительных качеств, отмеченных в нем Цицероном в период долгой вражды, разгоревшейся после того, как Цицерон казнил опекуна Антония за участие в политическом заговоре; в целях политической стабильности Цезарь на время примирил их.

Когда конфликт между Цезарем и Помпеем достиг апогея, сенат потребовал, чтобы они оба отказались от власти. Поскольку Помпей никак не среагировал, Цезарь решил силой решить этот вопрос и двинулся на Рим. Оставив штаб, расположенный в Равенне, ночью 10 января 49 года до н.э. он приказал сделать пожертвования богам, чтобы развеять опасения солдат, что они собираются напасть на родину, и с одним легионом перешел реку Рубикон, считавшуюся границей между Галлией и Италией, где все воюющие полководцы были обязаны расформировать свои силы. Перейдя границу, они встретили Антония, которому удалось бежать из Рима в одежде раба, после того как его поддержка Цезаря вызвала отрицательную реакцию.

Цезарь быстро продвигался к Риму, и сенат, восприняв нерешительность Помпея как проявление слабости, отказался назначить его главнокомандующим войсками Рима. Хотя их численность намного превосходила силы Цезаря, его стремительное наступление застало всех врасплох, и, когда Помпей из тактических соображений отступил на юг в Кампанию, многие сенаторы, помнившие о предыдущей гражданской войне, предпочли хранить молчание. Тем не менее Цезарь решил не устраивать массовую расправу над политическими противниками и, проявив милосердие, заявил, что «желает быть выше других своей справедливостью и гуманностью»**.

Цезарь был не только выдающимся полководцем под стать своему любимому герою Александру, но и одаренным

* Текст приводится по изданию: *Марк Туллий Цицерон. Речи. В 2 т. Т. 2 / Пер. В.О. Горенштейна. — М.: Наука, 1993, с. 303.*

** См.: Записки Юлия Цезаря о гражданской войне. Кн. 1. 32.

писателем, чьи «Записки о гражданской войне» о событиях 49—47 годов до н.э. выходили ежегодно. Он писал, как говорится, в стиле официального коммюнике XX века, и даже Цицерон вынужден был признать, что «заметки, им сочиненные, заслуживают высшей похвалы: в них есть нагая простота и прелесть, свободные от пышного ораторского облачения»*. Цезарь также записывал речи в сенате, на народных сходах и важнейшие политические выступления. Проявляя большой интерес к политике прежних режимов, он хорошо знал историю и понимал свою роль в ней. Он пользовался своими записями, чтобы отвечать критикам, обвинявшим его в том, что только его амбиции погубили республику.

Когда Цезарю не удалось убедить сенат и Помпея начать переговоры, он потерял терпение и заявил: «Я настоятельно предлагаю вам взять на себя заботу о государстве и управлять им вместе со мной. Но если из страха вы будете уклоняться от этого, то я не стану больше надоедать вам и самолично буду управлять государством»**. Рим стоял на пороге гражданской войны.

Чтобы одолеть Цезаря, Помпей отправился на восток собирать силы: он решил снова попросить военную поддержку у Египта. Для этого отправил своего старшего сына Гнея в Александрию к царствующим брату и сестре. Позднее римские источники будут намекать на романтическую связь между Клеопатрой и сыном Помпея, однако более вероятно, что между ними завязались дружеские отношения еще в детстве, когда Авлет с Клеопатрой были гостями Помпея в Риме. Отдавая долг гостеприимства, Клеопатра и Птолемей предоставили пятьсот галльских и германских всадников из числа габинианцев и шестьдесят кораблей для борьбы

* Здесь и далее текст приводится по изданию: *Светоний. Жизнь двенадцати цезарей* / Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. — М.: Эксмо, 2006, с. 38.

** См.: *Записки Юлия Цезаря о гражданской войне*. Кн. 1. 32.

против Цезаря, который однажды пытался отнять Египет у их отца.

Пока Помпей укреплял свои позиции на востоке, Цезарь делал то же самое на западе. Завладев Испанией, он переправился в Северную Африку, чтобы решить вопрос с другим африканским союзником Помпея, царем Нумидии (Алжир) Юбой I. Хотя Юба поставил Помпею зерно для растущего населения Рима, многие римляне видели в нем варвара и садиста, который в прошлом разгромил два римских легиона и казнил оставшихся в живых.

К лету 49 года до н.э. баланс сил в Египте снова изменился. Клеопатра перестала быть соправительницей — ее сместили приближенные брата* и провозгласили Птолемея XIII единовластным монархом. Его бывший воспитатель Потин назначил себя министром финансов, чтобы запустить руку в египетскую казну. И через два месяца двуличный Помпей лично рекомендовал, чтобы его оставшиеся в сенате коллеги официально отблагодарили Птолемея XIII за военную помощь и признали его единственным законным царем Египта.

Неудобную александрийцам и официально не признанную Римом, «фараона Клеопатру» тем не менее все еще признавали египтяне. Она бежала на юг к своим сторонникам и их выдающемуся военачальнику Каллимаху, предположительно пересекла Восточную пустыню, чтобы добраться до Красного моря. Покинув Египет в начале 48 года до н.э., Клеопатра нашла убежище в Аравии и Палестине, и знание иврита и арамейского пригодилось ей, чтобы спланировать

* Клеопатра была «лишена престола братом своим Птолемеем». (См.: *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3. Периохы книг 1—142, с. 638.); Птолемей низложил Клеопатру «под влиянием своих родных и друзей». (См.: *Цезарь*. Указ. соч., с. 349.); «другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который <...> изгнал Клеопатру». (См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 190.)

стратегию. Ее двор разместился в Аскалоне, недалеко от Газы, где она набрала армию*, оплаченную монетами, отчеканенными на аскалонском монетном дворе. На монетах Клеопатра изображена с характерной прической «арбуз» и диадемой, у нее изможденное, худощавое лицо с глубоко посаженными глазами, нос с горбинкой, круглый подбородок и оттопыренная нижняя губа. Эти черты очень напоминают ее отца Авлета и немного родоначальника династии Птолемея I. Клеопатра преднамеренно наделена мужскими чертами, чтобы показать ее достойной преемницей таких людей в период, когда она готовилась сражаться и вернуть себе трон.

Цезарь был также занят. Преследуя Помпея, он отплыл в Грецию в январе 48 года до н.э. и соединился с Антонием, затем они двинулись к Диррахию, где располагалась база Помпея. У войск Цезаря иссякали запасы продовольствия, и солдаты были вынуждены есть лепешки из травы. Солдаты под командованием Цезаря устраивали вылазки в тыл противника, и Помпею никак не удавалось в этих спорадических стычках одержать победу. Это давало Цезарю возможность и дальше сопротивляться Помпею.

В Фарсале 9 августа в нещадную жару Цезарь совершил молебствие своей прародительнице Венере, греческой Афродите, чье изображение было на перстне, который он всегда носил. Пообещав построить большой храм, если она поможет одержать победу, он дал сигнал к битве. Цезарь скакал вдоль рядов своих сражающихся воинов, приказывая им убивать как можно меньше солдат противника, тем не менее пятнадцать тысяч воинов Помпея остались на поле брани и еще двадцать тысяч сдались. Самому Помпею удалось бежать.

* По этому поводу Цезарь писал, что «царь Птолемей, еще мальчик, <...> вел с большими силами войну с сестрой своей Клеопатрой» (См.: *Цезарь*. Указ. соч., с. 349); Клеопатра «набирала войска в Сирии» (См.: *Аппиан*. Римская история. В 2 т. Т. 2. Гражданская война. — М.: Рубежи XXI, 2006, с. 111.)

Это было не только самое крупное сражение между римлянами, но и одно из самых решительных в истории, сделавшее Цезаря хозяином Рима и склонившее на его сторону много новых «друзей». Взяв к себе двух рьяных республиканцев Гая Кассия Лонгина и Марка Юния Брута, сына своей давней любовницы Сервилиии, Цезарь направился на восток в Анатолию выжать средства, чтобы заплатить принесшим ему победу воинам. В Эфесе он не посягнул на сокровищницу богатого храма Артемиды и за это удостоился эпитета «Явленный бог», «потомок Ареса [у римлян Марса] и Афродиты [Венеры] и спаситель человечества». Об успехах Цезаря сообщили Клеопатре, находившейся в Аскалоне, и она, несомненно, обрадовалась поражению Помпея. Реакция Цезаря на божественные почести открыла ей глаза на внутренний мир человека, готового воспользоваться этим обстоятельством для достижения политических целей.

Оно еще больше укрепило его желание затмить славу своего любимого героя Александра, и, прибыв в Трою в рамках пиар-кампании, он почтил своих предков — троянского царя Энея и богиню Венеру. Ведь он сам говорил, что «от богини Венеры — род Юлиев, к которому принадлежит и наша семья. Вот почему наш род облечен неприкосновенностью, как цари, которые могуществом превыше всех людей, и благоговением, как боги, которым подвластны и сами цари»*. Этот человек, разделявший верования Александра, был тем, с кем Клеопатра могла иметь дело. И она написала ему и подробно изложила свое положение, сообщив, что готова вернуть себе трон силой оружия.

Союзник ее брата, Помпей, потерпел поражение. Уровень подъема воды в Ниле, от которого зависело сельское хозяйство Египта, опять был низким. Поскольку количество воды считалось мерилom доброй воли, проявляемой богами, самый

* Светоний. Указ. соч., с. 17.

низкий за все время уровень разлива мог служить мощным пропагандистским аргументом. Возвращение живой Исиды восстановило бы благосклонность богов. С учетом всех факторов настало самое подходящее время для наступления. Во главе армии она выступила в шестидневный поход на юг в сторону египетской границы.

Потин и Феодот посоветовали четырнадцатилетнему фараону Птолемею идти ей навстречу в золотых доспехах и армейском плаще с вышитыми изображениями богов и предков. Его сопровождали командующий Ахилла и габинианцы в составе двадцатитысячной армии. Армия Птолемея стала лагерем в тридцати милях к востоку от Пелусия на песчаных холмах в ожидании Клеопатры. Когда сестра и брат наконец предстали друг перед другом 28 сентября 48 года до н.э. готовые начать военные действия, у берега появилась небольшая флотилия римских кораблей, на которых приплыли Помпей, его жена Корнелия, их младший сын и две тысячи остававшихся верными солдат. Официальный опекун Птолемея XIII, Помпей, нуждавшийся в финансовых средствах, решил искать поддержку у юного монарха Египта, считавшегося союзником Рима.

Прибытие Помпея было встречено без особого энтузиазма. Помимо того что царская казна почти опустела, советники Птолемея не хотели нажить себе врага в лице одержавшего победу Цезаря, уже находившегося на Востоке. Кроме того, вполне реальной представлялась возможность, что габинианцы переметнутся на сторону своего бывшего командующего и ослабят силы Птолемея перед Клеопатрой. «Мертвец не кусается»*, — решили Потин и Феодот и сошлись во мнении, что ликвидация Помпея умиротворит его врага, Цезаря, который, вернувшись в Рим, в знак благодарности позволит египетскому царю сохранить за собой власть.

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 110.*

Когда корабль Помпея подошел близко к берегу, Птолемей XIII официально пригласил гостя сойти на берег и во всех воинских регалиях стал ждать, наблюдая, как Ахилла и два центуриона-габинианца отправились на лодке, чтобы перевезти его. Сев в лодку, Помпей узнал одного из центурионов, служившего под его началом. Но приветствия не состоялось, потому что центурион вонзил ему в спину меч. Затем Птолемей приказал отрубить Помпею голову, его тело было предано огню на берегу, а голову забальзамировали, чтобы сохранить ее. Захватив большую часть кораблей Помпея, Ахилла остался с войсками в Пелусие для ведения и боевых действий против Клеопатры, а Птолемей вернулся в Александрию с головой Помпея ждать прибытия Цезаря.

Долго им ждать не пришлось. Несколько дней спустя на рейде Александрии появилась небольшая эскадра кораблей с четырьмя тысячами солдат на борту под командованием полководца в пурпурной тоге. Цезарь надеялся догнать побежденного Помпея и проявить к нему милосердие. Но он также нуждался в деньгах и рассчитывал получить шесть тысяч талантов, которые наследники Авлета, как он считал, оставались ему должны. Пытаясь удержать Цезаря от высадки на берег, Феодот отплыл от пристани встречать его, прихватив с собой голову Помпея. У Птолемеев уже давно существовал обычай презентовать части тела родственника для убедительности при изложении позиции по политическому вопросу. Цезаря потрясло это отвратительное зрелище. Хотя позднее он писал с характерной беспристрастностью, что «он узнал о смерти Помпея»* и испытал такое чувство горя, что не скрывал слез, ибо, несмотря на недавние сражения, отрубленная голова принадлежала его зятю и отцу безвременно скончавшегося внука. Об истинных чувствах Цезаря к Помпею можно судить по тому, что он взял у Феодо-

* Цезарь. Указ. соч., с. 351. См. также: *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3. Периохи книг 1—142, с. 638, где говорится: «Он поражен и горько плачет».

та голову и держал у себя, пока не смог достойным образом похоронить ее на берегу.

Такой реакции Феодот никак не ожидал. Сильно встревожив его и Потина, наблюдавшего за происходящим с берега, Цезарь взял себя в руки и, заявив, что намерен исполнить свою обязанность как распорядителя воли Авлета, стал высаживаться на берег. Предвидя реакцию известных своей горячностью александрийцев, собравшихся на причалах, он решил воздержаться от демонстрации силы и взял с собой лишь небольшой отряд центурионов и двух ликторов, несших фации — связки прутьев с топорами, служившие символом консульской власти.

Толпа, взбудораженная Потинном, восприняла это так, будто Цезарь устанавливает власть Рима над их территорией, и стала выказывать беспокойство. Затем, «страх на лице искусно скрывая»*, Цезарь направился в находившийся поблизости дворцовый квартал, где располагался укрепленный Внутренний дворец и резиденция самих монархов. Протянувшийся на полмили вдоль обдуваемой ветром приморской части города, этот удивительный комплекс зданий включал в себя многочисленные колоннады различных форм и размеров. Он складывался по мере того, как каждое поколение Птолемеев строило свой собственный дворец. Пройдя мимо административных зданий, Цезарь наконец дошел до гостевых палат.

Словно простой римский турист, желающий осмотреть достопримечательности, Цезарь с беззаботным видом ознакомился с библиотекой и мусейоном.

Смело богов алтари и храмы старинного культа,
Что говорили ему про древнюю мощь македонян,
Он обошел, и ничто не пленило его красотой,

* Здесь и далее текст приводится по изданию: *Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне* / Пер. Л.Е. Остроумова. — М.: Ладомир, Наука, 1993, с. 230.

Ни кумиры богов, ни золото, ни города стены.
Только пещера его привлекла, где склеп находился.
В той гробнице лежит Филиппа безумный потомок*.

Такое замечание об Александре, сделанное автором, симпатизирующим республиканцам, свидетельствует, что его ненавидели почти так же, как Цезаря за имперские амбиции.

Но истинная причина посещения Цезарем города Александра состояла в том, чтобы уладить династический спор Птолемеев с наибольшей выгодой для Рима и его самого, поэтому он приказал брату и сестре распустить войска** и явиться к нему. Сохранив свою армию под Пелусием, чтобы держать Клеопатру в страхе, Птолемей XIII явился в традиционном фараоновском великолепии, сопровождаемый все тем же Потиним. Птолемей доложил римскому полководцу, что сестра захватила власть, затем выставила против него армию, так что потеряла все права на трон, и он, Птолемей остался единовластным правителем. Цезарь тогда заметил, что любой преемник Авлета остался должен ему шесть тысяч талантов. Тогда Потин как казначей вмешался и посоветовал Цезарю заняться другими великими делами. Римлянин оставил без внимания дерзость Потина, особенно в свете его роли в убийстве Помпея. Потин со своей стороны с негодованием воспринял то, что кого-то не устраивает его закулисная деятельность, и заявил, что александрийцы будут сражаться. Он даже велел подавать еду к столу на самой плохой посуде, намекая на то, что Цезарь украл все золотые и серебряные тарелки.

Окруженный александрийцами в дворцовом квартале, Цезарь ждал формальную соправительницу Птолемея. Клео-

* *Марк Анней Лукан*. Указ. соч., с. 230.

** «Цезарь заявил, что, по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра должны распустить свои войска и решать свой спор легальным путем перед его трибуналом, чем между собой оружием». (См.: *Цезарь*. Указ. соч., с. 351.)

патра уже написала ему, но хотела лично изложить свое дело. Она понимала, что нужно быть предельно осторожной, если придется пробираться через город, оставаясь неузнанной, и избегать часовых, расставленных Потинном вокруг дворца, чтобы не дать ей встретиться с Цезарем. И все же вопреки всему двадцатидвухлетней женщине удалось выполнить одну из наиболее смелых миссий военного времени, успешно преодолев все кордоны противника весьма оригинальным способом.

4

ЗАВУАЛИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ: КЛЕОПАТРА ВСТРЕЧАЕТСЯ С ЦЕЗАРЕМ

Распустив войска, стоявшие в районе Пелусия, Клеопатра оставила лагерь и отправилась в Александрию. Ее сопровождал сицилиец по имени Аполлодор, чей официальный македонский титул «Филос» обозначал, что он высокопоставленный приближенный. Путь по суше был отрезан войсками брата, и Клеопатра решила добираться до столицы морем, плывя на запад вдоль побережья дельты к Фаросскому маяку. Ее небольшое судно, у руля которого стоял Аполлодор, не привлекло внимания, когда под покровом темноты вошло в Большую гавань Александрии. Клеопатра пересела в лодку, и как только они подплыли к причалу рядом с царским дворцом, царица спрятала лицо, чтобы миновать стоявших на страже солдат брата.

Согласно известной версии событий, изложенной греческим историком I века н.э. Плутархом, «так как иначе трудно было остаться незамеченной»*, Клеопатра в полный рост растянулась на ковре, а Аполлодор скатал и перевязал

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 190.

его и отнес к Цезарю. Кое-кто из историков высказывает предположение, что «экзотической упаковкой» для нее служил всего лишь тюк с восточными ковриками; в некоторых источниках говорится, что «она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю»*. Можно встретить и такую интерпретацию: якобы средством доставки для нее служил «холщовый мешок, в котором носили ковры»** или «мешок для постельного белья»***. В таком случае смелый и блестяще осуществленный политический замысел превратился в некий заурядный фарс. Кажется маловероятным, чтобы египетский фараон и живая богиня позволила бы во что-то себя завернуть, связать и нести или чтобы расхаживавший по дворцу среди ночи продавец ковров не вызвал бы подозрения у бдительной стражи.

Вероятно, путаница возникла из-за того, что в те времена постельное белье служило одновременно одеждой. Греческое слово *гиматий* означает кусок ткани, использовавшейся в качестве простыни, в которую заворачивались и мужчины, и женщины, когда вставали с постели, и носили ее днем как обычную верхнюю одежду. Таким же образом плащи часто служили одеялами, и «у римлян покрывала и постельное белье считались одеждой»****. Поэтому Клеопатра скорее всего была с головы до ног плотно закутана в плащ, что кажется более правдоподобным для Александрии I столетия до н.э., когда, задрапировав ткань вокруг фигуры по тогдашней моде, можно было легко скрыть внешность. Именно так, завернувшись в гиматий или еще более широкий плащ фарос, женщины часто прятали лицо на

* *Плутарх*. Указ. соч., с. 190.

** См.: *Canfora L.* The Vanished Library: a Wonder of the Ancient World. — Berkeley: University of Colombia Press, 1990, p. 66.

*** См.: *Walker S. and Higgs P.* (eds) Cleopatra of Egypt: from History to Myth. — London: BMP, 2001, p. 24.

**** См.: *Croom A.T.* Roman Clothing and Fashion. — Stroud: Tempus, 2000, p. 20.

людях. Лицо закрывали тысячи лет назад, так что вуаль — это вовсе не новейшее изобретение. Хотя в Древнем Египте ее никогда не носили, она получила широкое распространение среди женщин элиты в Ассирии и греческих колоний в Малой Азии и даже Афинах. Во времена Клеопатры гречанки обычно «обматывали голову гиматием так, что, кроме глаз, лица не было видно, как под маской»*. Таковую одежду женщин обязывали носить мужья, которые не хотели, чтобы на их жен смотрели другие мужчины. Один римский консул, живший во II веке до н.э., даже развелся со своей женой из-за того, что она вышла из дома, не покрывшись полностью. Он ей заявил: «По закону только мои глаза могут видеть тебя».

У классических скульптур лицо не закрыто ни накидкой, ни шлемом — их отодвигали назад, чтобы было видно лицо персонажа, однако на греческих вазах изредка встречаются изображения женщин, танцующих перед мужчинами и богами Дионисом и Артемидой с лицом, прикрытым краем гиматия. У некоторых скульптурных миниатюр лицо также частично закрыто. Наиболее яркий пример — это бронзовая статуэтка из Александрии такого качества, что в ней можно легко признать фаворитку или «второстепенную жену», идущую по дворцу к царю. Она целиком закутана в плащ, похожий на простыню, видны только ее подкрашенные миндалевидные глаза. На затылке угадываются собранные в пучок волосы. Кажется, что ее обернутое тканью тело закручивается словно в вихре. Точно так же под порывами морского ветра плащи облегли тела александрийских дам и разведали плащ Исиды Фариа, чья гигантская фигура возвышалась поблизости от дворца.

Поэтому трудно устоять перед соблазном представить себе Клеопатру в таком же одеянии, безмолвно плывущей на встречу с Цезарем по темной воде гавани под сенью ста-

* См.: Herakleides in *Galt C. Veiled Ladies* // *American Journal of Archaeology* 35 (4), 1931, pp. 382–383.

туи. Когда лодка пристала к берегу перед дворцом, Клеопатра, вероятно, плотно закуталась в черный плащ, закрыв свое всем известное лицо, и быстро пошла за Аполлодором по ступеням из белого камня, пересекла вымощенную известняком площадку для прогулок, а потом скрылась в тени. Они могли войти во дворец через вход, которым пользовались придворные фаворитки, нескончаемым потоком следовавшие к сменявшимся один за другим царям. Высказывалось справедливое суждение, что в случае необходимости Аполлодор, говоривший по-латыни, мог ответить на вопросы любого часового-римлянина — будь то габинианец Птолемея или личный телохранитель Цезаря, давая возможность своей царственной подопечной беспрепятственно пройти по дворцовому лабиринту, ходы и выходы которого она прекрасно знала.

Проскользнув в покои Цезаря, Клеопатра предстала перед ним. Она вовсе не выпрыгнула из развернутого ковра, растрепанная и шатающаяся от головокружения, а просто откинула назад плотный темный плащ и открыла лицо жестом, напоминающим то, как статуи богов в храмах прикрывались от взглядов нечестивцев. Ибо даже римляне знали, что в Египте, там, где находится украшенная драгоценными камнями статуя Исида, есть священная надпись, гласящая: «Я есть все бывшее, и будущее, и сущее, и никто из смертных не приподнял моего покрыва»*.

Когда живая Исида предстала перед Цезарем во всей своей божественности, на его глазах словно начали разыгрываться эпизоды мифов с участием многоименной богини в одном прекрасно поставленном театральном действии, наполненном смыслом и намеками, которые только пределы интеллекта Цезаря не позволили бы их понять. Важной деталью свадебной церемонии был того или иного рода покров на голове невесты или вуаль на ее лице. Эта традиция вос-

* *Плутарх. Исида и Осирис, с. 17.*

ходит по меньшей мере к VI веку до н.э. Когда жених снимал покров, у греков и римлян это означало, что новобрачная отдает ему девственность. Но для этих культур совершенно чуждым было, если женщина сама снимала накидку перед незнакомым ей мужчиной. Поэтому жест Клеопатры, содержащий в себе явный намек, служил своего рода приглашением к близости или альянсу.

Когда Клеопатра сбросила плащ, она, вероятно, осталась в верхней одежде из тончайшей ткани, которую обожали Птолемеи, — от прозрачных вуалей Арсинои II до таких же одежд Фискона, чье тучное телосложение привело в ужас римских гостей. Стоявший перед Клеопатрой римлянин увидел, как «белые груди ее сияют под тканью сидонской»*, и, если верить родившейся в те далекие времена побасенке, он воспылал желанием, как и сама египтянка.

Клеопатра, безусловно, очень понравилась Цезарю, хотя, по существующим ныне представлениям, она не была такой уж красавицей, если судить по изображениям на монетах, где ей умышленно приданы утрированные мужские черты, чтобы продемонстрировать: она вполне может соперничать с представителями сильного пола. Как элемент пропаганды, которым пользовались ее предшественницы Хатшепсут, Нефертити и Клеопатра III, мужские черты на портретах Клеопатры VII тем не менее служили дополнением к двусмысленному утверждению, что «красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда»**. Это означало, что она была не то чтобы не красивой, а просто находились женщины, соперничавшие с ней по красоте. Если в том же самом древнем источнике говорится, что Клеопатра могла полагаться на свое «чарующее обаяние»***, то в другом подчеркивается, что она «была женщиной исключительной красоты и в расцвете молодости

* *Марк Анней Лукан*. Указ. соч., с. 234.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 412.

*** *Плутарх*. Там же, с. 441.

поражала своим очарованием. Видеть и слушать ее доставляло огромное удовольствие, она обладала способностью покорить любого, даже пресыщенного любовью мужчину, чьи лучшие годы уже позади. Поэтому, решив, что роль, которую она играет, обязывает ее встретиться с Цезарем, она доверила своей красоте все свои претензии на трон»*.

Дошедшие до нас скульптурные портреты Клеопатры служат доказательством ее легендарной красоты, хотя из-за отсутствия на них надписей возникают сомнения, она ли это на самом деле, поскольку существуют лишь три известные статуи женщин из птолемеевской династии, имеющие идентифицирующие надписи. Хотя на известном бюсте египетской царицы в высокой синей короне из Эль-Амарны нет указаний, кому он принадлежит, никто пока не сомневался, что это Нефертити. Таким же образом по характерным чертам и иконографии, как правило, можно идентифицировать изображения Птолемеев, в том числе самой Клеопатры VII.

Но даже если признать, что она была красивой, то представления о красоте на протяжении истории существенно менялись от рубенсовских толстушек до модниц-худышек, от носов длинных и с горбинкой до коротких и курносых, и древний идеал красоты, кажется, далек от нынешнего деланного гламура. Некая гетера на античной греческой вазе, смотрящаяся в зеркало с надписью «Она красивая», не представляет ничего особенного для современного глаза, как и легендарная Гетера Фрина, столетиями считавшаяся несравненной красавицей. Пракситель ваял с нее свою знаменитую, поражавшую всех Афродиту, хотя у этой скульптуры, мягко говоря, не очень привлекательное лицо, которое затмевают эстетические качества, присущие скульптурным портретам Клеопатры, по крайней мере с точки зрения западной женщины XXI века.

* Дион Кассий. Римская история. Кн. XLII, гл. 34.

Само собой разумеется, внешность Клеопатры стала темой многочисленных комментариев. Одна писательница утверждала, что она была «прелестной ни по стандартам ее времени, ни нашего»*. По поводу одной из мраморных голов Клеопатры другая ученая пишет, что «хотя этот портрет не льстит ей, в нем видно близкое сходство с Александром Великим»**. Но, по мнению комментаторов-мужчин, та самая скульптурная голова «передает ее красоту»***, она «гораздо красивее, чем профиль на монетах, и отражает личность великой царицы»****. Что касается самих монет, то некоторым экспертам они дали повод заявить, что «египетская царица Клеопатра VII, прославившаяся своей привлекательностью, изображена с отеком на шее — признаком зоба»*****. И вообще спектр мнений весьма широк: так, М. Хеймер считает, что на монетах изображен некто, очень похожий на мужчину в женской одежде, Р. Гёрлинг пишет, что это «злая, крючконогая карга», а Г. Гудшо находит ее лицо «привлекательным» и «лучезарным».

* См.: *Hughes-Hallett L. Cleopatra: Histories, Dreams and Distortions.* — London: Bloomsbury, 1990.

** См.: *Southern P. Julius Caesar.* — Stroud: Tempus, 2001, p. 121.

*** См.: *Bowman A. Egypt and Pharaohs, 332 BC — AD 642.* — London: BVP, 1986, p. 25.

**** См.: *Machler H. Egypt under the Last Ptolemies // Institute of Classical Studies Bulletin 30, 1983, pp. 1—16.* См. также: *Wilfong T. Women and Gender in Ancient Egypt: from Prehistory to Late Antiquity.* Ann Arbor (Kelsey Museum of Archaeology) 1997, pp. 37—38: «Эти изображения [на монетах] часто приводятся в качестве доказательства того, что Клеопатра не была так красива, как это живописуется в мифах о ней, но такие суждения неизменно основываются на вкусах современных ученых, а не на исторических сведениях и не учитывают фактора нумизматической портретной живописи». По этому поводу Гудшо пишет: «Монеты с лицом как у ведьмы становятся гораздо более изящными, после того как их очистить и обработать кислотой». (См.: *Goudchaux G. W. Was Cleopatra beautiful? The conflicting answers of numismatics // Cleopatra of Egypt (eds Walker S. and Higgs P).* — London: BVP, 2001, pp. 210—214.

***** См.: *Prag J. and Neave R. Making Faces: Using Forensic and Archaeological Evidence.* — London: BVP, 1997, p. 17.

Несмотря на такое разнообразие суждений о физической красоте Клеопатры, античные источники соглашаются в том, что у нее был сильный, волевой характер. Говорили, что «обращение ее отличалось неотразимую прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу»*. Она была также наделена голосом, самые звуки которого «ласкали и радовали слух»**, в отличие от высоких голосов большинства женщин, столь несвойственных для мужской «нормы», из-за чего мужчины испытывают неудобство. И едва ли Клеопатра разделяла мнение, что «молчанье — украшение женщин»***.

Побывав во многих местах Греции, Италии и Сирии, также знакомых Цезарю, Клеопатра могла свободно говорить на любую тему культуры и политики. А ее «язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский»****. Хотя нет никаких свидетельств, что она знала латынь, кажется маловероятным, что она не понимала язык тех, кто встретился ей на жизненном пути, ибо не все римляне могли говорить по-гречески. Однако известно, что Цезарь, обучавшийся риторике на греческом и латыни, разговаривал на греческом, языке ученых мужей.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 412.

** Там же.

*** Текст приводится по изданию: *Софокл*. Трагедии. Аякс / Пер. с древнегреч. С. Шервинского. — М.: Художественная литература, 1988, с. 290.

**** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 412.

Современные психиатры утверждают, что у Клеопатры были пограничные психологические отклонения, и «как представляется, ей больше всего соответствует определение самовлюбленного человека»^{*}; но с рождения ее воспитывали как богиню, и нет ничего удивительного в подобных проявлениях у потомка Александра и трехсотлетней династии монархов, верящих в свою божественность и служивших объектом поклонения. Твердая уверенность, вселенная в Клеопатру такой верой, была явно притягательной: Цезарь, должно быть, восхищался ее молодостью, энергичностью и бесстрашием, наглядно продемонстрированными тем, как она проникла к нему, вдохновленная, вероятно, его получившими широкую известность прорывами сквозь ряды противника. Так, всего годом раньше Цезарь прорвался сквозь блокаду помпеевского флота в Адриатике, когда пустился в плавание «сам, ночью, втайне, один, закутавшись в плащ, на маленьком суденышке»^{**}, как она сейчас.

Несмотря на разницу в возрасте, двадцатидвухлетняя гречанка-фараон мало чем отличалась от пятидесятидвухлетнего римского полководца, годившегося ей в отцы. Его скульптурные портреты изображают человека, внешне не похожего на Авлета, но при всем их различии они имеют схожие черты характера. Они оба порывисты, прагматичны и, когда нужно, совершенно безжалостны.

Родившегося в 100 году до н.э. Гая Юлия Цезаря — его имя произносится так же, как немецкое «кайзер», являющееся от него производным, как и русское «царь», — назвали в честь его отца, бывшего важным должностным лицом. Семья принадлежала к знатному патрицианскому роду, который посредством династических браков приумножил свое состояние и добился высокого социального статуса. Полу-

^{*} См.: *Orland R.M., Orland F.J. and Orland P.T. Psychiatric assessment of Cleopatra: a challenging evaluation / Psychopathology 23 (3), 1990, pp. 169–175.*

^{**} *Светоний. Указ. соч., с. 39.*

чивший образование от воспитателя, который сам изучал греческую и латинскую риторику в Александрии, молодой Цезарь стал способным поэтом и писателем. Из карьерных соображений он разорвал свою первую помолвку и вступил в более выгодный в политическом отношении брак с Корнелией, дочерью влиятельного государственного деятеля Луция Корнелия Цинны. В 76 году до н.э. родилась их единственная дочь Юлия.

Учившийся сначала на жреца, Цезарь стал юристом. После командирования на Восток, в Вифинию, что недалеко от Понта, он вернулся увлеченный эллинистической модой. Говорили, что «и одевался он по-особенному: он носил сенаторскую тунику с бахромой на рукавах и непременно ее подпоясывал, но слегка: отсюда и пошло словцо Суллы, который не раз советовал оптиматам остерегаться плохо подпоясанного юнца»*.

Известность Цезарь приобрел своим красноречием. После того как один мастер ораторского искусства с Родоса поставил ему голос, Цезарь стал великим оратором, умевшим жестами подчеркнуть важные моменты в речи. Он произвел впечатление даже на крайне критически настроенного Цицерона. «Как? — вопрошал он. — Кого предпочтешь ты ему из тех ораторов, которые ничего не знают, кроме своего искусства? Кто острее или богаче мыслями? Кто пышнее или изящнее в выражениях?»**

Направляясь на Родос на учебу, Цезарь попал в руки сицилийских пиратов. Они потребовали выкуп в двадцать талантов. Сказав, что они дешево его ценят, он предложил за себя пятьдесят талантов, но пригрозил разыскать их после освобождения и расправиться с ними. Эти слова рассмешили разбойников, и они отпустили Цезаря, когда получили выкуп. К несчастью для них, двадцатилетний

* Светоний. Указ. соч., с. 34.

** Там же.

Цезарь не шутил и сделал все, чтобы сдержать слово. Он снарядил несколько кораблей, догнал пиратов и казнил их традиционным римским способом, но прежде чем распять разбойников, приказал перерезать им горло, чтобы облегчить страдания за хорошее обращение с ним.

Некоторое время Цезарь служил в римской армии, приобрел боевой опыт и был награжден венком из дубовых листьев за доблесть. Потом он сблизился с самым богатым человеком в Риме, полководцем Крассом, и служил под его началом. После смерти первой жены, которой воздал почести на общественных похоронах — церемонии совершенно необычной для римлянок, он женился на двоюродной сестре Помпея и был послан в Испанию. Памятник Александру Великому в порту Гадира (современный Кадис) привел его в глубокое уныние. Сравнив свои достижения в возрасте тридцати двух лет с успехами Александра, завоевавшего немалую часть известного мира, Цезарь также почувствовал, что его обошел Помпей, взявший себе титул Александра «Великий», и завоевал почти весь Восток.

Тогда Цезарь пошел на создание союза и, выдав замуж за Помпея дочь Юлию, объединился с Помпеем и Крассом. Так в 60 году до н.э. возник первый триумвират. Став правителями Рима, они продали титул «друг и союзник римского народа» Авлету, отцу Клеопатры, и когда год спустя его изгнали, Цезарь решил попытать счастья там.

Но после того как сенат отказался избрать его проконсулом Египта, он отправился в Галлию, чтобы усмирить непокорные северные территории, сделать себе имя и опередить Помпея — и грабить безнаказанно.

В своих заметках Цезарь беспристрастно описывает встречи со многими людьми — от свирепых германцев свевов, чьи высокие замысловатые прически увеличивали их рост в сражениях, до религиозных вождей галлов, являвшихся правящей элитой, которых он назвал «друидами», и

провел параллель между ними и римским сенатом. Кроме того, он сделал первое описание Британии, земли столь огромной по площади, что многие римляне сомневались в ее существовании.

Однако Цезарю, наверное, было хорошо известно, что греческий путешественник Питеас (Пифей) совершил плавание вокруг Британии в 320-х годах до н.э. и описал остров в своей книге «Об океане», хранившейся в Александрийской царской библиотеке, о чем знал заведовавший ею Эратосфен. Затем во II веке до н.э. по крайней мере одно птолемеевское торговое судно плавало к берегам «Британники».

В своих «Записках», которые Цезарь вел от третьего лица, он утверждал, что вторгся в Британию в августе 55 года до н.э., «так как знал, что во все войны с Галлией оттуда посылались подкрепления нашим врагам; если бы даже остаток лета оказался недостаточным для ведения регулярной войны, то он все-таки считал очень полезным для себя хотя бы только вступить на этот остров, познакомиться с его населением и добыть сведения о местностях, гаванях и удобных для высадки пунктах»*, не говоря уже об источниках жемчуга, слух о которых прошел в Риме, причем Помпею за этот товар там уже рукоплескали.

Когда в августе 55 года до н.э. Цезарь с десятью тысячами легионеров высадился в Уолмере в Кенте, его встретили местные жители с оружием в руках, на колесницах, обросшие волосами, раскрашенные синей краской из вайды, казавшиеся «от этого <...> в сражениях страшней других на вид»**. У кельтов, как и фракийцев, существовал обычай обезглавливать убитых в бою врагов, и потом, как это было хорошо знакомо родственникам Клеопатры, «головы наиболее выдающихся из врагов они [бальзамировали] кедровым

* Цезарь. Указ. соч., с. 79.

** Цезарь. Там же, с. 95.

маслом и бережно [хранили] в ларцах, показывая затем гостям»*.

Осуществляя это вторжение, длившееся чуть больше двух недель, Цезарь главным образом преследовал цель заручиться поддержкой в Риме, где это вторжение произвело невероятный пропагандистский эффект, поскольку впервые римская армия вступила на неизвестную территорию. Сенат постановил провести двадцатидневные празднества и благодарственные молебствия — самые продолжительные из всех проводившихся ранее по случаю победы какого-либо римского полководца.

Воодушевленный таким успехом, Цезарь задумал вторую операцию на следующий год. У побережья Кента волны в щепки разбили часть кораблей, как и в первом случае. С подкреплением пришло трагическое известие. Его дочь Юлия умерла во время родов, а ребенок Помпея и внук Цезаря пережил мать всего на несколько дней. Помпей хотел похоронить их на территории одного из своих богатых имений, но вмешавшаяся толпа устроила пышную кремацию на Марсовом поле в знак уважения к ее популярному у народа отцу.

Цезарь воспринял новость в свойственной ему стоической манере, не выказывая постигшего его горя, и энергично занимался текущими делами, чтобы отвлечься от переживаний. Когда в конце июля Цезарь овладел сильно укрепленным расположенным на холме лагерем в районе Сент-Альбанса, пришла весть, что в Галлии снова поднялось восстание, поэтому он вернулся на побережье. Там составил донесение и послал несколько писем в Рим. Зная, что все написанное любителю сплетен Цицерону быстро станет достоянием всех и каждого, Цезарь поведал о проведенном времени в стране, где, как писал Цицерон, «удивительное

* Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Греческая мифология / Пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко. — М.: Лабиринт, 2000, с. 99.

множество утесов», сообщив о залежах железа и олова, тучных стадах и больших запасах зерна на острове.

Цезарь покинул Британию в конце сентября, после того как принял капитуляцию у правителя бриттов Кассивеллана, взял заложников и собрал дань, в том числе речным жемчугом, при этом, «сравнивая величину жемчужин, он нередко взвешивал их на собственных ладонях»*. Оба вторжения на территорию Британии имели грандиозный пиаровский успех, даже если его критики говорили, что добыча невелика. Несмотря на то что Цезарь привез жемчуг, Цицерон заявил своим друзьям, что в Британии нет ни одной унции серебра и что он сомневается, есть ли у рабов-бриттов литературный и музыкальный вкус. А вот римские дамы, подражая «синим британцам»**, принялись «раскрашивать волосы лазурным цветом»***.

Треть населения Рима составляли рабы, сам Цезарь старался купить лучших: «Красивых и ученых рабов он покупал по таким неслыханным ценам, что сам чувствовал неловкость и запрещал записывать их в книги»****. Он также мог обеспечить каждого из своих легионеров рабом после завоевания Галлии, однако сведениями о массовых убийствах, которыми сопровождалось его покорение Галлии и Германии, воспользовались его противники в Риме. Они требовали суда над ним как над военным преступником, но огромные территориальные приобретения значили больше, чем жизни людей. Тем не менее в отличие от своих обвинителей Цезарь не имел расовых предубеждений и причислял галлов к союзникам.

* Светоний. Указ. соч., с. 34.

** Марциал. Эпиграммы / Пер. с лат. Ф. Петровского — М.: АСТ Фолио, 2000, с. 309.

*** Текст приводится по изданию: *Секст Проперций. Элегии* в четырех книгах. Пер. Л.И. Любжина. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004, с. 87.

**** Светоний. Указ. соч., с. 34.

Как и Александр, Цезарь «в походе шел впереди войска, обычно пеший, иногда на коне»* и приказывал солдатам «не терять его из виду»**. Как и его любимый герой, он пользовался популярностью в войсках и обращался к солдатам «товарищи», что другим римским лидерам казалось слишком фамильярным. Цезарь судил о солдатах по их боевым, а не по моральным качествам, и позволял во время передышек делать, что им хочется, и отвечал критикам, что «его солдаты и среди благовоний умеют отлично сражаться»***. Но также требовал от них хорошей выправки. Будучи щеголем, Цезарь носил тогу, отороченную бахромой, что напоминало увлеченность Александра иноземной одеждой, и надевал на пальцы сразу несколько колец. Он также любил носить лавровый и дубовый венки, которыми он был награжден за военные заслуги. Помимо демонстрации статуса, он скрывал свои светлые редеющие волосы более удачно, чем обычным способом. «Безобразившая его лысина была ему несносна, так как часто навлекла насмешки недоброжелателей. Поэтому он обычно зачесывал поредевшие волосы с темени на лоб»****.

И все же, несмотря на лысину и тридцатилетнюю разницу в возрасте, мужчина, стоявший перед Клеопатрой в ту ночь в Александрии, когда она откинула скрывавший ее лицо край плаща, был «высокого роста, светлокожий, хорошо сложен, лицо чуть полное, глаза черные и живые»*****. Между ними, безусловно, возникло взаимное влечение, и, учитывая жизненный путь Цезаря, изобилующий невероятно бурными приключениями, едва ли он и она ограничились простым рукопожатием. Тщательно подготовившись к встрече, Клеопатра уже «разведала его натуру (был он сластолю-

* Светоний. Указ. соч., с. 39.

** Там же, с. 41.

*** Там же, с. 41.

**** Там же, с. 34.

***** Там же, с. 34.

бив в высшей степени и имел дело с многими разными женщинами, с кем попало)»*.

Помимо одной помолвки и женитьбы на Корнелии и Помпее, он потом еще состоял в браке с Кальпурнией, дочерью влиятельного и очень состоятельного Луция Кальпурния Пизона. Он также долгое время поддерживал отношения с Сервилией, матерью молодого и пламенного республиканца Брута, и вообще «на любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лоллии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея»**. Жены его ближайших коллег служили ценным источником информации для него. Он развелся со своей второй женой Помпеей из-за того, что у нее якобы был любовник. Его попытка проникнуть в дом Цезаря, переодевшись женщиной, вызвала такой скандал, что, по словам Цезаря, ему ничего не оставалось, как расторгнуть брак, потому что на жену Цезаря «не должна падать даже тень подозрения»***.

Сам не связанный подобными условностями, Цезарь, как говорили, имел детей даже в Галлии. Его солдаты так гордились репутацией своего предводителя, что, когда возвращались в Рим, маршировали под мелодию любимой песенки:

Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии****.

В Испании он познакомился со многими местными женщинами в компании своего начальника штаба, такого же

* Дион Кассий. Римская история. Кн. XLII, гл. 34 / Пер. Е.В. Федоровой.

** Светоний. Указ. соч., с. 35.

*** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 170.

**** Светоний. Указ. соч., с. 36.

женолюба, как и он сам. Ходили упорные слухи, что Цезарь, когда находился в Вифинии, даже имел интимную связь с ее царем Никомедом. Цицерон цинично поведал, «как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры»*. Его легионеры изрядно позабавились по этому поводу, как и молодой поэт Катулл, который, как писал историк Майкл Грант, назвал Цезаря «Ромулом, любящим мужчин», за что по настоянию отца ему пришлось извиняться.

И все же несмотря на то, что Цезарь приобрел репутацию «мужа всех жен и жены всех мужей»**, большинство римлян, наверное, хорошо запомнили, как был соблазнен их замечательный полководец. Утверждая, что Клеопатра «тайно от цезарских глаз пробралась во дворец Эмафийский; это Египта позор, <...> Рима распутная смерть»***, они упустили из виду тот факт, что она просто вернулась к себе домой. Раздувая тему «развратной царицы», они отзывались о ней как о «женщине, состарившейся среди своих рабов»****, говорили, что «она была так развратна, что часто протитировала, и обладала такой красотой, что многие мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи»*****. Не желая проходить мимо столь сенсационных фактов, современные историки продолжают утверждать, что Клеопатра «обладала даром гетеры и мастерски пользовалась им»*****.

Хотя замечание историка Б. Уоттерсона в его книге «Дом Гора в Эдфу», что Клеопатра «хотела, торгуя своим телом,

* Светоний. Указ. соч., с. 35.

** Там же, с. 36.

*** Лукан. Указ. соч., с. 231–232.

**** Секст Проперций. Указ. соч., с. 147–149.

***** Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях. Римские истории IV века. — М.: РОССПЭН, 1997, с. 224.

***** См.: Forster E.M. Alexandria: a History and a Guide. — London: Discovery Books, 1982, pp. 25–26.

добиться политических целей», совершенно несправедливо в отношении Цезаря или любого другого лидера, политические вопросы матримониального содержания, конечно, стояли на повестке дня в ту ночь. Вполне возможно, что Цезарь хотел последовать примеру своего предка, троянского Энея, родоначальника Рима, чей бурный роман с Дидоной, основательницей Карфагена, привел к союзу, основанному на соединении сердец. Его, бесспорно, влекло к Клеопатре то обстоятельство, что она была одной из немногих оставшихся в живых потомков Александра Великого*. Как выдающийся *филалександротат*, «возлюбивший Александра», Цезарь, несомненно, строил планы в отношении не менее притягательного потомка своего героя. Поскольку тема будущих династий вполне могла возникнуть в ходе разговора Цезаря и Клеопатры с глазу на глаз, их тянуло друг к другу в силу случайно сложившихся обстоятельств, и они, изолированные во дворце от внешнего мира, за одну ночь стали самыми близкими союзниками.

Убедившись во всех способностях и достоинствах Клеопатры, Цезарь отменил все распоряжения Помпея о ее отстранении от трона, и до наступления утра она была полностью восстановлена в своих правах. Поскольку Цезарь сам заявляет, что он «всячески старался в качестве общего друга и посредника уладить спор между царем и царицей»**, многие историки сомневаются, что у него была романтическая привязанность к ней. Для доказательства они ссылаются на то, что он редко упоминает ее в своих записках — только два раза по имени, и то в третьем лице. Но в этом случае игнорируется другой факт: Цезарь всегда писал от третьего лица и в таком же объективном стиле. Поскольку все им написанное служило пропагандистским целям, сентимен-

* Хотя в настоящее время подвергается сомнению, что Клеопатра — потомок Александра, римляне верили в это. См.: *Квинт Курций Руф.* Указ. соч. 9. 8. 22; Проперций. Указ. соч. III. 11.

** *Цезарь.* Указ. соч., с. 352.

тальная проза была бы совершенно неуместной, и он никогда не предавался эмоциям в своем труде.

Поэтому о чувствах Цезаря к Клеопатре следует судить по его действиям, а они говорят о многом. Прекрасно зная, что александрийцы не хотят ее возвращения, поскольку Потин настроил их на этот лад, а силы Птолемея XIII, превосходящие римские, только придали им уверенности, Цезарь пошел на большой риск, вернув ей трон. Когда на следующее утро ее брат явился к Цезарю во дворец и увидел свою презренную сестру в обществе римлянина, то пришел в такую ярость, что выбежал из дворца, сорвал с головы диадему и швырнул на пол. Подстрекаемый Потинном, фараон кричал, что его предали, и взбудоражил предсказуемых александрийцев, которые снова настроились штурмовать дворец.

Но на этот раз Клеопатре не пришлось бежать из дома, гонимой толпой, ее спасло прославленное красноречие Цезаря. Выйдя со спокойным видом к толпе, он театральным жестом достал завещание Птолемея XII, несомненно, найденное с помощью Клеопатры предыдущей ночью. По-гречески, без запинки он зачитал содержание, из которого следовало, что брат и сестра должны править вместе, и Авлет просил Рим быть гарантом, его воля будет исполнена, а он, Цезарь, как римский консул, намерен выполнить волю покойного царя.

В качестве арбитра семейного спора Цезарь объявил, что брат и сестра будут совместно править Египтом, и, более того, руководствуясь своим решением, заверил общественность, что двое других детей — младший Птолемей и Арсиноя — будут совместными правителями Кипра. Хотя Рим лишь десятью годами ранее завладел островом, Цезарь сейчас возвращал его Птолемеям. Эта уступка вызвала взрыв негодования в Риме, но позволила выиграть время и заложить основу власти в городе. Этот шаг также показал Клео-

патре, как можно по указанию одного человека быстро вернуть бывшие птолемеевские территории.

Хотя Птолемея XIII и Потина вовсе не устраивало такое решение династического вопроса Цезарем, общественность осталась довольна. Была устроена грандиозная церемония по случаю восстановления монархии и создания формального союза между Клеопатрой VII и Птолемеем XIII как соправителями и предположительно будущими мужем и женой в соответствии с трехсотлетней птолемеевской традицией. Документальные свидетельства отсутствуют, но в этом нет ничего удивительного, ибо, хотя у Птолемеев брачные контракты действительно существовали, не было надобности проводить религиозную церемонию ради легализации египетского брака. Для этого даже не обязательно было жить вместе. Как отмечалось в одном тексте II века до н.э., «мне достаточно сесть рядом с Таной, чтобы она стала моей женой»*. Присутствие Птолемея XIII на праздновании ограничилось лишь тем, что он просто сидел вместе с Клеопатрой. Хотя он, его младший брат Птолемей и их сестра Арсиноя формально были признаны Римом монархами, все трое понимали, что власть принадлежит их презренной сестре и ее новому другу Цезарю, партнерам во всех смыслах слова.

Итак, Клеопатра снова начала царствовать и главенствовать на церемониях, проводившихся во дворце. Расширявшийся при каждом поколении монархов за триста лет со времени основания города Александром, дворец Авлета и его преемников стал известен во всем мире легендарным великолепием. Вокруг дворца раскинулись широкие площадки с колоннадами, украшенными полутораметровыми сфинксами из гранита и диорита, имевшими черты лица Авлета; окна из полупрозрачного стекла выходили в сторону моря, и шум прибоя разносился по просторным залам.

* См.: *Roselandson J.* Op. cit., p. 318. Там же на с. 319 автор отмечает, что брак считался «заключенным, когда двое людей живут вместе».

Пиршество происходило под зорким взглядом двух золотых орлов птолемеевского дома. Они восседали на самой высокой части крыши, поддерживаемой агатовыми колоннами,

...потолок вырезной был богато
Убран, и брусья литым окованы золотом были.
Не облицован был дом блестящим, распиленным в плиты
Мрамором: высился там агат массивный, чередуясь
С камнем порфирным*.

Сверкающий белый камень доставлялся с территории современной Турции, зеленый с белыми прожилками мрамор — с Пиренеев, желто-белый — из Западной Галлии и по крайней мере две разновидности — из Греции. Мраморные и алебастровые плиты покрывали пол, и хотя стояло прохладное лето, римлянам приходилось проявлять особую осторожность, потому что их подбитая гвоздями форменная обувь абсолютно не годилась для такой поверхности, и случалось, что при несении службы, поскользнувшись, они падали**. Из арабского оникса, афганской ляпис-лазури, бирюзы, привезенной с Синая, и нового модного пурпурного порфира из египетской пустыни на полу были выложены мозаичные картины в македонском стиле на мифологические и бытовые сюжеты, например с изображением небольшого терьера в красном ошейнике, сидящего перед опрокинутым кувшином с вином. Мраморные стены сверкали инкрустацией из драгоценных камней, золотыми листьями и вкраплениями цветного стекла. На стенах, выкрашенных киноварью, были тщательно выписаны город-

* Лукан. Указ. соч., строки 112—116, с. 233.

** О случаях падения солдат из-за того, что их обувь была подбита острыми гвоздями, см.: *Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война* / Пер. Г. Генкеля, Я. Чертка. — М.: Эксмо; СПб., Мидгард, 2007, с. 1148.

ские пейзажи и парки, перемежавшиеся с панелями из слоновой кости и дверями, декорированными панцирями индийских черепах, усыпанными сверкающими зелеными изумрудами. Великолепие внутреннего убранства дополняли фамильные портреты, украшенные драгоценными камнями скульптуры членов царской семьи и богов из мрамора и бронзы, соседствовавшие с предметами старины фараоновского периода.

Гости, приглашенные на пир, возлежали на обеденных ложах, накрытых пурпурными и малиновыми коврами покрывалами, отливавшими золотом при свете изумительной красоты канделябров и люстр. Царский протокол птолемеевского двора требовал, чтобы монархи располагались на возвышенном месте и ближе всех к ним находились самые важные гости. Цезарь сам следовал восточной практике ранговых обедов, и «в провинциях он постоянно давал обеды на двух столах: за одним возлежали гости в военных плащах или в греческом платье, за другим — гости в тогах вместе с самыми знатными из местных жителей»*. Ему советовали придерживать такого распределения мест, чтобы быть подальше от слишком назойливых гостей.

Известно, что на ложах для почетных гостей в тот вечер возлежали Цезарь, как всегда, безукоризненно одетый, пожилой мемфисский жрец Акорей в одеждах из тончайшего белого льна, возможно, верховный жрец Пшеренптах III и придворный астроном Сосиген. Из членов царской семьи на банкете должны были присутствовать Птолемей XIII, его сестра Арсиноя и их младший брат Птолемей, и все они явно питали ненависть к своей неполнородной сестре Клеопатре, видя, как она радуется возвращенному статусу.

В пышном облачении, с головы до ног увешанная роскошными драгоценностями, Клеопатра являла разительный контраст с простецкими матронами Рима. Имевшие по закону право надевать на себя не больше половины унции

* *Светоний*. Указ. соч., с. 34.

золотых украшений, они делали вид, что нисколько не удручены таким обстоятельством. Сказочно богатая Корнелия, которую обхаживал Фискон, произнесла знаменитую фразу, что «дети — вот ее драгоценности». Поэтому не удивительно, что люди, разделявшие республиканские взгляды, вот так отзывались о Клеопатре:

Без меры во всем свою красоту разукрасив, <...>
Голову, шею покрыв добычею Красного моря,
Много богатств Клеопатра несет на себе в том уборе*.

При этом сквозь тончайшую полупрозрачную ткань ее наряда просвечивало тело.

Во время пира женщины должны были соблюдать следующие требования римского этикета:

В кончики пальцев кусочки бери, чтоб изящнее
кушать. <...>
Вовремя встань от еды, меньше, чем хочется, съев. <...>
Меньше есть, больше пить — для женщин гораздо
пристойней. <...>
Только и тут следи за собой, чтобы нога не дрожала,
Ясной была голова и не двоилось в глазах**.

Затем, чтобы ослабить действие вина и смягчить острую пищу, советовалось накапать немного духов в вино. Ароматам придавали особое значение в птолемеевских столовых, где опьяняющий запах духов смешивался с благоуханием тщательно подобранных цветов, полы были усыпаны лепестками, «воистину являя вид божественного луга»***, а гостям вешали на шею цветочные гирлянды.

* Лукан. Указ. соч., с. 234, строки 137—140.

** Текст приводится по изданию: Овидий. Наука любви. Лекарство от любви. — М.: Эксмо, 2006, с. 172—173.

*** Афиней. Указ. соч., с. 255.

Традиционный венок из лотосов как главный элемент египетских торжественных мероприятий, пришедший из глубины веков, постепенно вытеснила гирлянда из роз, более привычная для культа Афродиты-Венеры и Исиды, которой подносили в качестве даров вино и розы. Посвящение в культ последней сопровождалось праздничной трапезой «в честь богини» и приглашением к столу «бога Сераписа» на территории храма. Во время такого совместного принятия пищи «происходило приятное общение и царило приподнятое настроение»*. Это описание вполне подходит и для передачи атмосферы на первом официальном пиру, устроенном Клеопатрой для Цезаря.

Столы ломились от экзотических яств на золотых блюдах, украшенных драгоценными камнями, и серебряных тарелках, сделанных в Мемфисе. Вино многолетней выдержки, охлажденное в серебряных ведерках, разливали по кубкам из горного хрусталя и агата. Гости получили салфетки из ткани лучшего качества. Прислуживали за столом расторопные греки, ливийцы, нубийцы и выходцы из Северной Европы, у которых «волосы светлы так, что и Цезарь в полях далекого Рейна не видел столь золотистых кудрей»**.

Но несмотря на разнообразие деликатесов, Цезарь, по-видимому, проявлял безразличие к еде. Как-то раз в гостях у одного жителя Милана Цезарь не придавал значения, что хозяин угощает спаржей, политой неочищенным оливковым маслом, и даже выговорил своим более привередливым служивым, что они не следуют его примеру. Что же касается случая, когда он «однажды заковал в колодки пекаря за то, что он подал гостям не такой хлеб, как хозяину»***, то, вероятно, просто опасался отравления. В Древнем мире для выдающихся личностей всегда существовал такой риск на

* См.: Witt R.E. *Isis in the Ancient World*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1971, p. 164.

** Лукан. Указ. соч., строки 129–131, с. 233–234.

*** Светоний. Указ. соч., с. 34.

оккупированных территориях, и, по некоторым утверждениям, сам Александр умер из-за того, что выпил отравленное вино. Многие брали себе на службу человека, в чью обязанность входило пробовать пищу. У Александра одно время с этой ролью справлялся Птолемей I в начале своей карьеры. Греческий врач Гален утверждал, что грецкий орех и рута перед едой нейтрализуют все яды, а царь Понта Митридат VI поручил врачу Зопиросу изготовить противоядие. Когда его царство захватил Помпей, Митридат не смог принять яд, чтобы покончить с собой, и воспользовался мечом. Оставшегося не у дел Зопироса взял к себе Авлет, чтобы тот помог обезопасить его от попыток покушения в александрийском дворе.

О Цезаре, когда-то чудом избежавшем такой участи и столь же равнодушном к алкоголю, как и к еде, говорили, что он «один из всех борется за государственный переворот трезвым»*, и «вина он пил очень мало: этого не отрицают даже его враги»**. Наибольший интерес для него представляла послеобеденная беседа в духе традиционного греческого застолья, или «дейпнона», когда единомышленники собирались вместе, чтобы поесть, выпить и поговорить. Их называли «дейпносofiстами», что переводится как «пирующие философы» или «пир мудрецов». Это название носит многотомное сочинение грека Афинейя, родившегося в египетском городе Навкратисе. Оно состоит из забавных историй, высказываний и философских бесед во время обеда на различные темы — от еды и питья до преемников Александра и о событиях в Афинах, Риме, Египте, вплоть до Малой Азии и кельтского мира.

Цезарь часто так проводил вечера с Клеопатрой, и «с нею он пировал не раз до рассвета»***, но на этом первом государственном пиру он вел длительную беседу с ее советником

* Светоний. Указ. соч., с. 36.

** Там же.

*** Там же.

жрецом Акореем. Цезарь спрашивал, что служит источником большого богатства Египта и каковы причины ежегодного разлива Нила, от которых зависело земледелие страны. Акорея сначала дал традиционное объяснение, что воду выпускает бог с головой барана из подземной пещеры. Затем жрец сообщил об исследованиях греческих ученых, установивших, что разлив реки вызывается таянием снегов в горах Эфиопии. Когда разговор зашел о культуре и религии Египта, Цезарь, наверное, спросил о ритуальном разветвлении формального союза между потомком Венеры-Афродиты и живой Исидой-Афродитой.

Беседа продолжалась далеко за полночь, и ни Клеопатра, ни Цезарь не подозревали, что находятся на волосок от смерти от рук сообщников Потина. Эти последние решали, стоит ли «прямо на ложе убить жестокую нашу хозяйку с тем или другим из мужей»* или ворваться в зал — «Цезаря кровь могла бы тогда пролиться неожиданно в царские кубки, могла б голова на стол покатиться»**. Поразмыслив, они пришли к выводу, что такое нападение подвергнет опасности и их подопечного Птолемея XIII.

В конце концов заговорщики договорились совершить покушение на следующий день. Но их подслушал прятавшийся в тени человек, «из трусости не пропускавший ничего мимо ушей, все подслушивавший и выведывавший»***. К несчастью для них, этим человеком оказался цирюльник, раб Цезаря, который немедленно все доложил своему хозяину, и «Цезарь, узнав о заговоре, велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит»****. Цезарь отомстил за смерть Помпея, приказав обезглавить Потина.

В возникшей сумятице Ахилле удалось бежать из дворца к войску, вернувшемуся из Пелусия и насчитывавшему

* Лукан. Указ. соч., строки 114—115, с. 241.

** Лукан. Указ. соч., строки 423—424, с. 242.

*** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 190—191.

**** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 191.

двадцать тысяч человек. Вместе с отрядами народного ополчения, состоявшего из александрийских греков, они окружили дворец, за укрепленными стенами которого в «Театре» Диониса Цезарь разместил свой штаб.

В ноябре 48 года до н.э. начались бои. Цезарь понимал, что его четырем тысячам легионеров не устоять в открытом сражении с превосходящими силами противника, тем более что в их рядах было большое число закаленных в боях габинианцев. Не имея альтернативы, Цезарь и Клеопатра с Птолемеем XIII в качестве заложника остались во дворце в относительной безопасности, зажатые на узкой полоске суши между враждебно настроенным городом и открытым морем.

Цезарь защищался изо всех сил, ожидая подкрепления, вызванного из Анатолии и Леванта после его прибытия в Александрию. Но он знал, что Ахилла попытается не допустить высадки подкрепления уже находившимися в гавани кораблями, и поэтому, конечно, посоветовавшись с Клеопатрой, «сжег все эти корабли вместе с теми, которые находились в доках»*, в том числе римские триремы и египетские военные корабли царского флота. С горящих кораблей огонь перебросился на склады верфей, где временно хранилось большое количество книг, привезенных для библиотеки.

В дыму пожарища и неразберихи, возникшей во дворце, Арсиноя со своим наставником-евнухом Ганимедом сумела бежать к войскам Ахиллы и александрийцам, провозгласившим ее царицей, по-гречески «василиссой», вместо ненавистной приспешницы римлян Клеопатры. Сделав Ганимеда управляющим царским двором, она решила отказаться от тактики осады, и когда Ахилла не согласился, приказала убить его и назначила командующим Ганимеда. И тот начал действовать, устроив завалы и выставив охрану на дорогах,

* *Цезарь. Указ. соч., с. 354.*

ведущих к дворцу. В городе тем временем шли уличные бои. Хорошо зная план дворца, Ганимед приказал закачивать морскую воду в водопроводные каналы, ведущие к дворцу, и резервуары для питьевой воды. Тогда Цезарь и Клеопатра дали распоряжение рыть новые колодцы.

В ответ на требование александрийцев выдать им царя Цезарь решил выиграть время и отпустил его, вероятно рассчитывая, что между капризным юным фараоном и его сестрой Арсиной начнется конфликт. Но они были настолько солидарны в противостоянии со своей неполнородной сестрой и ее римским покровителем, что договорились о совместных действиях, и когда установилась их двойная монархия, александрийцы стали сражаться с еще большим неистовством.

Ситуация казалась безвыходной, но прибытие первых вспомогательных войск дало Цезарю возможность захватить маяк на острове Фарос и перебросить всех легионеров на дамбу протяженностью в одну милю, соединяющую остров с городом. Цезарь сам руководил боевыми действиями. Его пурпурный плащ развевался на ветру, в руках полководец держал дощечки с записями. Римские солдаты начали укреплять дамбу, но им помешал египетский десант, вызвавший панику среди легионеров. Бросив работу, они стали садиться на любые лодки или суда, пытаясь спастись. Перегруженные лодки перевертывались, и многие солдаты утонули. Сам Цезарь проплыл до берега почти двести ярдов, не выпустив из рук своих дощечек с записями. Лево́й рукой он держал их над водой, а правой греб. Совсем неплохо для пловца, которому за пятьдесят, да еще в доспехах. Несмотря на вынужденное отступление, он продолжал защищать дворец и при всей безнадежности ситуации не выдал Клеопатру неприятелю. Цезарь был полон решимости удержать ее в качестве союзника, если не партнера. К тому же в разгар войны обнаружилось, что она беременна.

Большой радостью для них стало прибытие в начале марта 47 года до н.э. остальных вспомогательных сил из Анатолии, Сирии и Аравии под командованием союзника Цезаря грека Митридата Пергамского. В составе этих сил находился контингент из трех тысяч воинов под командованием Антипатра, отца будущего царя Ирода, министра и советника верховного жреца иудеев, который благоразумно перешел на сторону Цезаря после сражения при Фарсале. Митридат из Пергама пересек египетскую границу, штурмом овладел Пелусием и двинулся на юг по восточному краю дельты в направлении современного Каира. Птолемей XIII повел свою многочисленную армию на юг вдоль противоположной стороны дельты, чтобы остановить продвижение противника, а Цезарь следовал за ним на некотором расстоянии и вместе со своим союзником Митридатом окружил войска Птолемея XIII. В решительном сражении египетская армия была разбита; юный царь, облаченный в тяжелые золотые доспехи, утонул в Ниле. После того как его тело достали из воды, чтобы доказать факт смерти всем сомневающимся сторонникам и не дать повода в дальнейшем кому бы то ни было претендовать на престол, Цезарь в тот же вечер вернулся в Александрию и сообщил Клеопатре весть об их победе.

Но она, кажется, уже все знала. Перед восточными Канопскими воротами города навстречу Цезарю вышла огромная процессия «со всеми святынями»*. Жрецы несли на плечах статуи богов и царских предков. Главной встречавшей героя-победителя, конечно, была живая Исида, во всем своем великолепии восседавшая в переносном кресле.

Во время благодарственных молебствий по случаю победы Клеопатра и Цезарь, по-видимому, посетили Сому — место паломничества и для него, и для нее. Живая преемница Александра и единовластная царица-фараон, она оказала

* Цезарь. Указ. соч., с. 377.

почести его духу-хранителю, пребывающему в мумифицированном теле; и сейчас, когда их общая мечта о возрождении империи Александра становилась реальностью, ребенок, которого она носила под сердцем, становился залогом успеха.

Потом они сделали жертвоприношения. Цезарь, вероятно, преподнес кольца и один из его пурпурных плащей. Его примеру в дальнейшем следовали римские предводители. Цезарь воспользовался случаем и исполнил подобающий заупокойный ритуал для своего бывшего зятя Помпея. Его забальзамированную голову похоронили недалеко от новой восточной городской стены и на этом месте воздвигли святилище Немесиды. В знак признательности иудейским союзникам, в том числе александрийским иудеям, сражавшимся на стороне римлян, Цезарь, сделав их «полноправными гражданами, объявил о том, распорядившись воздвигнуть медную колонну в Александрии с соответствующей надписью»*. Тем самым их восстановили в традиционных правах, которых лишили за поддержку некоторых правителей во время царских междоусобиц.

Когда мир был восстановлен, Цезарь возобновил официальную деятельность, но, несмотря на четыре месяца гражданской войны и вопреки ожиданиям Рима, он не аннексировал Египет. В противном случае был бы назначен наместник, который мог бы взять власть в свои руки, и, поскольку Клеопатра стала его самой надежной союзницей, Цезарь вторично исполнил волю Авлета: «Так как старший из обоих мальчиков погиб, то Цезарь передал царскую власть младшему и старшей из двух дочерей, Клеопатре, которая сохраняла верность ему»**. Таким образом, одного Птолемея заменили другим — двенадцатилетним Птолемеем XIV, ставшим номинальным соправителем Клеопатры. Их удостоили титула «любящие отца, брато-сестролюбящие боги», при том что ее имя снова стояло на первом месте.

* Иосиф Флавий. Указ. соч., с. 594.

** Цезарь. Указ. соч., с. 377.

Тем не менее формальное совместное с младшим братом правление не помешало Клеопатре выйти замуж за Цезаря по египетским обычаям. Согласно ранним арабским источникам, «Цезарь влюбился в нее, женился на ней, и от него она родила сына»*. В ознаменование этого счастливого события, вероятно, был изготовлен халцедоновый драгоценный камень с изображением Цезаря в лавровом венке и праздничной гирлянде из цветов.

Поскольку Цезарь все еще был женат на Кальпурнии, его полигамный брак с Клеопатрой не признавался по римским законам, как и брак между римлянином и иноземкой. Вот почему в римских источниках Клеопатра названа любовницей Цезаря, а не женой. Хотя большинство современных историков следуют этой трактовке, они игнорируют тот факт, что египетский брак традиционно представлял собой нечто большее, чем сожитительство.

В силу того что статус двух людей в данном конкретном случае требовал освящения богами их союза, им нужно было посетить соответствующие культовые центры в Египте. Для этого они должны были совершить путешествие по главной транспортной магистрали страны — Нилу. И согласно древним источникам, действительно совершили это путешествие.

* См.: John of Nikiou in *el-Daly O. Egyptology: the Missing Millennium*. — London: UCL Press, p. 132.

ЧАСТЬ III

5

РЕКА ЖИЗНИ: ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НИЛУ

Хотя точно известно, что Клеопатра и Цезарь совершили круиз по Нилу после победы в Александрийской войне, историки долгое время не могли прийти к единому мнению относительно того, сколько он длился. Некоторые утверждают, что «едва ли больше одного дня»* или в лучшем случае неделю, другие же считают, что путешествие на юг продолжалось несколько месяцев. Римский историк Аппиан писал, что «обо всем этом с большой точностью и подробностью рассказано»** в его сочинении о Египте, которое, к сожалению, не сохранилось, но из этого утверждения следует, что плавание было достаточно продолжительным.

Конечно, подобные водные путешествия Птолемии совершали неоднократно, когда возникала необходимость подавить волнения или отпраздновать победу, бракосочетание или рождение царского отпрыска, и тем самым поддержать свой имидж в глазах египетских подданных. В 217 году до н.э.

* См.: *Yughes-Hallett L.* Op. cit., p. 19.

** Текст приводится по изданию: *Аппиан Александрийский.* Римская история. В 2 т. Т. 2. Гражданские войны. — М.: Рубежи XXI, 2006, с. 114.

Птолемей IV и Арсиноя III отправились в плавание вверх по реке, чтобы отметить военные успехи, а в 186 году до н.э. первая Клеопатра со своим мужем плавала на юг до Филэ с целью возвестить о разгроме повстанцев и рождении сына. Дед Клеопатры, Птолемей IX Лафур, таким же образом добрался до самой глубинки и исполнил священные ритуалы, а ее отец Авлет «со свитой, женами и детьми пересек всю страну и, вернувшись в Мемфис, присутствовал на религиозном празднике»*.

Теперь же и Цезарь с Клеопатрой, «обозревая страну, плывал по Нилу на четырехстах кораблях, предаваясь и другим наслаждениям»**. Однако это была не столько увеселительная экскурсия, сколько триумф на воде в ознаменование успешного завершения недавних военных действий, а также демонстрация военной мощи Рима, если учесть огромное количество сопровождавших их военных кораблей и транспортных судов для перевозки войск. Цель же Клеопатры состояла в том, чтобы показать Цезарю свою древнюю страну. Ему предоставлялась возможность своими глазами увидеть огромные ресурсы, которыми он мог бы воспользоваться через посредство своей супруги. Сейчас, когда она фактически снова пришла к власти и одержала победу рядом с самым могущественным человеком в мире, ставшим ее партнером, беременность Клеопатры завершила ее преобразование в живую Исиду. Она стала воплощением богини-матери, плывущей по волнам с наследником в чреве, и ее появление среди людей служило гарантией хорошего разлива реки, чего они очень хотели.

Когда в пострадавшем во время войны дворце начался ремонт, одержавшая победу чета поднялась на борт большого парадного корабля Клеопатры, стоявшего на якоре в царской гавани. Этот элегантный трехпалубный плавучий дво-

* См.: *Reymond E.A.E. and Barns J.W. Alexandria and Memphis: Some Historical Observations / Orientalia 46 (1), pp. 1–33.*

** *Аппиан. Римская история, с. 114.*

рец длиной триста футов скорее всего представлял собой модификацию знаменитого «Таламегоса», построенного для Птолемея IV. По его бортам протянулись сады с дорожками для прогулок. Согласно древним источникам, на средней палубе с окнами и балконами находились «обеденные комнаты, спальни и все остальное, необходимое для проживания»*. Стены в главной обеденной комнате на двадцать лож были обшиты панелями из ароматного кедра, инкрустированного золотом и слоновой костью. Деревянный потолок с позолотой и резными украшениями поддерживали колонны из кипариса изумительной красоты. Еще одна обеденная комната была отделана индийским мрамором. В оформлении третьей использовались древнеегипетские мотивы с традиционными колоннами, которые у египтян «утолщаются кверху и складываются поочередно из разных барабанов, белых и черных. Иногда капители их колонн круглы и походят на приоткрывшийся розовый бутон, <...> чашечки цветов речного лотоса и бутоны финиковых пальм»**.

То, что такой роскошный корабль существовал на самом деле, подтверждается столь же богатым декором, обнаруженным на двух прогулочных судах длиной семьдесят метров, которые плавали в I веке н.э. по озеру Неми в районе Альбанских холмов к юго-востоку от Рима. Итальянский диктатор Муссолини, археолог-любитель, дал описание этих «огромных и великолепных судов с комнатами, садами и фонтанами, отделанных мрамором, драгоценными металлами и деревом редких пород, сияющих золотом и изобилующих украшениями»***. Суда подняли со дна озера по его приказу. На них еще были мозаичные полы, ваннные комнаты и святилища для поклонения Исиде и Артемиде. В декоре судов чувствовалось влияние Птолемеев. Представители

* *Афиней*. Указ. соч., с. 263.

** Там же, с. 264.

*** См.: *Antiquity* 1927 (b), p. 221.

этого рода, в частности, Клеопатра и ее отец, очевидно, посещали эти места.

На парадном корабле Птолемеев находилось святилище в виде ротонды с мраморной статуей Афродиты-Исиды и колонный зал Диониса, достаточно просторный, чтобы в нем разместились тринадцать лож перед золотой нишей, украшенной драгоценными камнями, где стояли высеченные из паросского мрамора скульптуры членов царской семьи. Часть верхней палубы занимали столовая на открытом воздухе и зона отдыха. Сидя под пурпурным навесом с золотыми блестками в теплые вечера, пассажиры могли обозревать нильские берега и находиться на виду. На стофутовой мачте крепился покрашенный полотняный парус, вероятно, расписанный как во времена прежних фараонов — звездами, именами и титулами, чтобы возвестить, кто плыл по реке. Александру и его полководцам, конечно, нравились ярко раскрашенные паруса и флаги; птолемеевский пурпурный марсель был «фирменным знаком» Клеопатры, а изображение ее альтер эго — Исиды Фариа, изобретательницы паруса, — украшало флаги многих царских судов.

Капитан Клеопатры, которого по традиции называли «командиром царского корабля», вывел парадное судно под пурпурными парусами, наполняемыми северным ветром, через поворотный мост дамбы в меньшую гавань Кибот. Там к ним присоединился морской эскорт Цезаря в составе четырехсот кораблей, и вся флотилия поплыла по двенадцатимильному каналу, проложенному через александрийский квартал Ракотис, населенный египтянами. Намеченный Александром и построенный Птолемеем I, этот водный путь получил название Канал Клеопатры в память о царице, часто совершавшей плавания из греческого города в египетское царство.

Затем корабли вышли в открытые воды Мареотийского озера, где небольшие острова с разбитыми на них садами служили излюбленным местом отдыха александрийцев. По

берегам озера выращивали папирус, а к самой воде выходили виллы с виноградниками. Изготавливаемое там вино экспортировалось даже в Италию и Галлию. Вероятно, Цезарь и Клеопатра запаслись им для предстоявшего путешествия. Флотилия достигла самого Нила и двинулась дальше на юг по Канопскому рукаву в сторону древнего торгового поселения греков Навкратиса, находившегося примерно в сорока пяти милях от берега реки, затем миновала Теренутис с его замечательным храмом, посвященным совместной змеиной и коровьей силе Хатхор-Термутис в одной богине. Здесь, насколько хватало глаз, простиралась ровная местность дельты. Клеопатра и Цезарь видели бескрайние поля, орошаемые шадуфами*, покорных ослов, семяющих с немыслимой поклажей на спине, женщин, несущих груз на голове, и детишек, возбужденно машущих руками на берегу, — то же самое, что сегодня видят туристы. Вневременной ландшафт изменили только исламские мечети и линии электропередачи — атрибуты современного мира.

Возможно, сделав остановку в Хеме (греческий Летополь), что недалеко от южной вершины дельты, Клеопатра, вероятно, встречалась со жрецами. Связанные родственными узами с мемфисским жречеством, активно поддерживавшие ее отца, который удостоил их верховного жреца титула «возлюбленный бога и друг царя», летопольские жрецы могли быть полезными союзниками Клеопатры в осуществлении ее планов на будущее. На другом берегу лежал Гелиополь, бывший Юну, культовый центр бога Солнца Ра, всегда служивший опорой монархии с века пирамид. Древний город, где римские путешественники делали первую остановку после Александрии, стоял на высоком холме в окружении озер и проток Нила. Разграбленный персами в 342 году до н.э., сейчас этот город представлял собой нечто вроде склада строительного материала: Птолемеи забрали

* Водоподъемное сооружение типа журавля в Древнем Египте. — *Примеч. пер.*

отсюда часть скульптур и обелиски с золотыми вершинами, дабы украсить свой город на морском побережье.

Тем не менее обширный храм солнца по большей части сохранился. Здесь Птолемей II воздвиг колоссальные статуи себя и сестры-жены Арсиной II, не исключено, взамен увезенного им отсюда обелиска. Они оба и их преемники продолжали почитать священного быка Мневиса, о котором один древнегреческий путешественник написал, что его «содержат в какой-то священной ограде» и «почитают богом»*. Путешествуя по Египту с совершенно бесполезным гидом, подвергнувшись ему в Александрии, он заключил, что храм с многочисленными колоннами и рельефными композициями на стенах «не имеет никакой привлекательности и не отличается живописностью, но представляет скорее работу вслепую»**. Между тем на территории храма продолжали совершать молебствия богу Солнца в клубах курящихся благовоний три раза на дню, как и все предыдущие три тысячелетия. Присутствие облаченной в золотые одежды Клеопатры, дочери самого бога Солнца, придавало обрядам еще большее значение.

Сам бог Солнца опускался за западный горизонт каждый вечер, чтобы сразиться с силами тьмы, а потом появиться возрожденным с рассветом на следующий день. Клеопатра и Цезарь последовали за ним, когда пересекли Нил и достигли западного берега, традиционной земли мертвых и самых известных в мире гробниц Гизы, относящихся к семи чудесам Древнего мира и являющихся основной достопримечательностью туристического маршрута тогда и сейчас. Птолемеи сдерживали наступление песков на пирамиды и их хранителя Сфинкса, чьи лапы исписаны по-гречески и на латыни многочисленными путешественниками — факт, свидетельствующий о том, что римские сановники посещали эти места, чтобы почтить Сфинкса, и «оставались довольными ви-

* Страбон. Указ. соч., с. 742.

** Там же, с. 743.

дом пирамид»*, которые произвели большое впечатление на Цезаря, как ранее на Александра.

Далее, на всем пути следования до Саккары на высоком пустынном плато появились очертания еще большего числа пирамид. Более чем за два тысячелетия до этого самый древний из всех таких монументов построил великий мудрец Имхотеп, впоследствии обожествленный и принятый в семью бога-творца Птаха. Греки почитали его как Имфеса, и в посвященных ему гимнах говорилось, что каждый грек будет поклоняться сыну Птаха, Имфесу. Наряду с Тотом и Исидой, главнейшими божествами мудрости, ему поклонялись в храме, находившемся в долине Мемфиса, обязательном месте посещения царственными особами во время их поездок на юг страны.

Когда Клеопатра совершала путешествие с Цезарем, Мемфис представлял собой город «большой и густонаселенный, второй после Александрии, с населением из людей смешанной расы, подобным тому, которое живет вместе в Александрии. Есть там и озера, лежащие перед горами и дворцами»**, где провели большие реставрационные работы во II столетии до н.э., когда Птолеми сделали Мемфис своей временной столицей. Поскольку местные жрецы относились к числу наиболее доверенных советников, вероятно, по всей форме была проведена церемония коронации Клеопатры или формального признания вторичного прихода царицы к власти при участии ее влиятельного родственника Пшерептаха III, также короновавшего ее отца Авлета через четыре года, после того как он стал царем. Беременность Клеопатры, соответствовавшая титулу «мать бога», обязывала окружить будущего ребенка всей магической защитой, какую могли ниспослать египетские боги.

* См.: *Milne J.G. Ptolemaic Seal Impressions // Journal of Hellenic Studies* 36, 1916, pp. 87–101.

** *Страбон. Указ. соч.*, с. 744.

Появление Новой Иисиды, буквально «Воплощенной Иисиды», в комплексе Птаха имело бы громадное значение для египтян. Птах по традиции считался городским богом, а Исида была его женским аналогом и почиталась как «ярящаяся мемфисская корова». Посвященные богине ритуалы получили такую известность, что в одном из своих стихотворений Овидий писал: «У алтарей побывайте, где ладан дымится Исиде»*. Даже тот грек, на которого не произвел впечатления Гелиополь, подробно описывал, как «здесь бык Апис содержится в каком-то святилище; его лоб и некоторые другие малые части тела имеют белые отметины, остальные же части — черные; по этим признакам всегда выбирают быка, подходящего для наследования, когда умирает тот, который пользуется почитанием. Перед святилищем расположен двор, в котором находится другое святилище матери быка»**. Ее и Аписа выводили в этот двор к верующим каждый день в определенное время.

По тому, как животные вели себя, жрецы делали предсказания. Например, греческий философ Евдокс Книдский посетил храм, чтобы увидеть быка с красивыми рогами, и когда тот, стоя рядом с ученым, лизнул его тогу, жрецы дали такое объяснение: философ станет знаменитым, но проживет недолго. Этих животных в храме развлекали музыкой, пением и танцами в исполнении карликов — в конечном счете урожай зависел от расположения духа животных. Золотые стойла устраивались поблизости от священного озера на территории храма, а жрецы вели наблюдение за ежегодным колебанием уровня воды в период разлива реки. Хотя неоднократные попытки в предшествовавшие годы вызвать подъем уровня воды оказались безуспешными, — а самый низкий уровень был отмечен, когда годом раньше Клеопатра находилась в изгнании, — ее возвращение в роли будущей мате-

* Овидий. Указ. соч., с. 150.

** Страбон. Указ. соч., с. 744.

ри означало, что ее силы могли бы соединиться с силами быка и вызвать разлив в полную мощь и таким образом принести изобилие стране, все еще охваченной кризисом.

Когда испробовали все средства — от лунного света до одурманивающих дымов благовоний, — птолемеевские жрецы стали прибегать к таинственным источникам магии, чтобы оказать воздействие на окружающий мир. Взывая к греческим, персидским, иудейским и вавилонским богам и духам громкими звуками и чтением труднопроизносимых текстов с ограждающих храм стен, они сжигали магические фигурки в печи храма. Согласно одному древнему источнику, в этих печах алхимики пытались превратить простой металл в золото, как это делали Клеопатра и ее жрецы-философы. Царица и жречество пытались обратить тайную магию во благо Египту.

Пшеренптах III, вероятно, устроил такой же официальный государственный прием для Цезаря и Клеопатры, какой он раньше устраивал для Авлета и его царедворцев, напомнив всем, как «прибывшие тогда на праздник всех богов и богинь вкушали еду и приятно проводили время»*. Гости, несомненно, ели на золотых и серебряных тарелках, специально изготовленных по такому случаю ремесленниками Мемфиса, и прием проходил в обстановке, схожей с описанной ниже: «Убранство зала отличалось элегантностью и пышностью. Мозаичный пол был выложен ляпис-лазурью и бирюзой. Там стояло много мебели, застеленной великолепным полотном. Столы ломились от яств и большого количества золотых кубков. В воздухе витал аромат фимиама и других благовоний»**.

В юности Пшеренптах любил хвастаться, что он аристократ по происхождению, имеет все, чего душе угодно, и у него целый гарем красавиц. В дальнейшем в браке с Таим-

* Экспонат 886 египетского раздела в Британском музее.

** Текст папируса, хранящегося в Каирском музее.

хотеп из Летополя он не смог родить сына, который стал бы его наследником*. Не исключено, что Цезарь и Клеопатра спали в инкубационных камерах Саккары; по поверьям, настенная живопись в них и фигуры богов плодородия помогали супружеским парам. Или же они могли провести ночь в храме Птаха, как некая бездетная жена жреца. Согласно одной из птолемеевских легенд, ей было видение, что она должна дать мужу арбузного вина, и тогда получит его семенную жидкость. Позднее арабские фармацевты рекомендовали корень этого растения как сильнодействующий афродизиак и стимулятор сперматогенеза. В конце концов Таимхотеп и ее муж обратились с мольбами к Имхотепу, «дарующему сына тому, у кого его нет»**. Во сне Пшеренптаху было видение, что он должен поставить новую статую Имхотепа в его святилище в Саккаре.

Святилище подверглось переделке, после того как Клеопатра дала «добро». Сама она, вероятно, посетила Саккару двумя годами раньше, когда хоронили быка Аписа. Сейчас она могла прибыть сюда с Цезарем осмотреть гробницу матерей Аписа, силой которых она также обладала, и, конечно Серапейон, где хоронили быков Аписов. В честь священных духов как коров, так и быков воздвигались позолоченные стелы и статуи: по велению птолемеевских предшественников Клеопатры устанавливались статуи животных из серпентина и известняка и скульптурные изваяния и их самих в бывшей усыпальнице Александра, чтобы продемонстрировать царское присутствие в наиболее важных для династии местах.

Наконец гости покинули Мемфис. По ходу движения вверх по реке силуэты пирамид Дахшура, Мазгуны, Лишта и Медума появлялись на горизонте справа на западном бе-

* Согласно тексту на стеле, хранящейся в Британском музее, Таимхотеп была трижды беременна от него, но рождались только девочки.

** См.: *Reymond E.A.E. From the Records of Priestly Family from Memphis I.* — Wiesbaden: Verlag Harrassowitz, 1981, p. 175.

регу, долина же постепенно сужалась. Рощи благоухающей мимозы уступили место Афродитополю, городу Хатхор-Афродиты и ее священной коровы Хесат, чьи жрецы гордо заявляли: «Знайте, что Хесат — это Исида!» Клеопатра, как земное воплощение Исиды, наверное, совершила священные ритуалы в Афродитополе.

Дальше внимание четы мог привлечь противоположный берег реки, где небольшой рукав Нила, ответвляющийся в сторону обширного Фаюмского района (переименованного в Арсиноитский ном) вокруг озера Моэрис. Первые Птолемеи, используя методы мелиорации многотысячелетней давности, создали около пятисот квадратных миль дополнительной сельскохозяйственной земли, способной производить огромное количество зерна, бобовых и винограда. На гостей особое впечатление произвела обработка земель в этом номе, «ибо он один только обсажен большими, зрелыми оливковыми деревьями, приносящими отличные плоды»*. Достижения Птолемеев в Фаюме не оставили равнодушным Цезаря, который подумал, что осуществление такой программы в Риме могло бы способствовать обеспечению города зерном и избавило бы от необходимости ввозить заморское.

Тем не менее Фаюм, как и другие районы Египта, пострадал из-за низкого уровня разлива реки в течение нескольких лет подряд. В результате заболачивания повысилась заболеваемость малярией. В медицинских текстах, где давалось описание страданий людей от приступов лихорадки, в качестве единственного лекарства рекомендовался дорогостоящий импортный черный перец. Поэтому Клеопатре как земному воплощению Исиды нужно было дать почувствовать людям в Фаюме свое присутствие, как она это сделала вначале своего царствия, когда ее, еще не твердо стоявшую на ногах, изображали в одежде фараона, под-

* Страбон. Указ. соч., с. 746.

носящей дары Исиде. Сейчас же Клеопатра появилась в одежде самой Исиды рядом с главным божеством этого края, богом-крокодилом Себеком, в своего рода двойном действии, при котором присущие ей качества уравновешивались божественными функциями Себека как «Пнефероса», «того, кто пригож лицом». Греческие гимны в честь Исиды, ее супруга-крокодила и их малоизвестного сына Аноеса, вероятно, были специально написаны египетскими жрецами к визиту их беременной царицы и сопровождающих лиц. Предполагают, что в это время по инициативе Клеопатры в Северном Фаюме начался новый строительный бум, и, судя по тому, что из царской казны продолжали поступать средства на похороны крокодилов, часть денег отпускалась и на фаюмских, считавшихся региональным эквивалентом быка.

В одном храме, обнаруженном в 1912 году, рядом с мумифицированным крокодилом, лежавшим на ритуальных носилках, находились кульговые предметы. Обитавшие в священных водоемах храма живые крокодилы пользовались особым почетом. Геродот писал, что «этому крокодилу вдевают серьги из стекла с золотом, а на передние лапы надевают кольца»*. К крокодилам проявляли большой интерес иностранцы, немногие из которых когда-либо видели подобные существа. Дед Клеопатры Лафур перед прибытием римского сенатора в 112 году до н.э. распорядился приготовить опочивальни и подарки, соорудить настилы и сделать все, чтобы он остался доволен визитом, в ходе которого ему должны были показать священных крокодилов во время кормежки. По этому поводу один греческий путешественник того времени сделал такую запись: «Кормят животное хлебом, мясом и вином; эту пищу всегда приносят с собой чужеземцы. <...> Мы застали крокодила лежащим на берегу озера. Когда жрецы подошли к животному, то один из

* Геродот. Указ. соч., с. 134.

них открыл его пасть, а другой всунул туда лепешку, затем мясо, а потом влил медовую смесь»*. После того как насытившийся крокодил отплыл на другую сторону озера, появился еще один посетитель с подношениями, и жрецы поспешили принять их и повторить несомненно прибыльное представление.

Поскольку приближаться к крокодилу было невероятно рискованно, в некоторых фаюмских храмах имелись дрессировщики крокодилов. Римляне отмечали, что те, кто жил вокруг культовых центров Исиды в Дендере, расположенной дальше к югу, умели особенно хорошо обращаться с ними. Они могли спокойно стоять на спине крокодила, искусно копируя мраморную скульптуру I века до н.э. Не случайно, что такие крокодилы и бесстрашные дрессировщики, умевшие вытаскивать рептилий из бассейна и таким же образом возвращать их обратно, впервые появились в Риме в 58 году до н.э., когда Авлет и Клеопатра посетили его.

Согласно поверьям, Исида могла успокаивать и приручать крокодилов, что нашло отражение в одном из ее эпитетов: «савретай», или «крокодилова няня». В результате обрядам, в которых сводились воедино роли царицы как Исиды и священного животного Фаюма как Себека, в определенных кругах намеренно давалось превратное толкование. И мистический союз монарха со священным быком, и подобное представление никогда не понимали те в Риме, кто считал Египет очагом всего неприемлемого — от странного поклонения животным до такой же странной идеи равенства полов. Поэтому неудивительно, что на римских масляных лампах часто изображалась обнаженная женщина с волосами, собранными в пучок, держащая пальмовую ветвь, что ассоциировалось с поклонением Исиде, и сидящая на фаллосе большого крокодила, что должно было служить сатирой на царицу Египта Клеопатру VII.

* Страбон. Указ. соч., с. 748.

Тем не менее римских путешественников вело желание увидеть место, где, как считалось, такой образ жизни является нормой. В I веке до н.э. они устремились в Фаюм и сопоставляли его главный памятник древности лабиринт в Хаваре (искаженное Хатверет, что значит «большой храм») с пирамидами Гизы. Лабиринт представлял собой погребальный комплекс фараона Аменемхета III (1842—1797 гг. до н.э.), заверченный его исполнительной дочерью и приемницей Себекнефру, чье имя в галереях комплекса встречается так же часто, как имя ее отца. Греческий историк Геродот писал, что этот храм с его длинными извилистыми проходами и потайными подземными криптами, заставленными статуями Себека и мумиями священных крокодилов, — самое удивительное, что он видел в Египте. При династии Птолемеев еще там установили «колоссального Сераписа из смарагда»*. Изваяние было украшено изумрудами, зеленый блеск которых связывал Сераписа с всемогущим зеленым богом-крокодилом этой местности. И само собой разумеется, Клеопатра как супруга этого божества носила такие же изумруды.

Подземные пустоты с давних времен считались оптимальным местом для захоронений, и бальзамирование проводилось наследственными специалистами этого дела, жившими в Хаваре на Царской улице. Как и у многих представителей разноплеменного населения Египта, у них постоянно возникали трения с соседями-греками. Столкновения происходили между фаюмцами и их южными соседями из Хенен-Несута, чей бог с головой барана Херишеф, отождествлявшийся с греческим Гераклом, дал более знакомое название городу — Гераклеополь.

Жившие в нем цари в 2100-х годах до н.э. вели длительную войну за власть с Фивами, и в дальнейшем ассоциацией

* *Плиний*. Естествознание. Об искусстве / Пер. Г.А. Тароняна. — М.: Ладомир, 1994, с 168.

с Гераклом город обязан воинственности населения, продолжавшего ее демонстрировать и две тысячи лет спустя. Поклоняясь различным священным животным, чьи изображения служили тотемами в территориальных конфликтах, гераклеопольцы почитали ихневмона (египетского мангуста), а бог-шакал Анубис особо почитался южными соседями в Кинополе («Собачий город»). В свою очередь, у них был давний спор с теми, кто жил на другом берегу Нила и поклонялся щуке, чье характерное строение головы дало название городу — Оксиринх, что значит «остромордый». Поскольку, по поверьям, щука проглотила брошенный в Нил фаллос Осириса, после того как его тело было расчленено, священная рыба Оксиринха тесно ассоциировалась с Исидой, которой воздавали почести в одном из многочисленных храмов города, где главная дорога называлась улицей Клеопатры-Афродиты.

Как и в большинстве крупных городов, в Оксиринхе «культовые здания в традиционном египетском стиле стояли бок о бок с общественными постройками в классическом стиле, формировавшими облик греческих полисов, — баннным комплексом, гимнасием и театром. Но стоило только покинуть центр, как человек оказывался в большом и грязном, мало чем изменившемся за предшествовавшие эпохи египетском селении»*, жители которого веками испытывали на себе тяготы, сопряженные с жизнью на краю пустыни.

Царский корабль плыл все дальше, в самое сердце Египта, и наблюдательный Цезарь наверняка заметил, как начал меняться облик городов и деревень: греческое влияние, распространявшееся из Александрии и достигшее Фаюма, становилось все менее явным, чем дальше на юг они продвигались.

* См.: *Montserrat D. Sex and Society of Graeco-Roman Egypt.* — London: Kegan Paul, 1996, p. 80.

По прибытии в древний город Шмун, главный культовый центр Тота, чья тождественность с Гермесом послужила основанием для переименования его в Гермополь, Клеопатра сошла на берег, дабы здесь, в месте паломничества как египтян, так и греков, воздать почести божеству, чью репутацию мудреца она, как известно, чтит. Дав знания людям и научив их письму, Тот также обучил магическому искусству Исиду. Прекрасный храм в ее честь, построенный при Птолемеях, составлял часть большого комплекса Тота, где обитало множество священных птиц ибисов, которых разводили на фермах *ибиотрофиях* и кормили клевером. Огромные кварцитовые изваяния бабуина, еще одного священного животного Тота, стояли вдоль дорожки, ведущей к огромному гипостильному залу с колоннами, спланированному Александром. Здесь, в классическом «Птолемеёне» с овальным алтарем, был сосредоточен столь влиятельный культ правителя, что Клеопатру будут почитать в течение последующих четырехсот лет, и полагающиеся ритуалы будут совершать члены жреческой семьи Петосирисов. Их захоронения на близлежащем кладбище соседствовали с мумифицированными останками тысяч священных ибисов и бабуинов Тота (*Papio hamadryas anubis*), а их душам воздавали почести Птолемеи, делая щедрые пожертвования в виде драгоценностей.

К югу от Гермополя, где на восточном берегу холмы образовывали необычный ландшафт, создававший впечатление, будто каждый раз на рассвете там рождается солнце, на открытой равнине между холмами находилось кладбище священных собак, или шакалов, чьи живые сородичи временами появлялись среди руин, тянувшихся на большое расстояние. Изящные статуи на склонах холмов окружали стелы с царскими декретами о погребении членов царской семьи и переносе священного быка Мневиса на это отдаленное место. Ряды могил дальше на склоне были исписаны на греческом языке. Изысканные изделия из золота птолеме-

евского периода, найденные в самой долине, где находились могилы Мневиса и бывших членов царского дома, интригующим образом свидетельствуют, что состоятельные люди тогда знали место, известное сейчас как Амарна, город Эхнатона и Нефертити.

Цезарь, Клеопатра и сопровождающие их лица плыли вверх по течению до города Кузы, где ранее Птолемеи отреставрировали храм Золотой Хатхор, дочери бога Солнца, которую греки называли Афродитой Уранией, то есть «небесной». Здесь вырубленные в скалах гробницы на склонах холмов уступали место подземным пещерам со многими тысячами сложенных штабелями мумифицированных крокодилов разной длины от двенадцатидюймовых детенышей до тридцатифутовых гигантов, лежащих поодиночке, семейными группами и даже в позах спаривания. Их душам воздавались почести жрецами в одежде наподобие панциря из крокодиловой кожи, очевидно, для того чтобы получить священную силу этих животных.

Далее роскошный караван судов подошел к двум большим поселкам, разместившимся по обеим сторонам реки. Африбис, расположенный на восточном берегу, представлял собой остатки древнего города Хут-Репит, буквально «дом Репит», богини-львицы, чей храм шириной двести тридцать футов был построен отцом и дедом Клеопатры. Следуя их примеру, она начала строительные работы по расширению комплекса богини, чтобы сделать его таким же, как комплекс супруга Репит — Мина на противоположном берегу.

Из-за приаповской природы бога плодородия Мина греки принимали его за своего бога Пана. Культовый центр Хент-Мин (современный Ахмим), называвшийся греками Панополь, был родным городом некой влиятельной семьи, чьи браки с членами царской фамилии положили начало так называемому амарнскому периоду. Семейное святилище на скале реставрировала дочь предпоследнего фараона Нектанеба I, а почти три столетия спустя невдалеке построили

храм Авлета. Но центром культовой активности оставался большой храм Мина. За его фасадом длиной около трехсот футов располагалось напоминавшее лабиринт сооружение таких размеров и такой сложности, что посетителей в более поздние времена предупреждали: «Идущий впереди должен громко кричать тому, кто следует за ним»*, чего уже давно не делали жрецы в условиях спокойной и размеренной повседневности, в какой они пребывали. В недрах комплекса, где в залах среди колоннад, по коридорам, переходам и на лестницах гулко разносилось эхо, находился мистический «Дом луны». Там ежегодно Мин принимал свою супругу-львицу Репит, чтобы сойтись с ней. Ее статую выносили в праздничной процессии так же, как несли на руках Клеопатру, сидевшую в золотом кресле, перед совершением священных обрядов.

За оплотом Мина лежала Птолемаида Гермейская, своего рода греческий оазис среди египетской пустыни, созданный в противовес Фивам. Он быстро превратился в один из самых крупных городов региона, откуда царские чиновники посылали в столицу донесения о местных событиях. При Клеопатре такими чиновниками были Гефаистион и Феон. Из их корреспонденции мы узнаем, что храм Исиды здесь построили в честь Клеопатры. По пути на юг она и Цезарь, вероятно, посетили эти места, потому что в письме, датированном 7 марта 46 года до н.э., она писала Феону: «Прошу проинформировать соответствующих лиц, что храм Исиды, построенный ради нашего благополучия Каллимахом, командующим военными силами к югу от Птолемаиды, не подлежит налогообложению и является неприкосновенным с постройками вокруг него и до самых городских стен»**.

* См.: Ibn Gubayr in *Arnold D. Temples of the Last Pharaohs*. — London: OUP, 1999, p. 164.

** См.: *van Minnen P. A Royal Ordinance of Cleopatra and Related Documents. Cleopatra Reassessed / British Museum Occasional Paper No. 103* (eds. Walker S. and Ashton S.). — London: BMP, 2003, pp. 35—42.

После завершения деловой части путешествия царица и сопровождающие ее лица должны были бы проследовать в Абеджу (Абидос), где находился известный храм Осириса, как многие другие, соединенный небольшим каналом с Нилом. Акантовые сады уступили место мощеной пристани храма, представлявшего собой «здание замечательной постройки целиком из камня»*. Это было еще одно место, привлекавшее к себе греческих и римских путешественников, которые называли его «Мемнонион» по тронному имени его строителя, фараона XIII века до н.э. Сети I Менмаатры.

Естественно, царские имена имели громадное значение в храме, посвященном культу царских предшественников Сети. Так называемый Зал предков, где перечислены все монархи с начала египетской истории, то есть примерно с 3100 года до н.э., вплоть до правления Сети, позволяют судить, как его воинственная династия переписала историю Египта в своих личных целях. Хотя были удалены имена таких нежелательных личностей, как женщины-фараоны Хатшепсут, Нефертити и фараоны-еретики Эхнатон, Тутанхамон и Эйе, абидосский список все-таки являлся важной частью древних ритуалов, по-видимому, известных Клеопатре. И сейчас, когда предстояло родить преемника, она вполне могла посетить храм с Цезарем, увидеть и прочитать список царских предков. Это место, несомненно, посещали многочисленные путешественники, оставившие надписи на греческом, карийском, арамейском и финикийском языках. Они отдавали дань уважения известным фараонам прошлого, Осирису, Серапису и всем богам Абидоса. Паломникам разрешалось спать в специально отведенных помещениях храма, дабы им снились лечебные сны, но, как кажется, их посещали видения иного рода. Одна из надписей, автор которой восхищался прелестями местной служительницы, подправлена другой рукой: подтверждая верность первонач-

* Страбон. Указ. соч., с. 749.

чального замечания, второй паломник уточнил, что, на его взгляд, «она очень маленького роста».

За храмом Абидоса среди пустыни возвышалась последняя известная в Египте царская пирамида. Это был кенотаф царицы Тетишери, родоначальницы XVIII династии и кровной матери обоих супругов-соправителей Таа II и Яххотеп. Будучи местом упокоения самых ранних египетских царей, оно все еще служило некрополем и в птолемеевские времена.

Но самая большая гробница считалась мифическим местом захоронения Осириса, бога загробного царства, благодаря чему оно веками являлось целью паломничества. Здесь собирались толпы людей на ежегодные «мистерии Осириса», проводившиеся среди гробниц в египетский месяц Хояк (происходит от «ка-хер-ка», или «душа на душе», древнеегипетский эквивалент Дня всех святых). Этот праздник оставался одним из наиболее важных и по птолемеевскому календарю, когда смерть и воскресение Осириса отмечались поминанием усопших родственников.

Жрецы совершали магические ночные ритуалы в святой святых храма, а затем выходили в темноту большого пустынного кладбища. Когда шла процессия с зажженными факелами, символизируя поиски Осириса Исидой, в домах по всему Египту зажигались светильники. В этом обычае выражалась вера людей в то, что Исида, собрав разрозненные части тела мужа, с помощью магии после бальзамирования воскресила его, чтобы зачать их сына Гора. Два события в представлениях египтян — похороны Осириса 21 декабря и рождение Гора 23 декабря — приходились на период зимнего солнцестояния. Аналогичные мифы о смерти и воскресении, связанные с этим явлением, возникли и в других культурных традициях. Священное место и мифическая история должны были вызвать живой отклик в душе Клеопатры, которой всего через несколько месяцев предстояло стать

матерью. По-видимому, она спустилась в подземное святилище Осириса, Осирин, намеренно устроенное ниже уровня земли, чтобы туда проникали грунтовые воды во время ежегодного разлива, — она как земное воплощение Исиды хотела увеличить приток воды.

По мере продвижения царской экспедиции все выше по течению долина сужалась, а потом и вовсе исчезла, когда скалы подступили к самому Нилу в том месте, где его русло поворачивалось на северо-восток. Там, где оно делало поворот в противоположную сторону и снова брало курс на юг, находился город Иуну, или, как его называли греки, Тентира (Дендера). Здесь у богини неба Нут родилась Исида, но была она «старше своей матери»*. Клеопатре, конечно, очень хотелось увидеть новый прекрасный храм богини спустя два года после предыдущего визита.

Авлет заложил камень в основание храма 16 июля 54 года до н.э. вместе со своей второй половиной по правлению, скорее всего с дочерью Клеопатрой. Работа с тех пор велась невероятно быстрыми темпами благодаря щедрой поддержке двора и регулярным инспекциям местного номарха Паашема, или по-гречески Пахома. Однако не в этом состояла главная задача, так как первоначальные планы Авлета претерпели корректировку с таким расчетом, чтобы создать самый сложный в Египте храм. Внутри многоэтажного строения размещались лестницы и потайные комнаты, куда вели ходы с раздвижными блоками в стенах и полах, а иероглифы на поверхностях были самыми декоративными из всех храмовых надписей. Фигуры каждой царицы во внутренних помещениях изображались в образе Клеопатры, совершающей священные ритуалы. Перед храмом находилась массивная скульптурная голова Хатхор, покрытая дорогим листовым золотом, что должно было отражать ее роль повелитель-

* См.: *Witt R.E. Isis in the Ancient World.* — Baltimore: John Hopkins University Press, 1971, p. 292, note 4.

ницы этого благородного металла. Клеопатра в большом количестве использовала золото, серебро и драгоценные камни в отделке рельефов на стенах храмов, святилищ и в украшении статуй. Это нашло отражение в храмовых хрониках о строительные работы. Имеются документальные свидетельства, что в наосе храма стояла статуя Исида из чистейшего золота.

Исида-Хатхор считалась также «повелительницей вина», и ей воздавались почести соответствующими возлияниями. В ответ она даровала монархам силы и средства править, говоря: «Я ежедневно приношу счастье вашему величеству и не причиняю никаких неприятностей»*. Состояние перманентного опьянения предлагалось как средство общения с богами. Другой характерной особенностью ритуалов в Дендере была музыка, в особенности любимая в этих краях африканская музыка, под аккомпанемент которой исполнялся навевающий чудесные воспоминания гимн Исиде-Хатхор, начертанный на стенах в Зале жертвоприношений.

Сочиненные, вероятно, дочерью Авлета, стихи кажутся особенно удачными, если учесть его любовь к музыке, которой он выражал преданность богам греческим и египетским.

Вот явился фараон, он танцует и поет.
Посмотри, богиня, посмотри!
Он принес кувшин вина.
Для тебя, богиня, для тебя!
Чист он сердцем и не держит зла.
Убедись, богиня, убедись!
Как прекрасна песнь его.
Уж не Гор ли сам поет,
солнечный ребенок, лучший из певцов?

* См.: *Рoo M. Wine and Wine Offering in the Religion of Ancient Egypt.* — London: Kegan Paul, 1995, p. 143.

В самом деле, это Гор, дивный музыкант.
Гонит он печаль и грусть
Прочь из сердца твоего,
о прекрасная, всеславная, великая,
бесценная богиня и волшебница,
золото богов. Самозабвенно
он танцует и поет с систром золотым,
малахитовые бусы на груди его.
И богиня тает от восторга*.

Хотя Клеопатра сама могла бы проделать такой ритуал, беременность вынуждала ее проявлять максимум осторожности во время осмотра храма. Она, наверное, медленно поднялась по не очень крутым гладким каменным ступеням, ведущим к святилищу на крыше. На его потолке находилось изображение богини неба Нут, готовящейся родить своих божественных детей Исиду и Осириса в кроваво-красном предрассветном небе.

Помня о предстоящих родах, царица, должно быть, посетила расположенный отдельно от храма родильный дом Маммисий, построенный фараоном Нектанебом I для мистерий по случаю празднования благополучного рождения Гора у Исиды-Хатхор. Жрецы, конечно же, совершили молебствия, дабы оградить царицу от бедствий, призвав на помощь бога-карлика Беса, охраняющего беременных женщин, и воспользовавшись специально заговоренными амулетами Беса, которые изготавливали для рожениц.

Получив наставления и оберег для дальнейшего путешествия на юг, Клеопатра сделала остановку в следующем важном пункте, городе Коптосе, где рождение сына Исиды ежегодно отмечалось праздником цветов. Говорили, что здесь Исида отрезала у себя локоны в знак траура по Осирису, и те самые волосы как священная реликвия в течение тысячи лет хра-

* См.: *Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature, III: The Late Period.* — Berkeley: University of Columbia Press, 1980, pp. 107–109.

нились в храме Коптоса. Один солдат писал домой: «Надеюсь, вы в добром здравии, и я беспрестанно молюсь за вас в храме Коптоса, где хранятся волосы Исиды». Иные паломники более откровенно выражали свою набожность. Так, следуя традиции египетского культа плодородия, женщины в состоянии опьянения обнажались под аккомпанемент храмовых музыкантов в честь фаллического супруга Исиды Мина, ипостаси Осириса, перед священным быком Мина и газелью Исиды.

Обозначив личное присутствие в храме Мина и Исиды своей статуей из известняка в короне с двойным оперением, солнечным диском и коровьими рогами на голове, Клеопатра также открыла новое каменное святилище для культовой статуи Исиды. Из небольшой крипты, устроенной позади святилища, жрецы могли вещать от имени богов. Крипту украшали образы Клеопатры, совершающей ритуалы как единовластная царица без соправителя-супруга, а в сопутствующих иероглифических надписях она была названа «Владычицей обеих земель, Клеопатрой, возлюбившей отца, возлюбленной Мина Коптосского, дочерью царя и женой царя», что являлось единственным признанием формального союза с ее самым младшим братом Птолемеем XIV. Еще одним новшеством можно считать удивительно реалистическое изображение священной барки Исиды на задней стене, словно вплывающей в святилище, причем это был ее вид спереди, а не традиционный сбоку.

Во время своего пребывания в Коптосе Клеопатра по традиции, вероятно, преподнесла в качестве дара Исиде и Мину золотой и агатовый сосуды с миррой и коричневым маслом, товарами, доставлявшимися через восточную пустыню, которую они охраняли. Через Коптос пролегал основной торговый путь, соединявший Красное море и долину Нила, и местные жрецы приобрели большое влияние, получая мзду от этой торговли для своих храмов.

Политически связанное с Фивами, коптосское жречество создало своего рода систему клерикального обмена, при

которой их богу Мину-Осирису поклонялись в Фивах, а фиванские жрецы следили за тем, чтобы в Коптосе исполнялись культовые ритуалы, посвященные Осирису. Такой порядок распространялся и на другие храмы региона, что позволяло фиванским жрецам контролировать из своей резиденции в Карнаке значительную территорию юга. На пути к Фивам Клеопатра с Цезарем сначала прибыли в их аванпост Маду (Медамуд), священный город великого бога войны Монту. Ему они, должно быть, хотели совершить благодарственные молебствия за недавнюю победу в Александрийской войне.

С храмовой набережной Цезарь и Клеопатра могли видеть аллею сфинксов, ведущую к большому храму Монту, фасад которого построил отец Клеопатры, Авлет, замечательный портик — дед Лафур и гипостильный зал с колоннадой — прадед Фискон. Прекрасные настенные рельефы изображали храмовых музыкантш, аккомпанирующих танцовщицам на арфах, лютнях и барабанах. Там же были высечены стихи любимого поэта XVIII династии под названием «Приди, золотая богиня».

Мы танцуем, и сердце ликует.
В час полночный, в ночную прохладу
к нам на праздник приди
и танцуй вместе с нами
под ритмичные бубна удары,
ярче солнца сияя.
От шума веселья хмельного
пусть спящий проснется
и тебя славословит.

Дальше в глубинах храма стояли похожие на Минотавра статуи Монту с головой быка и человеческим телом в паре с фигурами его супруги-богини Рат-Тауи, обладавшей человеческими чертами, — «Женщины-солнца обеих земель».

Цезарь, по-видимому, чувствовал себя живым воплощением бога войны рядом с супругой-богиней Клеопатрой. Они, вероятно, отдали дань уважения быку Монту в его святилище позади храма. Его титулатура «Бог Медамуда, Фив, Тода и Гермонтиса» указывала на то, что один и тот же бык совершал круговые поездки по четырем городам, где поклонялись Монту, значит, Клеопатра, наверное, уже встречалась с лохматым черно-белым животным, когда перевозила его из Фив в Гермонтис, совершая свой первый монархический акт за четыре года до этого.

Хотя такие ритуальные переезды между Медамудом и Фивами, находившимися на расстоянии трех миль друг от друга, традиционно осуществлялись по Нилу, добраться из одного города в другой можно было также по каналу, соединявшему храмы Монту в Медамуде и Карнаке. Однако, учитывая размеры царского корабля Клеопатры, она скорее всего прибыла в Фивы по реке.

Некогда большой город превратился в несколько разрозненных селений, после того как в 88 году до н.э. ее дед Птолемей IX Лафур покончил с политическим могуществом Фив, десятилетиями конфликтовавших с короной. Однако Клеопатре, прославившейся тем, что оказывала поддержку местному культу с самого начала своего правления, здесь было предоставлено убежище, когда старший брат Птолемей XIII отстранил ее от власти. Сейчас, когда она вновь утвердилась на троне, ее радушно принимал могущественный воинский начальник Каллимах, управлявший от ее имени всей Фивадой.

Положив начало ряду могущественных династий в прошлом, фиванцы всегда испытывали трудности в отношениях со своими номинальными правителями на севере. Они считали себя самобытным народом и подчеркивали свои особые обычаи, нехарактерные для северян. Они даже прокалывали левое ухо, чтобы отличаться от александрийцев и тем более от римлян, которые считали серьги женской принадлежно-

стью и признаком рабства. По праву гордясь своим славным прошлым, фиванцы привыкли к путешественникам, приплывавшим по древнему каналу до Фиванских холмов, чтобы увидеть местные достопримечательности — храмы и гробницы фараонов.

Первую остановку на маршруте путешественники делали там, где перед развалинами погребального храма фараона Аменхотепа III (по-гречески Аменофиса), правившего в XIV веке до н.э., возвышались два словно на страже сидящих колосса высотой шестьдесят футов. Землетрясение частично разрушило северную фигуру, в результате чего при нагревании в лучах восходящего солнца она стала издавать музыкальные звуки. Это явление пришлось по душе Птолемаем, которые знали, что для активации духов, скрытых в культовых статуях, их нужно подвергнуть воздействию солнечных лучей. Некий грек с сомнением отнесся к этому таинственному феномену, спросив, не производит ли звук намеренно «один из людей, стоящих вокруг и вблизи пьедестала»*, или по крайней мере не усиливается ли он каким-либо способом. Манефон поведал Птолемаем, что звук является средством общения Аменхотепа III, «считающегося Мемноном и говорящим камнем»**. Тронное имя царя Небмаатра произносилось как Ниммурия или Миммурия, поэтому греки ассоциировали его со своим героем Мемноном, убитым во время Троянской войны. С тех пор ноги статуй превратились в своего рода «книгу отзывов посетителей», в том числе почетных гостей в лице будущих римских правителей. Клеопатра вполне могла привести сюда Цезаря послушать рассветные напевы статуи и объяснить, какое изваяние имеет отношение и к ее фараонам-предшественникам, и к связям семьи Цезаря с Троей.

Птолемаи развили бурную деятельность позади Мемнонских колоссов в районе скалистых высот Дейр-эль-Бахри,

* Страбон. Указ. соч., с. 560.

** Manetho in Gardiner F.H. The Egyptian Memnon // Journal of Egyptian Archaeology 47, 1961, p. 98.

где находился многоступенчатый погребальный храм царицы-фараона Хатшепсут, известный рельефными композициями, изображающими оплодотворение Амоном матери Хатшепсут. Династия Клеопатры реставрировала и расширила этот храм: внутреннее святилище стало часовней Имхотепа-Асклепия, его дочери Гигиен и древнеегипетского мудреца Аменхотепа, сына Хапу. Сюда приходили больные молиться и найти успокоение. Жрец через небольшое отверстие давал полезные советы прихожанам. Об их эффективности говорят многочисленные благодарственные надписи на стенах храма. Например, македонский ремесленник сообщал, что он излечился на второй день после посещения храма, а греческая супружеская пара благодарила Аменхотепа за рождение у них ребенка. Один из современников Клеопатры назвал находившийся поблизости погребальный храм Рамсеса II «гробницей Осимандиаса»* — так в греческом произношении звучало тронное имя Рамсеса Усерматра. Его почитали здесь после смерти, хотя самого фараона похоронили, как, собственно, и всех других фараонов Нового царства (1550—1080 гг. до н.э.), в Долине царей недалеко отсюда. Даже тогда она представляла собой главную достопримечательность, и один грек, приехавший сюда, восхищался «замечательно построенными и достойными обозрения»** царскими гробницами. Как говорится в одной из надписей, оставленных там посетителями, «те, кто не видел этого места, вообще ничего не видели, да будут благословенны побывавшие здесь»***. По крайней мере шесть гробниц были доступны для путешественников в птолемеевские времена. Наибольшей известностью среди них пользовалась «гробница Мемнона», которую греки ассоциировали с создателем великих поющих колоссов, хотя их возвели позд-

* Диодор. Историческая библиотека I. 47—49.

** Страбон. Указ. соч., с. 560.

*** См.: Milne J.G. Greek and Roman Tourists in Egypt // Journal of Egyptian Archeology 3 (II—III), pp. 76—80.

нее при фараоне, взявшем в честь героя то же самое тронное имя Небмаатра, в результате чего возникла путаница.

Хотя более чем за тысячу лет до описываемых событий в долине перестали хоронить царей, она оставалась одним из самых священных мест: ежегодно культовую статую Карнакского Амона доставляли на противоположный берег Нила к гробницам и храмам царских предков. С давних пор частные лица стремились быть похороненными здесь, дабы приобщиться к древней магии, и во времена Клеопатры их мумии продолжали укладывать в более старых гробницах. Сын одного вельможи, Менкар даже вытащил пятисотлетней давности саркофаг дочери Псамметиха II из ее гробницы, чтобы освободить место для себя.

За рекой на восточном берегу, несмотря на разрушения, причиненные войной Фивам, многие из священных храмов города сохранились в целости, в том числе «храм божественной души» Луксора. Если его святая святых украшали сцены мифического оплодотворения Амоном матери одного смертного царя, более чем на тысячу лет предшествовавшего мнимому божественному зачатию Александра, то святилище, построенное по личному указанию полководца, было расписано его изображениями в образе фараона, делающего пожертвования своему всемогущему отцу Мину-Амону. Являясь местом, куда приходил каждый монарх для пополнения духовного потенциала через тайное общение со своим духовным отцом Амоном, храм, вероятно, привлек внимание как Клеопатры, так и Цезаря. Высокие гости, по видимому, проследовали по парадной дороге со сфинксами по обеим сторонам, которая вела от храма к большому Карнакскому комплексу с птолемеевскими воротами высотой семьдесят футов, где вершилось правосудие, совершались казни и делались жертвоприношения теми, кто хотел пройти дальше в огромное помещение храма.

Однако живую Исиду скорее всего отнесли на переносном троне через громадные ворота ее предка к подземной

«гробнице Осириса», построенной Птолемеем IV и украшенной изображениями этого царя, совершающего ритуал воскресения перед быком Аписом. По всей видимости, она представляла собой погребальную камеру, аналогичную Соме в Александрии и сооруженную при том же монархе. Всеночные, проводившиеся в карнакской камере, свидетельствуют о попытках воскресить дух Александра в культовом центре его божественного отца Зевса-Амона с помощью верховного божества загробного мира Осириса. Поскольку Исиде отводилась начальная роль в подобных ритуалах, посещение карнакской камеры было главным для Клеопатры и Цезаря, имевшим представление о такой же погребальной камере в Александрии.

Хотя Карнак сильно пострадал во время гражданской войны в предшествовавшие годы, сохранился его северный придел Амона-Монту, куда Клеопатра лично поместила священного быка Бухиса, тем самым наполнив это событие божественным содержанием, прежде чем доставить быка на барке в Гермонтис. Сейчас, вновь посещая величественный храм, она имела возможность посмотреть новые настенные композиции и прочесть тексты рядом с ними, в которых она названа «царицей Верхнего и Нижнего Египта» и «женщиной-Гором». Клеопатра также могла видеть себя поклоняющейся Бухису, Монту и Рат-Тауи, чье имя буквально означало «женщина-солнце обеих земель». С этим именем по смыслу совпадал и титул Клеопатры «Владычица обеих земель», способствовавшей распространению культа богини Рат-Тауи, и «находилась она в Гермонтисе, потому что Клеопатра пожелала этого»*.

Важный элемент грандиозного проекта, задуманного Клеопатрой, составлял родильный дом Маммисий позади существующего храма, причем планировка точно совпадала

* См.: Ray J. Cleopatra in the Temples of Upper Egypt: the evidence of Dendera and Armant. Cleopatra Reassessed. British Museum Occasional Paper No. 103 (eds Walker S. and Ashton S.). — London: BMP, 2003, pp. 9–11.

с родильным домом и храмом в Дендере. Безусловно, Маммисий в Гермонтисе представлял собой великолепное здание, «богатое украшение которого являло великолепный пример барочного стиля птолемеевской архитектуры»*. Когда началось строительство трех залов, окруженных колоннадой из тонких колонн, «игра света и тени на капителях, огромные как окна проемы, соединяющие внутренние и внешние пространства, производили ошеломляющее впечатление»**. Статуи священного быка Монту украшали внутреннее помещение с необычными фресками с изображением процесса родов. В довершение всего в Маммисии предполагалось устроить священное озеро со своим собственным «нилометром» для измерения ежегодного уровня разлива и широкую каменную лестницу, поднимающуюся прямо из воды к входу — таким образом, прихожане попадали бы в храм после совершения омовения.

Покинув священные земли быка Бухиса, Цезарь и Клеопатра должны были прибыть в Тасенет (современная Эсна), который греки называли Латополь, или «Рыбий город», по названию священной рыбы *Lates niloticus*. Однако его основной храм, построенный Птолемеями, был посвящен богу-творцу с головой барана Хнуму. Этот бог считался хранителем истоков Нила, он создал из глины человека на гончарном круге — этот самый круг прихожане могли видеть в его храме. О совершении ежегодных таинств, посвященных Хнуму, повествовали тексты на стенах храма. В тексте «Таинство рождения» содержалось «Заклинание о помещении круга в тело всех женских существ», что означало внесение «яйца в тело всех женщин, чтобы обеспечить страну молодыми поколениями на пользу царю Верхнего и Нижнего Египта, возлюбленному Хнуму»***. В обряде принимали участие три

* См.: *Arnold D. Temples of the Last Pharaohs.* — London: OUP, 1999, p. 224.

** Ibid.

*** См.: *Gillam R. Performance and Drama in Ancient Egypt.* — London: Duckworth, 2005, p. 119.

молодые женщины, представлявшие различные периоды беременности.

Прибыв в расположенный дальше к югу город Нехеб (Эль-Каб), Клеопатра и Цезарь наверняка обратили внимание, что тема деторождения отражена еще более ярко в похожем на лабиринт храме Нехбет, богини царской власти, считавшейся одной из главных помощниц при родах. В этом храме, который отреставрировали Птолемеи, как и другие храмы Нехбет на окрестных возвышенностях, свое святилище в честь богини-львицы Сехмет создала Клеопатра III. Появлявшаяся одна как «женщина-Гор, владычица Верхнего и Нижнего Египта и могучий бык» и объединявшая в своем лице царя, царицу, бога и богиню, она могла бы служить примером для своей правнучки Клеопатры VII.

Если Клеопатра и Цезарь действительно предприняли столь дальнее путешествие на юг, как утверждают древние источники, то они, конечно же, достигли культового центра Гора — Эдфу. Для Птолемеев этот центр имел исключительное значение, поскольку здесь процветал культ царских предков. Смысл его состоял в том, что каждый почивший фараон представлял собой Осириса, а его здравствующий преемник — Гора, сына Осириса. Центр основала третья птолемеевская чета, торжественно открыла — восьмая, а отец Клеопатры оставил здесь память о себе, воздвигнув огромные ворота с пилонами перед входом. Лабиринт внутренних переходов и лестниц напоминал Дендеру. Фасад украшали массивные фигуры Авлета, устранившие врагов Египта, и две пары высоченных флагштоков из привезенного ливанского кедра, на которых на высоте ста тридцати футов развевались вымпелы богов. Посередине две двери высотой сорок пять футов из такого же дерева, обитые отполированной медью, отражали солнечный свет и буквально ослепляли тех, кто приближался к ним.

Помимо громадных ворот, во внутреннем дворе возвышался пилон Авлета, расположенный так, что во время зим-

него солнцестояния тень от него накрывала двор, а в период летнего солнцестояния 21 июня он отбрасывал тень на гигантский циферблат солнечных часов. Солнечный свет также искусно использовался в самом храме для создания специальных эффектов. Чтобы усилить мистическую атмосферу, свет ослаблялся, так что внутренняя часть храма оставалась в темноте, где находилось монолитное святилище из полированного сиенита времен Нектанеба II, сохраненное как связующее звено с последним фараоном коренного народа. Внутри находилось святилище меньших размеров с позолоченными стенами и золотой статуей Гора, украшенной полудрагоценными камнями. Там содержался живой сокол с подрезанными крыльями как воплощение Гора и правящего монарха. Священного сокола кормили мясом за счет короны. Ежедневно утром, днем и вечером поклонялись ему и находившемуся там же его скульптурному изображению, а раз в году и того и другого выносили на крышу для единения с солнцем.

Помимо этих обязанностей, жрецы Эдфу еще выполняли работу в небольшой парфюмерной «лаборатории» храма. Ее стены были исписаны названиями дорогостоящих материалов, некогда хранившихся здесь: от фимиама, использовавшегося для пробуждения богов во время утренних церемоний, шестнадцати различных сортов мирра, возжигавшегося, когда шла основная дневная служба, до *канет*, по-гречески «куфи», — сладкого, на коричневой основе благовония, которое шло в дело при вечерних ритуалах. Были здесь еще и специальные ароматические вещества, созданные для умащения статуй богов: от «масел лучшего качества», которые употреблялись для подсвечивания лица у скульптурного изображения Гора, до традиционных «священных масел», известных еще в Век пирамид. Во времена Птолемеев использовались девять из них, в том числе фимиам, «Праздничное благоухание с еловыми семенами», цареградский стручок, лотос и белый ладан.

В других боковых комнатах лежали одежда для совершения священных обрядов и различные приспособления. В храмовой библиотеке хранились такие древние труды, как «Книга отправления культа», «Тайные формы Бога» и «О периодическом возвращении звезд», а также текст древней драмы «Триумф Гора», в которой бог мстит за своего отца Осириса, одолев его убийцу Сета. Драма, исполнявшаяся под музыкальный аккомпанемент, нравилась Птолемеям, любителям театра, и ее сюжет нашел весьма детальное отображение на стенах храма, как и сцены женитьбы Гора на богине Хатхор.

Каждый год из Дендеры везли за сто десять миль на юг, в Эдфу, золотую статую Хатхор на так называемый «праздник прекрасного союза». Статую, увешанную цветами и обмазанную ароматным маслом, предназначенным исключительно для золотой богини Хатхор, торжественно вносили в темноту храма и совершали священное бракосочетание с Гором.

Вполне возможно, что «праздник прекрасного союза» повторили для Цезаря и Клеопатры, земных представителей божественной четы — Хатхор, римской Венеры, и Гора, «заморского бога-победителя». Вероятно, они переняли нетипичное поведение богов, сохранив свой независимый статус и продолжая жить обособленно, несмотря на близость. Образ Хатхор также отвечал требованиям Клеопатры. В соответствии с египетской традицией богиня являлась партнером Гора и его матерью, что подчеркивало бесконечный цикл повторения рождений. Имя Хатхор, иначе Хат-Хор, означающее «дом Гора» или «чрево для Гора», придавало особое значение беременности Клеопатры, и жрецы Эдфу должны были бы сделать все, чтобы обезопасить ее посредством традиционных защитительных ритуалов. Ибо, как провозгласил бог этого храма, «я есть Гор, которого родила Исида и чья защита гарантирована в зародыше».

Защитительные ритуалы составляли основную часть большинства церемоний — от коронаций, юбилеев и поме-

щения богов в храмы до обеспечения нормального рождения нового поколения монархов. Как отмечалось в хранившейся в храме «Книге магической защиты правителя во дворце», во время длительного обряда нужно было накрыть монарха оградительными амулетами и окружить его такими же изображениями предыдущих правителей, имевшимися в храме. Затем, создав некое божественное силовое поле из собранных вместе сил богов и предков, жрецы заставляли живых сокола, гуся, ястреба и коршуна распростереть крылья и прикрыть ими правителя. Кроме того, его окропляли слезами сокола, потому что глаз Гора считался в египетской культуре самым надежным амулетом. После прочтения таких заклинаний, как «Формула отвращения дурного глаза», совершался обряд проклятия для нейтрализации сил зла. Церемония заканчивалась выносом птиц на крышу храма, где их отпускали на четыре стороны света в знак возобновления царской защиты.

Однако смысл всех этих действий состоял не только в том, чтобы роды у Клеопатры прошли без осложнений. Роль ребенка, которому предстояло появиться на свет как будущему Гору, представляла особую важность в Эдфу, где считали, что «великий Бог» Гор «приходил в мир до предков», и поэтому посвященные ему ритуалы во всех храмах совершались сразу после основного ежедневного обряда. Присутствие предков на коронациях, юбилеях, праздниках урожая и священных бракосочетаниях дает основания предположить, что главная цель дальнего путешествия Клеопатры на юг с Цезарем состояла в посещении Эдфу. В династических планах Клеопатра придавала первостепенное значение их священному союзу и последующим защитительным обрядам для наследника, чтобы гарантировать божественную преемственность.

Хотя неизвестно, отважились ли они плыть дальше на юг, где крутые утесы из песчаника сжимали русло, затрудняя судоходство по Нилу, они вполне могли продолжить плава-

ние пусть даже с небольшим эскортом, ибо, как уверенно писал один из римских биографов Цезаря, «на ее корабле с богатыми покоем он готов был проплыть через весь Египет до самой Эфиопии, если бы войско не отказалось за ним следовать»*. Стремясь облегчить голод, свирепствовавший в царстве, Клеопатра могла пожелать плыть дальше на юг к легендарному источнику Нила, как это делали раньше ее предшественники Птолемеи, чтобы вызвать годовой разлив реки и присмотреть за пограничным районом, представляющим важность для обеспечения безопасности Египта. В Пасебеке, называвшемся греками Омбос (Ком Омбо), «земле Себека», бога-крокодила, находилась крупная военная база. Красивый храм, стоявший на нильском мысу, очень любил отец Клеопатры. В храм входили через монументальные ворота со стороны реки.

Дочь Авлета и Цезарь, пройдя через них, вероятно, ознакомились с тем, как идет работа по созданию настенных рельефов с изображением Клеопатры перед богами, или посмотрели храмовых крокодилов в каменном водоеме с замысловатой системой фонтанов. Жители Омбоса, как и фаюмцы, считали этих животных священными и относились к ним с большим почтением. Когда такие анималистические культы превратились в символы региональной принадлежности, между соседними храмами стали разыгрываться театрализованные баталии, являвшиеся некоей формой религиозного поклонения: приверженцы того или иного культа отправлялись к соседям-единоверцам, чтобы напиться и поносить соперников. Поскольку жители Эдфу и Дендеры считали крокодила источником зла, их посещения Омбоса иногда могли заканчиваться неприятностями. Как-то раз, когда разбушевалась подвыпившая толпа дендеровцев, жители Омбоса, охваченные религиозной ненавистью, пошли на них с кулаками, в итоге один человек был убит, «и побе-

* *Светоний*. Указ. соч., с. 26.

дители съели его, обглодали все кости»*, совершив вопиющий акт религиозного каннибализма.

Плавания вверх по Нилу обычно заканчивались в древнем торговом центре Суенете, при Птолемах называвшемся Сиена (современный Асуан). Этот город всегда притягивал ученых. Приезжал сюда Эратосфен, который, наблюдая за полуденной высотой солнца в Александрии и Асуане, определил радиус Земли. Другие исследователи изучали здесь разливы Нила. Согласно же египетским поверьям, разлив ежегодно начинался, когда бог-творец с головой барана Хнум спускал воду из своей пещеры под большим островом посередине Нила. Цезарь также проявил большой интерес к этому месту, потому что сам хотел узнать истинную причину разлива реки. Осматривая находившийся на острове нилометр, наверное, интересовался у жрецов новыми теориями о выпадении дождей в районах, лежащих дальше на юге, как он обсуждал этот вопрос с одним из мемфисских жрецов. Цезарь мог сопровождать Клеопатру, когда она посещала на острове храм Хнума из красного гранита, построенный первым Птолемеем от имени сына Александра — Александра IV. О посещении храма ее дедом Лафуром имела памятная надпись на большой стеле из красного гранита. В храмовом комплексе также содержались священные бараны Хнума. После смерти их бальзамировали, чтобы сохранить их животворную силу плодovitости, и хоронили на острове, где обитал сам Хнум. Их силы должны были объединиться с силами Клеопатры, поскольку она предположительно отмечала некий ежегодный праздник разлива реки, в котором, насколько известно, принимал участие ее дед. Потом она, видимо, посетила на острове храм Исиды, где находился оракул богини. Его жрецы, возможно, хотели услышать ее заверения, что их привилегии не будут урезаны в связи с тем, что корона оказывает все большую поддержку

* Ювенал. Указ. соч., с. 150.

основному культовому центру Исиды, расположенному несколько южнее в Филэ.

Этот город основала последняя египетская династия всего за несколько столетий до того, как в 186 году до н.э. его посетила первая Клеопатра со своим мужем, чтобы отпраздновать военную победу и рождение сына. Сейчас он, как видно, стал конечным пунктом путешествия Клеопатры и Цезаря, на последнем отрезке пути проделанного на небольшом судне, поскольку иначе не представлялось возможным проплыть по узким каналам, прорытым в обход обнажению пород на реке, или порогов. В этом случае словно из воды перед ними должен был появиться сверкающий храм Филэ на «острове со времен Ра»*.

Жрецы, несомненно, приветствовали Клеопатру как земное воплощение Исиды, царицу Юга, и она, наверное, приняла от них корону Геба со многими рогами в знак преемства от своей великой предшественницы Арсинои II, изображенной на рельефных композициях Филэ в той же самой короне**, которую она, в свою очередь, заимствовала у Хатшепсут также в знак убедительного преемства от цариц, соединяясь с Исидой, чтобы стать «Хозяйкой жизни, дарующей жизнь. Люди живут по велению ее души»***. На других рельефах храма в Маммисии, на которых Исида изображена кормящей молоком жизни своего сына Гора, она принимает мирру, драгоценные камни и даже священную газель от Птолемея Фискона и его двух жен Клеопатры II и Клеопатры III. Эти правители создали в Филэ библиотеку, парфюмерную лабораторию, построили три святилища для статуй Исиды и

* См.: *Wilkinson R.H. The Complete Temples of Ancient Egypt.* — London: Thames & Hudson, 2000, p. 213.

** Корона Арсинои II «отличалась от традиционных корон цариц и была сделана по образцу короны Хатшепсут». См.: *Rowlandson J. (ed.) Women and Society in Greek and Roman Egypt: sourcebook.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998, p. 29.

*** См.: *Dunand F. and Zivie-Coche C. Gods and Men in Egypt: 3000 BCE to 395 CE.* — London: Cornell University Press, 2004, p. 237.

воздвигли два обелиска. Позднее позади них появились первые громадные ворота со статуями отца Клеопатры Авлета, устрашающего врагов.

Авлет также построил великолепный храм для Осириса на расположенном недалеко острове Бига, где, согласно местным преданиям, он был похоронен в священной роще. Здесь жрецы исполняли заупокойные песнопения и совершали ритуальные возлияния молока. На остров регулярно доставляли культовую статую Исиды, чтобы она могла принять участие в ритуалах в память о своем муже. Паломники, приезжавшие сюда даже из Италии, увозили с собой священную воду для молебствий Исиде у себя дома. Многие бросали в воду золотые монеты или привозили с собой богатые дары. Из-за того что царская власть передавала большую часть своих доходов в священную казну Исиды, соседствующие храмы вели обреченную на неудачу борьбу против могущественного жречества Филэ, чтобы сохранить свои традиционные сферы влияния.

Жрецы Филэ, уверенные, что после того как живая Исида станет матерью, для них наступит золотой век, в котором они будут играть ключевую роль, поставили золотую статую в память о том дне, когда их богиня появилась среди них. И чтить ее будут на протяжении нескольких последующих столетий. Когда Клеопатра плыла вниз по Нилу, ее почитали как всемогущее воплощенное божество, и тот факт, что почти два миллиона человек отдавали дань искреннего уважения партнерше Цезаря, несомненно, произвел глубокое впечатление на римлянина, уже задумавшегося над тем, как воспользоваться и своей собственной божественностью, чтобы взять Рим под еще более жесткий контроль.

6

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ ИСИДА: РОЖДЕНИЕ ЦЕЗАРИОНА

После возвращения в Александрию из путешествия на юг с Клеопатрой Цезарь начал готовиться к отъезду в Рим, где продолжали нагнетать обстановку сыновья Помпея, и их сторонники набирали силу. Критиковали Цезаря за то, что он не вернулся сразу после Александрийской войны, а вину за длительное отсутствие возлагали на Клеопатру, женскими хитростями якобы заманившую благородного римлянина. Однако возникли обстоятельства, не зависящие даже от него самого: нападение александрийцев и не прекращавшиеся несколько месяцев ветры со стороны берега, которые создавали опасности для плавания*. Все это нашло отражение в записках Цезаря. Поэтому зимой и весной 48—47 года до н.э. он занимался укреплением тылов на Востоке: заменил ненадежный режим преданным союзником, позаботился о потенциальном наследнике, организовал постоянный

* Сам Цезарь писал, что «вынужден был оставаться из-за сильных пассатных ветров, делавших отплытие из Александрии очень затруднительным». См.: Заметки Юлия Цезаря и его продолжателей. Гражданская война. Кн. 3. 107.

приток капитала и бесперебойную поставку зерна для римского народа, чья поддержка была бы крайне необходима, если бы ему пришлось добиваться согласия сената на проведение своей политики.

Для обеспечения безопасности Клеопатры и укрепления ее позиций он оставил три легиона в Александрии под надежным командованием своего любимого вольноотпущенника Руфио. Их присутствие продемонстрировало бы критикам в Риме, что он превратил Египет в римский протекторат. И не только это. Тем самым он пресекал любые попытки захвата страны и превращения ее в провинцию, что непременно сделал бы, не будь романтически увлечен царицей.

Хотя теоретически Клеопатра все еще правила вместе с оставшимся неполнородным братом Птолемеем XIV и держала двенадцатилетнего мальчика под своим контролем, ее единокровная сестра Арсиноя IV продолжала создавать проблемы. Провозгласив себя монархом вместо Клеопатры, когда александрийцы осаждали дворец, она совершила акт предательства, который Клеопатра едва ли могла забыть. Тем не менее вместо того, чтобы заключить Арсиною в тюрьму в Александрии как символ потенциального сопротивления или казнить, что вызвало бы недовольство горожан, было решено отправить ее в Рим с Цезарем как пленницу.

Клеопатра и Цезарь скорее всего попрощались друг с другом наедине, после чего беременная царица, сидя в золотом переносном троне, проводила его от дворца до Большой гавани, желая продемонстрировать александрийской публике их брачный союз во всем блеске. Возможно, они на прощание пожали друг другу руки, после чего Цезарь сел на корабль и покинул Египет. Это расставание, конечно, затронуло чувства Клеопатры. Поскольку он вернул ей трон, дал ей наследника и, по сути дела, даровал жизнь, она решила воздвигнуть впечатляющий монумент в его честь — Цезарем, по-гречески «Kaisaros Epibaterios» — «Цезарь, садящийся на корабль».

Выйдя из Большой гавани Александрии и миновав дворцы, Фарос и колосс Исиды, Цезарь не направился прямо в Рим. Желая заручиться поддержкой иудеев в предстоящей борьбе против сыновей Помпея, он поплыл вдоль берега в Акру, чтобы вознаградить бывших сторонников Помпея Антипатра и Гиркана за их ценную помощь в Александрийской войне. Как представитель Рима он подтвердил их режим, отменил уплату дани, разрешил отстроить Иерусалим и отдал им порт Яффа, который Клеопатра хотела прибрать к рукам в соответствии со своим планом возвращения бывших владений Птолемеев. Взамен Цезарь вернул ей Кипр и предоставил право получать доходы с этого острова, а также разрешил снизить высокие налоги, которые она была вынуждена ввести в начале правления, чтобы удержать Египет на плаву.

В условиях, когда экономика начала подниматься, а римские войска стояли наготове, чтобы в любой момент оказать поддержку, Клеопатра могла чувствовать себя в безопасности и подготовиться к рождению своего первенца 23 июня 47 года до н.э. Только роды у царицы — это неординарное событие. Ее жизнь и жизнь наследника имели первостепенную важность для будущего страны, и роды должны были обеспечиваться всеми мерами защиты, какую могли предоставить боги Египта и остального Древнего мира. Неоднократно обращались с молитвами к Великой Матери Исиде и Хатхор, греческой Афродите, с которой отождествляли последнюю, и римской Венере, предку Цезаря. В акушерскую бригаду одним из важных членов вошла Артемида. Эта богиня, которая охотно приходила «на помощь беременным женщинам, находящимся в опасности»*, и которую называли Артемида Полимастика («многогрудая»), оставила свой храм в Эфесе, чтобы присутствовать при рождении Александра в Македонии. Ее ассоциировали с греческой богиней Илифией и изображали как Исиду с факелом, освещающей

* *Апулей*. Указ. соч., с. 192.

дорогу матери и ребенку в темноте. Артемида-Илифия провозвещала: «Я возношу новорожденного на десятую орбиту Луны — дабы озарить свершившееся».

Учитывая, кто был отец, политеистические египтяне вполне могли взывать к римским божествам, имевшим отношение к деторождению: от Алемоны, защищавшей плод, до Партулы, помогавшей при родах. И поскольку в дворцовом квартале располагались легионеры Цезаря, можно предположить, что один из них мог исполнить древний, хотя и странный обычай: чтобы облегчить роды, над домом роженицы нужно было метнуть копье легкого кавалериста, которым в сражении уже убивали врагов. Считалось, что такое копье, называвшееся «*hasta caelibaris*» — «холостое копье»*, обладало магической силой над жизнью и смертью. Сейчас оно служило цели, отличной от устремлений римских копий, градом сыпавшихся вокруг дворца всего шесть месяцев до этого.

Во дворце собрались египетские жрецы высшего ранга, в том числе ближайшие советники Клеопатры. Служители культа в масках Беса, божества-покровителя семьи, совершали ритуалы и читали молитвы в облаках курившихся благовоний. Согласно легенде III столетия до н.э., лицо Нектанеба II скрывала маска Зевса-Амона, когда он оплодотворял мать Александра, Олимпиаду. Девять месяцев спустя он присутствовал при ее родах с гадательным блюдом и восковыми фигурками, собрав все силы, какими наделен египетский фараон, дабы выбрать самый благоприятный момент для рождения своего сына «при помощи вычисления орбит небесных тел. Он говорил ей, что не нужно спешить. В то же время он привел в беспорядок космические стихии своей магической силой, выяснил, что сокрыто в них, и сказал ей: «Женщина, сдержи себя, борись с натиском природы»**, чтобы Александр родился в самый благоприятный момент.

* Плиний. Естествознание XXVIII. 33—34.

** См.: *Jasnow R. The Greek Alexander Romance and Demotic Egyptian Literature // Journal of near Eastern Studies, 56 (2), 1997, p. 98.*

Хотя это описание приводится в художественном произведении, оно дает представление о том, какие могли совершаться обряды, когда Клеопатра рожала ребенка, считавшегося потомком Александра, однако подобные эзотерические ритуалы, давно использовавшиеся в египетской медицинской практике, усовершенствовались в медицинских школах Александрии. Опытных акушеров — иногда это были женщины — приглашали в богатые семьи. Методы акушерства, применявшиеся теми, кто прошел подготовку в александрийских просветительских школах, в II веке н.э. описал в своих сочинениях Соран Эфесский. До эпохи Нового времени он считался наиболее известным гинекологом, и в Средневековье его работы служили источником акушерских знаний. В труде «Гинекология» он описал все периоды беременности вплоть до родов, детские болезни и даже перечислил качества, которыми должна обладать акушерка, в частности, она должна «быть грамотной и смышленной, иметь крепкое телосложение, сильные руки, длинные и тонкие пальцы с короткими ногтями. <...> Она обязана всегда оставаться невозмутимой, не теряться в трудных ситуациях, уметь четко обосновать свои действия, вселять уверенность пациенткам и располагать их к себе. <...> Руки у нее должны быть мягкими, ей нельзя заниматься ткачеством, отчего руки грубеют. Для смягчения кожи, если она от природы жесткая, рекомендуется пользоваться мазями»*.

Некоторые акушерки, имевшие образование и опыт работы, становились настоящими авторитетами в своей области и писали научные труды. Греческий врач Гален (ок. 129 — ок. 200 гг. н.э.) посвятил акушерке свою работу «Об анатомии матки». Согласно более поздним арабским источникам, Гален якобы учился у женщины-гинеколога по имени Клеопатра, и хотя сам Гален применял и рекомендовал ее методы

* См.: Soranus in *Jackson R. Doctors and Diseases in the Roman Empire*. — London: BMP, 1988, p. 96—97.

лечения, скорее всего он опирался на знания, полученные теми, кто работал под патронажем царицы, которой они посвятили свой труд. В иудейском Талмуде даже говорится, что Клеопатра VII проводила медицинские опыты с целью определить периоды развития плода, в чем проявился ее большой интерес к проблемам первостепенной важности, связанным с ее способностью к деторождению. Один из основоположников александрийской медицинской школы Герофил в начале III века до н.э. установил наличие яичников и фаллопиевых труб; и хотя образование яйцеклетки и зачатие оставались неразгаданными, описание женской анатомии Сораном, основанное на вскрытии человеческих трупов с разрешения Птолемея, было весьма точным.

До этого египтяне полагали, что матка реагировала на внешние силы. Чтобы заставить ее подчиниться, произносили устрашающее заклинание с упоминанием имени убийцы Осириса, египетского бога Сета, который угрожал Исиде во время ее беременности. Вероятно, под влиянием жрецов и врачей Гелиополя греческий философ Платон также поверил, что матка живет своей «животной жизнью». Даже Гиппократ, считающийся отцом медицины, говорил о матке как об «удивительном органе», вызывающем у женщины «истерию», которую нужно лечить внутренним окуриванием.

Те, кто учился в Александрии, оспаривали эти идеи, считая, что истерия — это болезненное состояние, проявляющееся эмоциональными реакциями по большей части вследствие периодических выкидышей и преждевременных родов, являвшихся участью многих женщин в древности. Соран высказал ряд замечательных рекомендаций, в том числе такие: пациентку нужно класть в теплую палату, покачивать ее и массировать нижнюю часть тела сладким оливковым маслом. Что касается массажа, то в Египте он применялся при беременности по крайней мере с 1500 года до н.э.

Соран подразделил вынашивание ребенка на три периода. Чтобы удержать «внесенное в нее семя», женщина долж-

на избегать стрессов, сотрясений, падений, не должна поднимать тяжести, употреблять спиртные напитки и наркотики, ей нужно хорошо питаться. Делая все возможное, чтобы «ублажить душу», он отмечал, что у некоторых женщин появляется странное желание есть древесный уголь, землю и незрелые фрукты, и хотя он советовал придерживаться диеты, чтобы набирать силы для родов, он говорил: «Не обращайтесь внимания на расхожее мнение, что нужно кормить два организма»*. Помимо легких физических упражнений и частых расслабляющих ванн, он рекомендовал носить широкий полотняный бандаж, «если живот свисает под собственной тяжестью»**. Этим полезным советам следуют и сейчас.

Готовясь к родам, которые всегда происходили дома, женщина обычно приглашала акушерку, несколько помощников и врача. В случае с Клеопатрой им, очевидно, был ее личный врач Олимп. Наверное, также с помощью верной служанки Ирады и придворной дамы Хармионы она приняла ванну, подвязала волосы и повесила оградительные амулеты на шею, лоб и руку, так же как Исида, которая, готовясь к рождению Гора, «надела амулет»***. Соран суеверным не был, но он признавал успокаивающий эффект плацебо**** и поэтому советовал своим коллегам «не запрещать их применение, поскольку даже если от амулетов нет прямого эффекта, надежда на них может приободрить пациента»*****.

Амулеты, конечно, и в птолемеевские времена пользовались популярностью. Многие из них изготавливались из красного железняка или кровавика, который, как считалось, предотвращает большую потерю крови. На амулетах избоб-

* *Soranus* in Jackson. Op. cit., p. 95.

** *Soranus*. Ibid.

*** *Плутарх*. Исида и Осирис, с. 74.

**** Плацебо (*лат.* placebo, буквально — «понравлюсь») — лекарственная форма, содержащая нейтральные вещества. — *Примеч. пер.*

***** *Soranus*. Op. cit., p. 88.

ражались Исида, богиня-гиппопотам Таурт с ножом или помогавший при родах бог Хнум с головой барана, но самым популярным был Бес, «великий бог жёнской матки»*, чьи амулеты в большом количестве изготавливались в храме Дендеры для продажи паломникам. Амулет полагалось надевать женщине на голову после четырехкратного произнесения заклинания над глиняным карликом, и тогда бог-карлик будет обязательно лично присутствовать при родах и отгонять злых духов. Египетские родовые амулеты имели широкое распространение в Древнем мире благодаря тому, что они считались «сильнодействующими». На одном амулете имелось несколько изображений Беса и Исиды, а также изображения матки и ключа как символа ее открытия, кроме того, на нем было написано обращение на греческом языке к Сету и три изречения Яхве, единого бога иудеев. В этом амулете прочно соединились египетские, греческие и семитские верования, характерные для Александрии времен Клеопатры, однако нашли его далеко оттуда — на римской вилле в Хертфордшире.

Когда женщина была надежно защищена сонмищем невидимых сил, она ложилась в постель, и начинался первый этап родов. И после того как акушерка убеждалась, что расширение достаточно большое, ее ассистенты помогали роженице встать с ложа и сесть в родильное кресло. Оно заменило устаревшие родильные кирпичи — на них египтянки садились на корточках. С обеих сторон кресло имело ручки, за которые можно было держаться, и спинку для опоры. Акушерка сидела перед женщиной, однако Соран не советовал ей «в упор смотреть на гениталии роженицы, иначе от стеснения у нее могут напрячься мышцы»**. Женщину подбадривали, говоря, чтобы она тужилась, и потом акушерка принимала ребенка. Ее ассистенты держали наготове «теп-

* См.: *Ritner R.R. A Uterine Amulet in the Oriental Institute Collection // Journal of Near Eastern Studies, 43 (3), 1984, p. 217.*

** *Soranus. Op. cit, p. 99.*

лую воду для обмывания, морские губки для промокания, вату, чтобы прикрыть женские органы, материю для пеленания новорожденного, подушку, на которую класть ребенка поодаль от женщины, пока отходит послед, а также нюхательные травы и фрукты, такие как мята болотная, яблоко и айва»*.

Богатые, конечно, уже с давних времен пользовались болеутоляющими средствами, такими как отвар белены (*Hyoscyamus*), являющийся слабым наркотиком, и опиумный сок, или «маковые слезы», получаемый из головок мака (*Papaver somniferum*), чьи свойства знал греческий ботаник Диоскорид. Отвар корня белой мандрагоры давали «перед хирургическими операциями и проколами как болеутоляющее средство»**. Похоже, что также пользовались каннабисом (*Cannabis sativa*). В древнеегипетских медицинских текстах каннабис рекомендовался для лечения «матерей и детей». Он служил лекарством для ассирийцев, греков и римлян. В акушерстве он нашел применение благодаря тому, что «усиливает сокращения матки и в то же время существенно ослабляет родовые муки»***. Весьма вероятно, что Клеопатре дали подышать дымом тлеющего каннабиса, чтобы облегчить ее первые роды. К этому средству, несомненно, прибегли, когда в страшных муках рожала четырнадцатилетняя девочка в Иерусалиме в IV веке. Попытка произвести на свет полный срок выношенного ребенка при недоразвитом тазе привела к разрыву шейки матки и фатальному кровотечению; на месте ее захоронения нашли обуглившийся каннабис.

В других условиях несчастную девочку могли бы спасти, если бы ей сделали сложную операцию на брюшной полости, которую к I веку до н.э. уже умели выполнять. Говорят,

* *Soranus*. Op. cit, p. 99.

** *Плиний*. Естествознание XXV. 44. 150.

*** См.: *Zias J. et al. Early Medical Use of Cannabis // Nature 363, 1993, p. 215.*

что именно таким образом сам Цезарь появился на свет, когда у его матери Аврелии были тяжелые роды. Предположительно, родовое имя Цезарь происходит от термина «кесарево сечение» (*лат.* caedo, -ere, caesus sum — разрезать, резать).

Подобные процедуры, безусловно, стали возможными после того, как были достигнуты успехи в создании медицинского оборудования, искусно сделанных точных инструментов, вроде диоптры, или бронзового зеркала, применявшегося для внутреннего обследования в I веке до н.э. Он был более гладкий, чем его средневековые аналоги, а в медицинских текстах александрийских школ особо отмечалось, что такие холодные металлические инструменты необходимо нагревать и смазывать, как и руки врачей.

Однако несмотря на имеющиеся инструменты и болеутоляющие средства, роды Клеопатры могли быть осложнены проблемами как психологическими, так и физическими. При ненормальном пульсе и дыхании обычно смазывали шейку матки растительным маслом или жиром. Если бы ребенок изменил положение, проделали бы физические манипуляции, чтобы не допустить опасного нарушения дыхания. Хотя Соран говорил акушеркам, что «все нужно делать осторожно без травм»*, под рукой находились поистине страшные инструменты, чтобы извлекать мертворожденного ребенка, или когда жизнь матери считалась более важной, даже если это не обязательно было так.

Извлекать плод целиком могли с помощью крюка для вытаскивания, изогнутыми ножами его обезглавливали, а потом доставали по частям. Соран предпочитал избегать таких экстремальных рисков для матери и ампутировал части тела по мере их появления. Кроме того, если голова оказывалась слишком большой, чтобы выйти естественным путем, использовался краниокласт — зазубренные металли-

* *Soranus.* Op. cit, p. 104.

ческие хирургические щипцы, которыми дробили и удаляли череп.

Роды являлись самым опасным периодом в жизни женщины, поэтому девушки, вступавшие в брак в раннем возрасте, когда тело еще недостаточно развито, чтобы выполнять ожидаемую функцию, нередко умирали от разрывов, маточного кровотечения и инфекции при родах. Эпитафия на могиле восемнадцатилетней девушки гласила: «Кто здесь лежит? Героида. Как и когда она умерла? Слишком тяжким было бремя, и она не перенесла родовых мук. Лишь мгновение длилось ее материнство, но и ребенок тоже умер. Пусть земля ей будет пухом, и пусть Осирис подаст ей холодной воды»*. Вот еще одна трагическая история, о которой мы узнаем из письма, отправленного некоему отцу: «Получив мое письмо, пожалуйста, скорее приезжайте домой, потому что ваша бедная дочь Геренния умерла. А мы уже думали, что она пошла на поправку после выкидыша. На восьмом месяце она родила мертвого ребенка и прожила четыре дня. Потом она умерла. <...> Приезжайте, если хотите увидеть ее»**. Цезарь сам получил такое письмо, когда сражался в Кенте. В нем сообщалось, что его единственная дочь Юлия умерла во время родов и что ее ребенок, его единственный внук, умер несколькими днями позже. В жаркий августовский день 54 года до н.э. их обоих кремировали, а Цезарь не смог проститься с ними. Поэтому он, да и весь Египет, должно быть, с большой радостью узнали, что Клеопатра родила здорового ребенка. Теперь она с полным основанием могла называться «великой матерью Исидой», «великой матерью богов» и матерью Гора, потому что ее первенцем был мальчик.

* См.: *Lichtheim M. Ancient Egyptian Literature, III: The Late Period.* — Berkeley: University of California Press, 1980, p. 7.

** Текст папируса в изложении М. Монсерра. См.: *Montserrat M. «Death and Funerals in the Roman Fayum». Portraits and Masks: Burial Customs in Graeco-Roman Egypt (ed. Bierbrier M.).* — London: BMP, 1997, p. 37.

Она сразу же стала символом материнства — образ живой Иисиды, кормящей грудью младенца, не мог быть недооценен. Однако несмотря на столь мощное пропагандистское воздействие, кормление грудью рекомендовалось матери только по прошествии трех недель, чтобы она могла окрепнуть. В этот период ребенка кормили из небольших горшочков с насадкой в форме чертополоха коровьим или козьим молоком, но от них могла начаться диарея или дизентерия. Поэтому женщины с достатком предпочитали брать кормилиц. На эту роль старались найти здоровую женщину в возрасте от двадцати до сорока лет, имевшую несколько своих детей и предпочтительно гречанку.

После родов мать и ребенок обычно оставались одни в спальне в течение семи дней — времени, когда они больше всего подвергались воздействию сверхъестественных сил, из-за чьих козней, как считали, была высокая детская смертность. Обычно детям давали имя только по истечении недели после рождения. Для Клеопатры, наверное, возжигали благовония, которыми пользовалась Исида, чтобы оградить новорожденного Гора от злых сил. Царицу окружали ароматы самого дорогого ладана, мирры и фисташковых смол, спасавшие ее от всех бед.

На седьмой день молодой матери по традиции дарили косметику и зеркало. Одевшись соответственно случаю, она выходила для совершения благодарственных молебствий, и ребенку присваивалось имя на специальной церемонии. После усердных забот Ирады и Хармионы в великолепном наряде Клеопатра теперь могла появиться перед приближенными и объявить о рождении нового фараона.

В Серапии Саккары и повсюду в стране установили стелы с эдиктом на египетском демотическом языке, и правнук Птолемея I в седьмом поколении получил то же самое имя для продолжения династии, берущей начало от единокровного брата Александра. Дополнительные эпитеты Филометор и Филопатор — «Любящий мать и отца» — в честь обоих

родителей получили отражение в его египетском имени «Птувлмис дджд тув ен еф Кисрс» — «Птолемей, названный Цезарем», так как Клеопатра не хотела, чтобы «возникали какие-то сомнения в отцовстве ребенка. Он соединил Египет и Рим в своей родословной»*. Александрийцы полностью признали этот факт, прозвав его Цезарион, что значит «сын Цезаря» или «маленький Цезарь», и под этим именем он известен до сих пор.

Рождение сына Клеопатрой, должно быть, явилось предметом особой гордости в римском мире времен Цезаря, где мальчики ценились больше, чем девочки. Сообщив своим друзьям Гаю Матию и Гаю Оппию новость, что он стал отцом, Цезарь задумал провести закон, позволяющий ему брать жен сколько угодно для рождения наследников. Это свидетельствовало о серьезном характере его отношений с Клеопатрой и намерений по поводу их сына.

Цезарь выпустил монеты с изображением своего мифологического предка Венеры-Афродиты, держащей жезл, и серию других монет, отчеканенных на Кипре, острове, где она родилась. На последних — Клеопатра в образе Афродиты с таким же жезлом и ребенком на руках. Имевшие хождение в Средиземноморском мире, они донесли новость до жителей зарубежных стран. За эдиктом Клеопатры, разосланным по всему Египту, последовал другой — об имени Цезариона, и его титулы высекали на стенах важнейших монументов.

К этому времени в Маммисии Гермонтиса закончили работу над необычными фресками со сценами родов. На них Клеопатра представлена как богиня, при содействии ассистенток рожающая солнце-ребенка Гора в соответствии с известной надписью в храме Саиса о том, что Исида родит солнце. Вскормленный питательным молоком Исиды, Хатхор и Рат-Тауи, солнце-ребенок также изображался сыном

* См.: *Southern P. Julius Caesar.* — Stroud: Tempus, 2001, p. 123.

бога войны Монту. С одной стороны это был изящный комплимент Цезарю, живому представителю Монту, а с другой, как говорилось в сопутствующем иероглифическом тексте, — выражалось общественное признание, что он — отец Цезариона.

В последующих росписях на тему божественного рождения Цезариона Клеопатра изображалась вместе с Амоном-Ра, который, как известно, оплодотворял цариц, принимая облик их мужей. Жрецы Гермонтиса так и объявили публично, что бог на самом деле оплодотворил их живую богиню Клеопатру, приняв телесную форму Цезаря. Вместе с тем этот сложный теологический мотив подчеркивал еще более глубокую связь с Амоном, чья роль отца Александра, а также Цезариона, делала последнего истинным преемником Александра, как и он, несущим новый золотой век.

Многочисленное подчеркивание отцовства и происхождения в Гермонтисе также проливает свет на выбор Клеопатрой титулов и эпитетов. Помимо того что она звалась «женщиной-Гором, великой, Владычицей обеих земель», ее еще называли «богиней, любящей своего отца» и «образом своего отца». В этом контексте важно то, что египетское слово «отец» было синонимом слова «предок».

Эта связь с прошлыми поколениями в лице отца, деда, прадеда, прапрадеда и так до бесконечности в Маммисии подчеркивалась своеобразными элементами архитектуры, позаимствованными Клеопатрой из оформления гробниц, в частности, ложной дверью. Ее устраивали напротив стены второго помещения храма, чтобы общаться с миром духов, и наличие такой двери в Маммисии Гермонтиса говорит о желании общаться с мертвыми, о чем свидетельствуют ритуалы, проводившиеся в Александрии в погребальной камере Сомы.

Хотя матерям не разрешалось входить в любой храм в течение сорока дней очищения после родов, такое правило едва ли распространялось на Клеопатру как фараона, номи-

нально являвшуюся верховным жрецом каждого храма и живым воплощением самой божественности. После того как Клеопатра достаточно окрепла, она пожелала сделать щедрые пожертвования, и, как большинство египтянок и гречанок, она, вероятно, пожертвовала одежду и драгоценности. В числе подношений Великой матери Исиде могли быть серебряные амулеты, по форме напоминающие матку, а Хатхор-Исиде и Артемиде-Илифии — разукрашенные текстильные изделия и различные предметы одежды в знак искренней признательности за то, что богини «уберегли от смерти во время родов»*. Такую же благодарность выражала некая бабушка, жившая во II веке до н.э.: «Твоя мать приветствует тебя. Мы получили письмо, в котором ты сообщаешь, что родила ребенка. Я каждый день молилась за тебя богам. Сейчас, когда все твои неприятности позади, меня переполняет радость. Посылаю тебе бутылку оливкового масла и несколько фунтов сушеных смокв»**.

Меньше чем через месяц после рождения у фараона первого сына и наследника, в связи с чем проходили широкие празднества благодарения, в середине июля начался разлив Нила. Так же как живая Исида подарила миру сына, она подарила людям воду. В ознаменование того, что возродилось плодородие страны, Клеопатра взяла себе в качестве символа рог изобилия, который раньше ассоциировался только с Арсиной II. Она поместила этот символ на монетах со словами «Царица Клеопатра», изобразив себя матерью новорожденного сына на одной стороне и матерью своей страны — на другой.

Пока на берегу александрийской гавани воздвигался Цезареум в честь отсутствующего отца ее сына, весьма ве-

* Отрывок из текста античного палимпсеста. См.: *Llewellyn-Jones L. Aphrodite's Tortoise: The Veiled Woman of Ancient Greece // Classical Press of Wales, 2003, p. 218.*

** Текст папируса, хранящегося в Мюнхенском музее. Приводится в издании: *Rowlandson J. Op. cit., p. 292.*

роятно, что в соответствии с фараонской традицией царица задумалась о сооружении своей собственной усыпальницы с таким расчетом, чтобы она была готова, когда понадобится. Клеопатра решила построить гробницу отдельно от Сомы, предполагая, что это будет равнозначный мемориал, увековечивающий ее статус легендарной богини, тождественный статусу Александра как легендарного бога. Согласно одному из немногих дошедших до нас древних источников, «это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды»*. Хотя в городе имелось много храмов Исиды, некоторые считают, что Клеопатра построила усыпальницу в восточном квартале Хадра на месте разрушенного храма со сфинксами и статуями фараонов. Но поскольку более поздние авторы ссылаются на гробницу, «которую она велела выстроить при царском дворце»**, возможно, что ее построили на морском берегу близ храма Исиды на восточной стороне мыса Лохиада, и «фактически она составляла часть храмовых построек. Если это так, то Клеопатра предполагала быть похороненной в пределах святилища богини, с которой ее ассоциировали»***.

Пока в течение трех недель Клеопатра занималась украшением города и планировала наследие Цезариона, его отец, Цезарь, прибыл в Анатолию, чтобы востребовать деньги у тех, кто поддерживал Помпея. Он также получил сообщение, что Фарнак II, сын понтийского царя Митридата VI, давнего противника Рима, вторгся в северные районы Анатолии, контролируемые римлянами, и убил назначенных Римом сборщиков налогов. Хотя Цезарь нуждался в деньгах, он отказался от огромной золотой короны, предложенной Фар-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 437.

** Текст приводится по изданию: *Дион Кассий*. Римская история / Пер. М.Е. Грабарь-Пасек // Памятники поздней античной научно-художественной литературы II–V веков. — М., Наука, 1964, с. 128.

*** См.: *Weigall A. The Life and Times of Cleopatra*. — London: Thornton Butterworth, 1914, pp. 289–290.

наком, и его дочери, и 1 августа 47 года до н.э. войска обеих сторон сошлись при городе Зеле на юге Понта. Битва произошла там же, где Митридат однажды разбил римлян, применив против них скифские колесницы. Но Фарнаку это вооружение не помогло — Цезарь нанес понтийскому царю сокрушительное поражение. О своей легкой победе он сообщил сенату в телеграфном стиле: «*Veni, vidi, vici*» — «Пришел, увидел, победил»*.

Проведя около девяти месяцев в Египте, он сумел решить другие восточные проблемы, а потом вернулся в Италию. Высадившись на юге в Таренте 24 сентября, Цезарь встретился с прежним сторонником Помпея, Цицероном, который содержался под домашним арестом по приказу Антония, с тех пор как произошла битва при Фарсале в предыдущем году. После одной из «вежливых, неискренних бесед, а вести такие беседы эти двое были большими мастерами»**, Цезарь согласился освободить Цицерона при условии, что тот даст ему займы денег.

Кроме того, Цезарю стало известно, что его заместитель Антоний, пользуясь своим положением, завладел имуществом Помпея; Цезарь потребовал, чтобы Антоний заплатил его текущую стоимость. Цезарь также узнал, что Антоний стал вести разгульный образ жизни: он открыто забавлялся с актрисой Волумнией, возил ее по Риму в колеснице, запряженной львами, пьянствовал, а однажды на свадьбе друга напился так, что утром его стошнило прямо на форуме. Разуверившись в Антонии, Цезарь заменил его своим бывшим, более надежным и уравновешенным заместителем Марком Эмилием Лепидом, когда готовился разделаться с воинственно настроенными сыновьями Помпея — Гнеем и Секстом, которые собирали силы в районе современного Туниса.

* *Светоний*. Указ. соч., с. 20.

** См.: *Grant M. Julius Caesar*. — London: Chancellor Press, 1969, p. 181.

Сначала Цезарь переправился на Сицилию, а затем 25 декабря отплыл к побережью Северной Африки и тремя днями позже высадился в Гадрумете (современный Сус). Сходя на берег, он оступился и упал, но, чтобы не дать исполниться дурному предзнаменованию, он прижался к земле и воскликнул: «Ты в моих руках, Африка!»* И в тот же самый день в другой части Северной Африки его жена Клеопатра взывала к богам, моля их защитить его. И это была часть грандиозных мистерий Осириса.

На двадцать шестой день египетского месяца Хояк (28 декабря) 47 года до н.э. было намечено открытие второго святилища на крыше храма в Дендере. Храмовые астрономы точно вычислили момент, когда полная луна будет проходить над центром крыши, что случалось очень редко. Невозможно представить, что Клеопатра упустила бы возможность присутствовать там, когда максимальное количество лунного света будет наполнять ее новое святилище энергией Исиды. Перед этим при свете факелов она должна была совершить омовение в священном озере Дендеры, что стало известно как «купание Клеопатры». И пользовалась она, наверное, серебряными кувшинами и тазами из храмовой сокровищницы. Как того требовали обычаи тысячелетней давности, ее нужно было умастить специальными благовониями. Из тринадцати сортов мирровой смолы, хранившейся в парфюмерных лабораториях храма, для нее взяли золотистого цвета смолу, которая якобы струится из глаза Ра, красную, вытекающую из левого глаза Осириса, и белую — из глаз Тота. В далеком прошлом царицу-фараона Хатшепсут натирали лучшей миррой, чтобы оградить ее от всяческих бед, и Клеопатра, наверное, не стала исключением. Ее также умастили экстрактом лотоса (*Nymphaea caerulea*), источавшим гиацинтовый аромат, столь популярный в царской семье и у жрецов. В «Книге мазей», имевшейся в храме, да-

* Светоний. Указ. соч., с. 30.

вался рецепт приготовления экстракта специально для обрядов, посвященных Осирису.

Потом глаза Клеопатры подвели бы черной краской и нанесли бы зеленые малахитовые тени, чтобы они походили на глаза Гора, дающего божественную защиту. На росписях в криптах храма она и ее отец Авлет преподносят богине эту косметику, названную «зеленой краской для правого глаза и черными тенями для левого глаза»*.

Из гардеробной храма Клеопатре принесли бы одно из лучших платьев Исиды. Это могла быть мантия «многоцветная, то белизной сверкающая, то, как шафран, золотисто-желтая, то пылающая, как алая роза. <...> Там же, где волнами ниспадало дивное это покрывало, со всех сторон была вышита сплошная гирлянда из всех цветов и плодов, какие только существуют»**. Это радужное разноцветье было скрыто под блестящим черным плащом, который «свешивался густыми складками, а края были красиво обшиты бахромой. Вдоль каймы и по всей поверхности плаща здесь и там вытканы были мерцающие звезды, а среди них полная луна излучала пламенное сияние»***. Столы с точно такими же звездами и священными животными Зодиака носили почитательницы «царицы в черном».

После переодевания Клеопатре должны были сделать прическу как у Исиды, чьи длинные волосы «свободно и мягко рассыпались на божественной шее»****. Такую прическу, ставшую модной в Кирене, первой стала носить родившаяся там Береника II. Потом ее переняла первая Клеопатра, «Сирийка», которая дополнила прическу платьем Исиды, и в результате у нее получился полный ансамбль богини. Поскольку такая прическа стала ассоциироваться с Исидой

* См.: *Wilson P.* «Slaughtering the Crocodile at Edfu and Dendera», *The Temple in Ancient Egypt: New Discoveries and Recent Research* (ed. S. Quirke S.). London, 1997, pp. 190.

** *Апулей.* Указ. соч., с. 298.

*** Там же.

**** Там же, с. 297.

и ее приверженками, вполне возможно, что и Клеопатра VII на этот манер стала убирать свои каштановые волосы либо просто надевала длинный темный парик, чтобы моментально преобразиться.

В довершение всего ей на голову, вероятно, надели корону с длинными перьями, рогами и круглой пластиной, излучавшей «яркий свет, словно зеркало. <...> Слева и справа круг завершали извивающиеся, тянущиеся вверх змеи»*. Они вызывали ассоциацию со священными змеями на урее, являвшимися одним из основных элементов царской символики. Как изображено на задней стене храма, на Клеопатре были также надеты традиционный широкой воротник, крепившийся по-птолемеевски крючком и петлей, с бисером по краю, украшенный сердоликом, ляпис-лазурью и бирюзой, и золотые браслеты. Ансамбль дополнялся двумя серебряными систрами, которые «при встряхивании издавали все вместе пронзительный звон»**, и ожерельем из малахитовых бусин, служившим оградительным амулетом, — его полагалось либо надевать на шею, либо держать в руках с систрами как символ жречества.

Все эти украшения хранились в шкатулках в храмовой крипте. Богатейшая сокровищница Дендеры была «доверху заполнена всевозможными драгоценными камнями, различной парфюмерией и всякими красками»***, которыми Клеопатра могла одаривать свое божественное второе «я» в знак благодарности за благополучное рождение Цезариона и продолжение дома Птолемеев. Под бдительным оком казначея храма Петеарсемфея и ее собственных изображений на окружающих стенах в сокровищнице хранились золотые шаровидные сосуды для пожертвования вина и молока, серебряные кадила и огромные «фимиатерии» — курительни-

* *Апулей*. Указ. соч., с. 298.

** Там же.

*** См.: *Shore A.F. Votive Objects from Dendera of the Graeco-Roman Period // Glimpses of Ancient Egypt: Studies in Honour of H.W. Fairman* (eds. Ruffle J. et al.). — Warminster: Aris & Phillips, 1979, p. 149.

цы, украшенные греческими и персидскими узорами, чередовавшимися с изображениями Беса, огромное количество серебряной посуды с выгравированными фразами на греческом и египетском языках: «Птолемею, вечно живому возлюбленному Птаха», и Хатхор-Исиде, «владычице Дендеры, богине неба, царице всех богов».

В сокровищнице даже находились уменьшенные копии корон и ювелирные украшения для культовых статуй богини, а об их одежде ежедневно заботились жрецы-костюмеры. Помимо того что статуи накрашивали, их умащивали священными маслами для активации их божественности точно так же, как намазывали при похоронах мумии для активации сокрытых внутри их душ. С Века пирамид до птолемеевских времен стандартный набор масел увеличился с семи до девяти видов — от сорта «Праздничное благоухание», в состав которого входили ладан, хвойные семена и битум, до сорта «Маджет», который делали из цареградского стручка, лотоса и белого ладана. Особые масла предназначались для особых обрядов. Так, на приготовление одного сложного рецепта уходило 365 дней, а получалось всего пол-литра продукта. И еще специально для культовых статуй изготавливали «тайную мазь» — смесь мякоти цареградского стручка, мирры и битума с порошком золота, серебра, ляпис-лазури, бирюзы и сердолика. Этой искрящейся, сладкой и липкой смесью, пока она была теплой, намазывали конечности божества. Но по такому случаю уж точно взяли бы остро пахнущую мазь для умащения золотой богини Хатхор, великой госпожи Дендеры.

Когда основную культовую статую, облаченную на царский манер, вынесли из скрытого в глубинах храма святилища на плечах обритых наголо жрецов, процессия во главе с Клеопатрой, позванивающей систром, двинулась вверх по винтовой лестнице. Настенные росписи повторяли этот же самый сюжет: царица уверенно поднимается по ступеням, глядя через плечо на богиню. Эта церемония

происходила регулярно в канун Нового года, когда золотую статую Хатхор поднимали по западной лестнице и устанавливали в «Святынище общения с Солнечным диском». Занавеси в нем отодвигались в момент восхода солнца в новогодний день, чтобы дух, обитающий в статуе, наполнился солнечной энергией. Потом статую уносили в темноту, в святая святых по прямой восточной лестнице. Клеопатра сейчас совершала точно такую же церемонию, в которой солнечная энергия Хатхор уравновешивалась лунной энергией Исида.

Царица и жрецы поднялись по храмовой лестнице в святынище на крыше, повторяя путь луны против часовой стрелки. Они прошли западное святынище с оформительским новшеством — изображением зодиакальных созвездий на потолке. Клеопатра открывала это сооружение годами раньше. Дойдя до недавно построенного восточного святынища, она пересекла двор под открытым небом и вошла в темноту внутренней камеры. Когда глаза Клеопатры привыкли к слабому освещению, ей открылась тайна воскресения Осириса: она увидела на стене и тексты ритуальных песнопений, обязательных к ежечасному исполнению, и список всех ста четырех амулетов, требовавшихся для бальзамирования.

Помещение с весьма необычным интерьером казалось специально предназначенным для театрализованных представлений, всегда служивших Клеопатре средством возвеличивания божественного статуса. И сейчас, когда весь храм был заполнен ее существом — более ранними изображениями в критрах глубоко под землей и физическим присутствием царицы в святынище высоко на крыше, она, стоя рядом со священной статуей Исида, ожидала полуночи, чтобы чистейший лунный свет через узкое отверстие в потолке проник внутрь и они обе окунулись в сияющие лучи.

Луна медленно достигла зенита, и в просторном зале стало светлее. И тогда настенные росписи с изображением

Исиды и Осириса стали медленно оживать в чистом белом свете. «Животворный свет луны»* обладал достаточной интенсивностью, чтобы оплодотворить ярящихся коров, которые родили священных быков. Распростертый Осирис, ожидавший повторного рождения, также наполнился лунной энергией. После того как Исида помогла ему воскреснуть, призвав на помощь духов предков, он оплодотворил ее, как это было описано двадцать три столетия до н.э. в «Текстах пирамид», древнейшем в мире сборнике религиозной литературы: «Твоя сестра Исида идет к тебе, преисполненная любви к тебе; она вложила твою плоть в свое лоно, и ты изверг в нее семя; и она засияла, как звезда»**.

Исида также ярко сияла, как луна; считалось, что она излучает свою животворную энергию. Клеопатра воспользовалась этой божественной силой, присвоив себе титул Исида Селена — «Луна». Богиня-царица появилась в сияющем свете полной луны, ибо считалось, что глубокой ночью «владычество верховной богини простирается особенно далеко и всем миром нашим правит ее промысел, что чудесные веления этого божественного светила приводят в движение не только домашних и диких зверей, но даже и бездушные предметы, что все тела на земле, на небе, на море то, соответственно ее возрастанию, увеличиваются, то, соответственно ее убыванию, уменьшаются»***.

А в этот самый момент супруг богини-царицы и отец ее ребенка находился в серьезной опасности на западе, где он вел затяжную войну с сыновьями и сторонниками Помпея. Они избегали открытых сражений и придерживались тактики партизанской войны, пока Цезарь не захватил их лагерь у города Тапса, после чего им пришлось вступить с ним в сражение 6 апреля 46 года до н.э. Против Цезаря и его мавританских союзников выставили десять легионов и объеди-

* *Плутарх*. Исиды и Осирис, с. 52.

** Заклинание 632a—633b, приводится в издании: *Benard E. and Moon B. The Goddesses Who Rule.* — Oxford: OUP, 2000, p. 228.

*** *Апулей*. Указ. соч., с. 296.

ненные силы кавалерии галлов и германцев вместе с войсками его давнего противника, нумидийского царя Юбы I, под чьим командованием находилась ударная кавалерия. Часть ее составляли всадники на верблюдах для действий в пустыне. Кроме того, Юба имел тридцать боевых слонов, но в самом начале сражения заслон, поставленный лучниками и метателями дротиков, так напугал их, что они повернули вспять и смяли свою же пехоту, создав полную сумятицу, и сторонникам сыновей Помпея, и Юбе в том числе, пришлось отступить.

Хотя самим сыновьям Помпея удалось бежать, они потеряли десять тысяч человек. Тесть Помпея Метелий Сципион и злейший враг Цезаря Катон, который захватил кипрскую казну, после того как покончил жизнь самоубийством дядя Клеопатры, умертвили себя. А Юба намеревался сделать красивый жест и расстаться с жизнью на огромном погребальном костре, в какой он хотел превратить свою столицу. Но когда жители города дали ясно понять, что их вовсе не устраивают его планы, и не впустили его в город, он пошел на сговор со своим оставшимся римским союзником Петреем: решив покориться судьбе, они устроили поединок после прощального ужина, и Юбу, вышедшего победителем, заколол раб.

Цезарь распродал сокровища Юбы на торгах и разделил Нумидийское царство между мавританскими царями, оказывавшими ему поддержку. Жена царя Богуда по имени Эвноя, как сплетничали недруги Цезаря в Риме, была очередной его любовницей. Остальная часть Нумидии стала римской провинцией Африка; многочисленная кавалерия Юбы вошла в состав римской армии, а выращиваемое в этом регионе зерно в больших объемах начали отправлять в Рим, и за счет этих поставок потребности города в зерне обеспечивались в течение восьми месяцев в году.

После продолжительной и изнурительной Африканской войны, во время которой у Цезаря участились эпилептиче-

ские припадки, случавшиеся у него ранее, он вернулся в Рим, взяв с собой четырехлетнего сына Юбы, также Юбу. В предстоящем триумфе Цезаря ему отводилась роль пленника. В битве при Тапсе победителю достались громадные трофеи, в том числе тридцать слонов и двадцать два верблюда — рекордное число таких животных, когда-либо захваченных к западу от Сивы.

Цезарю, вернувшемуся в Рим с экзотическими трофеями, встревоженный и льстивый сенат оказал беспрецедентные почести. Его, уже являвшегося великим понтификом, то есть главным жрецом, сенаторы провозгласили диктатором на десятилетний срок.

В течение сорокадневного праздника благодарения ему устроили четыре триумфа в ознаменование его побед в Галлии, Египте, Понте и Африке, при этом сенат дипломатично не придавал значение тому факту, что многие из этих побед он одержал, сражаясь против соотечественников. Вопреки официальным призывам воздерживаться от открытой демонстрации богатства и проявления иноземного влияния, по пышности триумфы Цезаря не уступали легендарному расточительству Птолемеев. Для изготовления оформительских элементов, отражающих тот или иной регион, использовался соответствующий материал: цитрусовая древесина — для Галлии, акант — для Египта, черепаха — для Понта и слоновая кость — для Африки. 2822 золотые короны, присланные со всех концов империи, составили 20414 фунтов чистого золота в слитках, то есть более девяти тонн. Этого количества было достаточно, чтобы каждому легионеру выдать двадцать четыре тысячи сестерциев*, примерно шесть тысяч динариев за раз, в то время как в среднем пешему воину платили один динарий в день. Но даже в этом случае один боец сетовал, что мог бы получить еще больше, если бы не излишества на устройство триумфа. К сожалению, эти сетования дошли до ушей Цезаря, и недовольного солдата при-

* *Светоний*. Указ. соч., с. 20.

несли в качестве одной из человеческих жертв римскому богу войны Марсу. Отрубленные головы висели перед официальной резиденцией Цезаря как великого понтифика.

Во время первого триумфа в честь галльской победы, по общему мнению, самого грандиозного, перед толпой, стоявшей вдоль улиц, проносили курящийся фимиам. Перед собравшимся людом проплывали живописные полотна с изображением основных эпизодов войны. Большинство римских женщин ничего не смыслили в политике и не совсем понимали, что изображено на бесконечной череде картин и каков смысл макетов. Тогда мужчины в толпе объясняли, что значит каждая из фигур, даже если требовалось большого умения растолковать, что золотая статуя, обвязанная цепями, символизировала покорение Цезарем Британии по другую сторону пролива.

Тем не менее каждый узнал победителя в роскошной золотой колеснице, облаченного в пурпурную тогу и в красных кожаных парадных сапогах. Позади него стоял раб и держал над его головой золотой венец Юпитера. И хотя тот же раб время от времени шептал на ухо Цезарю традиционные слова «помни о смерти», чтобы он не особенно превозносился, триумфатор, по-видимому, засомневался в том, что он смертен, когда слышал восторженные возгласы и восклицания толпы, словно она лицезрела самого Бога.

Воины маршировали под звуки гобоев и цитр и, внося свой вклад в музыкальное сопровождение, среди других насмешливых песен распевали и такую:

Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря:

Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию...*

Это был явный намек на инцидент гомосексуального свойства, будто бы произошедший в начале карьеры их

* Светоний. Указ. соч., с. 25.

полководца. Цезарю едва ли понравилась такая самостоятельность, и его настроение не поднялось, когда вдруг сломалась ось его колесницы, что было плохим предзнаменованием. Но ему, так или иначе, пришлось на коленях подниматься по ступеням храма Юпитера на вершине Капитолийского холма в соответствии с древним обычаем совершения молебствия. В тот вечер «на Капитолийский холм он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева»*, и потом в торжественной процессии они сопровождали его до дома. Празднование галльского триумфа завершилось традиционной казнью неприятельского предводителя, в данном случае храброго Верцингеторига, шесть лет до этого содержавшегося в плену.

Победе над Египтом, или, точнее, над Птолемеем XIII, его сторонниками и александрийцами, посвящался второй триумф Цезаря. На платформах везли огромные модели пирамид, знаменитого Фаросского маяка даже с горевшим сигнальным огнем и статую Нила в виде лежащего бога. Толпа громкими возгласами приветствовала полотно с изображением расправы над убийцами Помпея — Потинном и Ахиллой, но ее огорчило появление Арсиной в золотых цепях под конец триумфального шествия. Видевшие своими глазами, какая участь постигла Верцингеторига, римляне проявили такое сочувствие к царевне, что Цезарь, желая снова расположить их к себе, проявил свое знаменитое милосердие и позволил ей удалиться в Эфес, где она нашла приют в святилище Артемиды. Место ссылки для Арсиной определили не без участия ее единокровной сестры Клеопатры, которая сама там раньше находилась в изгнании десять лет.

Третий триумф проводился с элементами юмора. В разыгрываемых сценах сын Митридата Фарнак убегал от Цезаря, а на огромном плакате было написано «Veni, vidi, vici» — «Пришел, увидел, победил», то есть текст сообщения, от-

* Светоний. Там же, с. 20.

правленного Цезарем в сенат и краткостью изложения подчеркивающего быстроту, с которой он одержал победу. В четвертом триумфе — «африканском», отражавшем его последнюю победу при Тапсе над сторонниками Помпея, побежденного и теперь покойного царя Юбу I представлял его четырехлетний сын Юба, а на натуралистических полотнах были изображены римские союзники Помпея, совершающие самоубийство: Катон вспарывал себе живот, тесть Помпея бросался в море, а Петрея пронзали мечом. Хотя имена персонажей не назывались, картины служили неприятным и наглядным напоминанием некоторым в сенате, что основными противниками Цезаря являлись сограждане-римляне. И все же, несмотря на чувства, вызванные у народных масс бесконечными перипетиями борьбы за власть между представителями элитного меньшинства, четыре отпразднованных Цезарем триумфа имели громадный успех, и щедрыми пирами и устроенными с большим размахом развлечениями диктатор склонил народ на свою сторону.

После того как сторонникам Цезаря раздали военные награды, в том числе тщедушному, но необычайно способному шестнадцатилетнему внуку его сестры Юлии, Гаю Октавию (Октавиану), сыновья вассальных царей из Малой Азии и Вифинии устроили пляски с мечами. Среди драматических постановок была показана пьеса ведущего драматурга Децима Лаберия, содержащая политические выпады против Цезаря, например, такие: «смотри, как легко старик может поскользнуться» или «тот, кого многие боятся, сам должен бояться многих». Цезарь сделал вид, что к нему это не имеет никакого отношения, и за постановку пожаловал автору пять тысяч золотых монет.

На беговых дорожках цирка, специально расширенного по такому случаю, после скачек устроили гонки на колесницах — самые популярные спортивные состязания в Древнем мире. Их очень любила предшественница Клеопатры, Береника II, чьи лошади выиграли гонку на Немейских играх в

Греции. Этот спорт также любили римляне, и некоторые прославленные гонщики вызывали такие сильные эмоции, что когда кремировали одного из них, какой-то страстный почитатель бросился на его погребальный костер.

В течение трех дней на Марсовом поле проводились атлетические соревнования, а после них — гладиаторские бои. До постройки в 29 году до н.э. первой в Риме арены они происходили здесь или на самом форуме. Служившие сначала для демонстрации аристократической доблести, они постепенно превратились в кровопролитные схватки, спонсируемые общественными деятелями для получения поддержки со стороны широких масс. После таких зрелищ простой люд шел в забегаловки прохладиться или покупал у торговцев сувенирами выгравированные кубки или терракотовые статуэтки любимых бойцов. Некоторые женщины так увлекались своими кумирами, что наносили им «поздравительные визиты» после успешного выступления. Гладиаторы славились своими сексуальными способностями, и даже жены сенаторов шли на все, желая переспать с таким мужчиной. И пусть весь в шрамах и часто изуродованный, «все же гладиатором он был»*. Даже если их любимца убивали и его тело оттаскивали с арены рабы, изображавшие римского бога Меркурия или египетского Анубиса, его кровь пользовалась большим спросом как заживляющее средство и афродизиак. Даже копы, от которого он принял смерть, использовалось в ритуалах рождения и свадебных обрядах.

Под влиянием различных культур, воспринимаемых разрастающейся Римской империей, варьировались гладиаторские стили от тяжеловооруженных мирмиллонов, обычно выступавших против ретиариев, вооруженных сетью и трезубцем, до эсседариев, сражавшихся на колеснице. Последние появились в римской армии, как считали, по инициативе самого Цезаря, который видел таких воинов в Британии. Были даже гладиаторы-женщины, одевавшиеся как амазон-

* Ювенал. Указ. соч., с. 58.

ки. Некоторые из них поклонялись Исиде и Анубису. Хотя их критиковали те, кто задавался вопросом, «разве может быть стыд у такой женщины в шлеме, любящей силу, предревшей свой пол»*, у них нашлось много почитателей.

Конечно, триста двадцать пар одетых в серебряные доспехи гладиаторов Цезаря произвели сильное впечатление, как и пара римских аристократов, схватившихся не на жизнь, а на смерть на форуме. Еще в этих спектаклях принимали участие сражавшиеся с дикими зверями бестиарии, североафриканские телегении, которые серповидными стрекалами раздраживали диких зверей. Для таких зрелищ незадолго до этого проконсул провинции Африка прислал четыреста львов и жирафов.

Все эти мероприятия Цезарь проводил в память о своей покойной дочери Юлии как погребальные игры. Кульминацией представлений стало сражение между двумя армиями, в котором с каждой стороны участвовало до пятисот пехотинцев, тридцать всадников и двадцать слонов. Центральную часть дорожек для гонок на колесницах в цирке освободили, чтобы армии могли сойтись и сразиться. Под конец на искусственном озере, вырытом специально по такому случаю, состоялось морское сражение между многovesельными египетскими и тирскими кораблями.

Под впечатлением увиденного в Египте, где уже давно устраивались пышные празднества, когда власть хотела расположить к себе простой люд, Цезарь украсил весь центр Рима полотнищами галльского полотна, шелка с острова Кос и, по-видимому, хлопковой ткани, впервые привезенной из Индии Александром. Из всей этой дорогой материи сделали навесы, протянувшиеся от особняка Цезаря над Священной дорогой и всем форумом до Капитолия, «и ничто не могло сравниться с такой замечательной декорацией, даже устроенные им гладиаторские игры»**. Под навесами для

* Ювенал. Указ. соч., с. 62.

** Плиний. Естествознание XIX. 22.

всенародного пиршества выставили не менее двадцати двух тысяч столов с угощениями из мяса и дорогого морского угря, поставленного из рыбных хозяйств богатого двоюродного брата Цезаря, и громадным количеством прекрасного фалернского вина.

Неудивительно, что народ валом повалил в Рим, дабы не пропустить такое событие. Много приезжих «ночевало в палатках по улицам и переулкам»*. При таком столпотворении неизбежно были пострадавшие. В возникшей давке насмерть затоптали двух сенаторов.

Рим никогда еще не видел ничего подобного, и после блестяще проведенной Цезарем пиаровской кампании, в одночасье сделавшей его знаменитостью, которую поддерживала толпа, сенат оказался совершенно бессильным против диктатора, не имевшего себе равных. Хотя Цицерон произнес несколько хвалебных, но не искренних речей о великих свершениях вернувшегося на родину героя, в то же время намекая, что тот должен как можно скорее восстановить республику, у Цезаря были другие планы. И чтобы их полностью осуществить, он рассчитывал на помощь своей союзницы Клеопатры Египетской. С этой целью Цезарь вызвал ее в Рим, где она пробудет почти два года.

* *Светоний. Указ. соч., с. 21.*

ЧАСТЬ IV

7

ДВОРЕЦ ЦЕЗАРЯ: КЛЕОПАТРА В ЕВРОПЕ

Весной 46 года до н.э., перед государственным визитом в Рим, Клеопатра занималась формированием правительства. В зарубежной поездке ее будет сопровождать брат и соправитель Птолемей XIV. Тем самым она сохранит видимость традиционного двойного правления и предотвратит попытку захвата власти в свое отсутствие. Повседневное руководство будут осуществлять ее наиболее доверенные должностные лица: текущими государственными делами займется Феон; ведать казначейством она, возможно, поручит Селевку; Каллимах, губернатор Фивады, сохранит за собой управление югом страны; а двоюродный брат Пшеренптах III будет контролировать ситуацию из Мемфиса.

Преемственность в жреческой династии последнего скоро будет гарантирована рождением долгожданного сына после молитв Имхотепу. Мать новорожденного Таимхотеп сообщала в письме, что сын «родился на шестой год вступления на престол ее величества царицы Клеопатры, Владычицы Двух Земель, 15-го дня Эпифи [15 июля 46 года до н.э.]

в 8-м часу утра. Лицом ребенок похож на сына Птаха, назвали его Петубастисом. Жители Мемфиса ликовали».

Когда все совершали благодарственные молебствия Великой Исиде, ее живое воплощение уже покинуло Египет в начале лета, увозя с собой в Европу своего годовалого сына Цезариона в сопровождении огромной свиты и тринадцатилетнего брата. Возможно, Птолемей XIV впервые совершал плавание по Средиземному морю, которое египтяне называли «Большим зеленым», «Греческим», а римляне «*Mare Nostrum*» — «Нашим морем».

Большой роскошный корабль Клеопатры, напоминавший легендарные морские суда ее птолемеевских предков, по размерам превосходил ее речное судно и не уступал океанскому лайнеру, построенному Птолемеем IV. Если средняя афинская триера с тремя скамьями весел и парусами имела в длину примерно сто двадцать футов, то этот царский корабль был длиной четыреста двадцать футов, имел сорок скамей весел, и на него пошло такое количество привезенной из зарубежья древесины, какое требовалось для строительства пятидесяти триер. «Корабль имел необычайно красивые пропорции. Удивительно красиво было и его снаряжение: на корме и на носу были фигуры не менее двенадцати локтей вышиной, и повсюду он был расцвечен восковыми красками, а часть борта с отверстиями для весел до самого киля была разукрашена резьбой — листвой плюща и тирсами»*.

На воду «толпа сталкивала его с криками и трубными звуками»**, и, несомненно, такие же пышные проводы устроили Клеопатре и ее свите, когда она отправлялась в морское путешествие. Подобные плавания совершали некоторые из ее предков, в том числе враждовавшие между собой братья Птолемей VI и Птолемей VII, протеже Суллы царевич Птолемей XI и ее отец Авлет. Сама Клеопатра также плавала с ним двенадцатью годами раньше.

* *Афиней*. Указ. соч., с. 262–263.

** Там же.

Для того чтобы пересечь Средиземное море из Александрии до главного римского морского порта Путеолы, нужно было менее двух недель, а александрийский почтовик покрывал это расстояние за одну неделю. Громадный корабль Клеопатры, вероятно, передвигался более величественно, достигнув сначала юго-западного побережья Италии и плодородного района Кампании. Расположенный на торговом пути, по которому шли суда из Александрии, он заселялся с VIII века до н.э. сначала греческими купцами. Здесь преобладала смешанная греко-итальянская культура с признаками египетского влияния. Жители поклонялись Исиде в храмах со священными водоемами, заменявшими собой Нил, и в марте отмечали праздник «*Navigium Isidis*» — «Плавание Исиды», во время которого зажигались масляные светильники, по виду напоминавшие барку Исиды. А сейчас настоящий корабль заходил в Неаполитанский залив, миновав Везувий с виноградниками на его склонах. Бывшие поселения греческих купцов, такие как Помпеи, перешедшие к Риму, превратились в фешенебельные курорты на побережье, получившем название «Колония Венеры». Здесь расположились загородные виллы богачей и знаменитостей, таких как Сулла, Цицерон и Цезарь. После того как позади остался Неаполь, еще одна бывшая греческая колония, где почиталась Исида, Клеопатра наконец прибыла в Путеолы, главный морской порт Рима до I века н.э. Здесь она сошла на берег. Ее встречала официальная делегация, высланная Цезарем, если не сам Цезарь.

По-видимому, посетив в Путеолах старинный храм Исиды, чтобы отблагодарить богиню за благополучное плавание, Клеопатра продолжила путь в Рим по знаменитой Аппиевой дороге в повозке. Отсутствие рессор, вероятно, компенсировалось большим количеством подушек, а за тонкими плотняными занавесками она скрывалась от полчищ кровожадных комаров с Понтинских болот. По пути Клеопатра, возможно, посетила храм Исиды-Фортуны на горе Монте

Гинесто недалеко от Палестрины, места паломничества женщин, желающих иметь детей или недавно родивших. Из искусственного грота храма струилась живительная родниковая вода точно так же, как во время разлива нильская вода омывала отполированные серебряные пешеходные дорожки в египетских храмах. По случаю рождения Цезариона Клеопатра могла заказать большую мозаичную картину ее царства на погруженный под воду пол храма, который она, возможно, посетила в юности. Сохранившиеся части мозаики и рисунки поврежденных в XVII веке фрагментов позволяют судить, что на ней изображен Нил на всей его протяженности со многими храмами по берегам. Недавно высказывалось предположение, что мозаика создавалась в память о путешествии Клеопатры по Нилу с Цезарем, и, более того, когда-то на ней находилось изображение самой Клеопатры в той части картины, где трубачи возвещают о прибытии птолемеевской царственной особы, сходящей с корабля под красным зонтом от солнца с длинной золотой бахромой. И поскольку римские военные в ожидании этого события стоят под навесом храма и пьют вино, как на каком-то празднике, вполне возможно, что палестринская мозаика некогда являлась чем-то вроде свадебной фотографии Клеопатры и Цезаря.

Клеопатра со своей свитой наконец достигла стен Рима, где находился некий прототип перехватывающей стоянки. Тогда «по распоряжению Цезаря запрещалось въезжать на территорию города любому транспорту — повозкам и каким-либо колесницам — с рассвета до заката»*. Чтобы не нарушать установленный порядок, Клеопатра, должно быть, прибыла на закате дня или, что более вероятно, проследовала далее в паланкине, средстве передвижения, которым пользовались римская элита и фараоны в Египте, чтобы

* См.: *von Hagen V. The Roads that Led to Rome.* — London: Weidenfeld & Nicolson, 1967, p. 274.

других посмотреть и себя показать под тенью царского балдахина.

Цезарь принял Клеопатру и ее соправителя Птолемея XIV как приглашенных глав государства и удостоил их официального титула «*reges socii et amici populi Romani*» — «друзья и союзники римского народа», титула, за который так упорно боролся Авлет тринадцатью годами ранее и за который ему пришлось так дорого заплатить. Цезарь встретил его дочь «с великими почестями и богатыми дарами»*. Он вполне мог подарить ей крупный жемчуг — как известно, Цезарь презентовал его своим прежним любовницам. Так, для Сервиллии он купил жемчужину, «стоившую шесть миллионов»**. Насколько же больше Цезарь должен был подарить Клеопатре, матери его единственного ребенка, которого он сейчас мог впервые увидеть?

Возможно, Цезарь подарил речной жемчуг, что привез из Британии, или крупный жемчуг, некогда составлявший часть царской казны Птолемеев, отправленной на хранение на остров Кос и захваченной Митридатом Понтийским, а потом Помпеем, чей триумф 61 года до н.э. запомнился огромным количеством жемчуга, представленного на всеобщее обозрение. Можно отдать должное Цезарю, если он решил исправить прошлую несправедливость, вернув законному владельцу захваченную Помпеем собственность.

После оказания таких почестей Цезарь разместил Клеопатру и ее свиту на своей громадной вилле на Яникульском холме в фешенебельном районе Трастевере на западном берегу Тибра, откуда открывался изумительный вид на город. Расположенная в глубине парка, спускающегося к реке, вилла сразу же открывалась взору тех, кто прибывал в Рим со стороны моря. На ее ландшафтный дизайн, безусловно, оказала влияние греческая культура, ибо многие римляне

* *Светоний*. Указ. соч., с. 26.

** Там же.

считали, «что нет у тебя и усадьбы, если на нее не насело множества греческих слов, которыми по отдельности называют разные места»*. И их особенно восхищали роши и дорожки храма Нимф в Македонии, где учился Александр. Александрийцы научились разбивать сады не только вокруг естественных водных источников, но и там, где хотели. Примером могут служить и аквапарки нильского типа, высмеянные Цицероном, и бронзовые и мраморные скульптуры, такие как «Мальчик на дельфине», извергающие воду в пруды с рыбами и водяными лилиями, где иногда во время пикников охлаждали напитки и подносы для еды.

Возлежа в тени беседок и навесов, Клеопатра, несомненно, наслаждалась просторами садов, предоставленных в ее распоряжение, где в многоцветном изобилии росли лилии, нарциссы и олеандры, на клумбах благоухали белые, розовые и красные розы и источали сильный аромат пурпурные, желтые и белые фиалки. Они были высажены между декоративными, аккуратно стриженными кустами вечнозеленого лавра, мирта и самшита. Там также росли и большие фиговые пальмы, шелковица и, конечно, вишневые деревья, привезенные из Понта в 74 году до н.э. вместе с другими экзотическими трофеями. Модные античные статуи стояли в самых подходящих местах в садах богачей. Так, статуя Артемиды, великой охотницы, размещалась на лесистых участках, где, как в птичьих заповедниках преемников Александра, важно расхаживали пронзительно кричащие павлины, завезенные из Индии, и обитали более прозаические создания, выведенные в искусственных водоемах, кроличьих садках и голубятнях. Другим любимым садовым украшением была статуя брата Артемиды, Аполлона, обычно устанавливавшаяся на самых солнечных местах, чтобы подчеркнуть его сходство с греческим богом Солнца Гелиосом.

* Текст приводится по изданию: *Катон, Варрон, Колумбелла, Плиний*. О сельском хозяйстве. — Рязань: «Александрия», 2009, с. 145.

Говорили, что родственница Цезаря, Юлия, мать Марка Антония, молилась перед кумирней Аполлона в своем саду.

Кроме как в декоративных целях садовая скульптура ставилась рядом с деревьями, считавшимися священными, так же как у египтян сикоморы и тамариски были посвящены Хатхор. И видимо, не случайно самым важным божеством в любом римском саду была отождествлявшаяся с Хатхор римская богиня Венера, чью статую обычно ставили рядом с водой, что символизировало ее рождение из моря. Нити, связующие ее с морем, перешли к Исиде, кому также отводилось важное место в римских садовых святилищах, где совершались обряды посвящения. Способность богини воскрешать мертвых, как она воскресила Осириса, чтобы зачать сына, нашла отражение в фаллических образах, повсеместно встречавшихся в жизни римлян. Фаллические талисманы, характерные для культуры, где доминировало мужское начало, защищали от злых духов, а фигурки похожего на гнома Приапа с гипертрофированной мужской принадлежностью приносили в дом всевозможное плодородие.

Богатый тесть Цезаря, Луций Кальпурний Пизон, обвинялся в том, что выкрал в Греции античные статуи, которыми украсил свои сады в Италии, и обширный парк Цезаря, несомненно, украшали такие фигуры. У него появился вкус к роскоши в начале карьеры, когда он настолько разочаровался в загородном доме, построенном в Нерви, что снес его. Так что теперь вилла на Яникульском холме должна была отвечать его запросам и была достаточно большой, чтобы в ней разместились царица с многочисленной свитой.

К визиту Клеопатры интерьер виллы расписали городскими пейзажами с фантастической архитектурой и мифическими животными, якобы украшавшими ее дворец. Изображения египетских солнечных дисков, корон и змей постепенно появились в соседних виллах, чему способствовало присутствие восточного монарха в среде их владельцев. Не стоит забывать и о мозаичных полах, поскольку они так

нравились Цезарю, что «в походах он возил с собою штучные и мозаичные полы»*. Несомненно, мраморные полы в его вилле напоминали те, что были в домах его соратников, возможно, застеленные такими же узорчатыми персидскими коврами, что украшали дворец в Александрии, или даже более экзотическими «*tossae Britannicae*», ковриками, какие клали на пол в домах римлян в различных уголках Европы и которые Цезарь перенял, когда совершал походы далеко на север.

С наступлением зимы, когда температура могла опуститься так низко, что замерзал Тибр, нельзя было недооценить достоинства приподнятых полов, обогревавшихся горячим воздухом от печи по расположенным под ними воздуховодам. По-гречески такая система отопления называлась *гипокауст*. Помещение освещалось сальными свечами или масляными светильниками из бронзы или золота с выгравированными на них листьями лотоса, головами дельфинов и морскими раковинами. Они укреплялись в замысловатых канделябрах или настенных держателях. Лучшее всего для нового дома Клеопатры подходили бы светильники в виде ростры — они создавали бы впечатление ночного праздника Исиды, когда богиня выходила из воды при свете горящих огней.

Хотя римская вилла не была заставлена мебелью, ложа, вошедшие в употребление из Греции во II веке до н.э., стояли повсюду, обитые тканью различных расцветок — алой, зеленой, желтой и переливающейся пурпуром, привезенной из Тира на Финикийском побережье. Ложа по внешнему виду очень напоминали римские кровати I века до н.э. с изогнутыми ножками, инкрустированные на египетский манер черным деревом, слоновой костью и золотом. Цезарь якобы спал со своим прежним любовником, царем Вифинии, на золотой кровати. Египетское влияние тем и ограничилось,

* Светоний. Указ. соч., с. 24.

поскольку римляне предпочитали подушки традиционным деревянным подголовникам египтян, которыми все еще пользовались жрецы Исида.

«Резные камни, чеканные сосуды, статуи, картины древней работы [Цезарь] всегда собирал с увлечением»*. Он выставлял предметы искусства в специально сделанных шкафах, а изображения богов и членов семьи, которые в его случае могли являться одними и теми же, украшали традиционное домашнее святилище с небольшим бронзовым алтарем для воскурения благовоний. Как свидетельствовал Цицерон, городская вилла, принадлежавшая одному из приближенных Суллы, была забита золотыми и серебряными сосудами, чеканным серебром, покрывалами, картинами и мраморными скульптурами. Сам Сулла жил в особняке на Палатинском холме недалеко от огромного дома бывшего заместителя Цезаря, Антония, а Цезарь, «когда стал великим понтификом, поселился в государственном здании на Священной дороге»**, где также жила его жена-римлянка Кальпурния.

В отличие от большинства римлян, остававшихся в трущобах и в высоких многоквартирных домах в перенаселенном центре города, богатые, спасаясь от летнего зноя, переезжали в загородные дома. Много таких домов появлялось на побережье Кампании к югу от Рима. В этом месте какое-то время могла провести Клеопатра, потому что Цезарь и многие его сподвижники там имели дома. Цицерон особенно любил свой дом в Помпеях, а один из центурионов Цезаря владел прекрасной виллой, называвшейся «Домом Фавна», который был «более внушительный, чем любой известный дворец или вилла эллинистических царей того времени»***. Он еще по праву знаменит тем, что в нем находился

* Светоний. Указ. соч., с. 24.

** Там же.

*** См.: *Trevolyan R. The Shadow of Vesuvius: Pompeii AD. 79.* — London: Michael Joseph, 1976, p. 19.

великолепный мозаичный пол, выложенный примерно в 100 году до н.э., с изображением Александра в битве при Иссе. Большеглазый полководец так похож на ранних Птолемеев, что невольно задаешься вопросом, не копия ли это с александрийского оригинала. Клеопатра могла бы также узнать нильские пейзажи и образы Исиды и Гора, часто встречавшиеся в росписях вилл и храмов, в том числе на темно-красных стенах храма Исиды в Геркулануме. Прекрасные изображения ее жрецов и жриц, танцующих фигур в масках, вертикально стоящая мумия Осириса в открытом гробу и такие же красные стены виллы в Помпеях, известной как «Вилла тайн», — все это передает атмосферу праздника, сопровождавшего религиозное посвящение перед Дионисом и гигантским фаллосом под покрывалом.

Один из самых роскошных домов в этом районе принадлежал тестю Цезаря. Мраморный фасад шириной восемьсот футов с высокой башней, с которой открывался великолепный вид на море, имел портик с колоннами. В нем помещались коллекция античных скульптурных портретов из бронзы, в том числе бюст одного из родственников Клеопатры, и превосходная библиотека, насчитывающая почти две тысячи произведений. На мысе в Лавренте находилась еще одна, более поздней постройки вилла с широкими окнами. До них при волнении долетали брызги. Складывающиеся двери между окон можно было открыть при хорошей погоде, чтобы насладиться непосредственной близостью моря.

Хотя в каждом богатом римском доме имелся комплекс сооружений и устройств для купания, сначала появившихся на Востоке, египетская элита уже многие тысячелетия принимала ванну в облицованных известняком ваннх комнатах со стоком для воды. Водопровод, существовавший во дворцах Греции еще в бронзовом веке и как неотъемлемая система во дворцах Македонии и Александрии, к 312 году до н.э. появился в Риме, когда впервые свежая вода стала подаваться в город по глиняным и свинцовым трубам. Ес-

тественно, в большом количестве вода требовалась для общественных бань в Риме, становившихся очень популярными в I веке до н.э. в условиях тесного проживания растущего населения.

Вода, как известно, обладает терапевтическими свойствами, и одним из видов гидротерапии было лечение холодной водой, методику которого разработал греческий раб Антония, Антоний Муза. Его метод оказался таким результативным, что статую Музы поставили рядом с Асклепием и богинями, дарующими здоровье, Гигиеей и Фортунной. И поскольку на Западе Исида-Фортуна считалась также богиней-покровительницей ванн, а Афродита на Востоке ассоциировалась с купанием, неудивительно, что Клеопатра как земное воплощение Исиды-Афродиты стала тесно связана с этим процессом и была увековечена в понятии «купание Клеопатры», часто встречавшемся в Древнем мире.

Клеопатра, конечно, чувствовала бы себя вполне комфортно в роскошной обстановке большинства банных заведений. В то время называли «тараканьей дырою ту баню, которая устроена не так, чтобы солнце целый день проникало в широченные окна, не так, чтобы в ней можно было мыться и загорать сразу, чтобы из ванны открывался вид на поля и море»*.

Застекленные окна в ваннах на вилле в Лавренте выходили на море. Для застекления использовался полупрозрачный селенитовый камень, называвшийся «*petra specularis*». Достоверность описаний в римских источниках стеклянных потолков, больших зеркал, мозаичных полов, мраморной облицовки, многочисленных статуй, серебряных кранов и «ступеней, по которым с шумом сбегает вода»** подтверждается находками в Египте серебряных ванн с кранами в

* Текст приводится по изданию: *Луций Анней Сенека*. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С. Ошерова. — М.: Эксмо, 2009, с. 297.

** *Сенека*. Указ. соч., с. 297.

виде львиной головы и интерьером дворца I века до н.э. в Кесарии (Палестина). Во дворце в облицованных мрамором ваннах с системой *гипокауст* имелись горячие комнаты *кальдарии*, где кожа очищалась, и холодные комнаты *фригидарии* с бассейном, в который ныряли, чтобы освежиться, и тогда поры закрывались.

Ежедневно, как по расписанию, по-видимому, в обычных сандалиях на деревянной подошве, чтобы ноги не скользили по мокрому мраморному полу, Клеопатра направлялась купаться в сопровождении небольшой армии прислужниц, которые несли махровые полотенца, морские губки и пемзовые терки с бронзовыми ручками. И хотя у римлян не было мыла, египтяне с давних времен в качестве моющего средства использовали твердую каустическую соду, а александрийцы еще и корень мыльнянки.

Что касается очистительных кремов, то крем *бреху* делали из растертых, вымоченных в воде семян люпина, а римский аналог этого средства *ломентум* изготавливался из размолотых бобов. В одной из своих эпиграмм римский поэт Марциал писал: «Ты натирай-ка живот свой морщинистый этой мазью, если средь белого дня в бани Стефана пойдешь»*. Та же самая бобовая мука и растертые семена люпина входили в состав другого средства, которое рекомендовал модницам поэт Овидий: «Гнезда плаксивых птиц раздобудь (потому «зимородным» снадобье зовут). Пятна стоняет оно»**, что является иносказательным описанием помета пегого зимородка. Содержащийся в нем фермент — аминокислота, способствующая заживлению кожи, — рекомендовался римским пособием I века до н.э. «*Medicamina Faciei Femineae*» («Притиранья для лица») и в настоящее время используется в модных салонах красоты лондонско-

* *Марциал*. Эпиграммы. — М.: АСТ Фолио, 2000, с. 378.

** Текст приводится по изданию: *Овидий*. Собрание сочинений в двух томах. Т. I. Притиранья для лица / Пер. С. Ошерова. — СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994, с. 230.

го Найтбриджа для наложения масок при ожогах солнечными лучами.

Помимо того что Клеопатра пользовалась притираниями на минеральной основе, такими как *creta fullonica*, в состав которого входила глина, *нитрум*, который делали из пепла, и смеси мела с уксусом, она, как любят говорить, принимала ванны из молока ослиц. Ее примеру, чтобы разгладить морщинки и смягчить кожу, следовали многие состоятельные римлянки. По этому поводу римский поэт-сатирик Ювенал писал: «Вот умывается в ванне молочной, ради которой она погнала бы ослиное стадо»*. Жировая эмульсия молочного белка улучшала структуру сухой кожи, а молочная кислота разглаживала морщины или даже обесцвечивала пигментацию точно так же, как бычья желчь использовалась для удаления пигментных пятен.

Римляне высшего класса чистили зубы содой и бикарбонатом, а также жевали смолистое вещество фисташкового дерева и ароматизированные пастилки, чтобы освежить дыхание. Они также пользовались зубочистками и делали маникюр пемзой и бронзовыми инструментами. В «карманный набор», похожий на швейцарский армейский нож, входило приспособление вроде бронзовой ложечки для чистки ушей, а для состоятельных людей — золотой или серебряный пинцет. Говорили, что Цезарь пользовался щипчиками для удаления волос *alipilus*, и при нем всегда находился цирюльник, который «не только стриг и брил, но и выщипывал волосы»**, и пользовался он острой металлической бритвой.

В отличие от древнеегипетской практики полного удаления волос с тела обоими полами классический мир считал мужскую депиляцию проявлением изнеженности. Только женщины должны были избавляться от волос и следить за

* Ювенал. Указ. соч., с. 69.

** Светоний. Указ. соч., с. 24.

тем, чтобы «грубый не рос волос на крепких ногах»*. Волосы смягчали сильно нагретой скорлупой грецкого ореха или их удаляли смесью древесной смолы, камеди или воска с различными каустическими веществами.

Помимо средств для удаления нежелательных волос на теле, египетские царицы часто пользовались различными препаратами, вызывающими интенсивный рост волос, от маслянистого состава, которым пользовались еще в Век пирамид, до нескольких видов восстановителей волос, созданных самой Клеопатрой. Древнеримский врач Гален, живший во II веке н.э., в своих трудах приводит несколько рецептов «медицинских средств, записанных с ее слов». Вот один из них: «При выпадении волос приготовьте пасту из реальгара [моносulfида мышьяка] и смешайте ее с дубовым соком, полученную массу нанесите на кусок ткани и приложите к тщательно вымытому натром [гидроксидом натрия] участку кожи». К этому рецепту Гален сделал такую приписку: «Я сам смешивал натр с мылом по этому рецепту, результат получился отличный»**.

Хотя в такой помощи скорее нуждался Цезарь, чем Клеопатра, он предпочитал скрывать увеличивающуюся лысину венцом. В ходу были также парики и шиньоны, чтобы скрыть облысение или придать более пышный вид тому, что осталось. Осваивая трехтысячелетний пастижёрный опыт египтян, римляне вместе с тем импортировали черные волосы из Индии и светлые и рыжие — из Северной Европы. Ими они либо подновляли имевшиеся парики, либо создавали совершенно новые. Так, для одной римлянки — приверженки Исиды был сделан парик в виде прически с пучком «а-ля Клеопатра». Однако в отличие от египтян, носивших нарочитые и часто очень стилизованные парики, в римском

* Овидий. Указ. соч., с. 136.

** См.: Galen. De compositione medicamentorum secundum locos XII. 403—404 in Rowlandson J. (ed.) Women and Society in Greek and Roman Egypt: a sourcebook — Cambridge: Cambridge University Press, 1998, p. 41.

мире к ним относились с чувством юмора или небрежением. Когда к одной девушке неожиданно пришел ее обожатель, «вышла красотка, парик задом надев наперед»*.

Хотя римское общество оказывало давление на женщин, требуя, чтобы они были красивыми, предполагалось, что они будут делать так, будто их красота совершенно естественная. Не случайно Овидий писал:

Но красота милей без прикрас — поэтому лучше,
Чтобы не видели вас за туалетным столом. <...>
Ты выходи напоказ лишь во всем совершенстве:
Скрой свой утренний труд, спящей для нас притворись.
Надо ли мне понимать, отчего так лицо твое бело?
Нет, запи свою дверь, труд незаконченный спрячь.
Что не готово, того не показывай взгляду мужскому —
Многих на свете вещей лучше им вовсе не знать**.

Поэтому обычно за закрытыми дверями ванной комнаты мылись, делали депиляцию, натирались маслами, после чего это масло вместе с потом соскребали металлическим инструментом под названием *стригил*. В Египте еще несколько тысячелетий назад существовали массажисты. Терапевтический эффект от массажа усиливался веществами, обладавшими специфическими медицинскими свойствами, и считалось, что они защищают от невидимых сил. Богов и царей обычно умащали такими дорогими маслами, и на картинах даже изображали, как придворные растирают царские ноги на различных государственных церемониях. Известен по крайней мере один случай, когда Клеопатре вот так растирали ноги***, вероятно, дорогостоящей мендезианской мазью, которую делали из мирры, корицы и смолы и втирали в ступни.

* Овидий. Наука любви, с. 139.

** Там же, с. 137—138.

*** Антоний «растирал ей ноги». (См.: *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 429.)

Точно так же, не обращая внимания на цену, использовали различные составы для ее рук. Как-то раз она отдала 400 динариев за один фунт увлажнителя на медово-масляной основе с добавлением *куфи*, сладкой и острой смеси корицы, меда, вина и смолы, которая действовала на организм как снотворное. Этот состав источал специфический аромат, «располагающий ко сну, и все печали напряжения дневных забот без помощи вина аромат распускает как узлы и ослабляет»*. Считалось, что это лучшее средство расслабиться после напряженного дня.

Хотя некоторые предшественницы Клеопатры способствовали распространению египетских духов, прежде предки Цезаря запрещали «заморские духи» за то, что они оказывали тлетворное влияние, а вот теперь они стали криком моды. Их названия, такие как «Эликсир Афродиты» или «Расцвет молодости», ничего не говорят о компонентах, но дают представление о маркетинговых технологиях, которые даже тогда апеллировали к извечному стремлению к красоте. Во время пребывания в Риме Клеопатра, наверное, пользовалась родинонскими духами из роз, любимого цветка ее киренской предшественницы Береники II и священного цветка Венеры и Исида. С розовых плантаций, находившихся севернее Неаполя, цветы поставлялись парфюмерам, а о том, что оливы и цветы выращивались вокруг «Виллы парфюмера» в Помпеях, свидетельствуют местные настенные росписи на сюжеты производства духов, а на одной из картин изображен даже дегустатор, нюхающий конечный продукт на запястье.

Чтобы поддерживать на высоком уровне общественный имидж, Клеопатре, наверное, требовался целый арсенал косметики, поэтому ее личные покои были забиты разного рода сундуками и ящиками с отделениями для хранения бутылочек, горшочков, пузырьков и тарелочек для смешивания. Сосуды для косметики и парфюмерии из горного хрусталя,

* *Плутарх*. Исида и Осирис, с. 90.

агата с прожилками, серебра, золота и цветного стекла варьировались по форме от простых, похожих на пробирку «ангуентарий» радужного цвета до миниатюрных амфор, флаконов из синего стекла с ручками в виде головы дельфина, бутылочек также из синего стекла в виде грозди винограда или синих птиц — типичных изделий стекольщиков Северной Италии. Хотя считалось, что духами пользуются только женщины, флакон из-под духов так часто находят на бывших местах расположения военных гарнизонов, что «нельзя не прийти к заключению, что иногда от римских солдат исходил приятный запах»*.

В римских казармах также имелись бани и туалеты. Даже в общественных туалетах в Остии были мраморные сиденья, мозаичные полы, крашенные стены и алтарь богини Исиды-Фортуны. Саисские и александрийские цари пользовались золотыми горшками, а их содержимое удалялось в систему подземной канализации, по которой нечистоты сбрасывались в море. Проблема личной гигиены решалась с помощью губки на палочке, а при менструации брали куски ткани — «полоски для зада», как они назывались в документах древнеегипетских прачечных, — или переработанную старую материю — по-гречески «*thakos*», которую использовали как тампоны. Считалось, что лучший способ решить проблему предменструального синдрома — это забеременеть.

Судя по литературным произведениям того времени, а также по надписям на стенах бань, это, несомненно, случилось в расслабленной обстановке ванной; совместные посещения бань стали нормой для всех классов к концу I столетия до н.э. и любимым времяпрепровождением супружеских пар. Затем традиционно, ближе к вечеру или вечером, устраивали ужин, за которым, поскольку завтрак был весьма скромным, а обед — не более чем легкой закуской, потреблялась основная дневная норма пищи.

* См.: *Ottaway P. Roman York.* — Strout: Tempus, 2004, p. 56.

Званые ужины являлись выражением социального статуса. Стены в столовых обычно красили в яркий красный цвет или мрачный черный и украшали натюрмортами. Тема еды могла присутствовать даже в напольных мозаиках с изображением и по-восточному колоритных, сверкающих на солнце свежих морепродуктов, и словно разбросанной во время пиршества всякой снеди — действительно «Неубранный зал». Контрастировали с такими картинами монохроматические мозаики со скелетом, несущим кувшины с вином и словно говорящим: «Ешьте, пейте, веселитесь». Точно так же, как у Геродота, когда небольшие чучела покойников приносили на египетские пиры, чтобы подчеркнуть преходящую сущность жизни.

Гости возлежали на ложах вокруг центрального обеденного стола. Каждый имел две полотняные салфетки — одну повязывали на шею, а другой вытирали пальцы. Вилки тогда еще не придумали, хотя римляне обожали привезенное с Востока столовое серебро. После обращения с молитвами к богам процессия слуг вносила серебряные и золотые блюда с едой.

Основным продуктом питания в древности служил хлеб. Богатые ели хлеб из лучшей пшеничной муки *artophites*, солдатский рацион составлял хлеб *buccellum*, лепешками из грубых отрубей кормили рабов и собак. И хотя в силу экономической необходимости большинство римлян к хлебу добавляли разве что яйца и овощи, простая пища считалась признаком республиканских пристрастий перед наплывом экзотического съестного с Востока. Одному римскому полководцу III столетия до н.э. достаточно было тарелки пареной репы, потому что «человек, который довольствуется таким обедом, не нуждается в золоте»*. Однако Цезарь и Клеопатра, как и большинство богатых римлян, рассчиты-

* См.: *Wilkins J. and Hill S. Food in the Ancient World.* — London: Blackwell, 2006, p. 200.

вали на более разнообразное меню за обеденным столом, чем хлеб и репа.

Традиционной любимой закуской — *gustatio* — было блюдо из спаржи, подававшейся за столом Цезаря с приправой на основе оливкового масла, или из нее делали какие-нибудь муссы. Одновременно подавали такие блюда, как грибы в красном вине, сельдерей в изюмном соусе, чечевицу с мидиями и травами, маслины в приправленном ароматными травами масле, хлеб с оливковой пастой, овощные оладьи и небольшие сырники в виде шариков — *globi*.

В Риме Клеопатра, наверное, во всем старалась подражать римлянам, и неудивительно, если она наслаждалась чем-то вроде современной широкой лапши, называвшейся *lagana*, которую обожал сподвижник Цезаря Цицерон, а также кукурузной лапшой *palmentus*. При добавлении в нее сыра получалось блюдо *puls punica* — каша по-карфагенски. Уже в те времена выделяли много сортов сыра — от *ricotta* (творога) до более мягких сливочных сыров с наполнителями из трав и орехов. Сицилийские повара славились тем, что свои блюда заправляли большим количеством сыра, однако их рыбные блюда с сыром не всем приходились по вкусу.

Тем не менее рыба простая, хорошо приправленная, часто подавалась в качестве *primae mensae* — основного блюда. Любимые у греков и многих итальянцев всевозможные морепродукты добывались в Неаполитанском заливе, хотя Цезарю они также поставлялись из рыбного хозяйства его богатого двоюродного брата, специализировавшегося на ловле морского угря, которого, вероятно, подавали к столу Клеопатры, когда она жила в Риме. Угорь был одной из самых дорогих рыб, а то, что египтяне поклонялись ему, стало предметом шутливой ремарки в одной греческой комедии: «Вы считаете угря великим божеством, а мы — деликатесом»*.

* См.: Davidson J. Courtesans and Fishcakes: the Consuming Passions of Classical Athens. — London: Fontana, 1997, p. 8.

Но тогда чрезмерная любовь к морепродуктам у греков также граничила с религией.

В одном рецепте приготовления угрей в свекольной ботве они сравнивались с богинями в брачном возрасте точно так же, как двух сестер-гречанок называли анчоусами за «их бледность, худобу и большие глаза»*. Некоторых людей за то, что они обожали рыбу, называли «рыболобами», хотя правильнее их было бы называть «женолюбями» за их любвеобильность, вот почему рыба обычно символизирует любовные чары. Обычная барабулька ассоциировалась с богиней классического пантеона Гекатой, а нильский окунь считался священным животным Хатхор. У египтян ассоциация между рыбой и любовной игрой отражена в словах, с которыми выходящая из воды девушка обращается к своему возлюбленному: «Посмотри, у меня между пальцев трепещет красная рыбка». Тогда, как и сейчас, некоторые морепродукты считались афродизиаками. Согласно поверьям, Венера в полночь ела устрицы. Не трудно представить, что Цезарь и Клеопатра вместе вкушали блюдо из устриц, доставляемых в Рим даже из Красного моря и Британии, надо полагать, во льду или в уксусе.

На столах богачей могли быть и такие экзотические деликатесы, как британская говядина, привезенная через Галлию, «нумидийские птички» — цесарки из Северной Африки, копченые перепела из Египта, любимое кушанье Александра, и даже индийские павлины, которых содержали как декоративных птиц, но в некоторых случаях их мясо употребляли в пищу, хотя оно такое жесткое, что из него делали котлеты, а потом их тушили в бульоне. Подавали и более ординарные блюда: жареного ягненка, утку, голубя или молочного поросенка с разными замысловатыми соусами. У секретаря Цезаря Авла Гиртия был повар, восхищавший всех

* *Giperides in Davidson J. Courtesans Fishcakes: the Consuming Passions of Classical Athens. — London, 1997, p. 9.*

своими отменными соусами; он готовил и ягненка по-лидийски с сыром фета, и говядину или телятину в кисло-сладком соусе.

Сомнительно, чтобы Клеопатре довелось отведать знаменитые римские деликатесы, такие как сони* в меду или сваренные в молоке улитки с соусом из забродивших рыбьих внутренностей. Римляне очень любили эту приправу и добавляли ее для пикантности в большинство блюд. Она обязательно стояла на столе, как и более острая приправа гарум. Еда у римлян получалась очень острой, из-за того что они часто приправляли ее солью, винным уксусом, дорогим черным перцем, который, как и имбирь, гвоздику и куркуму, везли из Юго-Восточной Азии через египетские порты на Красном море.

На десерт шли различные фрукты: виноград, яблоки, гранаты и фиги. Клеопатре особенно нравился крупный, сочный инжир, как и египетские финики, мешками доставлявшиеся из Фив. Подавали также мягкие фрукты из Кампании, запеченные в вине. Из них еще делали желе, его запивали коктейлем из меда и сока со льдом — неким подобием современного мороженого. Это был любимый десерт Александра, который, несомненно, вкушали и его преемники. Медом поливали запеченные фрукты, яичные драчёны и различные кондитерские изделия, такие как кунжутные и медовые вафли, ореховое и маковое печенье, фруктовые и ореховые кексы — панфорте и характерные пирамидальной формы пирожные из пропитанных медом пшеничных зерен — как знак почтительного отношения к родине Клеопатры.

Ужин заканчивался философской беседой с «винопитием», и хотя сам Цезарь пил мало, он мог позволить себе посмаковать вместе с Клеопатрой лучшее цекубское вино — римский аналог современного шампанского, и пили его из

* Сони — грызуны, обитающие главным образом в лесах Евразии, преимущественно ведут древесный образ жизни. Зиму проводят в спячке. Отсюда их название. — *Примеч. пер.*

хрустальных бокалов. С одной стороны, это были своего рода музыкально-поэтические вечера с участием таких знаменитостей, как «благоухающий певец и музыкант-виртуоз»* Марк Тигелий Гермоген и митиленский поэт Кринагор, кстати, посетивший Цезаря в 45 году до н.э., а с другой — философские дискуссии единомышленников-филэллинов, которые вел иногда друг Клеопатры, философ Филострат.

Изначально греческие пиры представляли собой исключительно мужские вечеринки с выпивкой, куда женщин приглашали только для того, чтобы разбавить сугубо однополые компании, однако смешанные собрания не очень нравились некоторым мужчинам. Вот что по этому поводу сочинил Ювенал:

Впрочем, несноснее та, что, едва за столом
поместившись, <...>
Сопоставляет поэтов друг с другом, <...>
Та, что стремится прослыть ученой, речистой не в меру;
Пусть же матрона, что рядом с тобой возлежит,
не владеет
Стилем речей, <...>
Пусть не поймет и из книг кой-чего, мне прямо
противна <...>
Та, что, древность любя, неизвестный нам стих
вспоминает**.

Хотя на таких мероприятиях привычки потребления вина женщинами строго регламентировались, двор Клеопатры на Тибре, по-видимому, руководствовался совсем иными традициями Птолемеев и их божества-покровителя Диониса, бога виноделия, чьи мистерии были раньше запрещены в Риме, а потом возрождены знаменитым трезвенни-

* См.: *Volkman H. Cleopatra: a study in Politics and Propaganda.* — London: Elek, 1958, p. 88.

** *Ювенал. Сатиры*, с. 68.

ком Цезарем. Несомненно, этот жест адресовался Клеопатре, однако появление культа, связанного с потреблением спиртного на людях и плясками, должно быть, не нашло понимания у многих нетерпимых в вопросах нравственности римлян. Это утверждение особенно справедливо в отношении тех, кто ратовал за возвращение республики и кому, главным образом противникам Цезаря, не очень-то нравилось, что в Риме пребывает иностранка в окружении своих придворных.

Хотя Цезарь жил с женой-римлянкой Кальпурнией в официальной резиденции на Священной дороге, согласно древним источникам, он совершенно открыто появлялся на людях с Клеопатрой. Некоторые современные историки утверждают, что он был слишком занят, чтобы часто видеться с ней, и навещал ее лишь время от времени. Наоборот, влияние Клеопатры на Цезаря нельзя недооценивать.

Разумеется, это влияние не оставили без внимания республиканцы, которые уже давно во всем, что им не нравилось, винили «неримский» источник, будь то греческий или египетский. Цицерон, считавший, что Александрия — это город мошенников и плутов, нанес Клеопатре по крайней мере один визит, чтобы получить некие литературные труды, по его словам, якобы обещанные ему. От своих шпионов и доносчиков она узнала о его высказываниях и мнении о ней, и никаких книг он не получил. Это, очевидно, удручило Цицерона, но из-за какой-то проблемы в отношениях с женщинами, о чем свидетельствуют несколько неудачных попыток жениться, не говоря уже об отвращении почти ко всему греческому, примером чего служит употребление им слова «*graeculus*» — «гречишка», и ненависти к монархии, едва ли он смог бы завести дружбу с женщиной, которую даже не назвал по имени, а просто величал «царица» с явной издевкой.

Его отношение, безусловно, отражало огромное расхождение между египетской монархией и римским республика-

низмом, хотя присутствие Клеопатры в Риме шло вразрез не только с республиканскими идеалами, но также с положением римских женщин. В те времена, когда лучшей эпитафией для римской женщины могла бы стать следующая: «Приятная собеседница и подобающего поведения, на ней держался дом, и она пряла шерсть»*, просто невысказано было, чтобы женщина обладала большей властью, чем окружающие ее мужчины.

Цицерон, конечно, утверждал, что «предки наши признали нужным отдавать всех женщин, ввиду неразумия, под власть опекунов»**, но он никогда не посмел бы высказывать такие сентенции в присутствии превосходившей его по интеллекту Клеопатры. А вот в письме к другу Цицерон писал: «Царицу я ненавижу; что я по праву так поступаю, знает Аммоний, поручитель за её обещания, которые имели отношение к науке и соответствовали моему достоинству. <...> О Саре я узнал, помимо того что он негодный человек, что он, сверх того, еще заносчив по отношению ко мне: всего один раз видел я его у себя в доме; на мой любезный вопрос, что ему нужно, он сказал, что ищет Аттика. О гордости же самой царицы, когда она находилась в садах за Тибром, не могу вспомнить без сильной скорби. Итак, с ними — ничего»***.

Что касается упоминания о загадочном человеке по имени Сара, то оно могло быть сокращенной формой египет-

* См.: *Pomeroy S.B. Goddesses, Whores, Wives and Slaves: Women in Classical Antiquity.* — New York: Schocken Books, 1975, p. 199. Как пишет Дж. Бинджен, «в строго патриархальной римской системе власти для женщины не находилось места». (См.: *Bingen J. Hellenistic Egypt: Monarchy, Society, Economy, Culture.* — Edinburgh: EUP, 2007, p. 45.) Что касается мужской одежды как символа равенства, то ее «не могла носить взрослая женщина, стремящаяся к власти». (*Davies G. «What made the Roman toga virilis?» // Proceedings from «The Clothed Body in the Ancient World»* (ed. Cleland L. et al.). — Oxford: Oxbow Books, 2005, p. 128.)

** Цицерон. Речи. Т. I, с. 340.

*** Текст приводится по изданию: Письма Марка Туллия Цицерона. В 3 т. Т. 3 / Пер. В.О. Горенштейна. — М.: Ладомир, 1994, с. 281.

ского имени Серапион, хотя не исключено, что речь шла о брате Клеопатры, Птолемею XIV, царский титул которого «сын Ра» произносился в Риме «са ра». Если он действительно навещал Цицерона, то вера первого в свой божественный статус объясняет его видимую заносчивость, как и сетования оратора по поводу гордости его единокровной сестры.

Раздумывая, как защитить Цезаря от чрезмерного влияния, оказываемого на него этой непривычно волевой женщиной, и будущее Рима, Цицерон и его друзья-республиканцы с не меньшим подозрением относились к Антонию, давнишнему противнику Цицерона. Называя Антония «гнусным человеком»*, Цицерон высмеивал его за преклонение перед всем греческим, любовь к экзотической одежде, в частности, белой обуви афинских чиновников и александрийских жрецов, и за то, что во время службы в Галлии он предпочитал носить одежду местных жителей. Иногда Антоний одевался на манер Геракла, считавшегося божественным предком его семьи и которого он напоминал телосложением, а также «своею одеждой: всякий раз, как ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тунику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутывался в тяжелый военный плащ»**.

Тем не менее все, что так презирал Цицерон в Антонию, импонировало Цезарю и Клеопатре. Он обуздал свое безрассудство, с помощью своей честолюбивой третьей жены Фульвии, и супруги вполне могли оказывать почтение Клеопатре, желая уладить размолвку с Цезарем. Как-то раз, когда на судебном заседании оратор произносил речь, а в это время через площадь несли Клеопатру, Антоний, «едва завидел ее, вскочил, не дослушав дела, и отправился провожать царицу, буквально прилипнув к носилкам»***. Зная его фил-

* Цицерон. Речи. Т. 2, с. 317.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 400.

*** Там же, с. 429.

эллинские настроения и то, что он — поклонник Александра, Клеопатра узрела в нем соратника и ввела его в их круг союзников, поставив перед собой цель добиться для Цезаря верховной власти в Риме и заодно укрепить свои позиции монарха в Египте.

Цезариону пророчили судьбу нового Александра и что он должен править объединенным Востоком и Западом. Его младенческие годы в Риме вполне могли протекать в соответствии с советами Сорана, как отучать от груди, что делать, когда режутся зубы, как пеленать, чтобы не было опрелости, и рекомендациями по поводу коляски и стула на колесиках, когда ребенок начнет ходить. Говорили, что мальчик не только был похож на Цезаря, но и ходил, как он. И сейчас, когда они имели возможность проводить время вместе на вилле, взаимная привязанность возникла между отцом и сыном, единственным ребенком диктатора, растущим в культурной среде, где наследники мужского пола ценились превыше всего.

Хотя еще рано было объявлять перед общественностью о своем отцовстве, Цезарь тем не менее сообщил об этом Антонию и нескольким ближайшим сподвижникам и начал работать над новым законопроектом, позволяющим диктатору «брать жен сколько угодно и каких угодно для рождения наследников»*. Это свидетельствует о серьезном характере его отношений с Клеопатрой и его намерений насчет их сына. Сама Клеопатра пользовалась симпатией в окружении Цезаря и вызывала огромное любопытство у граждан.

Насладившись недавно блистательной пышностью триумфа Цезаря, жители Рима, вероятно, сочли прибытие Клеопатры в их город как дополнение к экзотическому шоу: она предстала самой эффектной персоной, какую когда-либо видели большинство римлян; каждая деталь ее внешности

* *Светоний. Указ. соч., с. 27.*

и образа жизни подвергалась тщательному изучению и копировалась. Все в «облике Клеопатры» — от ее египетского антуража до прически «арбуз» и жемчуга — перенималось многими римлянками с такой скрупулезностью, что их скульптуры часто путали с самой Клеопатрой.

Что касается скульптурных портретов египетской царицы, то самые великолепные были выполнены во время ее пребывания в Риме. Она позировала римским и греческим скульпторам, старавшимся передать сходство с оригиналом в мраморе и бронзе. Хотя многие сомневаются, что эти произведения дошли до наших дней, существуют по крайней мере две головы, представляющие Клеопатру в период, когда она жила в Риме. Оба скульптурных портрета сделаны из привезенного из Греции мрамора и имеют близкое сходство с ее изображениями на монетах. И хотя они не подписаны, как и большинство античных работ, в Риме в I веке до н.э. ни у кого не возникали сомнения, кто эта женщина.

Главную из этих скульптур установил Цезарь в самом центре города. Он поклялся, что если его божественная прародительница дарует ему победу над Помпеем, он построит новый храм в ее честь. И он сдержал клятву, воздвигнув храм Венере-Прародительнице, и тем самым включил родоначальницу дома Юлиев в свои планы. Он с предельным тщанием подбирал скульптуру для нового храма, чтобы всем показать суть своей политики. Перед храмом поставили античную статую Буцефала, любимого коня Александра, с изваянием самого Цезаря в качестве наездника; буквально это означало, что он — преемник великого полководца. Позади многозначительной конной статуи поднимался пролет ступеней к основанию с коринфскими колоннами, за которыми располагалось святилище Венеры, содержащее великолепную коллекцию сверкающих драгоценных камней и камней. В нем стояла прекрасная статуя Венеры, изваянная греческим скульптором Аркесилаем. На ней были надеты нагрудник из лучшего британского жемчуга и пожертвован-

ное Клеопатрой ее собственное ожерелье из жемчуга. Композиция получила завершение, когда Цезарь внес последний штрих — «рядом с богиней он поставил прекрасное изображение Клеопатры»*.

Этот знаменательный шаг одни историки расценили не больше чем «вежливый»** жест, а другие «как открытое признание брака между потомком знатного патрицианского рода и дочерью бога»***. Фигурки Венеры по традиции дарили невестам при вступлении в брак, а эта золотая статуя в натуральную величину вполне могла означать публичное объявление Цезаря о своих отношениях с Клеопатрой и его династических намерениях. Хотя Птолемеи всегда устанавливали свои статуи и статуи членов царской семьи в храмах рядом с богами, в республиканском Риме вот так никогда не изображали здравствующих личностей. Поэтому изваяние женщины как символ ее божественности в самом центре римской столицы было чем-то вроде политического динамита.

Хотя оригинальная золотая статуя Клеопатры исчезла давно, вместо нее в 46—44 годах до н.э. выполнили копию из желтоватого паросского мрамора. Позднее, во II веке н.э. она оказалась в коллекции скульптур у богатых братьев Квинтили, имевших виллу на Аппиевой дороге. Ныне носящая название «Ватиканская голова» по месту, где она теперь хранится, она издавна считалась образом римской жрицы, пока не обратили внимания, что ее «инфула» — ритуальная повязка на голове — на самом деле является широкой диадемой поздних Птолемеев. Ее большие глаза и маленький рот очень напоминают те, что мы видим на изображениях Клеопатры на монетах, и голову, несмотря на отсутствие у

* *Аппиан*. Римская история. Т. 2, с. 120.

** М. Грант по этому поводу писал, что Цезарь «даже вежливо украсил новый храм Венеры ее статуей». (См.: *Grant M. Julius Caesar*. — London: Chancellor Press, 1969, p. 217.)

*** См.: *Walker S. and Higgs P. (eds) Cleopatra of Egypt: from History to Myth*. — London: BMP, 2001, p. 277.

нее носа, в 1933 году в итоге идентифицировали как скульптурный портрет Клеопатры VII.

У нее прическа «арбуз», и волосы завязаны лентой. Предположение о том, что это копия золотой статуи Клеопатры, установленной Цезарем, сделали на основе небольшого узелка над лбом. Как видно, римский скульптор, изготавливавший копию, не совсем понял, что это такое. Возможно, это была «небольшая корона в виде лотоса, или урей, или даже остатки большого завязанного узелком локона»*, по всей видимости, вроде «*lampradion*» — «хохолка», который имеется на мраморном скульптурном портрете женщины из храма Исиды в Помпеях (I век до н.э.), или даже стилизованный вариант характерного, вздернутого над бровью локона Александра. Еще одна деталь, вызвавшая неуверенность у копииста, это что-то наподобие пятна на левой щеке, предположительно отпечаток пальца ребенка. Если учесть, что в оригинальной скульптуре Клеопатра отождествлялась с Афродитой-Венерой, то ребенок у нее на руках — это, вероятно, Цезарион, представленный как Эрос-Купидон в такой же паре «мать и дитя», как и на кипрских монетах Клеопатры, на которых младенец смотрит на нее, поднимая голову.

Второй скульптурный портрет Клеопатры, меньше чем в натуральную величину и снова изваянный в Риме из того же паросского мрамора, нашли на вилле на Аппиевой дороге к югу от города. Ее черты под действием химического очистителя, примененного на каком-то этапе, — «Ватиканская голова» подобной обработке не подвергалась, — смягчились, «образ передан несколько приукрашенным»**, чем особенно восторгаются историки мужского пола. «Вероятно, как лучший и наиболее удачный скульптурный портрет»*** птолемеевского правителя, в итоге приобретен-

* См.: Walker S. and Higgs P. (eds.) Op. cit., p. 218.

** См.: Walker S. and Higgs P. Op. cit., p. 220.

*** См.: Maehler in Smith H.S. and Hall R. Ancient Centers of Egyptian Civilisation. — London: Egyptian Culture Bureau, 1984, p. 96.

ный Берлинским античным музеем, «Берлинская голова» «говорит сама за себя, <...> она несравнимо более красивая, чем нелестные портреты на монетах, и действительно передает образ великой царицы»*. Еще два ученых с таким же восторгом высказываются о ее «большой физической красоте»**. В более сдержанном тоне высказывает свое мнение их коллега женского пола: «Ни в чем не льстя Клеопатре, скульптурная голова имеет близкое сходство с портретами Александра Великого»***. Она и в самом деле чуть наклонена, как у Александра, только в другую сторону. У «Берлинской головы» все та же самая прическа «арбуз» с диадемой; небольшие завитки волос обрамляют лицо, а над бровью маленький пучок волос, напоминающий характерные пряди на лбу Александра.

Есть еще и третий скульптурный портрет в натуральную величину, передающий стилизованный образ женщины, наделенной божественным статусом, из царского рода Птолемеев. На ней надет грифовый головной убор и парик, состоящий из трех частей с расположенными уступами локонами. Этот образ встречается на рельефах в египетском храме Клеопатры и воспроизведен на печатке золотых колец, которые, по-видимому, носили сторонники Цезаря. Известный также как «Капитолийская голова», этот образ весьма вероятно отражает период, когда живая Исида жила в Риме как союзница и супруга Цезаря-воина. Безусловно, Исида имела большую военную значимость для римлян: «Исида-Виктория» отождествлялась как с Венерой Виктрикс, так и с римской богиней войны Беллоной, выступавшей в той же

* См.: *Maehler H.* Egypt under the Last Ptolemies // Institute of Classical Studies Bulletin 30, 1983, p. 8.

** См.: *Bowman A.* Egypt and the Pharaohs, 332 BC — AD 642. — London: BMP, 1986, p. 25; *Johansen F.* Portraits of Cleopatra — do they Exist? / Cleopatra Reassessed // British Museum Occasional Paper No. 103, 2003, p. 77.

*** См.: *Southern P.* Julius Caesar. — Stroud: Tempus, 2001, p. 121.

роли, что и бог войны Марс. И когда главный храм Исиды в Риме на Капитолийском холме был разрушен по приказу сената в 48 году до н.э., Цезарь и Клеопатра вполне могли задумать строительство нового храма Исиды на Марсовом поле. Когда его сооружение завершилось несколькими годами позже, он впустил в себя различные скульптуры, привезенные из Египта, на египетские мотивы. Некоторые из этих артефактов были найдены не так давно — в 1987 году.

Изваяния Цезаря также устанавливались в храмах по его программе саморекламы, одобренной сенатом, который предложил ему «храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, <...> жреца»*. «Непобедимому Богу», — гласило посвящение на одной из статуй Цезаря, то есть оно дословно повторяло надпись на памятнике Александру в Афинах. Таким образом, посылка Цезаря не могла быть более очевидной: он — новый Александр, его союзница и супруга Клеопатра — живая преемница Александра, а их сын Цезарион, зачатый в городе Александра, мог бы стать преемником их обоих в новом мировом порядке.

И не случайно эту статую Цезаря как бога установили в храме обожествленного Ромула, основателя Рима, берущего начало с 753 года до н.э., но бледнеющего перед богатыми городами Востока. И Цезарь взял на себя преобразование «вечного города», направив часть огромных средств, добытых во время военных кампаний, на осуществление грандиозных программ реконструкции.

Узнав многое за время пребывания в Египте, стране, существовавшей благодаря знаниям в области гидравлики, Цезарь намеревался изменить русло Тибра и построить искусственную гавань в устье, чтобы Рим имел прямой выход к морю. Увидев в Фаюме, каких результатов можно добиться с помощью мелиорации, он планировал построить канал для осушения Понтинских болот, чтобы снизить уровень

* Светоний. Указ. соч., с. 36.

заболеваемости малярией, от которой страдали горожане в летнее и осеннее время. Под впечатлением того, какие урожаи выращивались на осушенных землях в Фаюме, он решил осушить Фуцинское озеро к востоку от Рима, чтобы увеличить пахотные земли и сократить зависимость столицы от привозного продовольствия. Городу с населением почти один миллион жителей, «возможно, перенаселенному как современный Бомбей или Калькутта»*, было не по силам бесплатно раздавать зерно тремстам двадцати тысячам человек ежедневно. Помимо увеличения производства зерна, Цезарь решил отправить многих безработных, живших на такое вспомоществование, в другие районы Италии и в Грецию, в частности, в Коринф. Он предполагал возродить значение этого города как важного торгового центра, прорыв канал через Коринфский перешеек, представлявший собой кратчайший путь между Ионическим и Эгейским морем. Весьма вероятно, что моделью этого проекта послужил канал между Нилом и Красным морем, благодаря которому увеличился товарооборот Египта.

Клеопатра и ее советники помогали Цезарю разрабатывать планы великих проектов, а тем временем старый кирпичный город начал уступать место облицованной мрамором метрополии, и образцом для нее служила Александрия. В 46 году до н.э. состоялось официальное открытие нового Форума Юлия, где находился величественный храм Венеры с золотой статуей Клеопатры. В соседствующей с ним базилике Юлии, названной так по имени дочери Цезаря, разместились римские суды в таких же великолепных портиках, как в александрийском гимнасии. Клеопатра появлялась в таких местах в своем царском паланкине с занавесками из тончайшего полотна. Примерно в это время родилась идея построить новое здание для заседаний народного собрания

* Согласно переписи 69 года н.э., численность населения Рима составляла порядка 900 000 человек. (См.: Storey G.R. The population of ancient Rome // *Antiquity* 71 (274), p. 976.)

на Марсовом поле. Предполагалось, что его стены в окружности составят одну милю. А у Тарпейской скалы на Капитолийском холме намечалось построить самый большой в мире театр. Оба эти проекта возникли под влиянием гигантомании Александра и колоссальных размеров египетской архитектуры, которая произвела на Цезаря неизгладимое впечатление.

Но наибольшее воздействие на Цезаря Клеопатра оказала в той области, к какой у них обоих была тяга, — в области знаний, и, несмотря на недавно понесенный урон в ходе Александрийской войны, Клеопатра все еще владела крупнейшей в мире библиотекой. Несомненно, по ее совету Цезарь решил создать аналогичную библиотеку в Риме, и в 47 году до н.э., по возвращении из Египта, он назначил главного библиотекаря. Перед ним была поставлена задача собрать копии всех существующих греческих и латинских трудов, что требовало непосредственного сотрудничества с Александрией.

Столь ощутимо повлияв на культуру, религию, политику и даже ландшафт Рима, Клеопатра дала Цезарю средство, позволяющее изменить время. Астрономы Клеопатры предоставили ему египетский календарь, более точный, чем тот, которым пользовались римляне, и по которому с незначительными изменениями, внесенными папой римским в 1582 году, до сих пор живет Западный мир. В далекой древности египтяне придумали солнечный календарь, разбив год на триста шестьдесят дней и добавляя в конце каждого года пять дней, чтобы привести его в соответствие с движением Солнца. В каждом храме жрец-астроном, наблюдая за небесными светилами, с помощью обелисков, солнечных часов и механических водяных часов сложной конструкции, изобретенных ктесибием Александрийским, следили за тем, чтобы ритуалы совершались и праздники проводились точно в определенный день и час. Александрийские ученые также усовершенствовали древний египетский календарь, восполь-

зовавшись вычислениями коллеги Аристотеля Каллиппа Кизикского. В 330 году до н.э. он скорректировал греческий календарь, приведя в соответствие друг другу солнечный и лунный календари на основе знаний, полученных учеными Александра в Вавилоне.

Существовавший в Риме лунный календарь в триста пятьдесят пять дней вызывал необходимость через год добавлять к году целый месяц, чтобы в среднем в году получалось триста шестьдесят шесть дней; лишний день ликвидировался, если дополнительный месяц исключался из календаря один раз в двадцать лет. Но поскольку римские жрецы, следившие за этими сложностями, не занимались своим делом во время длительного пребывания Цезаря в Галлии в 50-х годах до н.э., римский календарь постепенно ушел на два месяца вперед. Получилось, что на летний месяц июль приходился по календарю осенний месяц сентябрь; дни праздников сместились и выпадали на несоответствующий период. Так что советники Клеопатры оказались весьма вовремя в Риме и исправили это серьезное расхождение.

Под руководством ее придворного астронома Сосигена римский сложный лунный календарь был упразднен и принят более простой солнечный египетский. Он получил название юлианский, в соответствии с ним год состоял из трехсот шестидесяти пяти дней, и еще один день добавлялся к каждому четвертому году, который стал называться високосным. Пятый месяц квинтилис переименовали в июль в честь Цезаря. Его день рождения, приходившийся на этот месяц, отмечался так же широко, как и дни рождения восточных правителей.

Вводя новый календарь с 1 января 45 года до н.э., Цезарь и Сосиген добавили два дополнительных месяца между ноябрем и декабрем 46 года до н.э. как единовременную меру. Таким образом, 46 год до н.э. оказался самым длинным в истории — он растянулся на четыреста сорок пять дней, так

что пребывание Клеопатры в Риме было более продолжительным, чем с 46 по 44 год до н.э. Продление года также имело серьезные политические последствия, поскольку те, чей срок полномочий составлял один год, занимали свой пост несколько дольше.

В то время как весь образ жизни Рима менялся по воле одного человека, находившегося под влиянием не просто иноземца или даже женщины, но и монарха, истовые республиканцы искали способы, как положить конец этим реформам. Стали поговаривать, что Рим уже не хорош для Цезаря, что он собирается перенести столицу в Александрию и даже провозгласить себя царем и править вместе с женой-иностранкой. Все видели, что они открыто появляются вместе в Риме, считая себя супружеской парой, презрев римский закон и то, что Цезарь официально состоял в браке с Кальпурнией, и в довершение всего он собирался провести закон, позволяющий ему иметь не одну жену.

Между тем, несмотря на происходившие в Риме перемены, гражданская война не утихала, и сыновья Помпея, скрывавшиеся в Испании, не собирались складывать оружие. Задача принудить их к сдаче снова встала перед Цезарем. Хотя упоминания о местонахождении Клеопатры в этот период позднее уничтожили, равно как и все другие подробности ее пребывания в Риме, можно предположить, что на некоторое время она вернулась в Египет, чтобы заняться там государственными делами, а Цезарь в ноябре 46 года отправился в Испанию.

Сыновьям Помпея и их союзникам удавалось избегать прямого столкновения в течение нескольких месяцев, пока Цезарь наконец не навязал им сражение весной 45 года до н.э. Оно началось 17 марта в сорока милях от современной Севильи при городе Мунде. Пятидесятичетырехлетний полководец вскоре оказался в гуще ожесточенной рукопашной схватки в первых рядах своих легионеров, буквально дрavшись не на жизнь, а на смерть, пока не произошел перелом

и противник не обратился в беспорядочное бегство, оставив на поле битвы тридцать тысяч человек. Цезарь потерял одну тысячу своих солдат. Еще были убиты от двадцати до тридцати тысяч повстанцев, продолжавших сопротивляться в Кордове. И хотя младшему сыну Помпея, Сексту, удалось снова скрыться, его раненый брат Гней был пленен и казнен, а его отрубленную голову выставили на всеобщее обозрение.

Однако Цезарь отнюдь не торжествовал. Неимоверное напряжение сил сказалось на состоянии его здоровья, и в Кордове снова произошел приступ эпилепсии. Этот случай расстроил Цезаря до глубины души. Он пришел в ужас при мысли, что такое может произойти на глазах его врагов и подорвать его имидж всемогущего человека. Проведя некоторые реформы в Испании, в августе он отбыл в Италию, но не направился прямо в Рим. Вместо этого он сделал остановку в своем имении в Лабикуме, что к юго-востоку от города, где 13 сентября под влиянием мыслей, что он не бессмертен, изменил свое завещание.

Он объявлял, что дарит три золотые монеты каждому римскому гражданину и передает парк своей виллы на Яникульском холме в общественное пользование. Деньги также предназначались Антонию, но большую часть своих обширных имений, которые он намеревался оставить своему зятю Помпею и потом любому сыну Кальпурнии, он завещал семнадцатилетнему внучатому племяннику Октавию. Как внук сестры Цезаря Юлии и ближайший родственник по мужской линии в соответствии с римским законом он должен был взять имя Гай Юлий Цезарь Октавиан, но только после смерти самого Цезаря.

Поскольку по римскому законодательству не допускалось наследование в пользу чужеземцев, в завещании не упоминались имена ни Клеопатры, ни Цезариона, который не мог считаться законным сыном Цезаря, пока не вступил в силу его новый закон о женитьбе. Между тем в завещании

содержался пункт о назначении опекунов для его «сына, буде таковой родится»*, а так как речь явно шла не о Кальпурнии, которая уже не могла иметь детей, представляется весьма вероятным, что Цезарь надеялся иметь еще детей от Клеопатры. Если она покинула Рим в отсутствие Цезаря, то сейчас вернулась и стала свидетельницей его испанского триумфа в октябре 45 года до н.э.

В конце года Цезарь со своим штабом прибыл в Путеолы и в ночь на 19 декабря в беседе с Цицероном расспрашивал его о республиканских настроениях в обществе. Позднее Цицерон писал другу об этой встрече: «О гость, столь для меня тяжкий, не вызывающий сожаления! Ведь было очень приятно. <...> На третий день сатурналий он у Филиппа до седьмого часа и никого не допускал; полагаю, расчеты с Бальбом. Затем он гулял по берегу; после восьмого часа — в баню; <...> был умащен, прилег. <...> Кроме того, в трех триклиниях были великолепно приняты сопровождающие его. У менее значительных вольноотпущенников и рабов ни в чем не было недостатка; ведь более значительных я принял изысканно. К чему распространяться? Мы казались людьми. Однако гость не тот, которому скажешь: прошу сюда ко мне, когда вернешься. Достаточно один раз»**.

Возможно, Цезаря не оставляли мысли о смерти, когда он прогуливался по берегу моря в тот декабрьский вечер. Он наверняка думал и о Цезарионе, и о Клеопатре, и о том, что она, как стало известно, по-видимому, снова беременна (судя по осторожным намекам более поздних источников***). Цезарь задумал новый поход с целью разгромить Парфянское царство на Востоке. Перед этой задачей меркли все

* *Светоний*. Указ. соч., с. 40.

** *Цицерон*. Письма. Т. 3, с. 211–212.

*** Предположения о второй беременности Клеопатры основываются на замечаниях Цицерона в «Письмах к Аттику» XIV. 20–22 и положении в завещании Цезаря о назначении опекунов «сыну, буде таковой родится». (См.: *Светоний*. Указ. соч., с. 40.)

прошлые: он хотел положить конец набегам парфян на римскую провинцию Сирию, отомстить за разгром и смерть его бывшего политического союзника Красса в 53 году до н.э., но, пожалуй, больше всего — затмить своего любимого героя Александра, чья победа над предшественницей Парфии, Персидской империей, принесла полководцу неувядаемую славу.

Поскольку в пророческих книгах записано, что «парфян может победить только царь»*, Цезарь вполне мог рассчитывать на предоставление ему такого титула сенатом. Для этого появилось больше оснований после того, как он изменил закон, предоставив право римского гражданина провинциалам из всей Италии и Южной Галлии, и намеревался продолжить реформы в следующем году с помощью консулов, одним из которых был Антоний. Определенно Цезарь не собирался восстанавливать республику, считая ее неэффективной формой правления в сравнении с монархией по типу монархии Александра, что наглядно демонстрировала Клеопатра.

Взяв на вооружение ее испытанный метод соединения политики и религии, Цезарь как диктатор управлял государством, а как великий понтифик государственной религией. Его уже провозгласили «богом-спасителем» на Востоке в соответствии с традиционным культом правителя. Жесткому размежеванию в Риме между мирским и божественным быстро приходил конец, когда портреты Цезаря и Клеопатры стали появляться на монетах. Клеопатра единственной из птолемеевских правительниц от своего имени чеканила монеты, причем на некоторых из них она изображалась как Венера-Афродита. Цезарь последовал ее примеру, и, сделав такой же смелый шаг, стал при жизни первым римлянином, чей портрет появился на монетах. На них его весьма изможденный профиль сопровождался словами «*Parens Patriae*» — «Отец Отечества».

* *Светоний*. Указ. соч., с. 38.

Затем сенат вместо традиционного, дававшегося на определенный период титула диктатора, провозгласил его «*dictator perpetuo*» — пожизненным диктатором и удостоил его чести носить пурпурную тогу — облачение бывших царей Рима — и даже сидеть на золотом троне. Он являлся царем во всех смыслах, кроме названия. Толпа решила не отставать от сената и увенчала одну из статуй Цезаря коронной, крича: «Да здравствует царь!» Воодушевленный настроением народа, Цезарь, несомненно, при поддержке Клеопатры и Антония решил сделать попытку короновать себя во время ежегодного праздника Луперкалий, отмечавшегося 15 февраля.

Он явился на форум в пурпурной одежде и сел на золотой трон. Здесь к нему подошел Антоний в традиционном праздничном наряде — в козлиной шкуре на бедрах и протянул золотую диадему, увитую лавром. Поскольку в республиканском Риме знаки монаршего достоинства едва ли имелись в наличии, диадему вполне мог предоставить гостивший в Риме монарх, то есть «весьма вероятно, что Клеопатра внесла свой вклад, даже если она там не присутствовала»*.

Однако отрежиссированное действие не прошло гладко. Цицерон, упрекая Антония, так описывает это событие: «Твой коллега сидел на рострах, облаченный в пурпурную тогу, в золотом кресле, с венком на голове. Ты поднимаешься на ростры,ходишь к креслу, <...> показываешь диадему. Откуда у тебя диадема? Ведь ты не нашел ее на земле, а принес из дому — преступление с заранее обдуманном намерением. Ты пытался возложить ее на голову Цезаря среди плача народа, а Цезарь среди его рукоплесканий ее отвергал. Итак, это ты, преступник, оказался единственным, кто способствовал утверждению царской власти, кто захотел своего коллегу сделать своим господином»**.

* См.: *Goudchaux G.W.* «Cleopatra's Subtle Religious Strategy» / *Cleopatra of Egypt*. (eds. Walker S. and Higgs P.) — London: BWP, 2001, p. 135.

** Цицерон. Речи. Т 2, с. 309—310.

Цезарь настолько вошел в роль, что, когда толпа зааплодировала при его отказе от короны, «не в силах сдержать гнев, он откинул с шеи тогу и кричал, что готов подставить горло любому, кто пожелает лишить его жизни»*. Позднее он оправдывал свой поступок тем, что немало пожил, здоровье слабеет, и «на него стали нападать внезапные обмороки и ночные страхи»**, но постепенно воспрянул духом, разрабатывая предстоящую кампанию.

Потом Цезарь отправил авангард на восток, в Македонию, а вместе с ним своего внучатого племянника Октавиана, которому надлежало совершенствовать знания греческого языка в местном университете. Этот район Цезарь отдал под управление Антония. Лепид получил Испанию и Южную Галлию, а Публий Корнелий Долабелла — Сирию. Цезарь заручился поддержкой иудеев, сократив их ежегодную дань. Когда он намечал план действий, его союзница и супруга Клеопатра Египетская, несомненно, принимала активное участие в консультировании его и его командиров.

Свой отъезд Цезарь назначил на 18 марта. Клеопатра должна была в это время вернуться в Александрию. Для обеспечения безопасности царицы и их сына Цезариона туда направлялись три легиона под командованием одного из самых доверенных людей Цезаря. И поскольку кампания предстояла длительная, он назначил на предстоящие два года людей на основные государственные должности, а сам собирался править как диктатор из отдаленных мест.

Но чтобы дистанционное правление осуществлялось виртуальным монархом, это было уже сверх всякой меры, и чем ближе становился день его отъезда, тем ближе подбирались к нему его враги.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 405.

** *Светоний*. Указ. соч., с. 24.

8

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ: ОСИРИС ОТМЩЕН

Пока Цезарь делал последние приготовления перед парфянским походом, республиканцы тайно замыслили отправить его совсем в другое место. Во главе заговора встал сын его давнего друга и бывшей любовницы Сервилии, Марк Юний Брут, который был сторонником Помпея до его поражения при Фарсале. В виде одолжения к Сервилии Цезарь взял к себе Брута и его брата Децима, хотя эта семья имела давние республиканские традиции. Их предок Луций Брут поднял восстание против последнего царя и изгнал его из Рима в VI веке до н.э. После того как на одной из статуй Цезаря появилась надпись: «Брут, изгнав царей из Рима, стал в нем первым консулом. Этот, консулов изгнавши, стал царем в конце концов», под статуей Луция Брута кто-то написал: «О, если б ты был жив!»*

Как и многие выходцы из республиканской элиты, потомок легендарного Брута рос с твердым убеждением, что он обязан бороться против тиранов (обычно так называли

* *Светоний. Указ. соч., с. 38.*

тех, кто незаконно захватывал власть) и восстановить свободу. На романтических представлениях Брута о цареубийстве сыграл его более прагматичный зять Кассий, также переметнувшийся к Цезарю после Фарсала. Женатый на дочери Сервилии, волевой и решительный Кассий занимал различные важные посты и принимал участие в бесславном походе Красса в Парфию, но, несмотря на это, получил назначение к Цезарю в качестве военачальника в его предстоящем походе.

Довольно наивный по натуре, Брут стал центральной фигурой заговора Кассия с целью убить Цезаря. Число заговорщиков достигло шестидесяти, и известны имена почти двадцати из них. К ним примкнули девятеро бывших сторонников Помпея, а остальные хотели свести личные счеты. Все были введены в заблуждение и искренне верили, что устранение Цезаря, Антония и их главных подручных моментально приведет к восстановлению республики. Брут решил добиться максимального результата из их деяния, но в последний момент раздумал убивать Антония, несмотря на совет Цицерона, желавшего разделаться с ним.

Цицерон, чувствуя себя оскорбленным, что у Цезаря не нашлось времени принять его, писал своему другу Аттику, что Цезарь больше не возражает, когда его называют тираном, фактически требует этого, да таковым и является. Оратор также выражал радость, что Цезарь сравнивает себя с обожествленным основателем Рима Ромулом, поскольку того тоже убили сенаторы, когда он стал тираном. Хотя Цицерон считал, что Цезарь должен пасть либо от рук своих врагов, либо покончить с собой, самого оратора исключили из числа заговорщиков, так как ему не доставало твердости убеждений и он был завзятый сплетник.

Когда участники заговора договорились, как действовать, слухи о готовящемся покушении разносились по городу, но Цезарь вел себя так, будто ему ничто не грозит, создавал вокруг себя ореол божественной неуязвимости и даже рас-

пустил своих испанских телохранителей в феврале 44 года до н.э. Вопреки доводам Антония и, разумеется, Клеопатры «Отец Отечества» не допускал и мысли, что кто-то из его «детей» может серьезно помышлять причинить ему зло, особенно после того, как события прошлого неоднократно доказывали, что только он способен принести Риму победу. «Он часто говорил: жизнь его дорога не столько ему, сколько государству — сам он давно уж достиг полноты власти и славы, государство же, если что с ним случится, не будет знать покоя, а только ввергнется во много более бедственные гражданские войны»*. Слова, достойные пророка.

Первый день марта, месяца, названного по имени бога войны Марса и знаменовавшего начало военных походов, считался днем Юноны, греческой Геры, жены Зевса. В этот день мужа по традиции делали женам подарки. Клеопатра, как и Кальпурния, вероятно, получила даже больше подарков от Цезаря в одну из последних встреч с ним.

Несмотря на ряд дурных предзнаменований и на предсказание гадателя Спуринны об опасности, грозящей ему до середины марта, называвшейся у римлян «иды», Цезарь пренебрег ими и продолжал заниматься своими делами. Он приказал реставрировать статую своего бывшего зятя Помпея, поврежденную, когда толпа сбросила ее с пьедестала после поражения Помпея. Статую снова установили в курии**, где Цезарь назначил заседание сената на утро 15 марта. Он никогда не забывал пророчества «Сивиллиных книг», что «парфян может победить только царь»***, и готовился выступить в поход через три дня. Поэтому заговорщики решили, что у них остается последняя возможность нанести удар во имя свободы и восстановить их любимую республику.

* Светоний. Указ. соч., с. 42.

** Курия -- здание, где проводились собрания граждан или заседания сената. — Примеч. пер.

*** Светоний. Указ. соч., с. 38.

Вечером 14 марта Цезарь обедал у Марка Лепида с группой приверженцев, и «в разговоре о том, какой род смерти самый лучший, он предпочел конец неожиданный и внезапный»*. В ту ночь по возвращении в государственную резиденцию, где он жил со своей женой Кальпурнией, ему приснился сон, что он летал выше облаков и пожал руку самому Юпитеру (Зевсу). Кальпурния, встревоженная ходившими слухами, рассказала ему, какой сон видела она сама: ей приснилось, что фронтоны их дома, такой же как фронтоны храма, разрушен, а она держит в объятиях убитого мужа.

Обеспокоенный возобновившимися в такой напряженной обстановке приступами эпилепсии, Цезарь решил отменить назначенное на 9 часов утра заседание сената, вероятно, для того, чтобы проконсультироваться с врачом Антистием. Но в это время к нему зашел брат Брута, Децим, и отговорил его. В конце концов, с часовым опозданием, надев пурпурную тогу, Цезарь вышел из дома и в крытом паланкине прибыл в курию, где уже шло заседание сената.

Перед входом бывший учитель Брута, грек Артемидор, передал ему маленький свиток, сказав, что в нем содержится важная информация о готовящемся покушении. Положив его вместе с другими документами, которые он должен был прочитать позднее, Цезарь, проходя мимо гадателя Спурины, насмешливо сказал ему: «Иды марта наступили», на что Спурина ответил: «Да, пришли, но не прошли». И хотя Антоний, бывший начеку из-за отсутствия телохранителей, ждал Цезаря у входа, чтобы проводить его, один из заговорщиков отвел его в сторону и задержал разговором, а Цезарь вошел в курию один.

Все стоя приветствовали его. Он сел в золотое кресло перед вновь установленной статуей Помпея, и к нему приблизилась группа сенаторов, желавших поговорить с ним. Тиллий Цимбр стал настойчиво просить вернуть из изгна-

* *Светоний*. Указ. соч., с. 42.

ния его брата. Когда Цезарь отказал, Цимбр обеими руками схватил его за плечи. Цезарь вырвался, крикнув: «Это уже насилие!»* Тогда заговорщики бросились на диктатора. Один из братьев Каска нанес ему удар кинжалом в горло, в свою очередь Цезарь вонзил ему в руку острый металлический стиль для письма, единственное оружие, которое у него имелось. Но на этот раз перо Цезаря оказалось бессильным перед клинками его врагов, удары сыпались на него со всех сторон. Кассий ранил его в лицо, и Брут также нанес удар. «Kai su teknon?» — «И ты, дитя мое?»** — воскликнул Цезарь по-гречески, а не на латыни «Et tu Brute?» — «И ты, Брут?», как принято считать.

Сохраняя до конца достоинство, Цезарь не пытался звать на помощь, и чтобы никто не видел, как он умирает, накинул на голову тогу, словно накрывшись саваном, а убийцы продолжали пронзать мечами его тело. Диктатор упал, обливаясь кровью, к подножию статуи Помпея. Из сотен присутствующих сенаторов лишь двое попытались вмешаться. Забыв о клятве, всеми ими данной, защищать Цезаря, они просто оцепенели от ужаса, а когда очнулись, разбежались.

Убийцы намеревались бросить тело Цезаря в Тибр и конфисковать имущество диктатора среди всеобщего ликования, но они жестоко просчитались, не угадав чувства народа. Когда новость разнеслась по городу, их попытку обратиться с речью к собравшейся толпе в качестве «освободителей» встретили с такой откровенной враждебностью, что они бежали на Капитолийский холм. Окровавленный труп какое-то время оставался на полу в опустевшей курии. Потом пришли трое рабов из дома Цезаря и унесли его на носилках. Всю дорогу с них свешивалась рука бывшего диктатора. Так сбылся вещий сон Кальпурнии. Осмотрев тело, врач Цезаря, Антистий, обнаружил, что из двадцати

* Светоний. Указ. соч., с. 39.

** Там же, с. 40.

трех ран только одна, вторая, нанесенная в грудь, оказалась смертельной.

Когда новость облетела Рим, Цицерон выразил восхищение заговорщиками, написав другу: «Что же касается наших героев — что они могли совершить самостоятельно, они совершили достойно и великолепно»*. Но эту радость, конечно, не разделяло большинство жителей Рима.

Через несколько часов новость узнала и Клеопатра. Она рвала на себе одежды и волосы, как это делают все обезумевшие от горя женщины. В итоге она оказалась подлинной Исидой, оплакивающей своего мужа-правителя, изрубленного с такой жестокостью.

Народ, также любивший Цезаря, требовал возмездия, а Антоний как консул и заместитель Цезаря взял бразды правления в свои руки в отсутствие сената. В первые дни после убийства он действовал решительно. По примеру Цезаря он вторым после него выпустил при жизни монеты со своим портретом. Их отчеканили вскоре после ид марта. На монетах Антоний изображен в трауре, с бородой и покрытой, как у духовного лица, головой, что подчеркивало его почтительность к покойному, чьим преемником он намеревался стать. Это был самый ранний из известных портретов Антония. На освободившуюся после гибели Цезаря вакансию Антоний назначил верховным понтификом Лепида, который, в свою очередь, поддержал его войсками.

После того как Кальпурния и ее отец Пизон передали личные дела Цезаря, его секретаря и принадлежавшие Цезарю богатства, чтобы исполнить его волю, Антоний созвал заседание сената на 17 марта. По его настоянию сенат одобрил все великие начинания Цезаря, потом Антоний объявил общую амнистию и встретился с убийцами, сознавая, что если он накажет их, вновь вспыхнет гражданская война. Но оставить их безнаказанными означало бы признать их пра-

* Цицерон. Письма. Т. 3, с. 231–232.

воту, поэтому начался период «вооруженного нейтралитета, когда Антоний осуществлял правление по примеру Цезаря»*, руководствуясь его записями, рекомендациями секретаря и, конечно, советами Клеопатры.

Когда 17 марта в доме Антония зачитали завещание Цезаря, Клеопатра едва ли удивилась, что ни она, ни Цезарион как иностранцы не упомянуты в завещании, хотя позднее Антоний объявил сенату, что Цезарь сам признал себя отцом Цезариона. В то же время более позднее добавление о назначении опекунства «сыну, буде таковой родится»** почти определенно относится к Клеопатре, которая, по всей вероятности, была опять беременна, когда Цезарь пал жертвою убийц.

После оглашения завещания накрытое саваном тело Цезаря отнесли на форум, где его поместили для прощания на ложе из слоновой кости, устланном пурпуром и золотом. В изголовье выставили его разорванную с пятнами крови пурпурную тогу. Временное мемориальное сооружение венчала восковая фигура со следами двадцати трех ран, поворачивающаяся с помощью механического приспособления. Такие фигуры у римлян обычно несли во время триумфальных процессий.

Тело и восковая фигура также выставлялись в вызолоченной постройке наподобие храма Венеры-Прародительницы, которая отождествлялась с Исидой-Хатхор — «Золотой», и поскольку золотые погребальные святилища характерны для древней египетской традиции, вполне возможно, что Клеопатра имела отношение к организации похорон Цезаря. Хотя, конечно, ничто не могло вернуть Цезаря, его преобразование в Осириса, по египетским поверьям, укрепило бы ее роль как Исиды, а его обожествление возвысило бы ее статус и статус их сына Цезариона. Стараясь создать оре-

* См.: *Southern P. Julius Caesar.* — Stroud: Tempus, 2001, p. 151.

** *Светоний.* Указ. соч., с. 40.

ол божественности вокруг Цезаря, Клеопатра, несомненно, действовала рука об руку с Антонием и в их взаимных интересах. Антоний объявил, что Цезарю будут возданы все человеческие и божественные почести. Антоний также возглавил похоронную процессию государственных чиновников, музыкантов и профессиональных плакальщиков в масках на форум, где собралась огромная толпа людей с зажженными свечами.

Антоний обошелся без официального панегирика, а произнес яркую речь как искусный оратор греческой школы и тем самым завоевал себе друзей как среди горожан, так и сельских жителей. Повторив клятву, которую давали Цезарю все сенаторы, он с чувством произнес фразу из популярной драмы, в которой герой Александра, Ахилл, восклицал: «Не я ль моим убийцам был спасителем?»* Когда чувства толпы хлынули через край, она начала действовать по своему разумению. Хотя предполагалось перенести тело на большой погребальный костер, приготовленный на Марсовом поле, люди подожгли постамент на форуме, где был выставлен гроб. В огонь полетели скамейки должностных лиц, судейские стулья, ветки деревьев и все, что попадало под руку. Солдаты Цезаря швыряли в пламя оружие, что несли во время его триумфов. Женщины кидали свои драгоценности и даже туники и амулеты детей, чтобы огонь поглотил его тело и высвободил душу.

Хотя Цицерон утверждал, что Антоний первый поднес горящие факелы к погребальному сооружению, имеется описание по меньшей мере одного свидетеля, где говорится, что неожиданно «появились двое неизвестных, подпоясанных мечами, размахивающие дротиками, и восковыми факелами подожгли постройку»**. И если учесть пристрастие Клеопатры обращать в театрализованное представление событие государственной важности, в том числе попытку

* Светоний. Указ. соч., с. 41.

** Там же.

коронации Цезаря во время незадолго до этого проходившего праздника Луперкалий, кажется весьма вероятным, что эти двое «неизвестных» могли быть актерами, загримированными под Кастора и Полидевка, мифических героев-близнецов, популярных как в Александрии, так и в Риме. Этому событию посвятили свои стихи придворные поэты. В них описывалось, как сами боги явились к Цезарю и что богиня Веста, хранительница вечного огня, который поддерживали в ее храме девственницы-весталки, провозгласила:

Мужа я скрыла сама, двойником его подменивши.
Что поразили клинки? Цезаря призрак пустой*.

Когда охватившая народ скорбь вылилась во всеобщую истерию, кто-то из толпы бросился поджигать дома Брута, Кассия и других известных заговорщиков. Одного человека, принятого за убийцу, тут же растерзали, а его голову, насаженную на копьё, носили по улицам. Массовую резню предотвратило лишь то, что Антоний контролировал ситуацию в городе. Многие из участников заговора бежали из Италии в страхе за свою жизнь. Брат Брута признал, что «мы должны покориться судьбе; нужно перебраться на Родос или куда-нибудь еще. При благоприятном стечении обстоятельств мы вернемся в Рим. А так нам придется жить в изгнании, в крайнем случае мы прибегнем к последнему средству...»**. То, что народ не поддержал их, показывает, насколько далека была республиканская элита от народа, который Цезарь так эффективно использовал в своих интересах и который продолжал скорбеть о нем и чтить его память.

Урну с прахом Цезаря поместили рядом с урной его дочери Юлии в родовой усыпальнице. На форуме воздвигли

* Овидий. Собрание сочинений в двух томах. Т. 2. Фасты / Пер. Ф. Петровского — СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1994, с. 415.

** См.: Earl D. The Age of Augustus. — London: Elek, 1968, pp. 19–20.

двадцатифутовую колонну из нумидийского мрамора со скромной надписью «Отцу Отечества». Антоний приказал замуровать входы в курию и больше никогда не использовать ее, а титул диктатора навсегда отменил.

Антоний взял бы под свою защиту и опеку Клеопатру и Цезариона, пожелай они остаться в Риме, но она не захотела этого: Октавиан получил письмо от матери, извещавшей его об убийстве двоюродного деда и о содержании завещания. Он быстро расстался со своей студенческой жизнью в Македонии и поспешил в Рим, чтобы заявить права на наследство. Клеопатра прекрасно понимала, что он будет представлять угрозу для жизни настоящего сына Цезаря — Цезариона.

Наверное, в это время Клеопатра потеряла их второго ребенка примерно при таких же обстоятельствах, при каких в 55 году до н.э. дочь Цезаря, Юлия, потеряла ребенка от Помпея, когда увидела его окровавленный плащ после бурной народной сходки и представила себе худшее. Несмотря на строгую цензуру, которой Октавиан подверг написание истории в более позднее время, имеются некоторые сведения, в частности, в обширной переписке Цицерона, что у Клеопатры произошел выкидыш спустя месяц после смерти Цезаря. Выразив огорчение по поводу выкидыша, случившегося у жены Кассия из-за того, что ее муж принимал участие в убийстве Цезаря, Цицерон сразу после этого написал такую фразу: «Что касается царицы, — я хотел бы, и даже насчет сына Цезаря»*. Возможность того, что эта загадочная ремарка относится ко второму ребенку Цезаря и Клеопатры, подкрепляется упоминаниями о неримских детях Цезаря и внесенным им положением в завещании о сыне, который мог бы родиться у него.

Не считаясь с этой потерей, некоторые римляне осмелели настолько, что открыто говорили о том, о чем только

* Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 3, с. 258.

позволяли себе думать, когда был жив Цезарь. Так, тот же Цицерон заметил, что «бегство царицы не огорчает меня»*. И Клеопатра действительно уехала из Рима до 15 апреля с сыном, братом и своей свитой. По-видимому, на голове у нее был черный платок, который стали носить вдовы на Западе еще с гомеровских времен. Но для египтян черный цвет всегда считался цветом новой жизни и возрождения. Поэтому внешность Клеопатры в ее обычном наряде Исиды могла служить двойной цели.

Но царица в черном одеянии не сразу поплыла в Александрию, она сначала направилась на Кипр, чтобы восстановить там птолемеевскую власть. Хотя Цезарь вернул остров Египту в 48 году до н.э. после десяти лет жесткого правления Рима, по формальным признакам он был передан младшему брату Клеопатры, Птолемею XIV, и младшей сестре Арсиное IV. Поскольку Арсиноя находилась не так далеко от Кипра — в Эфесе, куда ее сослал Цезарь, и продолжала строить козни, Клеопатра сочла своим долгом предстать перед киприотами как их полноправная царица рядом с их признанным правителем Птолемеем XIV, хотя его портрет больше не появлялся на монетах, а вместо него теперь изображалась только Клеопатра с младенцем Цезарионом.

Сделав все необходимое, чтобы кипрские богатства потекли в Египет, Клеопатра назначила наместником на острове Серапиона, потом поплыла дальше в Александрию. При благоприятном северном ветре пересечь Средиземное море можно было меньше чем за шесть дней, и, сумев миновать неожиданные весенние шторма, корабль Клеопатры наконец вошел в Большую гавань.

При наличии трех оставленных Цезарем легионов, которые обеспечивали порядок в городе, Клеопатра отобрала бразды правления у оставленного ею правительства и к июлю 44 года до н.э. снова утвердилась у власти. Хотя документ,

* Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 3, с. 237.

датированный 26 июля, вышел от имени Клеопатры и Птолемея XIV, с сентября упоминания о нем больше не встречаются. Достигнув пятнадцатилетнего возраста, то есть номинального совершеннолетия, он вполне мог бы захотеть больше власти для себя, и после смерти Цезаря ничто не препятствовало Арсиное возобновить совместное с ним правление. Эта пара представляла бы реальную угрозу Клеопатре и ее трехлетнему сыну, поэтому Птолемей XIV был ликвидирован, как считается, отравлен Клеопатрой в соответствии с освященной временем царской традицией.

Сохранив свой титул «Теа Филопатор» — «Богиня, Любящая отца», Клеопатра отбросила теперь ставший ненужным титул «Филадельфия» — «Любящая брата», но, следуя птолемеевской традиции двойного правления, сразу же сделала Цезариона своим соправителем. Как Птолемей XV Цезарь, Теос Филопатор Филометор — «Бог, возлюбивший отца и мать» стал земным воплощением Гора во всех смыслах, его мать Клеопатра — земным воплощением Исида, а отец Цезарь — Осирисом. Согласно хорошо известной египетской легенде, Осирис воскрес на руках своей всемогущей жены Исида и стал владыкой загробного мира, а его сын Гор, которого вырастила Исида, занял место отца на земле.

Таким образом, египетский миф стал политической линией Клеопатры. Ее современник историк Диодор Сицилийский писал, что «Исида жила со своим братом [и супругом Осирисом], а после его смерти поклялась, что больше никогда не выйдет замуж. Она отомстила за убийство мужа и с тех пор продолжала править только по закону. По сути дела, ей принадлежит заслуга в большинстве великих благодеяний для людей»*. Это обстоятельство позволило Клеопатре перенять у Исида ее всеобъемлющую женско-мужскую двойственность, давшую ей основание утверждать: «Я поступала, как мужчина, хотя была женщиной, чтобы

* Diodorus 1. 27. 1–2 in Rowlandson J. Op. cit., p. 50.

сохранить имя Осириса на земле»*. И даже на далеких греческих островах почитатели Исида говорили, что «она уравнила женщин с мужчинами»**.

Как кормящая богиня-мать и божество, считающееся более могущественным, чем тысяча солдат, Исида появлялась со своим священным животным — змеей, обвивающей ее руку, «в роли верховной волшебницы, уничтожающей врагов Осириса»***. Это нашло отражение в ювелирных изделиях — золотых браслетах в виде змеек, очень популярных в птолемеевские и римские времена. Их носили на обоих предплечьях так, что на правом одна змейка как бы поднималась вверх, а на левом другая — опускалась вниз. Возможно, что их надевали вместе с украшениями с портретом Цезаря, точно так же, как золотые монеты с изображениями Птолемея прикрепляли к разукрашенным драгоценностями ожерельям и поясам. А еще, конечно, носили золотые кольца в форме кувшина для жертвенных возлияний в честь божественной души Цезаря с его образом.

Хотя его прах захоронили в родовой усыпальнице в Риме, его душа пребывала в Египте, где Клеопатра, вобрав в себя силы Исида, чтобы воскрешать мертвых по крайней мере мысленно, возобновила программу строительства храмов. Память о Цезаре хранилась в соответствии с древними египетскими традициями в мемориале Цезареуме, возвеличивавшем в камне происхождение Цезариона по отцу.

Сооруженный рядом с царским дворцовым комплексом в приморской части Александрии, он в некотором отноше-

* Отрывок из текста на папирусе, хранящемся в Лувре. (Pap. Louvre 3079 I in *Benard E. and Moon B. Goddesses Who Rule.* — Oxford: OUP, 2000, p. 228.)

** См.: *Witt R.E. Isis in the Ancient World.* — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971, p. 110.

*** См.: *Etienne M. «Queen, Hathor or Lecherous Goddess? An Egyptological Approach to a Roman Image of Propaganda».* Cleopatra reassessed, British Museum Occasional Paper No. 103 (eds. Walker S. and Ashton S.). — London: BMP, 2003, p. 987.

нии напоминал храм, построенный Птолемеем II в память о своей скончавшейся и обожествленной супруге Арсиное II. Клеопатре, наверное, очень понравился обелиск, установленный перед храмом ее предков, и она решила воздвигнуть такие же два двухсоттонных обелиска из розового гранита из Гелиополя. «Иглы Клеопатры» полуторатысячелетней давности поставили на расстоянии шестидесяти метров по обеим сторонам громадного входа в Цезареум, который имел стопятидесятиметровую длину по фасаду, обращенному в сторону гавани, и ширину семьдесят метров и располагался посреди ухоженного парка. Возвышавшаяся на массивном фундаменте многоуровневая надстройка в виде ступенчатого святилища была самым впечатляющим зданием в Александрии, подобного которому ранее никогда не видели. Иудейский философ Филон позднее писал, что «нет святыни более драгоценной, чем [этот храм. Он] возвышается над самыми удобными гаванями, такой величественный и отовсюду заметный, и он, как ни один другой, весь полон посвященных даров: он окружен кольцом из надписей, серебряных и золотых статуй; широко раскинуты священные земли храма, тут портики, библиотеки, священные рощи, ворота, просторные дворы — все, чем создается роскошь и красота»*.

Сохранился следующий фрагмент надписи из Цезареума: «...когда поднимаешься по второй лестнице, ниже правого портика рядом с храмом Венеры, где стояла мраморная статуя богини...»**. Судя по этой надписи, Клеопатра, похоже, скопировала расположение скульптур из храма Венеры, построенного Цезарем на форуме в Риме. Но в Цезареуме

* Текст приводится по изданию: *Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю* / Пер. О.Л. Левинской. — М., Иерусалим: «Gesharim», 1994, с. 75.

** См.: *Grimm G. «Alexandria in the time of Cleopatra»*. Cleopatra Reassessed, British Museum Occasional Paper No. 103 (eds Walker S. and Ashton S.). — London: BMP, 2003, p. 48.

рядом со скульптурами богини и Клеопатры центральное место занимала «статуя божественного Юлия»*, вероятно, схожая с другой статуей Цезаря, высеченной из зеленого сланца, добывавшегося на юге Египта. Ее цвет должен был вызывать ассоциации с Осирисом, чье возрождение условно передавалось зеленым цветом его кожи. Недавно обнаруженные гранитные фигуры Цезариона могли составлять часть такой семейной композиции.

Клеопатра намеревалась построить еще одно здание — Клеопатреон, которому, вероятно, отводилась роль ее культового центра в Александрии, до сих пор известного как Бани Клеопатры. Эти два здания должны были подчеркивать связь между людьми, в чью честь их строили. Поддержка, оказанная ранее Цезарем иудейской общине, нашла отражение в строительстве синагоги в период совместного правления Клеопатры и Цезариона. Они также возобновили предоставление убежища иудеям, издав эдикт от имени «царя и царицы» на греческом языке и на латыни. Использование в данном случае латыни явилось проявлением уважения к проиудейским чувствам Цезаря и подчеркивало взаимоотношения царицы с Римом.

Клеопатра, вероятно, снова совершила поездку по своему царству, на этот раз вместе со своим соправителем Цезарионом, чтобы показаться перед народом в качестве матери Гора. Они вполне могли совершить путешествие до центра Дельты, города Леонтополя (современный Телль эль-Мукдам). Это название значит «Львиный город», и храм, посвященный богу-льву Махесу (греки называли его Минисис), украшали известняковые скульптуры лежащих животных, а также бронзовая мебель, гарнитура и сосуды для пожертвований на львиную тематику. В храме содержался даже живой лев — священное животное бога, жрецы развлекали его, читали стихи, пели, играли на музыкальных инструмен-

* Светоний. Указ. соч., с. 51.

тах и даже исполняли танцы, чтобы доставить удовольствие животному. Совершались сложные ритуальные действия с участием монарха, которого называли царем-львом, и каждое священное животное приравнивалось к Махесу или Гору. Когда лев умирал, он становился Осирисом, и его бальзамировали. На известняковой стеле, относящейся к периоду совместного правления Клеопатры и Цезариона, подробно описано, как члены царской семьи почитали мумифицированных львов. Это еще одно свидетельство культа животных, который Клеопатра использовала как часть своей религиозной и политической стратегии.

Большая часть строительных проектов сосредоточилась на юге, куда Клеопатра, по-видимому, совершила поездку с Цезарионом, чтобы ознакомиться с тем, как ведется строительство храма Исиды-Хатхор в Дендере. На наружной стене художники создавали огромное панно, на котором в мельчайших подробностях изображались Клеопатра и Цезарион, делающие подношения Исиде и Гору. Одновременно этот сюжет воспроизводился на другой монументальной работе, только почти в зеркальном изображении, показывающий, как эта царственная пара делает подношения Хатхор и ее сыну Ихи. Такая массивная пропаганда служила для отождествления Клеопатры с главной богиней храма — Исидой-Хатхор, имевшей одного родителя. В результате ее близости с отсутствующим отцом появился на свет единственный сын, названный здесь «Объединителем Двух Земель», то есть Северного и Южного Египта, а теперь этот традиционный термин мог в равной степени относиться к Египту и Риму. Клеопатра также пожелала, чтобы ее сына изобразили в двойной короне объединенного Египта, и, что важнее всего, она поместила образы сына перед своими, объявляя всему миру порядок законного наследования.

Над всеми этими сценами на крыше храма находилась анфилада святилищ для воскресения Осириса, которые вдруг приобрели особую значимость. В этих стенах Клео-

патра выполняла священный долг, состоящий в том, чтобы вернуть к жизни своего мужа, и она произносила слова, вот уже двадцать три столетия адресовавшиеся божеству: «Воскресни, Осирис, воскресни! Пусть восстанет безжизненный, ибо я есть Исида! Гор идет на твой зов, Осирис; он возьмет тебя на руки, и твоей власти никто не будет угрожать»*. И Клеопатра-Исида воскресила силы Цезаря-Осириса, который будет жить вечно через их сына в бесконечном цикле непрерывности.

Вероятнее всего, продолжая путешествие дальше на юг в Фивы, Клеопатра не упустила случая, чтобы оценить по достоинству умелое руководство ее губернатора Каллимаха в ее отсутствие и показать, что она вновь взяла бразды правления в свои руки. В сооруженном из песчаника храме Хатхор-Исиды на западном берегу Нила в Дейр эль-Медине установили огромную гранитную стелу. Высеченный на ней текст на греческом и египетском языке сопровождался изображениями Цезариона, поклоняющегося Амону-Ра, и Клеопатры в характерной короне Геба с рогами и плюмажем, поклоняющейся богу войны Монту. Оба эти божества представляли аспекты Юлия Цезаря, признанные при жизни самого диктатора.

Эта посылка была наглядно отражена в культовом центре Монту в Гермонтисе, расположенном в нескольких милях южнее. Построенный там Клеопатрой родильный дом украшали росписи с непривычными изображениями акта сокровенного зачатия и рождения Цезариона. Сам Цезарь появлялся на них как Амон-Ра, чтобы оплодотворить Клеопатру традиционным фараоновским способом. В то время велось строительство высокого портала с многочисленными колоннами перед внушительным фасадом. По замыслам Клеопатры после завершения строительства второго такого

* См.: *Richards J.E. and Wilfong T. Preserving Eternity: modern goals, ancient intentions: Egyptian Funerary Artifacts in the Kelsey Museum of Archeology.* — Ann Arbor: Kelsey Museum, 1994, p. 15.

портала здание должно было подняться на высоту пятьдесят футов. Это великолепное сооружение с изящными колоннами, изображающими бога-карлика Беса, помощника при деторождении, а также картушами Клеопатры VII и Птолемея XV Цезариона выражало собой архитектурные вкусы Клеопатры.

Она считала чрезвычайно важным, чтобы и на самой южной окраине духовного мира Птолемеев, в Эдфу, чувствовалось присутствие ее сына как живого представителя всего птолемеевского прошлого. В тени огромного пилона с изображениями Авлета два величественных гранитных сокола, воплощающих собой Гора, по обеим сторонам от входа в храм охраняли фигуру мальчика, недавно идентифицированного как молодого фараона Цезариона.

Такая активная политика не только гарантировала право Цезариона по рождению; обращение к традиционным египетским божествам должно было обеспечить максимальную защиту ребенку в то время, когда детские болезни обычно приводили к смертельному исходу. Древние медики считали очевидным фактом, что дизентерия уносит большинство детей в возрасте до десяти лет; к неблагоприятным факторам относили и условия окружающей среды, такие как экстремальный климат, изобилие змей, скорпионов и крокодилов. В одной из надписей выражалась скорбь по поводу потери годовалого ребенка, чье «тело лежит в песках, а душа перенеслась в свою страну». В таких захоронениях часто находили игрушки и даже бутылки для кормления.

Что касается Цезариона, то он находился в самых надежных руках, ибо живая Исида считалась первой среди божеств-покровителей медицины и способной исцелить от всего, начиная от змеиных укусов и заканчивая слепотой. В птолемеевские времена жрецы Исиды являлись практикующими врачами, знавшими наизусть состоящий из шести частей медицинский трактат по анатомии, патологии, хирургии, фармакологии, офтальмологии и гинекологии. Собранные

вместе в виде храмовых текстов, они назывались «Книгой Тота». Богиню звали на помощь заклинанием многовековой давности: «Исида, великая чарами, исцели и избави меня от всего дурного и порочного, что исходит от Сета, огради меня от смертельных недугов, как ты спасла и освободила своего сына Гора»*. Изобретение лекарств Исидой также признавалось классическим миром, где прописывали названные ее именем лекарства от кровотечения, головной боли, язв, ушибов, переломов и укусов.

Клеопатра мобилизовала все свои силы, когда в 43 году до н.э. опять уровень подъема воды в Ниле был недостаточно высокий. Из-за того что снова нависла угроза голода, пришлось перераспределять огромные запасы зерна из царских хранилищ Александрии, между тем как меры по борьбе с голодом, принятые эпистратегом Каллимахом в Фивах, оказались настолько эффективными, что в его честь устанавливались статуи и устраивались празднества. Чтобы не допустить растрачивания запасов, хранившихся в храмах, Клеопатра направила строгое предупреждение сборщикам налогов, что они будут наказаны, если нарушат ее распоряжение, по которому храмы освобождались от податей.

Разлив Нила в 42—41 годах до н.э. также не оправдал ожиданий, и смертность от болезней стала такой высокой, что советник Клеопатры по вопросам медицины Диоскурид Факас начал проводить исследования бубонной чумы. Сама Клеопатра продолжала работать на более эзотерическом уровне, пытаясь успокоить гнев богини-львицы Сехмет, «повелительницы чумы», как это видно на стеле без текста с изображением царицы, скорее всего Клеопатры, играющей на сестре, чтобы успокоить богиню, насылающую чуму на людей, в присутствии Хеки, абстрактного божества магии.

В 42 году до н.э. в возрасте всего тридцати одного года умерла Таимхотеп, жена мемфисского верховного жреца

* Эберский папирус, приведенный в издании: *Witt R.E. Isis in the Ancient World.* — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1971, p. 187.

Пшеренптаха, и эта смерть не была случайным стечением обстоятельств. После бальзамирования ее тело поместили в фамильном склепе в Саккаре и установили большую надгробную стелу с эпитафией, написанной братом усопшей Хоремхотепом и самой пространной из всех известных в Египте. Покойница наставляла мужа: «Не увлекайся вином, не предавайся чревоугодию, не напивайся и не прелюбодействуй — будь весел и повинуйся своему сердцу днем и ночью»*. Вместе с ее словами на стеле высечены рельефные изображения Таимхотеп, поклоняющейся Исиде и Осирису, Гору и другим богам, в том числе быку Апису, и это «вероятно, наиболее замечательные рельефы с изображением частного лица из тех, что когда-либо выполнялись в птолемеевский период»**.

Как видно, подданные Клеопатры могли обращаться к лучшим мастерам, и примером расцвета египетского искусства служит такой шедевр, как огромная скульптурная голова из черного диорита, по-видимому, Пшеренптаха, и прекрасно высеченная из зеленого сланца статуя миловидного молодого египтянина с вьющимися волосами. Великолепная бронзовая статуэтка Гора, выполненная в греческой манере в Александрии с таким мастерством, что даже превосходит по качеству скульптуры царей, скорее всего изображает Цезариона. В Неаполитанском музее хранится изумительной красоты чаша «Tazza Farnese» из индийского сардоникса с камеей, изображающей Нил в виде мужского божества, держащего рог изобилия, вместе с Исидой, увенчанной царской диадемой и непринужденно прислоняющейся к голове сфинкса, а также Гором, несущим мешок с зерном.

Эта аллегория вполне понятна: Клеопатра-Исида и Цезарион-Гор объединяются с силами Нила, чтобы вернуть Египту столь необходимое плодородие. Но то, что Клеопат-

* Фрагмент текста на стеле в Британском музее.

** См.: Brooklyn Museum. Cleopatra's Egypt: Age of the Ptolemies. — Brooklyn: Brooklyn Museum, 1988, p. 231.

ра представляла своего сына как Гора, мстящего за отца Осириса, содержало завуалированную политическую мысль: мысль об отмщении. И поскольку Клеопатра готовила Цезариона к исполнению сыновнего долга и занятию места отца, их обоих затянуло в приближающийся вихрь событий, которые принесут Древнему миру кровопролитие.

Как и предсказывал Цезарь, его убийство стало причиной новой гражданской войны. За убийцами охотились два человека, соперничавшие друг с другом за право быть преемниками. Это его заместитель Антоний, поддерживаемый войсками и деньгами Цезаря, и приемный сын и наследник Октавиан, вернувшийся из Македонии в начале мая, чтобы принять новое имя перед сенатом. Естественно, Октавиан потребовал деньги, оставленные ему Цезарем, но Антоний, решительно настроенный удержать власть в своих руках, отстранил его.

Эти двое различались по темпераменту, идеологии и, конечно, внешности. К тридцати девяти годам Антоний был в расцвете сил. «Он обладал красивой и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели»*. Это описание не имеет ничего общего с некоторыми его портретами на монетах, цель которых состояла не столько в том, чтобы передать внешнее сходство, сколько подчеркнуть определенные качества человека. Его враги считали весьма странным то, что ему нравилось одеваться, как Геракл, а подражание Александру им казалось противоречащим нормальному римскому поведению, как и поклонение Дионису, этому восточному богу «мужской извращенности».

Чем больше Антоний красовался в экзотических, если не сказать вызывающих сомнение нарядах, тем чаще его соперник Октавиан появлялся в одеждах Аполлона и Марса. Мысль о вооруженной борьбе вызывала у него отвраще-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 400.

ние. Чтобы скрыть свою худощавую фигуру, он надевал под тогой несколько пар нижнего белья. Он даже «башмаки подбивал толстыми подошвами, чтобы казаться выше»*. Говорили еще, что «росту он был невысокого, <...> но это <...> было заметно лишь рядом с более рослыми людьми»**, поэтому он старался по возможности держаться подальше от высокого Антония.

Октавиану явно «недоставало шарма и щегольства и тем более мужественности Марка Антония. Хилый, болезненный, малодушный — такой тип человека легко узнаваем, как и беспощадность, которая часто идет рука об руку с малодушием. Что вызывает восхищение, так это моральная смелость и быстрое восприятие реальности»***. Недостаток воинственности и отваги с лихвой компенсировался острым политическим умом, полным отсутствием угрызений совести и невероятно удачным наследием.

Восемнадцатилетний Октавиан подчеркивал это наследие при каждом удобном случае. Он установил статую Цезаря в фамильном храме Венеры-Прародительницы, где также находилась статуя Клеопатры. Он расположил к себе народ тем, что в честь Цезаря устроил погребальные игры. Появление кометы за час до захода солнца в течение семи дней подряд восприняли как знак того, что душа Цезаря вознеслась на небо. Ее называли «*Sidus Iulium*» в соответствии с древними египетскими поверьями, по которым души умерших фараонов поднимаются вверх из их пирамид и становятся «неугасимыми звездами». Римляне верили, что душа Цезаря превратилась в звезду, после чего ее стали изображать над его головой на посмертных портретах, в том числе над новой статуей в храме Венеры.

Как и Клеопатра, которая поддерживала связь с Цезарем, Октавиан использовал свои божественные связи, чтобы

* Светоний. Указ. соч., с. 80.

** Там же, с. 82.

*** См.: *Earl D. The Age of Augustus.* — London: Eleck, 1968, p. 192.

стать «*divi filius*» — «сыном бога», пусть даже в результате усыновления. То, что он везде и всюду называл себя именем Цезаря*, раздражало Антония. Он как-то сказал: «Ты, парень, всем обязан своему имени»**. Тем не менее оставшиеся республиканцы отнеслись к Октавиану как к важному противовесу Антонию. Цицерон, все еще наивно надевавшийся восстановить республику, высказал такую точку зрения: «Выдающийся мальчик Цезарь, на него я действительно надеюсь в будущем»***.

В то время как Октавиан стремился сблизиться с Цицероном, все еще обладавшим политическим влиянием, и завоевать к себе расположение общественности, Антоний постоянно подвергался нападкам. Когда его назначили жрецом культа Цезаря, Цицерон с пафосом произнес: «О, гнусный человек! — безразлично, являешься ли ты жрецом Цезаря или жрецом мертвеца!»****. Отказавшись присутствовать на заседании сената, назначенном Антонием на 1 сентября 44 года до н.э., Цицерон вновь обрушил на него критику в своих речах, которые назвал филиппиками по аналогии с обличительными речами афинского оратора Демосфена против отца Александра, Филиппа Македонского, когда тот начал подчинять себе всю Грецию тремя столетиями ранее. Тем не менее, независимо от отношения Цицерона к Антонию и Октавиану, последние двое объединились, чтобы наказать убийц, с которыми Цицерон уже встречался и советовал им занять невысокие должности на Крите и в Кирене, предложенные некоторыми сенаторами, решившими удалить их из Рима, чтобы до них не добрались приверженцы Цезаря.

* Усыновленный брал полное имя своего отца, а свое бывшее имя приписывал в конце нового. Теперь Октавий именовался Гай Юлий Цезарь Октавиан. — *Примеч. пер.*

** Цицерон. Тринадцатая филиппика против Антония.

*** Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 3, с. 362—363.

**** Цицерон. Речи. Т. 2, с. 317.

Антоний продолжал осуществлять замыслы Цезаря относительно парфянского похода, направив в Сирию полководца Долабеллу, а своего младшего брата Гая — в Македонию с наказом вернуть войска, посланные туда Цезарем. Но когда в начале октября 44 года до н.э. Антоний отправился в порт Брундизий, чтобы встретить возвращающиеся войска, Октавиан понял, что силы Антония еще больше возрастут. Поэтому он немедленно послал туда своих сторонников, и ко времени прибытия Антония многие из его солдат перешли на сторону Октавиана.

Пока шла борьба за легионы, Октавиан перебросил войска в Рим, а Антоний двинулся на север. Там в городе Мутина (Модена) затаился брат Марка Брута и соучастник убийства Децим. Теперь уже действовали сообща Октавиан и Цицерон, продолжавший выступать со своими филиппиками. Постепенно они стали перетягивать на свою сторону сенат. Выступая со второй обличительной речью против Антония в октябре 44 года до н.э., Цицерон воскликнул: «О, гнусная мерзость! О, нестерпимое бесстыдство, ничтожность, разврат этого человека!»* Потом оратор принялся высмеивать отношения Антония с женой Фульвией, убийцу первого мужа которой Цицерон защищал в суде. Он рассказал, как Антоний пришел к себе в дом, закутавшись с ног до головы в плащ, якобы с сообщением, что принес жене письмо от Антония, где он отказывался от своей любовницы-актрисы. Со слов Цицерона, когда Фульвия начала читать, «он открыл лицо и бросился ей на шею. О, ничтожный человек!»**. Такие спонтанные проявления чувств Цицерону, очевидно, были чужды.

По совету Цицерона, продолжавшего яростные нападки на Антония, бесхребетный сенат в апреле 43 года до н.э. объявил его «врагом отечества номер один». Сейчас, когда он оказался вне закона, и ему противостояли объединенные

* Цицерон. Речи. Т. 2, с. 289.

** Там же, с. 307.

силы Октавиана и сената, Антонию пришлось снять осаду Мутины и совершить переход через Альпы в Южную Галлию, район ему хорошо знакомый. Как рассчитывал Цицерон, убийцы Цезаря вернулись под крылышко сената, а Децим получил приказ преследовать и атаковать Антония. Его брату Марку Бруту дали в управление Македонию, а Кассий получил Сирию, и даже Секст Помпей стал командовать римским флотом и мог контролировать все Средиземное море. Цезарь, наверное, пришел бы в негодование, если бы узнал, что его приемный сын бездействует.

Но Октавиан и сенат недооценили Антония и переоценили преданность своих людей. Встретившись в мае, войска Лепида, наместника Галлии, и легионы Антония предпочли не сражаться, а брататься, и Антоний, хотя не был уверен, как его встретят, беспечно отправился в лагерь противника. Лепид решил, что будет лучше примириться со своим прежним коллегой, за что его собственный брат заклеил его в сенате как предателя, но перевес сил снова оказался на стороне Антония.

Солдаты Децима переметнулись к Антонию, а сам Децим бежал на север, где его убил один из галльских союзников Антония и послал ему в подарок голову Децима. Такие политические перемены насторожили Секста Помпея, и он решил держаться подальше от Рима. Полностью завладев флотом, он занял Сицилию. Влияние Цицерона также пошло на убыль. Хотя ему казалось, что он может управлять событиями через Октавиана, его протеже узнал, что о нем говорил близким друзьям оратор: мол, молодого человека «следует восхвалять, украсить, поднять*». Октавиан решил действовать в одиночку и любыми путями добиваться власти в борьбе с Антонием.

* Т.е. устранить: умершего украшали, затем поднимали на носилках. В подлиннике игра слов, основанная на двойном значении глагола **tollere**: 1) поднять и 2) устранять, уничтожить. (См.: Письма Марка Туллия Цицерона. Т. 3, с. 435). — *Примеч. пер.*

После того как сенат отказался избрать Октавиана консулом, он, последовав примеру Цезаря, двинул свои войска на Рим и захватил общественную казну. После этого 19 августа 43 года до н.э. незадолго до своего двадцатилетия он вместе с одним из дальних родственников был избран консулом. Затем он создал специальный суд, чтобы судить убийц Цезаря. Всех их признали виновными, и их имущество подлежало конфискации. Вне закона оказался и сам Цицерон, который поспешил покинуть столицу. Брут и Кассий пытались утвердиться в своих провинциях — соответственно в Македонии и Сирии. Воспользовавшись тем, что Цицерону удавалось тянуть время, они собрали значительные силы, которые смогли одолеть только объединенные легионы Антония и Лепида.

В сложившейся ситуации Октавиану ничего не оставалось, как отменить прозвание «врагов отечества» для этих двух лидеров и предложить им образовать второй триумvirат по образцу первого, возникшего семнадцатью годами раньше в составе Цезаря, Помпея и Красса. Переговоры трех самых влиятельных в Риме политиков проводились недалеко от Боннии (Болоньи). Каждый из них получил неограниченную власть на пять лет для устройства государственных дел при условии, исключаящем какие-либо обвинения в их адрес в диктаторстве. Затем они разделили между собой Древний мир: Антоний потребовал большую часть Галлии, Лепид получил оставшуюся часть Галлии и Испанию, а Октавиан — меньшие регионы: острова Сардинию и Сицилию, а также Африку.

Триумvиры договорились, что сейчас они могут бросить вызов Бруту и Кассию, но им требовалось много денег, чтобы заплатить войскам. Были составлены так называемые проскрипционные списки с именами тех, кто подлежал казни с конфискацией имущества. Хотя «лишь вокруг осужденных на смерть разгорелся яростный и мучительный спор, ибо каждый хотел разделаться со своими врагами и спасти

своих приверженцев»*, как говорят, «в конце концов уважение к родственникам и любовь к друзьям склонились перед лютою злобой к неприятелям, и Цезарь уступил Антонию Цицерона, а тот ему — Луция Цезаря, своего дядю по матери. Лепиду был отдан в жертву его родной брат»**, недавно осуждавший его.

Список из семнадцати первоначально включенных в него имен разросся до нескольких сотен, многие из этих людей бежали из города, спасая свою жизнь. Цицерон также мог скрыться, но из-за нерешительности он просто уехал на одну из своих вилл. 7 декабря 43 года до н.э. его убили вместе с племянником, братом и многими другими людьми. Обрадованный этой новостью Антоний приказал отсечь голову Цицерону и его правую руку, которой он писал речи против него, и когда «ему доставили эту добычу, он глядел на нее, счастливый, и долго смеялся от радости, а потом, наглядевшись, велел выставить на форуме, на ораторском возвышении»***. Когда голову и руку оратора прибили гвоздями на самом людном месте, как это делали Птолеми, ликующая Фульвия достала из волос острую шпильку и в отместку за постоянное злословие о двоих из ее трех мужей вонзила ее в его язык.

Женщины начали играть более заметную роль во время политического кризиса. Мать Антония, Юлия, бросилась защищать своего брата, когда за ним пришли солдаты. Она смело преградила им дорогу, раскинув руки, и воскликнула: «Вам не убить Луция Цезаря, пока жива я, мать вашего императора!»**** Такое развитие событий придало храбрости римлянкам. Несомненно, помня о влиянии, которое оказывала Клеопатра во время своего недавнего пребывания в их

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т 2, с. 408.

** Там же. (Плутарх называет Октавиана его новым именем — Цезарь. — *Примеч. пер.*)

*** Там же.

**** Там же.

городе, они организовали марш протеста на форум против решения триумвиров ввести налог для полутора тысяч самых богатых женщин в Риме. Хотя Фульвия отвергла возражения матери Антония и сестры Октавиана, Октавии, возглавлявшая марш Гортензия выступила с пламенной речью, в которой она заявила, что женщины не имеют голоса в правительстве, поэтому они должны быть освобождены от налога.

В нормальных условиях подобная принципиальная позиция вызвала бы такой же скандал, какой разразился, когда Гайя Афрания при Цезаре попыталась защищать себя в суде, и ее имя стало нарицательным для женщин легкого поведения. Покойный отец Гортензии был известным оратором и сейчас «снова жил в своем чаде и вкладывал слова в уста дочери», благодаря чему она успешно справилась с ролью выразительницы интересов женщин. Ее беспрецедентное выступление сделало свое дело, и, хотя демонстрантов разогнали силой, число подлежащих обложению налогом моментально сократили на тысячу.

Родственники триумвиров по женской линии снова оказались весьма полезными, когда потребовалось укрепить мужской союз. Сын Лепида был уже помолвлен со старшей дочерью Антония, Антонией, а Октавиан разорвал свою уже существующую помолвку и согласился жениться на падчерице Антония, дочери Фульвии от предыдущего брака, Клавдии. Надежно привязав к себе браками двух коллег, Антоний обдумывал другие формы альянса. Вместе с двумя другими триумвирами он перестроил храм Исиды на Марсовом поле. По замыслу Цезаря и Клеопатры посвященный Юлию Цезарю и теперь заверченный в память о нем, храм должен был стать средством, с помощью которого предполагалось добиться расположения Клеопатры, чья поддержка могла бы понадобиться на Востоке в предстоящей войне с Брутом и Кассием.

Дав молчаливое согласие на устранение Клеопатрой своего младшего брата Птолемея XIV, триумвиры признали цар-

ский статус Цезариона, и Клеопатра заключила союз с давним соратником Цезаря, Долабеллой, исходя из того, что он сражался против Кассия за контроль над Сирией. Когда Долабелла хотел воспользоваться в качестве подкрепления легионами, оставленными в Александрии Цезарем в 47 году до н.э., Клеопатра дала согласие и послала их на север. Однако по пути их перехватили, и они перешли на сторону Кассия. Затем Долабелла предпринял наступление в Малой Азии, наместник которой, Требоний, участвовал в заговоре, и именно он задержал разговором Антония у входа в курию перед самым убийством Цезаря. Долабелла убил Требония, ему отрубили голову, и солдаты играли ею как мячом.

Чтобы противостоять Долабелле на море, Кассию нужны были корабли. Не имея возможности воспользоваться флотом Секста Помпея, Кассий искал корабли по всему Средиземноморью. Родос и Ликия отказались предоставлять их, но он сумел прибрать к рукам часть египетского флота, когда Серапион, наместник Клеопатры на Кипре, по-видимому, тайно сговорившись с бывшей царицей Кипра Арсинойей, находившейся в ссылке в Эфесе, отдал ему египетские корабли, стоявшие на якоре у побережья острова. В результате Кассий получил громадное военное превосходство на море, такое же, какое он имел на суше. Хотя некоторые считают, что Клеопатра неофициально отдала Серапиону соответствующий приказ, делая вид, что ничего не знает, а на деле поддерживала обе стороны, дабы сохранить независимость Египта при любом исходе борьбы, согласно одному древнему источнику, «Серапион, не сообщив ничего Клеопатре, послал Кассию все корабли, имевшиеся у них»*.

Пытаясь выиграть время, Клеопатра отказала в просьбе Кассия предоставить корабли, сославшись на свирепствовавшие в Египте голод и чуму и отсутствие ресурсов, притом что в доках Александрии строились новые корабли. Она

* *Аппиан*. Римская история. Т. 2, с. 223.

также вела морскую торговлю с Индией, о чем свидетельствует надпись в Коптосе, датированная 43 годом до н.э. и обращенная к ее чиновнику, отвечающему «за Красное и Индийское моря». Кроме того, маловероятно, что она стала бы помогать человеку, который за год до этого убил отца ее сына. И вообще перед ней открывались весьма мрачные перспективы сейчас, когда начали наступать силы Кассия.

Одержав победу над Долабеллой, который покончил жизнь самоубийством в июле 43 года до н.э., Брут устранил еще одного из соратников триумвиров и назначил наместником Македонии Гортензия Гортала, брата Гортензии, прославившейся своей пламенной речью, и разрешил ему казнить прежнего наместника, брата Антония, Гая. Таким образом, к 42 году до н.э. Кассий и Брут вели переговоры с парфянами и контролировали весь Восток за исключением Египта.

Не располагая силами для обороны страны, уже ослабленной голодом, Клеопатра делала все возможное, чтобы отвлечь вторжение Кассия через сирийскую границу, пока триумвиры наконец не начали предпринимать конкретные шаги. Оставив Лепида в Риме, Антоний и Октавиан двинули силы на восток. Брут отозвал Кассия с юга, чтобы объединить с ним свои войска у Геллеспонта.

К сентябрю 42 года до н.э. обе стороны были в состоянии готовности, как и Клеопатра, которая намеревалась взаимодействовать с триумвирами и предоставить нужные им корабли; тем самым она хотела исправить положение, сложившееся в результате явного предательства Серапиона, и принять участие в борьбе против тех, кто убил Цезаря. Подобно тому как она вела свою армию из Сирии в Египет в 48 году до н.э., она сейчас решила командовать войсками и, взяв на себя миссию Цезариона отомстить за отца, «с хорошо снаряженным флотом отправилась в Ионическое море против Кассия»*. Кассий располагал сведениями о ее планах и

* *Аппиан*. Римская история. Т. 2, с. 263.

выставил шестьдесят военных кораблей с лучниками для перехвата ее у полуострова Пелопоннес, но Клеопатре не удалось довести начатое дело до конца. Недалеко от побережья Ливии ее флот застиг сильный шторм, много кораблей затонуло. У самой царицы началась морская болезнь, и она решила вернуться. Сразу по прибытии в Александрию она приступила к строительству шестидесяти новых кораблей. Это стало известно заговорщикам, которые послали свои суда, чтобы уничтожить оставшиеся корабли Клеопатры. В результате того, что часть неприятельского флота была отвлечена на выполнение этой задачи, Антоний смог перебросить свои легионы в Македонию, где они соединились с силами Октавиана. Молодого триумвира носили в паланкине, потому что он стал плохо себя чувствовать при мысли о предстоящей битве.

Она произошла 23 октября 42 года до н.э. у города Филиппы, названного так в честь отца Александра, Филиппа II, и где находился храм Исиды. Брут изрядно потрепал армию Октавиана и захватил его лагерь, но самого триумвира нигде не нашли. Отправив своих солдат сражаться, нервозный внучатый племянник Цезаря укрылся в близлежащих болотах, как ему посоветовал один из друзей, которому приснился дурной сон. Или по крайней мере такой была его отговорка.

Между тем на другом фланге Антонию удалось потеснить войско Кассия и прижать к скалистым горам. Хотя Брут выслал ему на подмогу свою конницу, Кассий из-за слабого зрения по ошибке принял ее за всадников Антония и покончил с собой. Конфликт не утихал еще несколько недель, и 16 ноября Брут завязал новую битву, но на этот раз Антоний наголову разбил его. Дезертировало так много солдат заговорщиков, в том числе поэт Квинт Гораций Флакк, более известный как Гораций, что у Брута не осталось никакой надежды, и он с помощью друга совершил самоубийство.

Хотя на Бруте лежала ответственность за смерть Цезаря и брата Антония, Гая, Антоний, некогда друживший с Брутом, накрыл его тело своим пурпурным плащом и приказал устроить достойные похороны. Но Октавиан помешал этому. Неожиданно выздоровев и покинув свое укрытие в болотах, он объявился в войсках и приказал отрубить голову Бруту, отправить ее в Рим и бросить к ногам статуи Цезаря. Потом он наблюдал за казнью других заговорщиков, взятых в плен, и вел себя так отвратительно, что «иные, проходя в цепях мимо полководцев, приветствовали Антония почетным именем императора, [Октавиану] же бросали в лицо самые жестокие оскорбления»*.

Итак, полная победа осталась за Антонием, и легионы приветствовали его как императора, Октавиан же решил держаться в тени. Однако позднее, переписывая историю, он будет утверждать, что славная победа принадлежит ему, а его биограф напишет, что он разбил Брута и Кассия, «несмотря на свою слабость и болезнь»**. Мстя за смерть брата Гая, Антоний приказал казнить Гортензия на его могиле. Когда все необходимые меры были приняты, заговорщики наказаны и Цезарь отмщен, Антоний сбрил бороду, которую носил два последних года. Он также позаботился о том, чтобы в храме Исиды в Филиппах совершались благодарственные молебствия, и приказал установить «колонны, вверявшие город полностью заботам богини как ее царицы и спасительницы»***. Этот жест расположил к нему народы Востока и наиболее важную представительницу Исиды — Клеопатру. Еще одно признание храбрости на море египетской правительницы в недавней войне может объяснить происхождение загадочной мраморной головы, найденной

* *Светоний*. Указ. соч., с. 48.

** Там же, с. 49.

*** См.: *Witt R.E.* «The Egyptian Cults in Macedonia», *Ancient Macedonia: papers read at the first international symposium held in Thessaloniki, 26–29 August 1968* (eds. Laourdas B. and Makaronas C.J.) — Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1970, p. 327.

в Риме. Волосы у нее уложены в знакомую прическу «арбуз» и увенчаны необычной треугольной диадемой, «что указывает на принадлежность личности к религиозному культу или означает, что она сравнима с богиней»*. Остававшееся прежде без внимания невероятное сходство головного убора с короной в форме носа корабля, которую носила Береника II, и с венком из выступов на носу корабля, которым сенат награждал за отличие в морском сражении, наводит на мысль о том, что это изображение Клеопатры как Исиды Фариа, богини-покровительницы Александрии и владычицы морей, отмеченной за боевые заслуги при проведении операции по отмщению за Цезаря.

Когда война против убийц Цезаря закончилась, триумвиры перекроили между собой империю, и в том, какую территорию они выбрали, нашли отражения их характерные особенности. Хотя Октавиан вернул себе Запад и сохранил контроль над Сардинией, Корсикой и Сицилией, отобрав Испанию у Лепида и отдав ему африканские провинции, Антонию досталась львиная доля. Отдав Галлию под управление своих наместников, он прибрал к рукам весь Восток, пользуясь тем, что его безоговорочная победа при Филиппах сделала его законным правителем в глазах эллинизированных народов. В пяти провинциях — Македонии, Малой Азии, Вифинии-Понте, Киликии и Сирии — и во многих княжествах требовалось осуществить территориально-административную реорганизацию, чтобы взимать налоги на намеченный поход против парфян. Между тем зиму 42/41 года до н.э. он провел в Афинах, где жил в студенческие дни.

В своем любимом греческом одеянии он расхаживал по славившемуся культурой городу, посещая лекции, пиры, игры и театры. «Он воздвиг напоказ в театре подмостки, увитые зеленью, как для вакханалий, и они были увешаны тимпанами, оленьими шкурами и прочими дионисическими

* Walker S. and Higgs P. *Op. cit.*, p. 231.

затейми. Лежа там с раннего утра, Антоний пьянствовал с друзьями, слушая при этом певцов, приглашенных из Италии. Поглядеть на такое зрелище греки собирались со всех концов»*. Для проведения этого цветомузыкального представления «иногда переходил он и на Акрополь. Все Афины освещались тогда с крыши факелами. И с тех пор он повелел, чтобы во всех городах его величали Дионисом»**.

С наступлением весны нужно было начинать работу на Востоке — вознаграждать тех правителей, что поддерживали триумвиров, и наказывать тех, кто этого не делал. Перебравшись в Азию, Антоний посетил Пергам с его знаменитой библиотекой Атталидов, где стояла огромная статуя Афины, и вызвал к себе представителей из различных провинций. После того как он потребовал выплатить в течение одного года огромные налоги за десять лет, на переговорах договорились, что эта сумма будет выплачена в течение двух лет, поскольку Антонию нужно было заручиться поддержкой соседних с Парфией государств. После встречи с иудейскими посланниками Антоний вернул Гиркану II титул верховного жреца в знак признательности за оказанную им помощь Цезарю в Александрийской войне. Уже после смерти Антипатра, эдомитского араба, формально считавшегося иудеем, который был министром у Гиркана, Антоний вместо него поставил сына Гиркана, Ирода, утвердив его своим наместником и пожаловав титул князя. Кроме того, Антоний рассудил спор за трон между двумя царями в Каппадокии, и, несмотря на непродолжительный роман с красавицей царицей Глафирой, матерью одного из претендентов, отдал престол его сопернику, прежде чем Глафира добилась своего.

Но Антоний все-таки состоял в браке. Его интересы в Риме отстаивала его энергичная жена Фульвия, «беспокойная и дерзкая от природы»***. Как говорили, она имела лишь

* *Афиней*. Указ. соч., с. 197.

** Там же.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 414.

внешность женщины. Антоний признавал замечательный вклад жены в свое правление, выпуская в Галлии и Финикии монеты со своим и ее профилем, а в некоторых случаях — только с портретом Фульвии, ставшей первой римлянкой, чье изображение появилось на монетах. Она тесно взаимодействовала с оставшимся в живых братом Антония, Луцием, бывшим в то время консулом, в решении проблемы распределения земель в Италии ста тысяч воинов-ветеранов, требовавших ее. Фульвия и Луций также начали обдумывать, как устранить Октавиана.

Между тем Антоний отправился в Эфес, где находилась обитель великой богини Артемиды. Жители этого города, которые чтили Цезаря как бога и сохранили в неприкосновенности сокровища храма, слышали, что Антоний хотел, чтобы его встречали как Диониса. Когда Антоний въезжал в город, «впереди выступали женщины, одетые вакханками, мужчины и мальчики в обличии панов и сатиров, весь город был в плюще, в тирсах, повсюду звучали псалтерии*, свирели, флейты, и граждане величали Антония Дионисом — Подателем радостей»**. Такими почестями проводилась параллель с Александром, что имело большое пропагандистское значение, поскольку Антоний собирался последовать его примеру и покорить Парфию. Подобно Авлету, его провозгласили Новым Дионисом. Этот титул, появлявшийся повсюду в Передней Азии, в данном случае мог служить противовесом притязаниям Октавиана на божественность на Западе.

Воздавая почести Артемиде в огромном храме города, Антоний, вероятно, встретился с его наиболее известной жрицей, младшей дочерью Авлета, Арсиной, которой уже было далеко за двадцать. После того как Цезарь отправил ее в Эфес, местное духовенство стало величать Арсиною, как

* Псалтерий — древний многострунный щипковый инструмент. —

Примеч. пер.

** *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 410.*

прежде, царицей, и во время визита Антония она могла воспользоваться случаем, чтобы поднять вопрос о возвращении этого титула.

Встретившись с единственной оставшейся в живых сестрой Клеопатры, Антоний должен был бы взвесить достоинства каждой из них и различия между ними, ибо начал разрабатывать стратегию подхода к самой Клеопатре. Он нуждался в ее содействии при проведении восточной политики, но не собирался ехать в Египет и выступать в роли просителя. Вместо этого Антоний направил к ней гонца с приглашением на встречу в Киликии (современная Турция). Зная ее желание любой ценой сохранить Египет, он предложил дать объяснения по поводу слухов, несомненно, распространенных Арсиной, что Клеопатра якобы тайно поддерживала Кассия и Брута. Хотя это было явно ложное обвинение, он рассчитывал, что Клеопатра согласится оказать ему необходимую поддержку, чтобы усидеть на троне.

Однако он не предполагал, что Клеопатра окажется равным ему по силе партнером на таких переговорах.

ЧАСТЬ V

9

ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ: АНТОНИЙ И «РАСТОЧИТЕЛЬНАЯ РОСКОШЬ»

В 41 году до н.э. Марк Антоний, триумвир, император и победитель при Филиппах, пожелал, чтобы египетский фараон Клеопатра Теа Филопатор прибыла в древний город Тарс. Его гонца Квинта Деллия провели в царские покои в Александрии, и, обратившись с формальным приветствием к двадцативосьмилетней государыне, восседавшей перед ним на троне, он «принялся всячески обхаживать египтянку, убеждал ее ехать в Киликию, <...> убранством себя изукрасив»*.

Хотя Клеопатра отвечала со свойственной ей «хитростью и редким мастерством речей»** , она как независимый монарх не спешила отозваться на просьбу Антония, несмотря на то что «успела получить много писем и от самого Антония, и от его друзей»***. Тем не менее она допускала возможность создания нового альянса с Римом в лице Антония, ближайшего соратника Цезаря. Она знала его уже четырнадцать лет, и его стремление подражать Цезарю и Александру вку-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 411.

** Там же.

*** Там же.

пе с любовью к греческой культуре и тягой к красивой жизни и женщинам с решительным характером служили хорошим предзнаменованием. Хотя Клеопатра не спешила с ответом, она решила встретиться с Антонием в Тарсе, но когда сама сочтет нужным, на ее условиях и в ее неподражаемой манере.

«Приготовив щедрые дары, взяв много денег, роскошные наряды и украшения, — какие и подобало везти с собою владычице несметных богатств и благоденствующего царства»*, она задумала с помощью легендарной птолемеевской показной пышности превратить банальную встречу в верхах в яркую демонстрацию политических намерений. Но самым мощным оружием в политическом арсенале Клеопатры было ее понимание мужской натуры. Хорошо зная о желании Антония, чтобы к нему обращались как к Дионису, богу, отождествляемому с египетским Осирисом, она решила поймать его на слове, польстив его божественности тем, что предстанет как его супруга Исида-Афродита. Хотя Клеопатра уже создала в общественном сознании представление о себе как о земном воплощении Исиды, она постарается воспользоваться случаем, чтобы выразить тонкий намек на возможность установления союза как на божественном, так и человеческом уровне.

Уже испробовав свои чары на Цезаре, «перед Антонием она предстанет в том возрасте, когда красота женщины в полном расцвете»**, тем более что над ней потрудились целая армия модельеров, косметологов, парфюмеров и парикмахеров. Мужчины всегда с подозрением относились к таинственному искусству украшения женщины, способному превратить ее в богиню красоты. На политической арене это, конечно, могло привести к серьезным последствиям. В то время как иные республиканцы упрекали Клеопатру в по-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 411.

** Там же.

явлении на людях, «без меры во всем свою красу разукрасив»*, римские поэты признавали, что «нужен уход красоте, без него красота погибает, даже если лицом схожа с Венерой самой»**.

Готовясь к встрече с Антонием, Клеопатра могла воспользоваться широким ассортиментом косметики, начиная с маслянистого ланолинового экстракта из овечьей шерсти и кончая пудрой из семян или корней люпина. Из окиси олова, смешанной с овечьим жиром и крахмалом, делали белую нетоксичную свинцовую основу мази *церусса*. Чтобы придать щекам розоватый оттенок, использовали порошкообразную красную охру или привезенные из Индии румяна *орсель*. Эту фиолетово-красную краску смешивали с маслянистой основой для создания твердой губной помады.

Для придания большей выразительности лицу Клеопатре тщательно выщипывали брови и особое внимание уделяли глазам, поскольку было хорошо известно, что женский взгляд может сразить мужчину как смертельный удар в бою. Хотя гречанкам полагалось держаться скромно, опустив глаза долу, и никогда не смотреть на мужчин в упор, египтянки вели себя совсем иначе, сильно красили глаза сурьмой, сделанной из мелко протертого галенита, смешанного с пальмовым маслом или фильтрованным соляным раствором. Для удобства пользования сурьму помещали в трубочки и наносили палочками из слоновой кости, бронзы, серебра или золота. Она была важным ингредиентом в греко-римской любовной магии. Как и все модницы Александрии того времени, Клеопатра подводила и удлиняла глаза, оттеняя веки порошкообразным зеленым малахитом, синей ляпис-лазурью и желтым шафраном, чтобы походить на Афродиту.

* Текст приводится по изданию: *Марк Анней Лукан. Ферсалия, или О гражданской войне* / Пер. Л.Е. Остроумова. — М.: Ладомир, Наука, 1993, с. 234.

** *Овидий. Наука любви*, с. 129.

Глядя в настенные зеркала, как колдуют над ней ее служанки, Клеопатра могла еще смотреться в зеркало с ручкой в форме палицы Геракла, завернутой в львиную шкуру, считающуюся его атрибутом. Символика Геракла ассоциировалась с мифической лидийской царицей Омфалой, которая соблазнила и буквально разоружила Геракла, отобрав у него палицу и львиную шкуру. Поскольку Антоний числил свое происхождение от Геракла, Клеопатра, всматриваясь в свое отражение, наверняка обдумывала, как добиться такого же результата.

Выбор духов составлял еще один элемент ее многофункциональной стратегии, а выбирать она могла из всего ассортимента продукции, выпускавшейся в Древнем мире. Кипр, недавно возвращенный ей Цезарем, издавна был важным центром парфюмерного производства, да и Александрия славилась на весь мир своими парфюмерными фабриками, куда доставляли экзотические компоненты из Аравии, Индии и Дальнего Востока и где их смешивали с египетскими материалами. Как и другие древние монархи, Клеопатра, должно быть, имела свое характерное благоухание. Духи для парфянских царей, например, изготавливались из огромного числа экзотических компонентов, происходивших из различных частей громадной империи, чтобы подчеркнуть всемогущество властителей.

Египтяне с давних времен пользовались благовониями в ритуальных и политических целях, но Клеопатра хорошо знала, что благовония ассоциируются с любовью и сексом, сферой Хатхор-Афродиты, священными цветами которой были мирт и роза. Вот почему она могла выбрать для себя миртовое и розовое масло. Ими можно было смазывать кожу и волосы, но «чтобы от влажных волос не испортился шелк превосходный, шпилька прическу твою сколет и сдержит ее»*.

* *Марциал. Указ. соч.*, с. 373.

Уход за волосами — это еще один важный элемент ритуала, считавшегося актом поклонения, во время которого почитательницы, «держа гребни из слоновой кости, <...> расчесывают и прибирают волосы владычице»*, олицетворяющей Исиду-Афродиту. На изображениях волосы богини обычно заколоты в аккуратный пучок, как у Клеопатры, и удерживаются золотыми и серебряными шпильками. На людях женщины обычно появлялись с тщательно уложенными волосами, хотя некоторые мужчины признавались, что им нравится, когда дома она раскидывает «их по плечам напоказ»**. Поэтому когда Клеопатра отправлялась на встречу с Антонием, на ее плечи могли ниспадать пряди волос, как у Исиды-Афродиты, чьи «густые длинные волосы, незаметно на пряди разобранные, свободно и мягко рассыпались по божественной шее»***.

Волосы обычно завивали нагретыми металлическими щипцами, затем их закрепляли смолой или составом на восковой основе. Чтобы волосы казались более длинными и для придания им другого цвета, могли использовать шиньоны. Особенно ценились для этой цели рыжие волосы германских племен, покоренных Цезарем. Такой цвет любили модницы Александрии, в том числе женщины из царской семьи. По видимому, мода пошла от золотисто-каштановых волос Клеопатры, а этот оттенок придавала хна, краска, получаемая из листьев кустарника лавсония. Ею испокон веков красились представители всех слоев общества, даже фараоны. Кустарник в большом количестве произрастал в районе Канопа и Александрии, но лучшая хна привозилась из Аскалона, города, где находилась в изгнании Клеопатра.

Что касается одежды, то почти наверняка Клеопатра выбрала греческий хитон. Афродита всегда изображалась в

* *Апулей*. Указ. соч., с. 301.

** *Овидий*. Наука любви. С. 139.

*** *Апулей*. Указ. соч., с. 297.

хитоне, ниспадавшем с одного плеча, так что женщинам советовали:

...непрременно сумеи обнажить свою левую руку —
 Локоть открой напоказ, ниже плеча и плечо.
 Это я вам говорю, у которых белая кожа:
 Каждый к такому плечу рад поцелуем припасть*,
 Поскольку «так-то верней сожжет нас любовь»**.

Хитон Клеопатры по такому случаю, вероятно, был сшит из такой же тонкой ткани, через которую просвечивались ее «белые груди» перед Цезарем, или из шелка, привезенного с греческого острова Кос, или даже из самого лучшего китайского шелка. Рыжеволосые александрийские модницы отдавали предпочтение синим и зеленым тонам. Овидий по этому поводу писал:

Вот тебе цвет прозрачных небес в безоблачный полдень <...>
 Вот тебе ткань, чей цвет — как волна, чье имя — морское, —
 Верю, одеты в нее нимфы в пучине зыбей***.

Клеопатра облачила самых прелестных служанок, сопровождавших ее в Тарс, в наряды nereид и харит.

Как богиня, рожденная из морской пены, Клеопатра в дополнение к хитону из сине-зеленого шелка, несомненно, должна была надеть на себя много жемчуга из своей сказочной коллекции, в частности, длинное жемчужное ожерелье, дважды обмотав его вокруг шеи. Эти украшения также передавали важную политическую идею как символы восточного богатства, которое вскоре могло стать доступным для Антония. На некоторых монетах она изображена со шпиль-

* Овидий. Наука любви, с. 144.

** Овидий. Притиранья для лица // Собрание сочинений. Т. I, с. 228.

*** Овидий. Наука любви, с. 134.

ками в волосах, для придания им глянцевого блеска украшенными жемчужинами. Но наибольшую известность «во всей истории» имели ее громадные серьги с двумя самыми большими жемчужинами стоимостью десять миллионов сестерциев каждая. Как писал Плиний, прежде чем попасть к ней, они прошли через руки восточных царей, очевидно имея в виду, что сокровищами Птолемеев завладел Митридат, а потом Цезарь вернул их Клеопатре. Она производила ошеломляющий эффект, когда носила эти серьги в Риме: у женщин, подражавших ей, захватывало дух от сознания того, что на каждой мочке висело украшение, по цене равное нескольким именьям.

Помимо кремового цвета жемчуга, она могла надеть ювелирные изделия с ярко-зелеными египетскими изумрудами, цвет которых, столь обожаемый ее птолемеевскими предками, совпадал с цветом лица у бога плодородия Осириса, отождествлявшегося с греческим Дионисом. Жемчугом и драгоценными камнями украшали в то время даже обувь. У позолоченных сандалий Клеопатры, какие она переняла у Афродиты, могла быть толстая пробковая подошва, ибо рост и стан имели существенное значение для главы государства. Подражая Клеопатре, в сандалиях на высокой платформе ходили и александрийские модницы.

Увешанная драгоценностями с надушенной головы до позолоченных ног, Клеопатра теперь могла ступить на палубу позолоченного корабля и плыть на север мимо Кипра, а затем на восток к побережью Киликии. Ее прибытие со стороны легендарного острова, места рождения Афродиты, будет служить подтверждением ее идентичности, даже до того как она сама появится в поле зрения.

Как она того хотела, «повсюду разнеслась молва, что Афродита шествует к Дионису на благо Азии»*, когда невиданный корабль вошел в устье реки Кидн, и толпы людей начали собираться на поросших шафраном берегах, чтобы

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 411.*

увидеть самое знаменательное в истории явление. Клеопатра «поплыла вверх по Кидну на ладье с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, сочетающийся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какую изображают ее живописцы, а по обе стороны лежа стояли мальчики с опахалами — будто эроты на картинах. Подобным же образом и самые красивые рабыни были переодеты nereидами и харитами и стояли кто у кормовых весел, кто у канатов. Дивные благовония восходили из бесчисленных курильниц и растекались по берегам. Толпы людей провожали ладью по обеим сторонам реки, от самого устья, другие толпы двинулись навстречу ей из города, мало-помалу начала пустеть и площадь, и в конце концов Антоний остался на своем возвышении один»*.

Пока он ждал в гордом одиночестве на опустевшем форуме, царственная гостья не спешила ступить на его территорию и оставалась под балдахином как богиня в своем святилище. Ибо сейчас разгоралась битва волевых личностей, которую Клеопатра намеревалась выиграть. Поэтому она отклонила приглашение Антония к обеду и сама позвала его со свитой на свой корабль. Антонию ничего не оставалось, как согласиться, и с этого момента она начала одерживать верх.

Когда Антоний в сопровождении эскорта с зажженными факелами вышел на берег, где ее позолоченный корабль продолжал сиять, хотя солнце уже давно зашло за горизонт, сотни огней сверкали как звезды среди оснастки, так «что трудно было оторвать взгляд или представить себе зрелище прекраснее»**. Официальная встреча Антония, происходившая на глазах изумленных жителей, напоминала праздник огней в честь Иsíды. Когда наконец его провели к царице,

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 411.

** Там же.

он, «пораженный, помимо внешности, также и умом Клеопатры, тотчас влюбился в нее, как юноша, хотя ему в это время исполнилось уже сорок лет»*.

В огромной обеденной зале с золотыми и пурпурными портьерами Клеопатра «устроила в честь его царское пиршество, на котором все было из золота, всё в драгоценных камнях, всё самой тонкой работы. <...> При виде несметного богатства Антоний остановился как вкопанный, Клеопатра же с улыбкой сказала, что это ее подарок»**.

После окончания этой чрезвычайно важной встречи, в ходе которой Клеопатра объяснила свои действия в недавнем конфликте, она пригласила Антония и сопровождавших его лиц к себе на обед на следующий вечер. «Второй пир был еще великолепнее, так что первый показался убогим. И опять она подарила всё это ему, а военачальникам позволила унести с собой каждому свое ложе; чаши и покрывала тоже были розданы гостям. А когда настало время расходиться, она предоставила высшим чинам носилки и слуг, прочим же гостям — коней с серебряной сбруей; и каждому был представлен эфиопский раб с факелом»***.

Во время последней встречи Клеопатра устроила такое же представление, только на этот раз пол обеденной залы был выстлан ковром из лепестков роз высотой несколько футов. И только когда она удовлетворилась произведенным эффектом, она наконец приняла приглашение Антония, который «приложил все усилия к тому, чтобы превзойти ее роскошью и изысканностью, но, видя себя побежденным и в том и в другом, первый принялся насмеяться над убожеством и отсутствием вкуса, царившими в его пиршественной зале»****. Ибо, несмотря на греческое образование и любовь к греческой культуре, Антоний всегда, в сущности, оставался

* *Аппиан*. Римская история. Т. 2, с. 263.

** *Афиней*. Указ. соч., с. 196.

*** Там же, с. 196—197.

**** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 411—412.

грубоватым солдафоном, и Клеопатра, поняв, что ей придется иметь с ним дело на этом уровне, так и стала делать «смело и без всяких стеснений»*, прежде чем приступить к реализации своего плана по приведению его политических амбиций в соответствие со своими собственными.

Клеопатра намеревалась возродить планы, которые она строила с Цезарем, вспомнив о пророчестве в «Книгах Сивилл» о том, что бессмертный царь вместе с вдовствующей царицей покорит Рим. И «женщина миром всецело тогда завладеет, и станет он ей во всем подчиняться и слушаться беспрекословно. <...> Вдова окажется мира царицей»**, и наступит новый золотой век единства между Востоком и Западом. Представив свой визит в Тарс как наступление нового золотого века, Клеопатра предложила Антонию блестящее будущее со всеми ресурсами, необходимыми для покорения Парфии и установления единоличной власти над римским миром. За это он устранил бы ее оставшихся врагов.

Располагая сведениями, что «царица» Арсиноя пытается выдавать себя за истинную правительницу Египта, вынужденную жить в Эфесе, и что она уговорила египетского наместника на Кипре Серапиона помогать Кассию, Клеопатра настояла на немедленной казни сестры, и Антоний согласился. И «что бы ни требовала Клеопатра, все выполнялось без всякого внимания к священному или справедливому. Сестру Клеопатры Арсиною, находившуюся просительницей <...> в храме Артемиды, Антоний приказал убить посланным к ней людям»***. Так в храме, где издавна забивали скот для всего города, теперь лишили жизни бывшую царицу Египта.

Хотя Клеопатра пощадила верховного жреца храма, воздававшего Арсиное царские почести, Антоний приказал

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания, с. 412.

** Текст приводится по изданию: Книги Сивилл / Пер. с древнегреч. М. и В. Витковских. — М.: Энигма, 1996, с. 50.

*** *Аппиан*. Римская история, с. 263.

казнить Серапиона и самозванца, выдававшего себя за воскресшего Птолемея XIII, в действительности утонувшего в Ниле. Сейчас, когда все соперники Клеопатры и претенденты на египетский трон были ликвидированы, а ее позиции закреплены печатью одобрения со стороны Рима, Антоний пожаловал ей римскую Киликию, сделав подарок, не уступавший подаренному ей Цезарем Кипру. Добившись всего, чего хотела, и даже большего, ликующая Клеопатра объявила, что возвращается домой, и пригласила Антония к себе в гости.

подавив восстание в Сирии в конце 41 года до н.э., он прибыл в Александрию, город, где ему довелось побывать за четырнадцать лет до этого, когда римляне силой вернули трон Авлету. Горожане были рады его возвращению, как и Клеопатра, которая «оказала ему великолепный прием. <...> Выходил из дому Антоний только в храмы и гимнасии или для беседы с учеными; время проводил с греками и Клеопатрой, которой, несомненно, он главным образом и посвящал все свое время»*.

В ту зиму из-за сильных штормов корабли не выходили в открытое море, и военную кампанию пришлось отложить. Антоний остался в Александрии и проводил время, как в Афинах, на положении частного лица. Он ходил в греческой одежде, поддерживал физическую форму, и Клеопатра «была в числе зрителей, когда он упражнялся с оружием»**. Он брал ее на охоту, бывшую любимым времяпрепровождением коронованных особ, и даже они вместе ловили рыбу. Как-то раз «он велел рыбакам незаметно подплывать под водою и насаживать добычу ему на крючок и так вытащил две или три рыбы. Египтянка разгадала его хитрость, но прикинулась изумленной, рассказывала об этом замечательном лове друзьям и приглашала их поглядеть, что будет на

* *Аппиан*. Римская история, с. 264.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 413.

другой день. Назавтра лодки были полны народу, Антоний закинул лесу, и тут Клеопатра велела одному из своих людей нырнуть и, упредивши рыбаков Антония, потихоньку насадить на крючок понтийскую вяленую рыбу. В уверенности, что снасть не пуста, Антоний вытянул лесу и под общий хохот, которым, как и следовало ожидать, встретили “добычу” все присутствующие, Клеопатра промолвила: “Удочки, император, оставь нам, государям фаросским и канопским. Твой улов — города, цари и материки”»*.

Хотя с октября по март на море свирепствовали бури, не позволявшие совершать плавания, Клеопатре вменяют в вину то, что Антоний надолго задержался в Египте. Ее упрекали в том, что Антоний, «обезоруженный и околдованный Клеопатрой, не раз оставлял важнейшие дела и откладывал неотложные походы, чтобы разгуливать и развлекаться с нею на морском берегу близ Канопы или Тафосириды»**.

Римляне считали Каноп чем-то вроде «легкомысленного» морского курорта. В этом культовом центре Исиды и Осириса собирались огромные толпы верующих на праздник воскресения Осириса. Его культовый образ выносили из храма и на золотой барке везли в Тафосириду. После того как при Птолемах Осирис стал Сераписом, храм в Канопе превратился в великолепный Серапейон. Как писал Страбон, «даже самые уважаемые люди верят в его целительную силу и <...> спят там»***, чтобы чародеи-жрецы всемогущей Исиды даровали им чудесное исцеление. Клеопатра регулярно посещала это место, облаченная как земное воплощение Исиды. В Канопе также находилось святилище Геракла, куда приходил Антоний, одетый как его божественный предок и выглядевший «подобно тому, как на картинах мы видим Омфалу, которая отбирает у Геракла палицу или

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 413.

** Там же, с. 444.

*** Страбон. Указ. соч., с. 544.

сбрасывает с его плеч львиную шкуру»*, прежде чем предложить ему предметы женского туалета.

В Риме на него обрушились с критикой за такое поведение, а также за то, что они с Клеопатрой менялись ролями, предаваясь развлечениям или устраивая драматические представления. Антония обвинили в том, что он, «забыв свою родину, свое имя, тогу»**, стал «цимбалистом из Канопы, игравшим на потеху Клеопатре»***. На самом деле он принимал участие в традиционных египетских мистериях и почитал своих греческих предков, за что был вознагражден Клеопатрой: она приказала изготовить его бюст из темно-зеленого египетского базальта. Бюст установили в культовом центре Канопы по случаю признания Антония воплощением Диониса-Осириса.

Большую часть зимы Антоний и Клеопатра провели в Александрии. Любители драматических постановок, они часто посещали самый большой в городе театр, сообщавшийся с дворцом крытой галереей, которая проходила вдоль дворцовых садов и рядом с борцовской ареной. В честь Осириса, отождествлявшегося с Дионисом, в храмах устраивались драматические представления. Постановки на сюжеты египетских мифов, как и греческие комедии, исполняли вне храмов актеры в масках, пользовавшиеся популярностью у александрийцев за острый язык и грубоватые шутки.

Даже сами египетские монархи принимали участие в театральных постановках от селевкидского Антиоха IV, который сбрасывал одежду и плясал, до Авлета, обожавших костюмированные представления. У Антония и Клеопатры были танцоры, такие как Хелидон, прозванный римлянами «исполнителем непристойных танцев». Их еще больше шокировало то, что друг Антония, Луций Мунаций Планк, наместник Рима в Сирии, «во время пиров <...> красился в

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 444.

** *Луций Анней Флор*. Указ. соч., с. 183.

*** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. I, гл. 27.

синий цвет, обнажался, увенчивал голову тростником, волочил хвост и прыгал на коленях»*.

Наслаждаясь жизнью в замкнутом мире дворца, Антоний и Клеопатра также проводили время во дворце на острове Антиродос, названном так, потому что по очертаниям он имел сходство с большим греческим островом, где Антоний получал образование. Это было идеальное место уединения с частной пристанью рядом с дворцом, построенным ранними Птолемеями и, весьма вероятно, перестроенным самой Клеопатрой. На основании из известняка площадью пять с половиной тысяч квадратных метров возвышался дворец из красного гранита, кварцита и базальта. Колонны чередовались со статуями монархов и богов, в числе которых находились и мраморная скульптура обнаженного Тота-Гермеса с накидкой, переброшенной через плечо, гранитная фигура Клеопатры высотой пятнадцать футов и Цезариона, а также гранитные и диоритовые сфинксы с лицом Авлета.

Среди этого великолепия Антоний и Клеопатра неразлучно оставались вдвоем. «Вместе с ним она играла в кости**», нарды, в бабки и в новую игру, придуманную в Александрии с фишками из слоновой кости, украшенными видами города и портретами членов царской фамилии. Каждый день устраивались пиры для узкого круга друзей, в числе которых был Планк, источавший комплименты Клеопатре, и еще один гость, проводивший так много времени в обществе Антония, что сам называл себя «Паразитом». Эти люди составляли своего рода эксклюзивный клуб под названием «Amimetobioi», что значит «Союз неподражаемых», и «что ни день они задавали друг другу пиры, проматывая совершенно баснословные деньги»***. Это было не простое застолье

* Текст приводится по изданию: *Немировский А.И., Дашкова М.Ф.* «Римская история» Веллея Патеркула. Кн. 2 / Пер. М.Ф. Дашковой. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985, с. 129.

** *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 413.

*** Там же, с. 412.

с участием небольшого числа друзей, потому что пиры с таким изобилием яств и вина всю ночь напролет обходились в астрономические суммы и являлись демонстрацией статуса их устроителей.

Своими легендарными пирами Клеопатра хотела показать, с каким уважением относится к Антонию, который так ценил хорошую еду, что однажды в Афинах подарил повару изумительный дом после особенно понравившегося обеда. Экзотические продукты со всех концов известного мира доставлялись ко двору Клеопатры, пытавшейся с каждым разом превзойти себя и поразить гостей. К столу подавались павлины и цапли с Самоса и Мелоса, тунцы и осетры из Халкидона и с Родоса, охлажденная рыба из Понта, гребешки из Тарента и моллюски из Красного моря и даже Британии. В большом изобилии морские животные, употреблявшиеся в пищу, водились в акватории Александрии. Вблизи дворца вылавливались мидии и различные моллюски, сладкие и сочные в отличие от тех, что обладали желудевым привкусом, добывавшихся за пределами гавани.

Птолемям, конечно, очень нравилась рыба местного улова и привозная копченая, а также широкое разнообразие мясных продуктов от дичи до домашней птицы. Знакомого одного из поваров Клеопатры провели на царскую кухню, где «среди прочего изобилия он увидел восемь кабанов, которых зажарили разом, и удивился многолюдности предстоящего пира. Его знакомец засмеялся и ответил: “Гостей будет немного, человек двенадцать, но каждое блюдо надо подавать в тот миг, когда оно вкуснее всего, а пропустить этот миг проще простого. Ведь Антоний может потребовать обед и сразу, а случается, и отложит ненадолго — прикажет принести сперва кубок или увлечется разговором и не захочет его прервать. Выходит, — закончил повар, — готовится не один, а много обедов, потому что время никак не угадаешь”»*.

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 412.*

Во дворце в ту зиму, несомненно, выпивали много вина, ибо Клеопатра, гордившаяся качеством подаваемого к столу напитка, заботилась о том, чтобы в нем не было недостатка при чествовании Антония как земного воплощения Диониса. Большой знаток вин, он предпочитал греческие, хотя итальянские сорта существенно улучшили, когда переняли опыт греческих виноделов. Фалернское и цекубское вино экспортировалось в закупоренных пробками глиняных амфорах, промазанных внутри сосновой смолой, в результате чего получалось вино с привкусом смолы.

Вина изготавливались и в Ронской долине Галлии, в Испании, на Кипре, в Сирии, Финикии и в самом Египте. Птолемеи развивали существовавшую в течение тысячелетия индустрию, чтобы удовлетворить спрос греческого населения и насытить прибыльный зарубежный рынок. Хотя виноградники в непосредственной близости от дворцов считались одними из лучших, вокруг озера Мареотис собирали такой хороший урожай винограда, что «мареотийское вино разливали в сосуды, чтобы оно стало выдержанным»*. Вина превосходного качества еще делали в Центральной Дельте, Фивах и в западных оазисах Бахария, Харга и Фарафра.

Винодельческие районы Египта, связанные с именем Александра, имели особое значение для династии Клеопатры. Во время празднеств, когда прославлялась божественность царского дома Птолемеев с почитанием Диониса, вино лилось рекой. На больших плотках везли огромные прессы, в которых давили виноградный сок, пока двигалась процессия. На одном из плотов устанавливался громадный, наполненный тридцатью тысячами галлонов** вина бурдюк из шкур сотен леопардов, животного, посвященного Дионису. Затем следовал массивный серебряный смесительный чан с шестью тысячами галлонов, по обе стороны которого сидели полто-

* Страбон. Указ. соч., с 542.

** 1 галлон равен 4,54 литра.

ры тысячи мальчиков в венках из плюща и сосновых шишек с золотыми и серебряными кувшинами для вина.

Употребление вина являлось главной составляющей царского образа жизни, и это часто вменялось в вину птолемеевским монархам. Оратор-трезвенник Демосфен ставил в укор Филиппу II его привычку пить вино, по той же причине отрицательно отзывался об Антонии Цицерон, который писал, что у него в доме «все оглашалось криками пьяных, полы были залиты вином, стены забрызганы»*. Оратор называл Антония «изнуренным пьянством и развратом»** и обвинял его, что он, «будучи во хмелю»***, пытался провозгласить Цезаря царем. Антонию даже пришлось написать в свое оправдание памфлет под названием «О его пьянстве».

Тем не менее репутация была подорвана, и хотя в Антонии видели «человека великого и с благородными задатками», «к чужеземным нравам и неримским порокам» его, очевидно, привели «пьянство и <...> страсть к Клеопатре, не уступавшая страсти к вину»****. Более поздние римские источники будут утверждать, что «египтянка в качестве платы за наслаждение требовала от опьяненного полководца Римскую империю»*****. И саму Клеопатру обвиняли в том же пороке. Поэт Гораций писал: «ум, затуманенный у ней вином мареотийским»*****, а Секст Проперций вторил ему: мол, у царицы «язык, скованный постоянными возлияниями»*****.

* *Марк Туллий Цицерон. Речи. Т. 2, с. 315.*

** Там же, с. 287.

*** *Марк Туллий Цицерон. Тринадцатая филиппика против Марка Антония.*

**** *Луций Анней Сенека. Указ. соч., с. 283.*

***** *Луций Анней Флор. Указ. соч., с. 182.*

***** Здесь и далее текст приводится по изданию: Гораций. Собрание сочинений. Оды. Кн. 1, 37 / Пер. Г.Ф. Церетели. — СПб.: Биографический институт «Студия Биографика», 1993, с. 69.

***** Текст приводится по изданию: Секст Проперций. Элегии в четырех книгах / Пер. А.И. Любжина. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2004, с. 149.

Если учесть, что законом устанавливались ограничения на принятие алкоголя римскими женщинами, то привычка Клеопатры пить вино выглядела более утонченной, чем могли себе представить ее критики. Храмовой литургией поощрялось употребление вина монархами как проявление их царской самобытности и ритуальной специфики, ибо считалось, что в состоянии опьянения происходит прямое общение с богами; ритуальные тексты в храмах Филэ сулили «бесконечное пьянство», «которое развязывает язык»*.

О жрицах птолемеевских времен писали, что они «красивые, с заплетенными в косы волосами, поддерживаемыми лентами, с высокой грудью, в богатых украшениях, опьяневшие от вина», и это совпадало со словами религиозного гимна тысячелетней давности: «Как счастлив храм Амона и даже та, что проводит дни в веселье с царем богов в своей душе, <...> она как опьяневшая женщина, сидящая у храма, с заплетенными в косы волосами и красивыми грудями». И хотя в переводах встречаются слова «распущенные», а не «завязанные лентой» волосы, что указывает на неопрятный вид и наготу, тщательно убранные волосы и соблазнительная ложбинка между грудей, как и состояние легкого опьянения, — все это характерные признаки богини Хатхор. Так же неверно истолковывалась птолемеевская скульптура сидящей на земле женщины с кувшином для вина, обычно называемая «Пьяная старушка». Но это не какая-нибудь беднячка, потому что на ней одежда и украшения состоятельной женщины. Вероятно, она одна из тысяч жительниц Александрии, участвующих в празднике Диониса, даже «возможно, известная пьянчужка, статуя которой могла бы находиться в храме бога вина»**.

Таким образом, употребление вина, которому предавалась Клеопатра как богиня опьянения с земным воплоще-

* См.: *Poo M. Wine and Wine Offering in the Religion of Ancient Egypt* — London: Kegan Paul, 1995, pp. 20, 143.

** См.: *Ridgway B.S. Hellenistic Sculpture I: the Styles of ca. 331—200 BC.* — Madison: University of Wisconsin Press, 1990, p. 337.

нием Диониса, санкционировалось в ритуальных целях, и она стала «филопотом» — «любительницей выпить», как мать Александра, Олимпиада. Клеопатра стала во главе почитательниц Диониса, способных в состоянии опьянения совершать кровавые жертвоприношения. Их мистерии напоминали мифы о том, как Хатхор-Сехмет отправилась на землю, чтобы истребить человеческий род за грехи, и, устроив бойню, упивалась людской кровью.

Хотя понятие «женская агрессия», особенно вызванная алкоголем, было абсолютно несвойственно римлянам, вино и пиво являлись основными напитками во многих древних культурах, а их употребление служило «не чем иным, как символом греческой культурной идентичности»*. Греки, считавшие, что не может быть низкой личностью человек, любящий вино, устраивали дружеские встречи с выпивкой, которые занимали важное место в повседневной жизни.

Такое употребление вина контролировалось социальной средой. Предварительно разбавленное водой вино из больших глубоких чаш (*кратер*) переливали в кувшины, часто украшенные изображениями женщин царской династии с рогом изобилия в руках. Затем его разливали по кубкам. Классический сосуд для питья — ритон — представлял собой рог изобилия в миниатюре из облицованной керамики. Серебряные кубки делали в Мемфисе, а посуда Клеопатры, как отмечал Афиней, вся была из золота, вся в драгоценных камнях, и всё самой тонкой работы. Ее личный кубок украшал крупный аметист, считавшийся символом трезвости и якобы обладавший способностью отрезвлять. В тон ему она носила на пальце кольцо с большим фиолетовым аметистом.

Когда каждый вечер она и «неподражаемые» возлежали на ложах, вкушая всевозможные угощения в честь Диониса, перед ними выступали флейтисты, танцоры и акробаты под песни, «которые петы в театрах или <...> с нильских пришли

* См.: Davidson J. Courtesans and Fishcakes: the Consuming Passions of Classical Athens. — London: Fontana, 1997, p. 40.

берегов»*. Гости играли в различные игры, такие как *коттабос*, в которой остатки вина выплескивались в какую-нибудь цель, и распевали застольные песни о Дионисе и других богах, например, с такими словами: «К нам пришел Аполлон, сейчас он будет плясать. Я слышу звуки его лиры и чувствую, что здесь Купидон и сама Афродита. <...> тот, кто будет плясать с нами всю ночь напролет, пока не наступит рассвет, в награду получит медовую коврижку за игру в *коттабос* и может поцеловать любую девушку и любого юношу»**.

Некоторые подвиги Клеопатры передают атмосферу, царившую на полуночных пирах во дворце. Однажды она вышла в город, одевшись так, как перед встречей с Цезарем. Сейчас, когда Антоний в платье раба ночью «бродил и слонялся по городу, останавливаясь у дверей и окон домов и осыпая обычными своими шутками хозяев, Клеопатра и тут была рядом с Антонием, одетая ему под стать. Нередко он и сам слышал в ответ злые насмешки и даже возвращался домой помятый кулаками александрийцев, хотя большинство и догадывалось, с кем имеет дело. Тем не менее шутовство Антония было по душе горожанам, они с охотой и со вкусом участвовали в этой игре и говорили, что для римлян он надевает трагическую маску, для них же — комическую»***.

Но все эти проделки были лишь игрой, а отнюдь не пьяным дебоширством. Три чаши вина считались пределом в любой компании, поскольку сам Дионис говорил, что «четвертая — не для меня, а для спеси, пятая — для крика, шестая — для веселья, седьмая — для синяка под глазом, восьмая — для вызова в суд, девятая — для гнева и десятая — для безумия и кидания мебели»****. Участники одной печально известной греческой вечеринки допились до того, что им

* Овидий. Наука любви, с. 145.

** См.: *Montserrat D. Sex and Society...* p. 178.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 413.

**** См.: *Eubulus in Davidson J. Courtesans and Fishcakes: the Consuming Passions of Classical Athens.* — London: Fontana, 1997, p. 44.

показалось, будто в бурю плывут по морю, и они начали выбрасывать из окон мебель, чтобы избавиться от лишнего груза, но все равно на следующий день страдали от «морской болезни».

Вино в Египте и Греции издавна употребляли не только для поднятия настроения и при совершении ритуалов, но и в лечебных целях и для растворения медицинских ингредиентов. Говорят, что дочь Зевса, Елена Троянская, смешала с вином «египетский сок» и давала его своему мужу Менелая и его товарищам, когда их отнесло ветром к острову Фарос, и все поклонники Гомера знали, что

В чаши она круговые подлить вознамерилась соку,
Гореусладного, миротворящего, сердцу забвенью
Бедствий дающего: тот, кто вина выпивал,
с благотворным
Слитого соком, был весел весь день и не мог бы
заплакать...
Диева светлая дочь обладала тем соком чудесным;
Щедро в Египте ее Полидамна, супруга Фоона,
Им наделила; земля богатообильная много
Злаков рождает и добрых, целебных, и злых, ядовитых;
Каждый в народе там врач, превышающий знаньем
глубоким
Прочих людей*.

Возможно, речь здесь идет о соке опийного мака (*Papaver somniferum*); его основной компонент — морфин — является анальгетиком, обладает наркотическим и стимулирующим свойством и вызывает эйфорию. В классическом мире опиум, конечно, использовали как успокаивающее средство. Хранили его в небольших сосудах в форме мака. В Древнем Египте «шепен», иногда определяемый как мак, использо-

* Гомер. Одиссея, с. 52, строки 220—229.

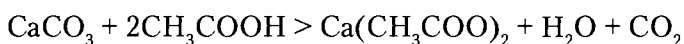
вали для приготовления пива; это название встречается в медицинских текстах для обозначения компонента, входящего в состав средства, которым успокаивали плачущего ребенка, и известного в современном Египте как афродизиак. Египтяне также использовали цветы лотоса при изготовлении вина со слабым наркотическим эффектом, и сама Клеопатра на пирах говорила своим гостям, чтобы они «выпили свои венки»*, по традиции сплетенные из цветов лотоса. Поэтому весьма вероятно, что случаи, подобные тому, что описывал Гораций, как греческая дочь богов подливала в вино своего мужа-воина поднимающий настроение сок, происходили на пирах Клеопатры, обладавшей обширными познаниями в области медицины. Так что «крепление» вина такими добавками не было большой редкостью. Подписывая брачный контракт, одна невеста клялась Исидой, Осирисом, Гором и Зевсом, что не будет давать мужу привораживающие снадобья с питьем и едой. Однако Клеопатра именно так и поступала, когда готовила свои магические зелья, чтобы придать больше притягательной силы своему образу Афродиты и выиграть пари с Антонием.

Желая затмить всех роскошью своих пиров, Клеопатра заявила, что может одна выпить десять миллионов сестерциев. Это вызвало изумление и недоверие у гостей. Тогда она вынула из уха серьгу с жемчужиной, «этим восхитительным и уникальным творением природы. Антоний, сгорая от любопытства, что она собирается сделать»**, вместе со всеми присутствующими наблюдал, как царица подняла украшенный аметистом кубок. Когда его наполнили по знаку Клеопатры, она опустила огромную жемчужину в жидкость и, после того как содержимое зашипело, предложила тост за Антония и осушила кубок, и это стало кульминацией их постоянных возлияний.

* *Плиний*. Естествознание XXI. 12

** *Плиний*. Естествознание IX. 59. 119—121.

Хотя подробности этой истории у многих вызывали сомнения из-за того, что Клеопатра могла просто проглотить жемчужину, «зная, что ее можно будет потом достать»*, ее жест основывался на знании химии. Жемчужины в основном формируются из карбоната кальция, растворяющегося в кислотах. Хотя обычное вино не способно растворить жемчуг так быстро, кислое вино или современный столовый уксус, содержащий пять—семь процентов уксусной кислоты, конечно, сделали бы дело. Когда кальций растворился в разбавленном водой уксусе и с шипением выделился в виде пузырьков диоксида углерода, жемчужина действовала как таблетка от несварения желудка, нейтрализуя кислоту. Таким образом, у Клеопатры получился вполне приятный на вкус напиток из уксуса с жемчужиной. Происходившую реакцию можно представить следующей формулой:

Знания из области естественных наук Клеопатра перенесла в сферу эзотерического; созданный ею напиток был известен как «магистерий» — «великий эликсир», знаменитый афродизиак, связанный с богиней любви Афродитой-Венерой.

Когда она собиралась проделать то же самое со своей второй сережкой, чтобы предложить Антонию последовать ее примеру, Планк выступил вперед и объявил, что она безоговорочно выиграла пари. Антоний должен был платить, и, «исполняя условия какого-то проигранного им спора, он на пиру, на глазах у многих гостей, поднялся с места и растирал ей ноги»**. Хотя египетские придворные давно уже растирали царские ноги, как того требовал государственный этикет, выбранная Клеопатрой плата за проигранное пари

* Плиний. Естествознание IX.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 429.

свидетельствует о ее остроумии, поскольку в соответствии с греческой традицией женщины растирали ноги мужчинам во время выпивок. Как писал Антифан, гость на одной из таких пирушек воскликнул: «Просто восхитительно, как ты растираешь мне ноги своими нежными руками!»

Такая интимность в отношениях Клеопатры с Антонием возникла к концу 41 года до н.э., когда они уже были любовниками. Как один из основателей «Союза неподражаемых» Антоний считал себя неподражаемым любовником, и, как Цезаря до него, его очень прельщала возможность обладать потомком Александра, тем более потомком, чьи полномочия в качестве живого воплощения Афродиты получили неоспоримые доказательства.

Афродита на египетских изображениях предстает практически обнаженной, только великолепные распущенные волосы ниспадают на плечи. Грудь прикрыта лишь полоской ткани, да и этот скромный наряд она зачастую готова сбросить. Тем самым подчеркивается заложенный в белье эротический заряд, помогающий женщинам выглядеть наиболее соблазнительно в глазах любовников. Афродита изображалась не только в некоем подобии бюстгальтера, но и с ожерельями, браслетами на руках и ногах, а также длинными цепочками, обвивающими ее тело. Позднее это превратилось в некое подобие украшенного драгоценными камнями пояса, по признанию самой Афродиты, «все обаяния в нем заключались»*. Подобные тяжелые золотые пояса, ожерелья и сетки для волос из золотых нитей носили дамы высшего света при птолемеевском дворе.

Такие драгоценности не снимали даже перед тем, как заняться любовью. На одном футляре для зеркала была выгравирована женщина с замысловатым пучком волос, нательной цепочкой, браслетом на ноге и прочей дорогой мелочью; в ее будуаре прикроватный столик с кувшином вина,

* Гомер. Илиада, с. 226, строки 214–217.

эротические картины на стенах, какими александрийская элита любила «украшать свои дома — с богами-в страстных объятиях. Люди, считающие сексуальную неумеренность благочестием, <...> развешивают в спальнях картины на достаточно большой высоте, как подношения в храме. Лежа в постели в чувственном наслаждении, они могут бросить взгляд на обнаженную Афродиту, сливающуюся в экстазе с Аресом»*, римским богом войны Марсом.

Откровенные эротические произведения искусства испокон веков составляли часть нескромной египетской культуры, и во дворце Александрии, конечно, находилось предостаточно подобных картин. Центральное место в роскошных покоях Клеопатры занимала ее золотая кровать с мягкими пуховыми перинами, льняными простынями, вероятно, застеленная великолепным египетским покрывалом «искусной работы, переливающимся пурпурными, темно-зелеными, алыми, фиолетовыми красками, вышитым цветами и орнаментами, фигурами животных и сверкающими звездами, обрамленным пурпурной каймой и отделанным золотым шнуром»**. Мягкий свет от масляных ламп, горевших рядом с кроватью, аромат куфи, исходивший от золотых курильниц, создавали спокойную и чарующую атмосферу, в которой предавались любовной неге земные воплощения Афродиты и Диониса.

Антония, все еще женатого на Фульвии, не мучили угрызения совести за совершаемое прелюбодеяние, а Клеопатра не состояла в браке. В космополитической и неханжеской атмосфере Александрии секс был просто приятным времяпрепровождением. Фигурки, называвшиеся *симплегмы* (узлы), изображали невероятные позы, а в царской библиотеке хранились работы на сексуальные темы от непри-

* Clement Protrepticus IV. 57—61. 4 in *Montserrat M. Sex and Society in Graeco-Roman Egypt*. — London: Kegan Paul, 1996, p. 213.

** Pollux of Naukratis in *Grant M. Cities of Vesuvius: Pompeii and Herculaneum*. — London: Penguin, 1976, p. 186.

стойных рассказов до самоучителей. В одном таком учебнике, написанном Филенис Самосской, давался такой совет по обольщению: «Соблазнитель должен быть неопрытен и непричесан, и он не должен казаться слишком озабоченным тем, что собирается сделать». Затем следовали наставления, как льстить женщине: «Простушке нужно говорить, что она богиня, дурнушке — что на свете нет ее краше, женщине в годах нужно делать комплименты как юной девушке». Там еще содержались главы «О поцелуях» и «О позах».

Столь же откровенные подробности живописал Овидий в своей «Науке любви», считавшейся неподходящей для замужних женщин. В ней он описывал позы на примере мифических пар от Гектора и Андромахи, когда мужчина находился сверху, до Миланиона и Атланты; в этом случае женщина клала ноги мужчине на плечи. Поэт также советовал прекрасному полу:

Женщины, знайте себя! И не всякая поза годится —
Позу сумеете найти телосложению под стать.
Та, что лицом хороша, ложись раскинувшись навзничь;
Та, что красива спиной, спину подставь напоказ. <...>
Всадницей быть — невеличке к лицу. <...>
Тысяча есть у Венеры забав. <...>
Пусть до мозга костей размывающий трепет Венеры
Женское тело пронзит и отзовется в мужском;
Пусть не смолкает ни сладостный стон,
ни ласкающий ропот:
Нежным и грубым словам — равное место в любви.
Даже если тебе в сладострастном отказано чувстве —
Стоном своим обмани, мнимую вырази страсть. <...>
Но и в обмане своем себя постарайся не выдать —
Пусть об отраде твердят и содроганье, и взор,
И вылетающий вздох, и лепет, свидетель о счастье, —
У наслажденья есть тайных немало примет*.

* *Овидий*. Указ. соч., с. 174–175.

Эмоциональный накал секса нашел отражение в птолемеевском заклинании, в котором проникновение ассоциируется с чародейством: «Этот таинственный огонь, всю пылкость, всю страстность, всю нежность, все томление, все, что жжет тебе грудь, вдохни в душу женщины, наполни всем этим ее сердце, ее чрево; приведи ее в свой дом, обладай всем, что есть у нее в руках, во рту, в теле, в лоне»*. В половых отношениях также прибегали к магии. Мужскую потенцию могли усиливать отваром сельдерея и ночной фиалки, священного растения бога плодородия Мина; если требовалась помощь Диониса, в вине настаивали сосновые шишки и сыпали в него перец; чтобы не происходило преждевременное семяизвержение, мужской член натирали морковным соком.

В качестве противозачаточного средства рекомендовались квасцы, соляной раствор или уксус. Аристотель предлагал смазывать женские гениталии кедровым маслом, свинцовым порошком и ладаном, а Диоскорид советовал для этой цели перечную мяту, квасцы или кедровую смолу, являвшуюся «чудодейственным» контрацептивом, когда ею смазывали пенис. Хотя все эти средства были легкодоступными для Клеопатры, она не хотела пользоваться ни одним из них, и, вероятно, как она задумала, к февралю 40 года до н.э. снова забеременела.

Однако это произошло несколько несвоевременно, потому что именно тогда неожиданно возникла критическая ситуация как на Востоке, так и на Западе, и под угрозой оказалось все, чего добился Антоний. Хотя его обвиняли в инертности, считавшейся римлянами большим недостатком египтян, и что он «за пустыми забавами растрачивал и проматывал самое драгоценное <...> достояние — время»**, он среагировал моментально, оставив свою беременную любовницу, с которой он не увидится более трех лет.

* *Romer J. and Romer E. The Seven Wonders of the World. — London: Michael O'Mara, 1995, p. 71.*

** *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 412.*

Если на этот период Клеопатра практически исчезла из римских памятников прошлого, в египетских источниках освещается, как она управляла своим разросшимся царством и растущей семьей. В 40 году до н.э., на одиннадцатом году ее правления, в жреческих сборниках документов сообщается, что мать быка Аписа, умершая, когда Клеопатра находилась в Тарсе, после длительного процесса бальзамирования была похоронена в одном из склепов Исеума на пустынном плато Саккары. Во время беременности, олицетворявшей божественный дух священной коровы — еще один аспект Исиды, Клеопатра, несомненно, нанесла государственный визит в Саккару и сделала соответствующие подношения во здравие своего ожидаемого отпрыска.

Но смерть священной коровы была не единственным скорбным событием в том году: в Мемфисе скончался сорокадевятилетний верховный жрец Пшеренптах III. Как сказано в посмертной записи на стеле, «в 11-й год правления государыни владычицы Двух Земель Клеопатры и ее сына Цезариона в месяц Елифи 15-го дня я навечно упокоился. Меня погребли на Западе и совершили все обряды для моей величественной мумии»*. После бальзамирования, длившегося семьдесят дней, его погребли рядом с женой Таимхотеп в некрополе Саккары.

Преемником стал их единственный сын Петубастис III, появившийся на свет после того, как его родители обратились с мольбами к Имхотепу дать им сына для продолжения жреческого рода. Мальчик родился в шестой год правления Клеопатры (46—45 гг. до н.э.), тот же самый год, когда и Цезарион. Таким образом, в семилетнем возрасте Петубастис стал верховным жрецом Мемфиса, заняв в египетской иерархии почти такое же положение, как юный фараон Цезарион. Вероятно, он был возведен на жреческий престол Клеопатрой и Цезарионом на такой же пышной церемонии

* Текст на стеле, хранящейся в Британском музее.

в Александрии, как и его отец, когда вступал в должность. В столичном Серапейоне установили базальтовую статую юного жреца, в чем проявилась царская благосклонность к нему.

Клеопатра внимательно следила, что происходит за пределами Египта, особенно за действиями Антония, после его отъезда из Александрии в Тир, дабы отразить наступление парфян и их новых союзников, оставшихся римских республиканцев. Завладев Киликией и Карией, парфяне вторглись в Сирию, захватили Антиохию и изгнали сторонника Антония, иудейского царя Ирода. Но Антония ждали еще и другие неприятности.

Пока он предавался любви с неотразимой правительницей Египта, его жена Фульвия, вероятно, решившая вернуть себе мужа, вместе с его оставшимся в живых братом Луцием подняла мятеж* против Октавиана. Они хотели воспользоваться беспокойной обстановкой в Италии, вызванной тем, что Октавиан пытался обеспечить землей многие тысячи ветеранов, отобрав ее у землевладельцев. Когда Луций двинулся на север, чтобы соединиться с верными Антонию людьми в Галлии, Октавиан послал ему наперерез своего соратника Марка Випсания Агриппу, которому удалось окружить Луция в городе Перусия. Осажденных осыпали из катапульт градом снарядов с надписью «Ты — покойник, лысый Луций Антоний. За победу Гая Цезаря [Октавиана]!»** Солдаты, вдохновленные стихотворением Октавиана о его сражении с женщиной, не имевшей ничего женского, кроме внешности, делали еще надписи с грубыми угрозами в адрес Фульвии.

Когда от Луция бежали его союзники, неукротимая Фульвия собрала армию из ветеранов, но ее попытки спасти положение оказались безуспешными, и Луций сдался. Ок-

* Фульвия была убеждена, что «при спокойном состоянии Италии Антоний останется у Клеопатры, если же начнется война — поспешно возвратится». (См.: *Антиан. Указ. соч.*, с. 268.)

** См.: *Walker S. and Higgs P. Op. cit.*, p. 239.

тавиан счел нужным пощадить его как консула и брата Антония и даже сделал его наместником в Испании. Жителям Перусии повезло меньше: их город был отдан на разграбление солдатам Октавиана. Но во время кремации одного из горожан вспыхнул пожар, уничтоживший всю добычу. Октавиан захватил триста именитых горожан, некоторых из них он знал лично, и, сказав им «Ты должен умереть»*, на иды марта 40 года до н.э. приказал принести их в жертву на алтаре, посвященном обожествленному Юлию Цезарю.

Наконец, прочно утвердившись на Западе, Октавиан сумел найти взаимопонимание с оставшимся в живых сыном Помпея, Секстом, называвшим себя «царем морей» и носившим синий плащ как сын Нептуна-Посейдона. Сенат назначил его правителем Сицилии, Сардинии и Корсики при условии, что он будет обеспечивать поставки зерна Риму из африканской провинции. Октавиан отказался от заключения брака с дочерью Фульвии, Клавдией, который должен был укрепить триумvirат, и женился на Скрибонии, тетке жены Секста. Несмотря на то что Скрибония была несколько старше своего двадцатичетырехлетнего мужа, она вскоре забеременела.

Неблагоприятные последствия политического вмешательства подорвали здоровье Фульвии, и она заболела. В таком состоянии она бежала в Афины со своими сыновьями Антилием и Юлием и матерью Антония, Юлией. Весной 40 года до н.э. в разгар парфянского кризиса взбешенный Антоний прибыл из Тира, и у него состоялась бурная встреча с женой. Выслушав ее объяснения, он оставил семью в Греции, а сам отправился в Италию улаживать дела с Октавианом.

Войско Октавиана препятствовало высадке Антония на берег, но ему удалось осадить Брундизий (Бриндизи), хотя обе армии не хотели сражаться друг с другом, будучи сооте-

* Светоний. Указ. соч., с. 49.

чественниками. После длительных переговоров Октавиан и Антоний пошли на взаимные уступки и в сентябре того же года подписали в Брундизии договор. Они приняли решение, что оба будут набирать войско в Италии, что Октавиан получает Галлию, Испанию, Далматию и Сардинию, Лепид сохраняет за собой Северную Африку, а за Антонием остаются все земли от Македонии до Евфрата.

После того как Фульвия умерла в Греции, Антоний снова стал свободным человеком. Чтобы укрепить договор между триумвирами, он женился на незадолго до этого овдовевшей старшей сестре Октавиана, Октавии. Сенат настаивал на соблюдении обычного десятимесячного траура, гарантировавшего отцовство любому ребенку, родившемуся в этот период, тем самым предоставив возможность состояться браку по расчету. Молодая женщина, которой отводилась важная роль в установлении равновесия сил между Октавианом и Антонием, была яркой личностью. Наверное, далеко не столь идеальная, какой ее представляет история при сопоставлении добродетелей Октавиана с пороками Клеопатры, она вращалась в кругу литераторов, людей искусства и уже имела нескольких детей. Октавия считалась красивой, хотя ее портреты на монетах производят противоречивое впечатление. Пучок на затылке, челка, прикрывающая лоб, и мягкие завитки вокруг шеи настраивали приятелей ее брата на лирический лад. Ее волосы восхищали естественностью в отличие от предположительно искусственной внешности Клеопатры.

Примерно в то время, когда Октавия выходила замуж за Антония в Риме, а жена Октавиана, Скрибония, готовилась произвести на свет его единственную дочь Юлию, наступил срок рожать и Клеопатре. В октябре 40 года до н.э. у нее родились девочка и сын. Это было выдающееся событие, но не первый случай в царском роду Птолемеев, она оказалась даже не первой Клеопатрой, у которой появилась двойня, потому что Клеопатра Трифена, старшая дочь Птолемея

Фискона и его племянницы Клеопатры III, родила мальчиков-двойняшек от селевкидского царя Антиоха Грипа. Береника, двадцатичетырехлетняя правнучка царевны, старшая дочь Таимхотеп и верховного жреца Пшеренптаха III, также произвела на свет двойню — мальчика и девочку, которые, возможно, вскоре умерли вместе со своей матерью.

Если учесть, что разнополые двойни более редки, чем однополые, то заслуга Клеопатры была особого рода, поскольку «живых близнецов рождается меньше и выживаемость в раннем детстве одного из них или обоих еще ниже»*. И хотя греки в Древнем Египте не практиковали убийство новорожденных, как в некоторых районах современного Египта, где девочек из разнополых пар иногда не кормят, такая судьба, конечно, не ждала двойняшек Клеопатры.

Высоко чтимыми на династическом и материнском уровне, изначальными разнополыми близнецами являлись божества-творцы Шу и Тефнут, родители близнецов Геба и Нут, которые, в свою очередь, родили две пары близнецов: «божественных сестер» Исиду и Нефтиду и их братьев Осириса и Сета. И все же рождение реальных близнецов было весьма необычным феноменом, и их таинственная природа наделяла их особым статусом; зодчие-близнецы Сути и Хор говорили друг о друге: «Он вышел из чрева в один день со мной». Некоторые современники сопратителей Эхнатона и Нефертити считали их биологическими близнецами — во всяком случае, их изображали богами-близнецами Шу и Тефнут. В птолемеевский период, когда считали, что однополые герои-близнецы Кастор и Полидевк взаимодействуют с Исидой, у Птолемея II была любовница по имени Дитима — «Двойняшка». Девушки-двойняшки Тауи и Таой изображали Исиду и Нефтиду во время мистерий, посвященных Апису в Саккаре, при Птолемее VI, чей титул «близнец живого Аписа» выражал престижный статус близнеца.

* См.: *Bains J. Egyptian Twins // Orientalia 54(4), 1985, p. 179.*

Клеопатра сознавала символику, связанную с рождением у нее двух особенных детей, и придавала огромную важность тому, какие имена они получат. Поэтому мальчика она назвала Александром, а девочку — по имени сестры великого полководца — Клеопатрой. Их дополнительные эпитеты Гелиос и Селена — Солнце и Луна, небесные тела, считавшиеся греками близнецами, также ассоциировались с образом богини-матери Исиды, по поверьям родившей солнце.

Невозможно себе представить, чтобы Клеопатра так или иначе не отметила это знаменательное событие. В собрании Каирского музея хранится найденная в Дендере малоизвестная скульптурная группа из песчаника, изображающая два божества (*диада*). Хотя ученые пока не дают определенного ответа на вопрос, какие это божества, весьма вероятно, что здесь представлены дети Клеопатры, обнимающиеся мальчик и девочка. Над головой мальчика угадывается солнечный диск, а волосы девочки украшает серп луны. На этих подобиях короны просматриваются глаза Гора как охранительные талисманы. Фигуры окружены кольцами двух больших змей, духов Исиды и Сераписа, охранявших Александрию и всех членов царского дома. Обратная сторона скульптуры усыпана звездами.

Вместе с тем звездные имена и символы имели прямое отношение к пророчествам «Книг Сивилл», где говорилось, что Рим будет покорен царицей Востока, провозвестницей золотого века любви и согласия. Этой объединенной империей Востока и Запада будет править божественный отрок, о чьем приходе возвестит звезда. Согласно еще одному пророчеству, известному как «Битва звезд», Бык, отождествляемый с Дионисом-Антонием, одолеет Козерога, являющегося знаком Октавиана, после чего Дева изменит судьбу ее близнецов в созвездии Овна, что можно воспринимать как намек на Исиду-Клеопатру, ее близнецов и Александра — «священного барана Амона». Изображение звездного неба со знаками Зодиака на потолке храма в Дендере свидетель-

ствуем о том, что Клеопатра и ее астрологи с помощью подобных пророчеств манипулировали настоящим и предугадывали будущее. Эта практика нашла отражение в самом раннем гороскопе, найденном в Египте, датированном 4 мая 38 года до н.э.: за словом «Пер-ат» — «женщина-фараон» следовало перечисление: «Солнце: Телец 4: Юпитер в созвездии Рака. Луна: Козерог 20 и половина...»*.

Пока придворные астрологи Клеопатры занимались предсказанием будущего для нее и ее детей, она посредством таких же методов пыталась получить информацию о делах в Риме, где также пользовались астрологией для предсказания рождений, браков и смертей. Сам Антоний, кажется, проявлял некоторый интерес к таким делам, и в его свите в Риме постоянно находился египетский астролог. Но, предвещая славное будущее Антонию, он предупреждал, что его гений всегда будет затмеваться гением Октавиана, и советовал держаться от него подальше. Астролог, по-видимому, находился на службе у Клеопатры и толковал послания звезд с учетом ее интересов, в то же время обеспечивая связь между ней и Антонием.

Доподлинно известно, что между Клеопатрой и Антонием велась переписка, ибо позднее говорили, что, «разбирая дела тетрархов и царей, он принимал ониксовые и хрустальные таблички с ее любовными посланиями и тут же, на судебском возвышении, их прочитывал»**. Хотя содержание писем никогда не разглашалось, их «любовная» суть, вероятно, отражала состояние души Клеопатры, и почти каждое слово в классической литературе о любви и страсти было написано мужчинами, редкий пример женского творчества являет письмо одной египтянки своему мужу: «Знай же, что без тебя я не вижу солнца, потому что для меня ты и есть

* См.: *Neugebauer O. and Parker R.A. Two Demotic Horoscopes // Journal of Egyptian Archaeology 54. 1968, pp. 231–234.*

** *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 429.*

солнце»*. С еще большим надрывом передавалось чувство горечи и обиды в популярной птолемеевской песне: «Болью сжимается сердце, когда я вспоминаю, как он целовал мои губы, а сам хотел бросить меня. <...> Звезды мои милые, ноченька темная, свидетели моей страсти, укажите мне дорогу к тому, кого я пылко люблю, хотя он меня предал. <...> Так знай же, меня ничто не остановит, когда ярость кипит в груди при мысли, что я буду спать одна»**.

Не исключено, что Клеопатра пыталась повлиять на Антония, когда они были далеко друг от друга, с помощью колдовства. Хорошо известно, что ее другое «я» — Исида — обладала магической силой, и заклинания того времени часто начинались словами: «Я обращаюсь к тебе, богиня Исида, многоименная и многоликая». Под этим могли подразумеваться Афродита, Венера Деметра и Геката, лунное божество из Фракии. Часто заклинания читали, повернувшись лицом к луне, небесному символу Исиды. В число магических предметов входили длинные изогнутые в виде кобры бронзовые жезлы, бронзовые чаши для гадания и амулеты, а также магические формулы, написанные комбинацией иероглифов, букв греческого и древнееврейского алфавита.

Считалось, что одним из многочисленных приворотных заклинаний можно привлечь мужчин к женщинам, а женщин к мужчинам и заставить девственниц выбегать из дома. Во времена Клеопатры соперницу предавали проклятию, произнося такие слова: «Ты, огнедышащее чудовище, смердящая свинья! Умойся кровью, умойся мочой, надень наряд из крапивы — он тебе будет к лицу. Тебе не отмыться водой, что есть в море. Сгинь! Пусть скорее придет час твоей смерти!»

* Текст папируса, приведенный в издании: *Montserrat D. Sex and Society...* p. 89.

** Текст папируса, приведенный в издании: *Rowlandson J. (ed.) Women and Society in Greek and Roman Egypt: sourcebook.* — Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 107–108.

Это заклинание произносили над восковой или глиняной фигуркой с волосами жертвы, иногда пронзая ее гвоздями.

Безотносительно к тому, какие чувства питала Клеопатра к Антонию и Октавии, большую тревогу ей доставляли политические проблемы, возникавшие в непосредственной близости от ее дома после изгнания парфянами царя Ирода. Он прибыл в Александрию, рассчитывая на помощь Клеопатры, которая приняла его как союзника Антония и по примеру того, как прежние птолемеевские цари использовали иудейских полководцев, предложила ему командовать своей армией. Он отклонил этот жест и попросил дать ему корабль, чтобы добраться до Рима. Ранее сенат провозгласил его правителем Иудеи и царем иудеев, считая, что он может противостоять растущему влиянию Клеопатры на Востоке. От Рима Ирод получил официальную санкцию по возвращении в Иудею изгнать парфян, расправиться со всеми остальными претендентами на трон и усмирить иудейских фундаменталистов, считавших его пособником римлян. Однако экспансия Ирода в Самарию, Галилею и большую часть Сирии была враждебно встречена Клеопатрой, поскольку она претендовала на все эти территории, чтобы возродить бывшую империю Птолемеев.

Клеопатру, должно быть, также вовсе не обрадовало известие о том, что Октавия ждала ребенка от Антония. Осенью 39 года до н.э. родилась их первая дочь Антония, а на зиму супруги перебрались в Афины, готовясь к предстоящему захвату Антонием Парфии. Там они выпустили монеты со своими двумя профилями, и афиняне чтили супружескую пару как «богов-благодетелей». Антоний заключил символический священный брак с покровительницей города богиней Афиной-Палладой, которую по такому случаю отождествили с Октавией. И когда коварная Октавия попыталась затмить соперницу на божественном и земном уровне, это вторжение на территорию, прежде занимаемую Клеопатрой, привело ее в ярость, в чем, вероятно, и состояла цель.

Между тем Антоний начал одерживать политические победы. Ирод действовал против парфян столь же успешно, как и Публий Вентидий, один из соратников и ветеранов Цезаря, командовавший силами Антония. Вторжение парфян в Малую Азию и Сирию было остановлено, и их царевич погиб в сражении при Антиохии в июне 38 года до н.э. Его отрубленную голову возили из одной провинции в другую для устрашения изменивших римлянам городов.

Разбив наконец парфян и вернув Риму честь через пятнадцать лет, после того как они нанесли поражение Крассу, Антоний праздновал победы в Греции, а Вентидию был устроен триумф в Риме. У Октавиана же дела шли совсем не так успешно. Несмотря на то что он породнился с семьей Секста Помпея, сам Секст оставался центром притяжения для мятежников. Его сильный флот контролировал стратегически важные поставки зерна, и это грозило сорвать планы триумвиров.

Октавиану ничего не оставалось, как перейти к действиям против него. Для начала он развелся со Скрибонией, матерью его единственного ребенка. Причиной развода Октавиан назвал то, что он устал «от ее дурного нрава»*, хотя еще раньше он заприметил более молодую кандидатку в жены. Почти сразу же после развода в январе 38 года до н.э. он заставил девятнадцатилетнюю Лидию Друзиллу развестись с мужем и выйти замуж за него. Антоний, попрекая его, напомнил о том, как «не терпелось ему жениться на Ливии»**, потому что она была беременна вторым ребенком. Тем не менее их прочный союз оказался самым важным из всех, что заключал Октавиан, и гарантией его прочности служили обширные семейные связи Ливии, ее ценные советы и закулисные политические интриги, иногда стоившие кому-нибудь жизни.

* Светоний. Указ. соч., с. 74.

** Там же, с. 77.

Октавиан дважды терпел жестокое поражение от Секста и был вынужден обратиться к Антонию за помощью. В итоге весной 37 года до н.э. Антоний предоставил необходимые ему корабли. В Таренте Антония встречал Октавиан с большой свитой, в которую входили Квинт Гораций Флакк (Гораций) и Публий Вергилий Марон (Вергилий), два поэта, назначенные Октавианом, говоря современным языком, сотрудниками по связям с общественностью, отвечающими за создание в массах его положительного образа и переписывание истории в случае необходимости.

В то время как Антоний и Октавиан продолжали занимать доминирующее положение в Риме, Октавия играла важную роль в сохранении нелегкого мира между ее мужем и братом, двух людей с абсолютно разными характерами и к тому же никогда не любившими друг друга. Тем не менее ей удалось уговорить Антония предоставить Октавиану сто тридцать кораблей, пообещав, что ее брат за эту услугу передаст Антонию двадцать тысяч солдат для предстоящей кампании возмездия против Персии. И поскольку этот триумвират не выполнил тех задач, которые перед ним ставились, он был продлен еще на пять лет Тарентским договором, скрепленным помолвкой старшего сына Антония, девятилетнего Антилла, и двухлетней дочери Октавиана, Юлии.

После завершения этих дел осенью 37 года до н.э. Октавиан вернулся в Рим образцовым римским лидером, а Антоний из Италии направился на Восток. Его сопровождала Октавия, беременная их вторым ребенком, но в Керкире (Корфу) она почувствовала себя плохо, и, чтобы не рисковать ее здоровьем, Антоний отправил ее обратно к брату в Рим, где она осталась жить с их дочерью Антонией, его двумя сыновьями от Фульвии и двумя сыновьями Октавии от предыдущего брака.

Тем временем Антоний приплыл в Сирию и приступил к реорганизации восточных провинций после парфянского вторжения. Зимой 37—36 года до н.э. он провел в Антиохии,

претворяя в жизнь новые планы управления Востоком. Вместо пяти бывших провинций он образовал три, а именно Сирию, Азию (имеется в виду Малую Азию) и Вифинию. Он также объединил мелкие подвластные княжества в более крупные региональные образования. Цель этих реформ состояла в том, чтобы создать цепочку союзных территорий в Восточном Средиземноморье от Фракии на севере до Египта на юге. Все они были переданы в руки его самых доверенных сторонников. В помощь Ироду для подавления беспорядков в Иудее Антоний оставил римский гарнизон. В числе новых лиц, которым он передал правление, был Аминт, состоявший секретарем у бывшего подвластного царя Галатии, и Полемон, сын фригийского политика, ставший царем Понта. В Каппадокии начал царствовать Архелай, сын бывшей любовницы Антония, Глафиры, и Архелая, бывшего недолгое время мужем старшей сестры Клеопатры, Береники.

В связи с тем, что легионы, обещанные Октавией и ее братом, так и не прибыли, Антоний больше, чем когда-либо, нуждался в поддержке Клеопатры и ее богатствах. Но он не видел свою любовницу почти четыре года, как и близнецов, рожденных ею. И поскольку за это время Антоний успел жениться и стать отцом двух детей от сестры Октавиана, он знал, что ему придется пойти на серьезные уступки, чтобы завоевать расположение женщины, в чьих руках находилось его будущее.

10

БОГИНЯ ЗОЛОТОГО ВЕКА: ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

Осенью 37 года до н.э. Антоний снова отправил гонца в Александрию с поручением пригласить Клеопатру в Антиохию. Он, вероятно, сделал ей весьма заманчивое предложение за ее поддержку, предложение, подсказанное ходом событий. Великий селевкидский город с давних времен играл ключевую роль в птолемеевской политике начиная с экспансии Птолемея III в 240-х годах до н.э. и кончая пышной церемонией 145 года до н.э., когда жители Антиохии предложили Птолемею VI селевкидский трон и корону. Принятие им двух корон — птолемеевской и селевкидской — демонстрировало, что его власть распространяется на обе империи, о чем беззаветно мечтала Клеопатра. В этом городе, когда в 55 году до н.э. Антоний получил пост командира габиниевской конницы, он встретил юную Клеопатру, а потом сопровождал ее в Египет с ее отцом Авлетом. Восемнадцать лет спустя он готовился снова встретиться с ней, и она прибыла наконец в город, наполненный глубоким смыслом для них обоих.

Вероятно, это была очень эмоциональная, не по царскому протоколу встреча, потому что Клеопатра впервые пред-

ставила Антонию его трехлетних близнецов. Он уже имел по крайней мере пятерых детей, и все они носили его имя: старшую дочь звали Антония, двоих сыновей — Марк Антоний Антилл и Юлл Антоний, двух дочерей, родившихся незадолго до этого, опять-таки нарекли Антониями. Близнецы же от Клеопатры связывали его с Александром Великим, и он признал их своими, одобрив и присвоенные им имена — Александр Гелиос и Клеопатра Селена.

Эти имена и то, с кем и с чем они ассоциировались, должны были стать важным элементом его пропагандистской кампании. Поскольку греки считали солнце и луну соратниками Победы, предстоящий поход против Парфии имел хорошие шансы на успех. Парфянский царь традиционно почитался как «брат солнца и луны», а Антоний стал «отцом солнца и луны». В то же время имена детей отражали амбиции Клеопатры, ибо Александр Гелиос, названный по имени Александра Великого как бога Солнца Гелиоса в характерной короне из солнечных лучей, являлся образцом для подражания Птолемею III, расширившему птолемеевские владения до максимальных размеров. Этот царь также послал статую Исиды в Антиохию, и сейчас силы богини сосредоточились в имени Клеопатры Селены, тезка которой правила на большой территории региона, будучи четыре раза замужем за представителями птолемеевского и селевкидского дома. Как вероятная мать Авлета Селена доводилась прабабушкой девочке, и, таким образом, это было самое подходящее для нее имя в той конкретной обстановке, когда Клеопатра вознамерилась объединить Египет и Сирию под своей властью.

Поселившись со своими бесценными детьми в царском дворце Антиохии, располагавшемся среди лавровых и кипарисовых садов, Клеопатра наконец воссоединилась с Антонием. Зимой 37 года до н.э. тридцатидесятилетняя женщина-фараон официально вступила в брак со своим сорокашестилетним любовником-римлянином.

Их брак признавался египетскими законами; Антония в демотических текстах называли супругом царицы, а о Клеопатре древние источники писали как о «последней царице Египта, вступившей в брак с римским полководцем Антонием»*. Он сам объявил: «ихог mea est» — «она моя жена»**, и, хотя он уже был женат по римскому закону, запрещавшему брак с неримлянами, Антоний, безусловно, считал брак между римлянином и неримлянкой связывающим их на законном основании и поэтому выдал свою старшую дочь Антонию за состоятельного выходца из Азии. Хотя полигамия запрещалась римским законом, Александр, Птолемей I и Птолемей Фискон состояли в браке одновременно с несколькими женщинами. Как и Цезарь, который, будучи женатым на Кальпурнии, сочетался браком с Клеопатрой и даже намеревался провести закон, разрешающий многоженство. Следуя примеру Цезаря, Антоний сам женился на Клеопатре. Таким образом, его священный брачный союз с богиней Афиной в Афинах повторился в Сирии, когда Дионис-Осирис взял в жены Афродиту-Исиду, чтобы провозвестить о наступлении предсказанного Золотого века.

И конечно, для этой церемонии Антоний облачился в богатые одежды на манер греческого жениха и благоухал дорогими духами. Римляне по такому случаю лишь надевали чистую тогу и причесывались. Что касается невесты, то ей по греческой и римской традиции полагалось пройти самые разнообразные обряды перед свадьбой. После омовения, умачения и наведения макияжа к греческой невесте являлась «нимфокома» и с ног до головы рассматривала ее на предмет соответствия внешности статусу ее семьи. А римская невеста должна была сама соткать свадебный наряд по образцу туники этрусской знати, чтобы показать свое умение в домашних делах.

* *Афиной*. Указ. соч., с. 196.

** *Светоний*. Указ. соч., с. 77.

Для Клеопатры наряд сшили портные и надеть помогали служанки. Став похожей на Исиду в черном, она могла повязать традиционный римский пояс невесты из овечьей шерсти, символизирующий плодовитость. Он туго завязывался узлом Геракла, предка Антония. Этот узел часто воспроизводился в золотых украшениях и, вероятно, очень нравился Клеопатре, так же как жемчуг и диадема.

Важным элементом подготовки невесты к бракосочетанию у римлян была укладка волос с помощью копыя. Эта традиция служила напоминанием того, что первые их свадьбы имели отношение к войне, когда римляне похищали женщин соседнего племени сабинов и женились на них. Считалось, что копые, которым воин убил противника, больше всего годится для изгнания опасных сексуальных сил, таящихся в женских волосах. Острием копыя делили волосы на шесть прядей, затем их укладывали вокруг головы в виде «шестипрядной прически», как у девственных жриц-весталок, символизирующей, что невеста отдает свою невинность мужу.

Затем греческие и римские невесты надевали венки из душистого лавра, мирта и майорана и, следуя традиции, накрывали голову накидкой, выкрашенной дорогостоящим шафраном в оранжево-красный «огненный» цвет, который, как считалось, усиливал детородные способности женщины. Как греки, так и римляне связывали красный цвет с рождением, браком и смертью: это был цвет жертвования от принесения женщиной своего целомудрия в жертву мужу до крови при родах, и мать близнецов Зевса, Лето, называли «Лето с красной накидкой». Возможно, что и сама мать божественных близнецов, Клеопатра, носила красную накидку как часть свадебного наряда, под стать огненной египетской богине Хатхор-Сехмет, прозванной «Владычицей красного полотна» за ее склонность к насилию и кровопролитию. Красная накидка, конечно, дополняла черное одеяние Исиды, чьи храмы посещали новобрачные, чтобы «дать друг

другу клятву верности перед богиней»*. Так что вполне вероятно, что Клеопатра и Антоний посетили храм Исиды в Антиохии, где находилась ее культовая статуя, доставленная из Египта в 241 году до н.э. по велению Птолемея III туда, докуда простирались египетские владения.

Хотя на росписях в антиохийском «Доме тайнств Исиды» богиня изображена стоящей рядом с посвященным мужчиной, на чьи плечи накинут лишь кусок красной ткани, в действительности свадебные церемонии отличались большим разнообразием во всем Древнем мире. Если в Египте от супругов требовалось лишь совместное проживание, чтобы потом они имели равные права на собственность и на развод, то гречанки и римлянки передавались от отца к мужу как собственность. На смену давней свадебной традиции, символизировавшей захват невесты силой со словами «Итак, любимая, я тебя похищаю», позднее пришел обряд, основанный на восточных обычаях, когда невеста произносила: «Где ты, Гай? Я — твоя Гая». После того как пара обменивалась рукопожатием, невесте на средний палец левой руки надевалось кольцо — золотое, если люди были состоятельные, с драгоценным камнем с резным изображением богов или сцепленных рук. Антоний подарил своей новой жене Клеопатре изумительное золотое кольцо работы афинского ювелира Гая Авиания Эвандера с красной яшмой в форме овальной печатки со своим профилем.

После официальной церемонии обычно устраивался свадебный пир. Когда сочетались браком коронованные особы, торжество проходило в роскошных залах, например, таких, в каких отмечали это событие Александр, Птолемей и их преемники. Залы украшались розами и нарциссами, исполнялись специально сочиненные по такому случаю свадебные песни, произносились речи. Затем жених снимал

* Текст приводится по изданию: Античный роман. *Ахилл Татий*. Левкиппа и Клитофонт / Пер. с древнегреч. В. Чемберджи. — М.: Худож. лит., 2001, с. 98.

накидку и открывал лицо невесты перед гостями, после чего счастливая пара впереди ночной процессии направлялась в дом жениха. Он переносил жену на руках через порог, чтобы она не споткнулась, иначе не миновать беды. Молодоженов заваливали сушеными фруктами и орехами для поднятия тонуса, а потом провожали в брачную комнату с портьерами шафранового цвета. Далее за закрытыми дверями муж завершал снятие облачения с жены и развязывал сложный узел Геракла, что символизировало лишение ее целомудрия.

Невозможно достоверно определить, насколько строго Антоний и Клеопатра придерживались данных обычаев, но какое значение царица придавала этому событию, можно судить по тому, что она изменила отсчет времени своего царствования: теперь стали писать «год шестнадцатый, он же первый». При всем прочем это было не просто проявление любви, ибо она получила самый щедрый во все времена свадебный подарок: ни больше ни меньше как возрождение практически всей прежней птолемеевской империи, что стало главным достижением, о котором она хотела известить весь мир.

Супружеская пара готовилась вместе править Востоком, и лишь монеты, выпущенные в Антиохии, Дамаске и Аскелоне, дают представление о внешности Клеопатры, когда она выходила замуж за Антония. Со своей обычной прической «арбуз», царской диадемой, аккуратно уложенными некрупными завитками над бровью, ожерельем из круглого жемчуга, вдвое обмотанным вокруг шеи, тридцатидесятилетняя Клеопатра выглядит моложе, чем девушка с худощавым лицом, какой она изображена на монетах, отчеканенных несколькими годами до или после ее двадцатилетия. Похоже, что ее омоложение являлось составной частью этого «нового начала», подобно тому как некоторые фараоны-предшественники на изображениях становились всё моложе на протяжении своего правления. За спиной Клеопатры

буквально стоял ее новый супруг Антоний, изображенный на обратной стороне монеты. Его все более ярко выраженные восточные манеры уравнивались западничеством Клеопатры, как писал историк М. Хеймер, «вынужденной выглядеть по-римски, почти как Антоний в женском платье», что недалеко от истины, поскольку их изображения подчеркивали их совместное величие, отраженное в надписях на монетах.

Надпись об Антонии гласила: «император в третий раз и триумвир», а Клеопатра была названа «василиссой», что по-гречески значит «царица», затем следовал ее титул «Клеопатра Теа Неотера» — «новая Клеопатра Теа» в честь ее троюродной бабушки, Клеопатры I Теи. Дочь одного монарха, сестра двух, жена трех (двое из которых вели войну с Парфией) и мать четырех детей (собственно, все это также относится к Клеопатре), родившаяся в Египте Теа правила как единственная селевкидская царица и даже чеканила свои монеты. И, следуя ее примеру, Клеопатра VII возродила бывшую птолемеевскую империю на Востоке.

Считая, что «величие Римской державы обнаруживает себя не в стяжаниях, но в дарениях»*, Антоний передал в дар своей новой жене земли на восточном побережье Средиземного моря, протянувшиеся на юг от Киликии, включая Сирию, Финикию, значительную часть Иудеи, Ливана и арабское княжество Итурия. Антоний также подтвердил принадлежность Кипра Египту. Еще Клеопатра получила земли на Крите и вернула себе Киренаину. Все эти территории изобиловали природными богатствами, которыми Египет попеременно владел в течение трех тысячелетий. В частности, поставки древесины из Ливана имели большое значение для строительства судов, необходимых для охраны Восточного Средиземноморья во время предстоящего похода Антония против Парфии, особенно после того, как он

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 417.*

отдал Октавиану сто тридцать кораблей, но так и не получил обещанных взамен войск.

Хотя во владение Клеопатры перешла не вся Иудея, ранее отданная Ироду, в союзе с кем был заинтересован Антоний, она получила земли Ирода в окрестностях Иерихона, где росли деревья, из плодов которого делали ценный галаадский бальзам, как писал Плиний, ни с чем не сравнимый по аромату. Деревья росли на ограниченных площадях, и бальзам изготавливали в столь малых количествах, что он стоил невероятно дорого, и, поскольку «эта область дает наилучший бальзам»*, входящий в состав медицинских препаратов, благовоний и парфюмерных изделий, эти земли стали самым ценным подарком Клеопатре. Ее приобретения обернулись серьезными потерями не только для Ирода, но и для других подвластных Антонию царей. Набатеи-ские арабы в Иордании лишились контроля над торговлей битумом из района Мертвого моря, служившим, по свидетельству Диодора, источником немалых доходов. Он писал, что «варвары продают битум в Египет, где он используется для бальзамирования умерших — без добавления этого материала в другие вещества тела долго не сохраняются»**. Если торговлей битумом не удалось силой завладеть селевкидской армии, то набатеицам пришлось без борьбы уступить ее Клеопатре.

Таким образом, она не только возродила почти полностью птолемеевскую империю без кровопролития, но стала невероятно богатой женщиной. В довершение всего она обнаружила, что беременна в третий раз. Поэтому она, наверное, с глубоким чувством удовлетворения покинула Антиохию весной 36 года до н.э., расставшись с Антонием в Зевгме на

* Текст приводится по изданию: *Иосиф Флавий*. Иудейские древности. В 2-х томах. Т. 2 / Пер. с греч. Г. Генкеля. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1996, с. 107.

** Diodorus 19, 98–99 in *Rimon O. et al. Illness and Healing in Ancient Times*. — Haifa: University of Haifa, 1997, p. 56.

Евфрате, и с царской свитой направилась в Александрию сухопутным путем. Воспользовавшись возможностью увидеть свои новые территории и показать себя новым подданным, она посетила селевкидский город Апамея и религиозный центр Эмеса, затем пересекла горы Ливана и прибыла в Итурию, где находился известный храм Зевса в Баальбеке. В великом городе Дамаске ей был оказан восторженный прием, где даже отчеканили монеты с ее изображением. Затем она отправилась в Иудею, где ее приветствовал Ирод в своей столице Иерусалиме.

Пребывая в царской роскоши его недавно построенного укрепленного дворца, она прогуливалась по бальзамовым рощам, некогда принадлежавшим Ироду, и давала распоряжения, чтобы черенки деревьев отправляли в Египет для посадки в Гелиополе, древнем центре поклонения солнцу, сопровождавшегося обильным курением благовоний. Затем, как практичная предпринимательница, она согласилась сдавать в аренду эти рощи иудейскому царю за большую сумму в размере двухсот талантов в год. Помимо этих вынужденных финансовых уступок, Ирода также расстроили дружеские отношения Клеопатры с его тещей Александрой, на чьей дочери он незадолго до этого женился, когда стал царем и принял иудейскую веру. Из-за того что по происхождению он был идумейским арабом, он не мог выполнять сопутствующую роль иудейского верховного жреца, но в то же время он доказывал, что получивший известность шестнадцатилетний сын Александры, Аристокбул, слишком молод, чтобы занимать эту должность. Это так рассердило Александру, что она обратилась прямо к Клеопатре и Антонию, после чего Аристокбула сделали верховным жрецом вопреки мнению Ирода.

Сейчас, когда Клеопатра, бывшая его заклятым врагом, гостила у него во дворце, Ирод замыслил убить ее. Но после того как его советники объяснили, какая может быть реакция Антония на убийство «женщины, обладавшей ве-

личайшим значением своей эпохи»*, он решил оклеветать ее, сказав, что она пыталась соблазнить его и тем самым дискредитировать в глазах Антония, чтобы завладеть всем царством. Эта история нисколько не расходится с деяниями царя, убившего одну из своих десяти жен, троих из своих шестнадцати сыновей, дядю, несчастного шурина Аристубула, когда раскрылся его план бегства в Египет с матерью, и всех новорожденных мальчиков в Вифлееме, чтобы ликвидировать долгожданного «Царя иудейского», чей приход был предсказан в Древнем мире. Но не в пример несчастному Аристубулу и его матери, Иисус и его мать Мария спаслись от жестокости Ирода, бежав в Египет. Клеопатра проделала тот же путь, когда Ирод «щедро одарил [ее] и проводил до Египта»**.

Легко представить, сколь впечатляющим было триумфальное возвращение беременной государыни в Александрию после возрождения практически всей легендарной империи Птолемеев. Это достижение она отметила, приняв титул «Филопатрис» — «Любящая отечество», под которым обычно подразумевается то, что она любила Египет. В то же время этот греческий титул может относиться и к Македонии, родине «Александра и династической семьи Египта. Она была македонкой <...>, и коль скоро родина Клеопатры — Македония, она оглядывается на Грецию и родину своих предков»***. Но в силу того, что Клеопатра являлась всем для всех, титул мог допускать двойное толкование, ибо она распространяла свое влияние на обширные территории в попытках повторить достижения Александра, заявляя о своих намерениях в титулах «Новая Теа, Любящая отца и Любящая отечество», Клеопатра — «овейная славой предков».

* Иосиф Флавий. Иудейские древности, с. 107.

** Там же.

*** См.: *Thompson D.J.* «Cleopatra VII: The Queen in Egypt», *Cleopatra Reassessed*, British Museum Occasional Paper No. 103 (eds Walker S. and Ashton S.). — London: BMR, 2003, p. 31.

В сентябре 36 года до н.э. тридцатитрехлетняя государыня родила четвертого ребенка, которого она назвала Птолемей Филадельф. Она снова воспользовалась магической силой имен, поскольку его тезка Птолемей II Филадельф правил теми самыми территориями, что она приобрела, выходя замуж, то есть когда был зачат ее ребенок. И если детям от Антония отводилась важная роль в ее внешней политике, то старший сын Цезарион оставался ее соправителем в Египте, и в 36 году до н.э. в возрасте одиннадцати лет был возведен на престол как соправитель со всей полнотой власти.

В то время как Клеопатра упивалась в Александрии своей блистательной победой, Антоний совершал длительный поход в Парфию. Под его командованием находилась огромная сила, «повергнувшая в трепет всю Азию»*. Собранным сто тысячам войско, насчитывавшее шестьдесят тысяч римских солдат, десять тысяч кельтских и испанских всадников и тридцать тысяч пехотинцев, поставленных его восточными союзниками, он решил выступить сразу, как только до него донеслась весть, что парфянского царя убил его брат Фраат. Когда претенденты на трон развязали междоусобицу, наместник приграничных районов Парфии Монаэс перешел на сторону Антония. Поставив его своим вассалом на землях к востоку от Антиохии, Антоний в соответствии с планом Цезаря направил свои силы на север в Армению. После того как один из военачальников Антония, Публий Канидий Красс, нанес поражение армянскому царю Артавазду, заставив его стать союзником римлян, Антоний с большей частью войска двинулся на юг и вторгся в вассальное Парфии государство Мидию (нынешний иранский Азербайджан), откуда предполагалось начать наступление против Парфии.

Но пока их медлительный обоз полз сзади, охраняемый войсками под командованием офицера Антония, Оппия, и

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 417.*

нового армянского союзника Артавазда, Монаэс, оказавшийся не другом, а врагом римлян, с пятьюдесятью тысячами конных лучников внезапно напал на обоз и уничтожил все запасы продовольствия и осадные машины. Артавазду пришлось отвести свои силы в Армению. Антоний ничего не знал о потере обоза и продолжал ждать на подступах к укрепленной мидийской столице, когда придут осадные машины, необходимые для штурма города. Оставшись без продовольствия среди голой равнины перед лицом противника, который отказывался вступать с ним в сражение на открытой местности, Антоний был вынужден повернуть на запад. При этом от дизентерии, голода и во время атак парфян погибли двадцать тысяч римлян. Еще восемь тысяч человек Антоний потерял из-за снежных буранов, когда остатки его армии в зимнюю стужу отступали по горам Армении в сторону Сирии.

Одновременно на другом конце Римской империи флот Октавиана, состоящий из кораблей, переданных ему Антонием, одержал победу над Секстом Помпеем. Сам Октавиан сильно болел и не участвовал в сражении, он «не смел даже поднять глаза на готовые к бою суда — нет, он валялся как бревно, брюхом вверх, глядя в небо, и тогда только встал и вышел к войскам, когда Марк Агриппа обратил в бегство вражеские корабли»*. После того как Секст бежал на восток и многих его воинов распяли на кресте — это была традиционная казнь у римлян, Лепид, лишившийся его сенаторской поддержки, испугался, что теперь может прийти его черед. Поэтому он захватил Сицилию, но солдаты Октавиана быстро отбили остров, Лепид был отстранен от власти, а Сицилия и Северная Африка отошли к Октавиану. В связи с тем, что трехсторонняя форма правления стала двухсторонней, произошла поляризация мировой политики между Востоком и Западом, между Александрией и Римом

* Светоний. Указ. соч., с. 49--50.

и между двумя оставшимися триумвирами — Антонием и Октавианом.

Октавиан вернулся в Рим героем, освободив моря, положив конец гражданской войне и обеспечив мир. Контраст с положением Антония не мог казаться более очевидным. Потеряв больше четверти своей армии из-за плохой погоды и в результате предательства, удрученный триумвир в конце концов добрался до финикийского берега и снова попросил Клеопатру прибыть к нему с деньгами и продовольствием. Хотя она незадолго до этого родила и в разгаре была зима, когда из-за штормов навигация в Средиземном море обычно прекращалась, Клеопатра смело отправилась в плавание. Антоний ждал ее с таким нетерпением, что «не мог улежать за столом — посреди попойки он, бывало, вскакивал и выбегал на берег, поглядеть, не плывет ли египтянка, пока наконец она не прибыла»*. После того как супруги вернулись в Александрию в начале 35 года до н.э., они получили известие, что мидийский царь поссорился со своим сюзереном Фраатом из-за дележа римских трофеев и теперь предлагал заключить союз, пообещав даже конницу для будущей войны Антония с Парфией. Чета начала составлять новые планы. Клеопатра возьмет на себя ответственность за нужды флота, который будет охранять Средиземное море. А перед Антонием стояла задача увеличить численность сухопутных сил, поскольку двадцать тысяч солдат, обещанных Октавией и ее братом, так и не прибыли. Весной 35 года до н.э. были отправлены всего две тысячи и то только до Афин. И еще Октавиан вернул лишь семьдесят кораблей из тех ста тридцати, что Антоний ранее передал ему. Все эти подкрепления Октавиан отправил вместе со своим самым смертоносным оружием — своей сестрой Октавией.

Сама Октавия задалась целью вернуть мужа и восстановить положение жены и матери в противовес вкладу, вне-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 425.

сенному Клеопатрой в вооруженную борьбу. Октавиан умело манипулировал сестрой как марионеткой, и ее роль «преданной жены», в сущности, свелась к тому, чтобы заманить Антония в ловушку. Если бы он отправился в Афины и принял войска вместе с Октавией, то лишился бы важной для него поддержки Клеопатры. Но из-за малочисленности предложенного подкрепления такой вариант становился маловероятным, а Октавиан, как видно, хотел, чтобы Антоний порвал с Октавией. В таком случае Антоний поставил бы себя в еще более невыгодное положение после недавнего военного поражения.

В то время как Антоний решал, как ему поступить, Клеопатра вела себя крайне неуравновешенно: то она «прикидывается без памяти в него влюбленной»*, то притворно льет слезы, то у нее начинаются приступы гнева, то она ничего не ест, «чтобы истощить себя»**. Хотя более поздние источники утверждали, что такое невероятное поведение подтолкнуло Антония к решению его проблемы, он, безусловно, мог оценить две очевидные возможности. На Западе находились Октавия, две их дочери и шурин, чье существование представляло угрозу для всего, чего хотел достичь Антоний. А на Востоке была Клеопатра и их трое детей, все потомки Александра, с которым он еще мог соперничать, ибо обладал полководческим талантом. И на Востоке без Октавиана Антоний мог быть своим человеком. Коль скоро его будущее как независимой силы зависело от Клеопатры, он написал письмо Октавии в Афины, предлагая ей отправить ему солдат, корабли и Антиллу, его старшего сына от Фульвии, а самой вернуться к брату в Рим и проявлять заботу о младшем брате Антилле и их двух дочерях. Как и следовало ожидать от римской жены, она повиновалась мужу, а он продолжал собирать силы на

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 426.

** Там же.

сирийской базе, Антиохии, готовясь к возобновлению войны с Парфией.

Клеопатра помогла с финансированием экспедиции и поддерживала союзнические отношения с восточными соседями. Чета скрепила договор с мидийским царем помолвкой их сына Александра Гелиоса с его дочерью Иотапой. Они даже намеревались пойти на союз с Секстом Помпеем, но он вступил в тайные переговоры с парфянами и продолжал жечь на море римские корабли. В конце концов он был схвачен и казнен одним из военачальников Антония, Марком Тицием, племянником наместника Сирии Планка.

Антоний также отправил к армянскому царю Артавазду посольство во главе с неким Деллием, который от имени Антония предложил ему исправить прежнюю ошибку и выступить вместе с римлянами против Парфии. Его отказ послужил веской причиной для Антония вторгнуться в Армению весной 34 года до н.э. Артавазда вместе с семьей как пленников отправили в Египет, в Армении остался римский гарнизон под командованием Канидия Красса, а Антоний с Клеопатрой выпустили монеты с надписью «Армения покорена». Эта победа обеспечила им не только выгодную позицию для начала военных действий против Парфии летом того же года, но и открыла новые рынки для римских купцов, а также создала условия для превращения этой страны в римскую провинцию и раздачи ее земель римским поселенцам. В Риме так хорошо восприняли новость о «блестящем успехе»*, что Октавиану пришлось доказать собственные полководческие способности и опровергать слухи о трусости.

Вместе с Агриппой он выступил в поход, чтобы обезопасить северо-восточные границы Италии от возможных набегов. Они одержали победу над непокорным Иллириком

* См.: *Chaveau M. Cleopatra: Beyond the Myth.* — Ithaca: Cornell University Press, 2002, p. 58.

(западная часть Балканского полуострова), захватили большие трофеи и дошли до границ с Македонией. Повредив себе колено, Октавиан теперь мог утверждать, что получил «достойные воина раны»* в сражении. Когда Октавиан вернулся в Рим в конце 34 года до н.э., сенат решил, что он заслуживает триумфа, но правитель рассудил иначе: посчитал, что празднества следует отложить до возвращения Антония и тогда устроить торжества по поводу его победы в Армении, а также смерти Секста Помпея. Это был отнюдь не благородный жест, а желание привлечь максимум общественного внимания к длительному отсутствию Антония в Риме и к тому, что он живет отдельно от жены. Сенат установил на форуме статуи Антония и Октавиана и высказался за оказание таких же почестей их римским женам: Октавии и Ливии. Им пожаловали высокий титул «священнейших», что поставило их в один ряд с весталками, наиболее почитаемыми женщинами в Риме. Но их скромные статуи не шли ни в какое сравнение с изваянием Клеопатры в храме Венеры, построенном Цезарем. Сравнения проводились и между их мужьями, из-за которых разделилось общественное мнение: изваяния вторых «я» Аполлона и Геракла украшали храм Аполлона на Палатинском холме, где Октавиан создал свой культ в противовес божественному имиджу Антония и Клеопатры. Октавиан отлично знал, что Антоний не вернется в Рим праздновать традиционный триумф, потому что он уже прибыл в Александрию осенью 34 года до н.э. и его приветствовала, как второго Александра, ликующая толпа под руководством Клеопатры.

В ознаменование победы супруги устроили грандиозные птолемеевские празднества, какие проводились раньше в честь династического рода, ведущего начало от Александра и Диониса, с демонстрацией восточного богатства. Над толпой проплывало написанное красками полотнище с изображени-

* См.: *Earl D. The Age of Augustus.* — London: Elek, 1968, p. 58.

ем Александра, участвующего в триумфальном шествии в городе Нармуфисе в Фаюме, в образе Диониса, который потом перенял Цезарь, когда был удостоен триумфа в Риме, и сейчас возрождал Антоний, играя свою излюбленную роль этого божества. Облаченный в золотистую тогу, обвитый плющом, размахивая священным жезлом Диониса, чьим именем он велел называть себя, Антоний появился перед толпой на позолоченной колеснице, следовавшей за праздничным эскортом с изваяниями богов и повозками с трофеями*.

Двигаясь по центральной улице Александрии, процессия повторяла маршрут, по которому следовал прежний «Новый Дионис» — Авлет. Антоний сошел с колесницы, когда она поравнялась с храмом Исиды, «Владычицы холма Египта», названной так в древнем источнике, очевидно, потому, что на вершине возвышенности находился комплекс Серапейон. Его стены, облицованные металлическими листами, сверкали на солнце, а к входу вели сто широких ступеней из белого камня. Клеопатра принимала героя-победителя, восседая над всеми на троне в черном одеянии Исиды. Когда Антоний передал ей военные трофеи и пленных, в том числе армянского царя и членов его семьи, закованных в серебряные цепи, как подобает их царскому статусу, все горожане почтительно склонились перед ней в поклоне в соответствии с церемониалом, за соблюдением которого следил юный верховный жрец Петубастис. Он также мог быть главным действующим лицом в следующем праздничном мероприятии — символическом бракосочетании Исиды и Диониса, чьи роли исполняли артисты. Тем не менее грандиозная триумфальная процессия была лишь прелюдией главного события, известного в истории как александрийские пожалования.

Это была кульминация всего, чего Клеопатра и Антоний достигли. Из того, что нам известно, спектакль начал Анто-

* См.: *Немировский А.И., Дашкова М.Ф.* Указ. соч., с. 129.

ний, но поставила его, несомненно, Клеопатра. Проходивший на огромном александрийском стадионе — гимнасии, где традиционно проводились птолемеевские празднества, он явился демонстрацией богатства и всемогущества этой знаменитой пары и их растущей династии и повторением церемонии, состоявшейся в 52 году до н.э., когда Авлет представил александрийцам своих четверых детей.

Посередине стадиона возвышалась двухъярусная сверкающая серебром платформа с шестью золотыми тронами, на двух из которых — самых больших на верхнем ярусе — восседала во всем блеске сама царственная супружеская пара. Антоний в полной римской военной форме как триумвир, император и правитель восточных провинций в окружении штандартов римских легионов под охраной римского телохранителя сидел под балдахином из тонкого полотна, увенчанным двумя птолемеевскими орлами. Его жена Клеопатра «в тот день, как всегда, когда появлялась на людях, была в священном одеянии Исиды; она и звала себя Новою Исидой»*. Ее черное платье резко выделялось на фоне белых стен гимнасия и среди ярких нарядов окружавших ее персон. На нижнем ярусе разместились четверо ее детей: тринадцатилетний фараон Цезарион, шестилетние близнецы Гелиос и Селена и двухлетний Птолемей Филадельф.

Антоний поднялся с трона и, являя ораторское искусство, как десять лет до этого на похоронах Цезаря, обратился с речью к александрийцам, заполнившим гимнасий. Он говорил на греческом языке как верховный жрец культа Цезаря. Отдав дань уважения божественному Юлию, он вновь подчеркнул, что «величие Римской державы обнаруживает себя не в стяжаниях, но в дарениях», и сообщил, какие территории от имени Рима отдаются его детям от Клеопатры.

Затем, провозгласив сыновей, которых Клеопатра родила от него, царями царей, он назначил старшему из них,

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427.

Александрю Гелиосу, Армению, Мидию и Парфию, то есть все земли к востоку от Евфрата до Индии, фактически до пределов империи Александра Великого. Шестилетнего сына Александра, чей статус был подтвержден его помолвкой с единственной дочерью мидийского царя, «Антоний вывел в полном мидийском уборе, с тиарой и прямою китарой»*. Великолепная бронзовая фигурка полнощекого мальчика из Александрии I века до н.э. в таком же мидийском костюме скорее всего изображает сына Антония: он стоит на цыпочках и словно тянется рукой к своим новым территориальным владениям.

Затем Антоний объявил, что назначает своему младшему сыну, двухлетнему Птолемею, Финикию, Сирию и Киликию. Малыша также вывели вслед за старшим братом, только в македонском пурпурном плаще, сапогах и характерном македонском головном уборе кавсии, украшенном диадемой. «Это был наряд преемников Александра»**. Потом мальчики приветствовали родителей, что они, без сомнения, хорошо отрепетировали, «и одного окружили телохранители-армяне, другого — македоняне»***, как было положено по их статусу.

После этого настал черед единственной дочери Клеопатры, шестилетней Клеопатры Селены, которая получила в удел обширные территории Киренаики (восточная Ливия) и Крит в придачу. Сама девочка, по-видимому, изображена на бронзовой пластине в образе Селены-Исиды с братом близнецом Гелиосом-Гором; они оба держат длинные скипетры и двойной рог изобилия. Вполне возможно, что на пластине отражен момент, когда им действительно вручали скипетры на той торжественной церемонии.

Тем не менее, поскольку дети находились совсем в юном возрасте, Клеопатру назначили регентшей и провозгласили

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427.

** Там же.

*** Там же.

Клеопатрой Теей Неотерой Филопатром Филопстрис — Новой Теей, Любящей отца и Любящей отечество, правительницей Египта, Кипра, Ливии и Килисирии. В то же время на монетах, выпущенных четой, была сделана надпись на латыни «Cleopatrae reginae regum filioꝝ regum» — «Клеопатра, царица царей, и ее сыновья, также цари».

И наконец очередь пришла ее старшего сына, соправителя Цезариона, державшего символы фараоновской власти — бич и посох — и облаченного в одежды из лучшего полотна. Приветствуя его как Птолемея Цезаря, царя царей, чтобы подчеркнуть его более высокое положение вместе с матерью над ее тремя младшими детьми, Антоний провозгласил тринадцатилетнего фараона единственным законным наследником Юлия Цезаря. Это была политическая бомба.

Смириться с таким выпадом Октавиан уже не мог. Став консулом на второй срок в январе 33 года до н.э., он выступил с открытой критикой Антония и развернул блестящую пропагандистскую кампанию против царственных супругов в Александрии, чья последовательная политика доминирования на Востоке вскоре могла обратиться на Запад. Обвинения, с которыми выступал Октавиан, становились тем убедительнее, чем дольше Антоний отсутствовал в Риме. Он воспользовался в своих интересах слухами о женитьбе его соперника на Клеопатре, и Антония стали упрекать, что «имел двух жен сразу, на что не отважился ни один из римлян»*, хотя даже Цезарь хотел изменить римский закон, чтобы легитимировать свое двоеженство.

В глазах общественности «святейшая» Октавия выигрывала перед распутной Клеопатрой, ставшей «женой-египтянкой»** после «постыдной любви»***, а передачу земель

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 445.

** Текст приводится по изданию: *Вергилий*. Энеида / Пер. С. Ошеров. — М.: Лабиринт, 2001, с. 166.

*** *Секст Проперций*. Указ. соч., с. 147.

Антонием своей верной союзнице за два года до этого стали расценивать как подарок одурманенного любовника. Пожалования римляне восприняли как проявление «показного блеска, гордыни и вражды ко всему римскому»*, а состоявшиеся за несколько дней до этого птолемеевские шествия им представились триумфом в римском смысле, проведенным не в Риме. Они сочли, что Антоний «в угоду Клеопатре отдал египтянам прекрасное и высокое торжество, по праву принадлежавшее отечеству»**, хотя фараоны проезжали в золотых колесницах в ознаменование военных побед еще за сотни лет до основания Рима. И несмотря на то что Клеопатра финансировала данное конкретное «римское» завоевание, Октавиан утверждал, что военные трофеи были отданы египетской Исиде, а не римскому Зевсу на Капитолии, задавшись целью создать о Клеопатре представление как о безнравственной восточной царице, пользующейся в свое удовольствие нечестно полученной добычей, в то время как его добродетельная сестра сидит дома подобно непорочной весталке и прядет пряжу.

Поручив Агриппе бороться с инакомыслием и пресекать проегипетские настроения, Октавиан решил затмить Александрию посредством реконструкции Рима частично по проектам, намеченным Цезарем при содействии Клеопатры. На эти цели пошли трофеи от Иллирийской войны. Агриппу он назначил «уполномоченным по гражданскому строительству», под чьим руководством начались реставрация храмов, ремонт дорог и общественных зданий, строительство колоннад, новых акведуков, канализации и бань. Этими мероприятиями, а также проведением игр и состязаний он склонил на свою сторону народ. В то же время Октавиан продолжал критиковать Антония в сенате, обвиняя его в необоснованной жестокости за казнь Секста Помпея, хотя

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427.

** Там же, с. 425.

сам распял многих солдат своего соперника. Октавиан ставил в заслугу Антонию взятие в плен армянского царя, которого пощадили, но он обходил молчанием то, что несколько сотен жителей Перудени принесли в жертву по его повелению.

Возмущенный таким лицемерием, Антоний в своих письмах решительно опровергал обвинения. И хотя Октавиан высмеивал литературный стиль оппонента, утверждая, что тот изъясняется «старинными и обветшалыми словами» и берет пример «с азиатских риториков, чтобы перенести в нашу речь их потоки слов без единой мысли»*, ему непонятных из-за недостаточного знания греческого языка, Антоний продолжал засыпать его своими посланиями. Отметив, что Октавиан незаконно завладел территориями Лепида, что раздавал земли в Италии только своим ветеранам, не вернул почти половину переданных ему кораблей и отправил лишь десятую часть солдат, обещанных взамен, Антоний наиболее решительно защищался по поводу главного вопроса — своих отношений с Клеопатрой.

С поразительной прямоотой Антоний спрашивал у Октавиана в одном из своих писем: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она мне жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенией, или со всеми сразу, — да и не все ли равно в конце концов, где и с кем ты путаешься?»** Хотя у римлян сложился положительный образ Октавиана, он имел по меньшей мере одну любовницу. Кроме того, он поддерживал связи с женами и дочерьми своих коллег и оправдывал себя тем, что «шел на это не из похоти, а по расчету»***, дабы выведать, что замышляют его

* Светоний. Указ. соч., с. 85.

** Там же, с. 77–78.

*** Там же, с. 77.

противники. Но эти методы не отличались щепетильностью даже по критериям Антония, который обвинил Октавиана в том, что «жену одного консула он на глазах у мужа увел с пира к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей»*.

И все-таки истинная причина нападков Октавиана на Антония состояла в том, что он признал отцовство Цезариона как во время пожалований в Александрии, так и в донесении сенату, где он сообщил, что Цезарь признал Цезариона своим сыном в присутствии нескольких коллег, в том числе Гая Оппия. Естественно, это подрывало статус Октавиана как приемного сына, и Оппия уговорили сделать опровержение. Сторонники Антония затем обвинили Октавиана в гомосексуализме, кощунстве и трусости. В обстановке нарастающей вражды между двумя фракциями пропагандистская машина Октавиана заработала на полную мощность, чтобы противодействовать супружеской паре, на чьей стороне было большинство грекоязычных стран и значительное число римлян. Александрия уже стала местом жительства Планка, постоянного гостя на званых пирах, устраиваемых супругами, Деллия, посла по особым поручениям, сенатора Квинта Овиния, управлявшего предприятиями Клеопатры по выделке шерсти, и родившегося в Греции римского офицера Гая Юлия Папейоса, командовавшего отрядом римских и греческих воинов, посланных в Филэ весной 32 года до н.э., чтобы воздать почести Исиде и царице.

По обеим сторонам огромного тронного зала Клеопатры были выставлены штандарты римских легионов. Стоявшие на карауле перед входом римские солдаты держали щиты с царскими эмблемами. При дворе Клеопатры постоянно находились артисты, ученые и искусные мастера, приглашенные Антонием. Они разыскивали для Клеопатры шедевры

* Светоний. Указ. соч., с. 77.

древнего восточного искусства от бронзовых статуй до произведений живописи и рукописей, хранившихся в царской библиотеке Пергама и больше всего восхищавших Клеопатру, которая питала «пристрастие ко всякой образованности»*. Этот акт огромной политической важности не только позволил Антонию выполнять обязанности преемника Цезаря, возмещая труды, утраченные во время Александрийской войны, но и дал возможность Клеопатре, продолжавшей прибирать к рукам обширную библиотеку соперников осуществить давнюю мечту Птолемеев, дабы показать, что их прежнее царство находится под ее контролем. Из храма Афины-Исиды перевезли двести тысяч книг в Серапейон Александрии. Создание новой библиотеки положило начало еще одной волны культурного развития, когда ученые мужи Клеопатры начали усваивать лавину информации. Сознывая необходимость образования для своих детей как будущих монархов, Клеопатра назначила философа и историка Николая Дамасского воспитателем близнецов Александра и Клеопатры и юного Птолемея Филадельфа, учителем которых также являлся Эвфроний. Их старшего единородного брата Цезариона обучал ученый Родон, а Феодор был воспитателем старшего сына и законного наследника Антония, Антилла. Хотя при пожалованиях он не получил каких-либо территорий, десятилетний отрок появился на монетах с отцом и пользовался такими же жизненными благами, как его единокровные братья и сестра. Его личный врач Филот вспоминал, как юный Антилл вознаградил его за остроумное замечание во время обеда, подарив ему все кубки, стоявшие на столе, однако некоторое время спустя ему посоветовали взамен кубков взять деньги, а то как бы Антоний «не хватился какой-нибудь из вещей — ведь среди них есть старинные и тонкой работы»**. Детей в царском доме

* Текст приводится по изданию: *Флавий Филострат. Жизнь Аполлона Тианского.* — М.: Наука, 1985, с. 106—107.

** *Плутарх. Сравнительные жизнеописания.* Т. 2, с. 413.

стало больше, когда в 33 году до н.э. прибыла мидийская царевна Иотапа, будущая невеста шестилетнего Александра Гелиоса. Царские дети, наверное, тесно общались и со своим родственником Петубастисом, частым гостем во дворце, чья статуя находилась в Серапейоне.

Такие же скульптуры установили и в храме Цезаря, где Антоний как его верховный жрец должен был совершать таинства. Клеопатра повелела построить храм в честь Антония в образе Диониса-Осириса и, продолжая птолемеевскую практику восстановления древних обелисков в честь их союзников, воздвигла гранитный обелиск на площади рядом с памятником Антонию. Еще одну бронзовую статую Антония на базальтовом пьедестале установили 28 декабря 34 года до н.э. в память о пожалованиях с такой надписью на греческом языке: «Антоний Великий, любивший как никто другой. Параситос воздвиг этот памятник его богу-покровителю 29-го дня месяца Хояка в год 19-й, он же четвертый»*.

Продолжая пользоваться системой двойного летосчисления, Клеопатра осуществляла правление, в чем ей помогали — особенно в периоды ее длительного пребывания за рубежом — преданные сторонники: советник Алексас из Сирии, секретарь Диомед, глава казначейства Селевк, евнух Мардион и некий Потин, вероятно, возглавлявший правительство, тезка того Потина, которого казнил Цезарь. Сознавая, что грядет неизбежный конфликт с Октавианом, она начала заранее готовиться к нему. Поскольку человек, ставший теперь ее врагом, так и не вернул шестьдесят кораблей из тех, что передал ему Антоний, она завезла из-за границы большое количество леса для строительства новых военных кораблей. Одновременно могла осуществляться передислокация части торговых судов, обычно плававших в Красном море. В результате египетский флот насчитывал более двух-

* См.: Walker S. and Higgs P. Op. cit., p. 232.

сот боевых единиц. За счет доходов от долгосрочной торговли с Индией и реализации ароматического бальзама и битума, право на которую незадолго до этого перешло к Клеопатре, она собрала огромные средства, необходимые, чтобы заплатить армии и своим сторонникам за рубежом. Но еще требовалось заручиться поддержкой внутри страны. Таким образом, вместо того чтобы раздавать деньги, как это делал ее отец, она ввела систему снижения налоговой ставки. В частности, от уплаты налога освобождался находившийся в подчинении у Антония полководец Канидий. В феврале 33 года до н.э. она сообщала ему: «Мы предоставляем право Публию Канидию и его наследникам ежегодно экспортировать десять тысяч артаб пшеницы и импортировать пять тысяч коанских амфор вина без уплаты пошлины кому бы то ни было или любых других налогов. Мы также освобождаем его навсегда от уплаты налога на все земли, принадлежащие ему в Египте, на том условии, что он не будет платить их ни в пользу государства, ни нам или кому-нибудь еще. <...> Уведомить всех, кого это касается, чтобы они действовали соответствующим образом. Быть по сему!»*

Данный документ — яркое свидетельство мудрой финансовой политики, проводимой Клеопатрой, но что действительно делает его живой, осязаемой историей и тесным связующим звеном с женщиной, какой не было равных, это приписка на греческом языке $\gamma\upsilon\nu\epsilon\sigma\theta\omega$, что значит «быть по сему», сделанная собственноручно царицей.

Между тем Антоний совершил еще одну поездку на север и после встречи с их союзником мидийским царем отправил донесение сенату с объяснением истинного смысла пожалований, чтобы опровергнуть обвинения Октавиана. Затем он

* Pap, Berolinensis 25. 239 in Ägyptisches Musrum und Papyrussammlung, Berlin. См. также: *van Minnen P.* A Royal Ordinance of Cleopatra and Related Documents / Cleopatra Reassessed // British Museum Occasional Paper No. 103 (eds. Walker S. and Ashton S.). — London: BMP, 2003, p. 35.

прибыл в Эфес, куда вызвал Клеопатру, и стал готовиться к встрече Нового года. Это была дата, когда перестал существовать второй триумvirат, — в полночь 31 декабря 33 года до н.э.

В то время как Восток и Запад, затаив дыхание, ждали, какой шаг сделают два бывших триумвира после ожесточенной словесной войны, бушевавшей на протяжении 33 года до н.э., Антоний взял верх из-за того, что двух его влиятельных коллег Гнея Домиция Агенобарба и Гая Сосия назначили консулами на 32 год до н.э. Получив донесение от Антония об управлении восточными провинциями и пожалованиях, Агенобарб не хотел раскрывать его потенциально взрывоопасного содержания. Но Сосий взял инициативу в свои руки и в феврале зачитал донесение перед сенаторами, которые узнали, что пожалования явились формальным подтверждением розданных Антонием территорий в соответствии с его политикой правления на Востоке. Тогда Антоний воспользовался своим последним козырем, сказав, что готов снять с себя полномочия, если Октавиан сделает то же самое. Лишенные возможности маневрировать, Октавиан и его сторонники начали оскорблять консулов и позвали вооруженную охрану, чье присутствие в сенате считалось противозаконным. Собрание закончилось в обстановке полного хаоса, как после убийства Цезаря.

Но затем произошло нечто невероятное. Оба консула и почти половина сенаторов встали на сторону Антония, и от трехсот до четырехсот человек покинули Рим с намерением сформировать новый сенат в Эфесе. Тамошняя гавань вдруг заполнилась кораблями — «туда со всех сторон собирался его флот»*. Клеопатра сама прибыла на царском флагмане «Антония» во главе личной эскадры из шестидесяти кораблей и еще ста сорока военных кораблей. Жители Эфеса приветствовали ее как монарха.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427.

Когда Канидий Красс привел из Армении свои легионы, под знаменами Антония образовалась огромная армия численностью семьдесят пять тысяч легионеров, большая часть из которых была набрана в грекоязычных странах, вместе с двадцатью пятью тысячами пехоты, двенадцатью тысячами всадников, пятью сотнями военных кораблей и тремястами более мелких судов. Средства на военные цели в основном предоставила Клеопатра, она же привезла собой войсковую кассу с двадцатью тысячами талантов в слитках. Монетный двор супругов в Ливане теперь мог чеканить монеты для выплат солдатам. Каждому легиону выдавали монеты с изображениями его штандарта и военной галеры. Такие ресурсы значительно превосходили возможности Октавиана, которому пришлось ввести крайне непопулярный двадцатипятипроцентный подоходный налог по всей Италии, где Антоний и Клеопатра уже начали распределять средства среди своих оставшихся сторонников. Если бы они вступили в Италию весной 32 года до н.э., то обязательно одержали бы победу, но тогда они еще не предпринимали никаких шагов.

Во время пребывания в Эфесе, где резиденцией Клеопатры служил штаб Антония, который он называл дворцом, она вела такой же активный образ жизни, как в Александрии: «Она появлялась на рыночной площади [форуме] с Антонием, руководила вместе с ним проведением празднеств, ездила с ним верхом на лошади по городу, и ее доставляли в другие места на носилках»*. Клеопатра присутствовала на совещаниях у Антония, по-видимому, как и раньше — у Цезаря, однако кое-кто из новых союзников начал высказывать возражения: дескать, удел женщины — домашний очаг, а ее присутствие в лагере — к несчастью, плохая примета. Беспокойное поведение ласточек, гнездившихся на корме флагманского корабля Клеопатры, посчитали дурной приметой.

* Дион Кассий. Римская история. Кн. I, гл. 5.

Среди тех, кто роптал на государыню, были Планк и его племянник Тиций, вероятно, встревоженные, что она может раскрыть некоторые махинации с деньгами, Агенобарб даже отказался почтительно обращаться к ней как к царице, а просто называл ее Клеопатра и без обиняков просил вернуться в Египет.

Но Клеопатра никоим образом не собиралась делать этого. Ее поддерживал другой консул, Сосий, флотоводец, признававший большую важность ее кораблей, но самым рьяным заступником оказался Канидий Красс, командовавший сухопутными силами. Он доказывал, что ее присутствие необходимо для поддержания морального духа египетских войск. Он также сказал своим товарищам по оружию, что «несправедливо силою держать вдали от военных действий женщину, которая столь многим пожертвовала для этой войны. <...> И вообще, заключил Канидий, он не может назвать ни единого из царей, участвующих в походе, которому Клеопатра уступала бы разумом, — ведь она долгое время самостоятельно правила таким обширным царством, а потом долгое время жила бок о бок с ним, Антонием, и училась вершить делами большой важности»*. В итоге, несмотря на разногласия, Клеопатра осталась там, где находилась.

В апреле 32 года до н.э. с приближением сезона военных действий она и Антоний отплыли на остров Самос. «Подобно тому как все цари, властители и тетрархи, все народы и города между Сирией и Мэотидой, Иллирией и Арменией получили приказ посылать и везти военное снаряжение, так же точно всем актерам было строго предписано немедленно отправляться на Самос»**. Длившаяся в течение нескольких недель подготовка к войне сопровождалась «грандиозными празднествами» в птолемеевском духе в честь Диониса, олицетворенного верховным командующим Ан-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427—428.

** Там же, с. 428.

тонию. В это время «остров много дней подряд оглашался звуками флейт и кифар, театры были полны зрителей, и хоры усердно боролись за первенство. Каждый город посылал быка, чтобы принять участие в торжественных жертвоприношениях, а цари старались превзойти друг друга пышностью приемов и даров»*, дабы заручиться поддержкой богов в предстоящей войне. Уже обсуждались планы проведения триумфа в ознаменование победы над Октавианом. Намечалось по примеру Юлия Цезаря и римскому обычаю устроить гладиаторские игры. В мае Антоний и Клеопатра переправились с Самоса на территорию материковой Греции, отделявшей их мир от мира Октавиана и где скоро будут решаться их судьбы.

В двух случаях Антоний сражался здесь и победил, решая будущее Рима, — в первый раз вместе с Цезарем против Помпея при Фарсале, а затем с практически отсутствующим Октавианом против Брута и Кассия при Филиппах. Он, должно быть, чувствовал, что боги с ним, когда с Клеопатрой они смотрели на их огромную армию и такой же громадный флот.

Отправив свои корабли на запад вокруг Пелопоннеса для создания линии обороны, Антоний и Клеопатра уехали в Афины, там провели лето 32 года до н.э. С городом, где в молодые годы жил и учился Антоний и где, возможно, побывала Клеопатра в детстве с отцом, имели тесные связи Птолемеи, чьи статуи находились в Акрополе. Афиняне теперь установили статую Клеопатры в образе Исиды рядом с изваянием Антония в облике Осириса. Разместившись в роскошном афинском доме Антония, как за двенадцать лет до этого в римской вилле Цезаря, «Клеопатра щедрыми подарками старалась приобрести благосклонность народа. Назначив почести и Клеопатре, афиняне отправили к ней домой послов с постановлением Собрания, и одним из этих

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 427—428.*

послов был Антоний — в качестве афинского гражданина; он произнес и речь от имени города»*.

Оказав великие почести сидевшей перед ним жене, он объявил о разводе с другой и «в Рим послал своих людей с приказом выдворить Октавию из его дома, и она ушла, говорят, ведя за собою всех детей Антония (кроме старшего сына от Фульвии, который был с отцом), плача и кляня судьбу за то, что и ее будут числить среди виновников грядущей войны. Но римляне сожалели не столько о ней, сколько об Антонии, и в особенности те из них, которые видели Клеопатру и знали, что она и не красивее и не моложе Октавии»** — классический ответ отвергнутой женщине. Заняв место Октавии в качестве образца женской божественности в Афинах и став теперь единственной женой Антония, Клеопатра, конечно, была на седьмом небе. Тем не менее она не могла не сознавать, что Антоний, наконец разведясь с Октавией, руководствовался прежде всего политическими соображениями — ему нужно было разорвать последнюю остающуюся связь со злейшим врагом Октавианом. Потом будут утверждать, что Антоний «ради чужеземки, с которой состоял в незаконном сожительстве, прогнал римскую гражданку, соединенную с ним узами брака, <...> и таким образом нанес вред самому себе»***.

Как и следовало ожидать, развод Октавии побудил ее брата к действию, в результате перед римлянами он предстал агрессором и сам столкнулся с реальной проблемой. Едва успев создать репутацию великого спасителя, лично положившего конец гражданской войне в Риме, он вряд ли мог возобновить военные действия против согражданина-римлянина. Поэтому он решил обойти стороной Антония и нацелиться на Клеопатру как «внешнего врага». Она — иностранка, царица и женщина, и значит — по всем этим при-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 428.

** Там же.

*** Там же, с. 445.

знакам должна отвратить от себя римский истеблишмент. Вот Октавиан и выдал себя за смелого борца против нее и, несмотря на то что города Бонония (Болонья) и Палестрина остались верными Антонию и Клеопатре, заявил, что все население Италии принесло ему торжественную присягу и выразило желание, чтобы он возглавил борьбу против владычицы Востока.

Играя на давнишней подозрительности Рима к Востоку, он сказал согражданам, что им грозит самая большая опасность, поскольку восточные орды Клеопатры могут в любой момент ворваться в их город. Вторя пророчеству из «Книг Сивилл» «О Рим, <...> срежет тебе госпожа копну волос твоих пышных, восторжествует тогда справедливость, и с неба на землю сброшено будет одно, из праха восстанет другое»*, верно служивший Октавиану поэт Гораций писал о Клеопатре, что «царица Капитолий мнила в безумстве своем разрушить, грозя <...> державе нашей смертью позорной»**.

Итак, добропорядочный «мужской» Запад готовился к походу против безнравственного феминизированного Востока, и недовольство, вызванное налогами, улеглось, когда преданный Октавиану Кальвисий начал расписывать, в какой развращенный мир втянула Клеопатра Антония. Кальвисий обвинял Антония в том, что тот под ее влиянием незаконно завладел библиотекой Пергама и подарил ей хранившиеся там свитки, заставил жителей Эфеса величать ее госпожой и владычицей и читал ее любовные письма в присутствии высокочтимых государственных мужей. Антоний, по его словам, обращал больше внимания на то, что говорила Клеопатра, а однажды, едва завидев ее, вскочил, не дослушав речь, которую произносил один именитый римский оратор, и отправился провожать царицу и даже растирал ей ноги на глазах многих людей.

* Книги Сивилл. С. 58.

** Гораций. Указ. соч., с. 69.

Хотя большую часть этих обвинений Кальвисий выдумал, оратор Марк Валерий Мессала воспроизвел их в своем памфлете и еще добавил, что Антоний пользовался золотым горшком — «а уж на такую гнусность была не способна даже Клеопатра»*. Там также говорилось, что он бегал за ее носилками в восточной одежде «с толпой уродливых евнухов»**. Октавиан даже заметил, что «войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармиона — вот кто вершит важнейшими делами правления»***.

Бывший союзник Антония и Клеопатры, Планк, «по болезненному влечению к предательству»**** переметнулся к Октавиану, оправдывая свой поступок тем, что больше не мог терпеть присутствия Клеопатры на совещаниях, но он и словом не обмолвился, как сам, намазавшись синей краской, ползал перед царицей по полу нагишом потехи ради. Планк тоже поведал сенату о мнимых преступлениях Антония. Он утверждал, что знает содержание его завещания, отправленного в Рим и хранящегося у девственных жриц богини Весты. После того как верховная жрица отказалась выдать завещание, Октавиан взял его силой.

Римские политики и государственные мужи знали толк в использовании подобных завещаний, будь то подлинных или фиктивных, при ведении дел с птолемеевским Египтом, и Октавиан устроил грандиозное шоу, зачитывая перед сенаторами некоторые подвергшиеся его редактированию статьи из завещания Марка Антония. Признав Цезариона законным сыном Цезаря, что уже было сделано во время пожалований, Антоний затем объявлял о желании оставить щедрое наследство своим детям от Клеопатры, тогда как по римским законам дети иностранцев не имели права насле-

* *Плиний*. Естествознание XXXIII. 50.

** *Гораций*. Указ. соч., с. 69.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 430.

**** *Немировский А.И., Дашкова М.Ф.* Указ. соч., с. 129.

дования, о чем Антоний очень хорошо знал. Так что этот пункт был явно выдуман Октавианом. Под конец он объявил, что Антоний завещал похоронить его в Александрии с Клеопатрой, если умрет в Риме.

Даже если Антоний высказывал такое пожелание в частной беседе, то вряд ли оставил письменное доказательство в городе, где распоряжался его злейший враг. Хотя многие были возмущены таким грубым обращением со священными весталками и разглашением личного документа, мастерским пропагандистским ходом Октавиан достиг своей цели. Поверили ли римляне ему или нет, но у них хватило здравого смысла понять, что ситуация меняется вне зависимости от того, какие методы для этого применялись. Так что когда люди начали переходить на сторону Октавиана, сторонники Антония попытались минимизировать потери, решив, что можно заставить молчать Октавиана, если вывести из игры Клеопатру.

В Афины послали Гая Геминия, чтобы он срочно поговорил с Антонием, но Клеопатра, заподозрив неладное, задержала посланца. Когда наконец во время пира ему предложили изложить суть дела, он ответил, что «обо всем остальном следует говорить на трезвую голову, но одно он знает наверное, пьяный не хуже, чем трезвый: все пойдет на лад, если Клеопатра вернется в Египет. Антоний был в ярости, а Клеопатра промолвила: «Умница, Геминий, что сказал правду без пытки»»*.

Теперь Антоний все больше терял поддержку в Риме, а разговоры о том, что Клеопатра хотела перенести столицу в Александрию, породили убежденность, что она вознамерилась стать царицей Рима. Ей даже приписывали такую фразу: «Придет день, и я буду вершить суд на Капитолии»**, в историческом центре самого Рима. Такие истории подо-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 429.

** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. I, гл. 5.

гревались оставшимися сенаторами и позволяли Октавиану осуществлять свои планы.

Отрешив отсутствующего Антония от власти триумвира и лишив его «полномочий, которые он уступил и передал женщине»*, осенью 32 года до н.э. Октавиан объявил Клеопатру врагом государства. Объявив войну тридцатисемилетней матери четырех детей, он прошел во главе процессии на Марсово поле к храму богини войны Беллоны, где произнес пропитанную ядом речь против египтянки. Затем, взяв обогретенное кровью копье, метнул его на восток, символически целясь во вражескую территорию, если не в самого врага, «чудовище»** Клеопатру, смертельного врага. Как отметил историк Вильям Тарн, «Рим, который никогда не боялся ни одного государства или народа, за всю свою историю страшился двух человек: одним был Ганнибал, а другим была женщина»***.

Пока Рим находился в состоянии повышенной боевой готовности в ожидании момента, когда орды Клеопатры пересекут Адриатическое море, время для успешного вторжения в Италию было упущено, поскольку римские сторонники Антония могли обратиться против него из-за представлений о Клеопатре как об иностранном захватчике. Поэтому полем сражения предстояло стать Греции. Осенью Антоний и Клеопатра перенесли свою резиденцию из Афин в Коринф, дабы держать под контролем Коринфский залив. Вместе с крепостью в Метоне на южной оконечности Пелопоннеса Коринф составлял часть оборонительной линии Антония от Керкира (Корфу) на севере до Киренаики на юге, обеспечивавшей защиту Египта и Востока, а также транспортного пути в Александрию.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 430.

** *Гораций*. Указ. соч., с. 69.

*** См.: *Tarn W.W.* Cambridge Ancient History X. — Cambridge: CUP, 1934, p. 111.

Однако их основные силы располагались в Амбракийском заливе, служившем удобной гаванью для более чем четырехсот военных кораблей. Украшенные пышно и богато с бронзовыми фигурами Исиды, Афины в полном вооружении и кентаврами, с медной обшивкой носа, они были оснащены деревянными башнями, огнеметами и катапультами. На каждом корабле находилось сто двадцать солдат и отряд лучников. Для маневрирования этих судов с восемьюдесятью рядами весел требовалось шестьсот гребцов. Смешанные команды состояли из египтян, финикийцев, индийцев, арабов, уроженцев государства Саба и моряков других национальностей.

В конце 32 года до н.э. Антоний и Клеопатра разбили лагерь на Акции, самом южном мысе, обращенном на запад, и стали ждать Октавиана. Их диспозиция и планы сражения стали известны противнику от очередного изменника, которым на этот раз оказался Деллий, перебежавший к Октавиану. Свой поступок он объяснял тем, что Клеопатра якобы невзлюбила его. Получив сведения о противнике, Агриппа смог захватить Метону и другие важные пункты в оборонительной системе Антония и нарушить снабжение его войск необходимыми припасами.

Когда восьмидесятитысячная армия Октавиана и Агриппы расположилась лагерем в полумиле к северу от залива на местности, называемой Торна, что значит «мешалка», Антоний оказался отрезанным от своих сухопутных сил, занявших позиции севернее для обороны побережья. Хотя сложившаяся ситуация встревожила его советников, Клеопатра, как говорят, заметила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!»*, высмеивая тех, кто продолжал выражать недовольство ее присутствием.

Такие настроения, конечно, преобладали в окружении Октавиана. Так, поэт-воин Гораций писал, что «в военном

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 431.*

стане солнце зрит постыдную палатку в виде полога»*, удивляясь, почему какой-то римлянин «оружье, колья носит: служит женщине»**. Другой знаменитый поэт, близкий к Октавиану, Вергилий, в своей «Энеиде» также писал о сражении между Октавианом и Антонием, которое было представлено якобы как пророчество на щите Энея: «В битву привел он [Антоний] Египет, <...> с ним приплыла — о нечестье! — жена-египтянка»***, которая войску знак подавала «египетским систром», и на бой шли «чудища-боги» против Нептуна, Минервы и Венеры Рима. Если Клеопатра сама поклонялась всем этим божествам и даже олицетворяла одну из богинь, то утверждение, что «развратная царица кровосмесительного Канопы <...> отважилась противостоять Юпитеру со своим лающим Анубисом»****, расходится с исторической действительностью, поскольку на монетах Антония и Клеопатры имелось изображение головы Юпитера, украшенной бараньими рогами Амона.

Затем Октавиан, называвший себя «императором Цезарем, сыном бога», тем самым принижая значение Цезаря и бросая вызов живому воплощению Исиды, перед народом совершил молебствие Марсу, прося даровать ему победу, а потом обратился к воинам с речью. Он назвал Клеопатру «губительницей»*****, а Антония — ее жалким, безвольным приспешником — «считайте его не римлянином, а египтянином; пусть он зовется не Антонием, а Сераписом»*****. О египтянах он отозвался как о «черни», которая «молится пресмыкающимся и зверью как богам; они бальзамируют покойников, чтобы сделать их бессмертными; они опередили всех в бесстыдстве и отстали от всех

* Гораций. Указ. соч. Эподы. 9, с. 196.

** Гораций. Там же.

*** Вергилий. Указ. соч., с. 166.

**** Проперций. Указ. соч., с. 149.

***** Дион Кассий. Римская история. Кн. I, гл. 24.

***** Там же. Кн. I, гл. 27.

в отваге. Но хуже всего то, что ими правит не мужчина, они рабы у женщины»*.

Хотя Октавиан имел вдвое меньше кораблей, чем Антоний, его флотом командовал лучший флотоводец того времени Агриппа, который, воспользовавшись разведывательной информацией, сообщенной Деллием, передислоцировал флот к выходу из залива и запер там большую часть кораблей Антония. Однако, согласно дошедшим до нас отрывочным сведениям, Антоний выиграл несколько боев в северной части залива. В ознаменование одной из таких побед были выпущены монеты с его портретом и надписью «Император». Этим титулом обычно награждали солдаты полководца за удачно проведенную кампанию.

Октавиан отклонил предложение Антония решить спор одним сражением и даже предпринял неудавшуюся попытку убийства. Он просто выжидал, между тем как летняя температура росла. Из-за того что оказались перерезанными пути доставки провизии из Египта, солдаты Антония слабели. В лагере начались болезни, от дизентерии и малярии умерли сотни людей, на кораблях стало не хватать гребцов. Антонию пришлось сжечь сто сорок девять кораблей, чтобы они не достались в руки врага. Моральный дух в войсках упал. К Октавиану перебежал консул Агенобарб, по поводу которого Антоний шутил, что он соскучился по любовнице. Несмотря на гневные протесты Клеопатры, Антоний переслал своему бывшему товарищу багаж, который он получил незадолго до смерти от лихорадки.

Перед лицом нарастающего кризиса в конце августа 31 года до н.э. Антоний созвал военный совет, чтобы попытаться найти выход из безнадежной ситуации. Поскольку большинство высказывались за сражение на суше, Канидий Красс советовал оставить флот, отправить Клеопатру обратно в Александрию, затем отступить на север в Македонию

* Дион Кассий. Римская история. Кн. L, гл. 24.

и, соединившись с балканскими союзниками в Дакии, ударить по Октавиану на суше. Но эту стратегию «все или ничего» Клеопатра считала очень рискованной. Не желая терять флот и отдавать Октавиану контроль над морем, она доказывала, что необходимо попытаться спасти как можно больше кораблей, воспользовавшись дневным бризом, прорвать блокаду и уйти в Египет для перегруппировки сил к новому выступлению. Ее обвинили в навязывании Антонию стратегии вопреки здравому смыслу, но он знал, что несогласные с Клеопатрой будут настаивать на сражении на суше. Используя фактор внезапности, флот Антония мог бы прорвать блокаду залива и дать морское сражение, захватив в его ходе как можно больше кораблей Октавиана.

Итак, приказав Канидию Крассу вести войска в Египет через Малую Азию, Антоний укомплектовал команды гребцов местными жителями и дал команду взять на борт паруса для предстоящего плавания, которые обычно оставляли на берегу перед сражением. Ночью погрузили на флагманский корабль Клеопатры войсковую кассу и стали ждать, когда успокоится волнение. На рассвете 2 сентября 31 года до н.э. Антоний отдал приказ, побуждая своих людей сражаться на море, так же как они сражались на суше. Затем он в пурпурном плаще поднялся на борт флагманского корабля, и Клеопатра, хорошо различимая даже издали в ярком наряде, взшла на свой флагман. Она будет ждать бриза, который начнет дуть ближе к полудню.

Когда их оставшиеся двести сорок кораблей начали медленно продвигаться к выходу из залива, флотилия Клеопатры держалась сзади, а Антоний, левым флангом которого командовал его флотоводец Сосий, поплыл навстречу кораблям Агриппы, находившимся справа. Хотя они бездействовали, ему ничего не оставалось, кроме как продолжать атаку, дабы изменить безвыходную ситуацию. В течение нескольких часов в воздух летели стрелы, дротики, копья, метательные снаряды катапульта и огненные шары. «Битва

продолжалась с пяти до семи часов с огромными потерями с обеих сторон»*, тела римлян плавали в воде, груды корабельных обломков прибывало волнами к берегу.

Хотя Октавиан страдал от морской болезни и не поднимался с постели, его корабли вытеснили Сосия из залива, и когда в центральной части сражающихся флотов образовалась брешь, Клеопатра, в соответствии с первоначальным замыслом вырваться и перегруппироваться, воспользовалась случаем и вышла в открытое море. Но Антоний, оказавшийся в окружении меньших по размеру и легких кораблей противника, не мог последовать за ней, ему пришлось пересест на более быстроходное судно. Оставшийся флот Антония продолжал вести жестокое сражение и не мог пойти за своими командующими. В условиях начинавшегося шторма не оставалось ничего другого, как сдаться.

Антонию вменяли в вину, что в разгар сражения он решил погнаться за сумасбродной женой, которая, «как женщина и египтянка»**, предательски бежала, спасая свою жизнь. Хотя имевшиеся на каждом корабле паруса явно указывают на то, что Клеопатра действовала по плану; с тех пор ее все время обвиняли в трусости, а Антония — в том, что он потерял голову от страсти и бежал вслед за Клеопатрой, бросив флот и армию. Позднее его сравнивали с троянским царевичем Парисом, влюбленным в прекрасную Елену. Полемизируя с подобными утверждениями, Плутарх писал, что Антоний, «словно Парис, бежал из сражения и спрятался у ее ног [Клеопатры], только Парис-то бежал в опочивальню Елены побежденный, а Антоний, поспешая за Клеопатрой, упустил победу из рук»***. Так что это не трагическая история о несчастной любви, а выдумка, лишенная какого-либо смысла.

* Paulus Orosius in *Lovric M. Cleopatra's Face: Fatal Beauty*. — London: British Museum Press, 2001, p. 84.

** Дион Кассий. Римская история. Кн. I, гл. 33.

*** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 444.

Из окружения вырвалось порядка ста кораблей Антония и Клеопатры, а не «всего лишь один корабль»*, как утверждали их враги. Акции — это не героическое сражение, а серия стычек на суше и на море, и хотя позднее близкие к Октавиану поэты постарались создать вокруг них ореол легендарности, последующая апология этих событий была явно «непропорциональна им»**, поскольку получившее плохое освещение в исторических документах сражение не принесло победы или поражения ни для одной из сторон.

Октавиан, возможно, и победил по умолчанию, но Клеопатре и Антонию удалось осуществить план бегства и продолжить борьбу. Когда флагман царицы плыл на юг, прагматичная Клеопатра уже обдумывала следующий этап войны, в которой решительно намеревалась одержать победу.

* Гораций. Указ. соч. Оды. 1. 37, с. 69.

** См.: *Southern P. Mark Antony.* — Stroud: Tempus, 1998, p. 137.

ЧАСТЬ VI

11

ПОСЛЕДНИЙ ГОД: ПОРАЖЕНИЕ, СМЕРТЬ И ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ

Совершив прорыв блокады в битве при Акции, Клеопатра и Антоний взяли курс на юг и поплыли вдоль побережья Пелопоннеса. Пока они обдумывали, как поступить дальше, через три дня они достигли мыса Тенарон и отправили депешу Канидию Крассу, который вел войска в Египет. Но вскоре пришло удручающее известие.

Их войска, совершавшие переход, в Македонии остановила армия Октавиана, и после недельных переговоров солдаты дрогнули, когда им пообещали возвращение на родину в Италию, чего никогда не предложил бы Антоний. Хотя Канидий отказался предавать Антония, солдаты перешли на сторону противника. Сам Канидий и его ближайшие соратники тайно бежали и поспешили к Антонию в Египет, однако Октавиан распространил вымысел, будто они бросили на произвол судьбы армию и ей пришлось капитулировать.

Весть о дезертирстве командиров потрясла Антония больше, чем неудача при Акции, и когда флагман Клеопатры продолжил плавание на юг через Средиземное море, он

все время находился на носу корабля и ни с кем не разговаривал. Хотя слуги Клеопатры пытались убедить супругов разделить стол и постель, Антоний погрузился в глубокую депрессию, а Клеопатра сохраняла твердую решимость. При том что у них на Востоке еще имелась армия и сохранилась часть флота, царица была совершенно уверена, что Средиземное море не должно быть единственным театром военных действий, и уж никак не побережье Египта. Пройдя через суровые испытания, когда сама ее жизнь висела на волоске, Новая Исида все активнее выступала на передний план, в то время как ее муж был как никогда пассивен.

По пути в Александрию супруги сделали остановку в ста двадцати пяти милях к западу от нее, в пограничном городе Паретония (Мерса-Матрух), откуда намеревались организовать контрнаступление. Там они не только получили подтверждение, что их войска в Греции сдались, но также узнали о переходе четырех легионов, размещенных в Кирене, на сторону Октавиана, чье имя уже начало появляться на монетах Киренаики. Чтобы не допустить переброску изменивших им легионов в Египет, Антоний решил остаться в Паретонии и сделать все возможное для укрепления региона. Поскольку из этих мест в свое время Александр отправился с первопроходческой экспедицией в Сиву, Птолемеи построили здесь подземный храм в его честь, где были собраны портреты их предков, в том числе деда Клеопатры, Птолемея IX. Весьма вероятно, что она, следуя традиции Птолемеев, взывала к своему великому предку, чтобы он помог укрепить моральный дух Антония.

Оставив ему около сорока кораблей, Клеопатра повела на восток, в Александрию, флотилию из шестидесяти судов. Несколькими днями позже под пурпурными парусами, с венками на носах кораблей, с развевающимися флагами победы — у народа и мысли не должно быть о поражении — они вошли в гавань. Под звуки флейт и пение триумфальных

гимнов, прославляющих Клеопатру Филопатор, божественную защитницу страны, она сошла на берег.

Клеопатра вновь уверенно взяла в свои руки бразды правления. Говорили, что, «оказавшись вне опасности, она казнила многих видных людей, которые и прежде были настроены против нее и теперь радовались ее неудаче»*. Несомненно, помня о недавнем предательстве Деллия, Планка и Агенобарба, она казнила многих из числа александрийской знати, кто был не прочь воспользоваться ослаблением ее позиций. Клеопатра не пощадила Артавазда, бывшего царя Армении, который не только предал Антония во время его первого парфянского похода, но и не оказал ей почтения. Голову этой самой именитой особы, ставшей жертвой ее чистки, она послала злейшему врагу Артавазда, мидийскому царю, чья дочь была обручена с сыном Клеопатры, Александром Гелиосом.

Она укрепляла союзнические отношения с оставшимися вассалами Антония. Ее нисколько не удивило то, что иудейский царь Ирод, некогда назвавший свой дворец «Антония», задумал построить портовый город и назвать его Кесарией в честь своего нового сюзерена Октавиана. Последний еще не мог осуществить вторжение в Египет, поскольку победа при Акции для него не была столь решающей, как ее изображали позднее. Оставались и очаги упорного сопротивления. Гладиаторы из общины, созданной четой в Кизике (Малая Азия), когда «узнали о происшедшем, то немедленно бросились в Египет на помощь Антонию и Клеопатре»** через Сирию, готовые, если понадобится, сражаться не на жизнь, а на смерть. Поэтому, чтобы обезопасить свои тылы в Греции, свести на нет остатки прежней популярности Антония и Клеопатры и закрепить свой успех, Октавиан отправился по недавнему пути следования семейной пары от Афин до Самоса, где получил известие о заго-

* Дион Кассий. Римская история, с. 126.

** Там же, с. 127.

воре и росте недовольства в Италии. Хотя заговор, руководимый сыном бывшего триумвира Лепида, был раскрыт, а его организатор — казнен, пришлось послать в Рим Агриппу для поддержания порядка, а тысячи солдат, которым так много наобещал Октавиан, требовали вознаграждения.

Октавиану пришлось возвращаться в Италию, даже несмотря на то, что в эту зимнюю пору на море свирепствовали бури. Во время одной из них погиб его личный врач. Прибывшего в Брундизий Октавиана приветствовали сенаторы, однако встречу героя омрачили недовольные выкрики собравшихся ветеранов. Хотя их удалось успокоить заверениями, что им будут розданы земли, обещанные солдатам Антония, Октавиан понимал: ему не обойтись без сказочных богатств Птолемеев, которыми владела Клеопатра и собиралась воспользоваться ими.

Чтобы пополнить военную казну, насчитывающую двадцать тысяч талантов, она, согласно более поздним источникам, захватила огромные богатства «из святилищ и храмов, не пощадив даже самых почитаемых»*. Клеопатра совершала кощунство, давно ставшее привычным, хотя всегда давала деньги храмам, дабы заручиться поддержкой коренных жителей. И в самом деле, египтяне продолжали поддерживать ее. Встречавшиеся с Клеопатрой жрецы Верхнего Египта сказали, что готовы с оружием в руках защищать страну. Во всех храмах духовенство, возглавляемое ее родственником, верховным жрецом Петубастисом, воздавало почести ее статуям. Так что если от храмов поступали средства, то это были добровольные пожертвования.

После возвращения домой Клеопатра, конечно, первым делом почтила Исиду и Мина в их общем храме в Коптосе, установив там каменную стелу 21 сентября 31 года до н.э. с такой надписью: «В год 22-й, он же седьмой, 22 дня первого месяца ахета от женщины-фараона, дочери царей, которые,

* Дион Кассий. Римская история, с. 126.

в свою очередь, являлись царями, рожденными от царей, Клеопатры, благодетельной, любящей отца богини, и от Птолемея, нареченного Цезарем, любящего мать и отца бога». На стеле был помещен только портрет Цезариона, очевидно, на случай, если что-то случится с его матерью и соправительницей. Далее речь шла об отчислениях из царской казны на культовые обряды для быка Бухиса и на выплаты местным ткачам, изготовившим материю для бальзамирования животного. Клеопатра вполне могла проявить щедрость в этой ситуации из тех соображений, что из Коптоса лежал основной путь от Нила к Красному морю, охраняемый Мином и Исидой, помощь которых ей понадобится, когда она будет осуществлять план спасения своих сокровищ, детей и самой себя.

При том что Египет оказался блокированным с востока, запада и севера, юг оставался свободным, и как раз там она намеревалась предпринять следующий шаг. Признав непреложный факт, что Средиземное море принадлежит Октавиану, она решила не направляться в Испанию, где еще оставались кое-какие сторонники Помпея, а обратила взоры на другое побережье Египта. Регион Красного моря, недостижимый для Октавиана, но хорошо знакомый Птолемеям, особенно Клеопатре, владевшей многими местными языками, охватывал значительную территорию Южного Египта. Даже если неприятель захватит дельту, Юг будет считать себя независимым районом, поддерживающим ее режим. Перебравшись туда, откуда лежит прямой морской путь в Индию, она также получит новые возможности для путешествий и торговли. Изумительная, сделанная в Александрии, но найденная в Пенджабе бронзовая статуэтка сына Исиды, Гарпократа, увенчанного короной Верхнего и Нижнего Египта, по-видимому, являлась одним из элементов кампании по пропаганде ее «большого и отчаянно смелого начинания»*.

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 435.*

Царица также задумала перетащить через «перешеек, отделяющий Красное море от Египетского»*, ее оставшийся флот в составе шестидесяти кораблей, неспособных из-за своих слишком больших размеров пройти через существовавший канал. Итак, ее замысел заключался в том, чтобы «в этом самом месте, где перешеек <...> уже всего — не более трехсот стадиев [около 40 миль], — перетащить суда волоком»**, используя египетские деревянные катки или, возможно, колесную конструкцию наподобие той, что она, наверное, видела незадолго до этого в Коринфе, когда корабли перевозили по суше, «и выйти в Аравийский залив»***.

Но хотя этот план мог иметь далеко идущие последствия, он закончился неудачей из-за того, что петрейские арабы по приказу их царя Малха сожгли корабли на суше во время перевозки. Арабы, давно ненавидевшие Птолемея за территориальные притязания и торговые связи, не простили Клеопатре того, что она собирала налоги с добычи битума в их стране. Этим диверсионным актом, совершенным при содействии назначенного Октавианом нового наместника Сирии и иудейского царя Ирода, арабы свели счеты с египетской царицей.

Если для Антония самым прискорбным событием была капитуляция его сухопутных сил, то для Клеопатры тяжелейшим ударом судьбы, безусловно, стало уничтожение ее флота, с которым она связывала все надежды на спасение. Но даже это не обескуражило ее, ибо, доколе она владела сокровищами, она сохраняла за собой власть. Когда Антоний вернулся из Паретония, после того как сделал все возможное для укрепления западных границ, Клеопатра отдала приказание обезопасить Египет от вторжения с востока через Пелусий и стала готовиться к тому, чтобы бросить вызов Октавиану, используя сокровища, нужные ему как инстру-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 435.

** Там же.

*** Там же.

мент торго. А пока она решила разделить свое состояние на две части: одну оставить в Александрии, спрятав ее в тайниках мавзолея, а другую — передать своему юному соправителю Цезариону, которому в должный час придется уехать за границу, подальше от Октавиана, уже ступившего на тропу войны.

К весне 30 года до н.э. Октавиан уже находился на Родосе, куда Клеопатра отправила сообщение, что готова отречься от престола и просит сохранить власть за ее детьми. Через посланца она передала крупную взятку и знаки власти египетского монарха точно так же, как в свое время Рим послал Птолемею IV тогу взамен его любимого одеяния Диониса, тем самым делая намек Октавиану, настаивавшему на том, чтобы римляне носили тогу, дабы подчеркнуть отличие от изнеженных жителей Востока. Хотя Октавиан принял деньги и экзотические знаки царской власти, он уклонился от прямого ответа. Он поступил так же, когда Клеопатра послала гонцом учителя своих детей Эвфрония, который привез еще одну крупную сумму и передал просьбу царицы оставить ее детей наследниками египетского престола.

В то время как Клеопатра продолжала жить со своими детьми во дворце, предположительно на острове Антиродос, Антоний предпочел в уединении переживать измены своих бывших союзников, в том числе Ирода. Антоний удлинил мыс, выступавший в море, и на его оконечности к западу от острова Антиродос построил башню из гранита и мрамора, оказавшуюся напротив дворца Клеопатры. Царица могла видеть Антония, но он оставался вне ее досягаемости и в полной изоляции от внешнего мира. Это уединенное место он называл Тимонеум по имени афинянина Тимона, ненавистника людей, на чьей могиле было начертано: «Здесь я лежу, разлучась со своею злосчастной душою. Имени вам не узнать. Скорей подышайте, мерзавцы!»*

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 435.*

Антоний послал к Октавиану своего сына Антиллы, некогда обрученного с дочерью Октавиана, Юлией. Он привез крупную сумму денег и сообщение, что его отец хочет жить в Александрии просто как частное лицо или в Афинах, если это невозможно. Хотя Октавиан оставил себе деньги, ответил он Клеопатре, «что ей будет оказано полное снисхождение при одном условии — если она умертвит или изгонит Антония»*.

Затем Антоний отправил Октавиану письмо, в котором сообщал, что готов покончить с собой, если это спасет Клеопатру, но в данном случае из состояния инертности его вывела заговорившая в нем ревность. Молодой и красивый вольноотпущенник Октавиана, Фирс, беседовал с Клеопатрой дольше, чем другие, что вызвало у Антония подозрения, и он приказал высечь гонца. Отпустив его назад к Октавиану, он написал, что поступил так, потому что «Фирс держал себя слишком заносчиво и высокомерно»**. И добавил, что если Октавиан хочет расквитаться, то может высечь бежавшего к нему его вольноотпущенника Гиппарха.

Прекратив наконец самозаточение, Антоний решил наслаждаться тем, что ему оставалось от жизни, «и, принятый Клеопатрою в царском дворце, принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами»***. Если свое тридцатидевятилетие Клеопатра отметила намеренно скромно, то по случаю пятидесятидвухлетия Антония, очевидно, обрадованная, что он к ней вернулся, 14 января 30 года до н.э. устроила «празднество такое блестящее и пышное, что многие из приглашенных, явившись на пир бедняками, ушли богатыми»****.

Чтобы символически отмежеваться от предателей Планка, Тиция и Деллия, супруги распустили прежний «Союз

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 436.

** Там же.

*** Там же.

**** Там же.

неподражаемых» и создали новый, назвав его «Союзом смертников». В него вошли их преданные сторонники, они носили венки из ядовитых цветов и дали клятву, что умрут вместе с Клеопатрой и Антонием, когда придет время. В их число входил и Канидий Красс, сумевший вернуться в Египет.

Желая найти безболезненный способ ухода из жизни, если возникнет такая необходимость, Клеопатра решила последовать примеру своего дяди Птолемея Кипрского, покончившего с собой, когда римляне завладели его царством. Любой ценой она хотела избежать участи своей единокровной сестры Арсинои, которую в цепях провели по Риму, городу, где она сама правила вместе с Цезарем. Про себя твердо решила, что никогда больше не вернется туда, и, уж конечно, сделает так, чтобы «не достаться произволу победителя»*.

С этой целью «изо дня в день» в мусейоне она занималась изучением токсикологии и «собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержащихся под стражею в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательною быстротою действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии»**. Говорят, что основатель александрийской библиотеки Деметрий Фалерский избрал смерть от укуса асида. В Александрии так казнили преступников, и греческий врач Гален считал эту казнь гуманной. И наконец Клеопатра «пришла к выводу, что, пожалуй, лишь укус асида вызывает схожее с дремотою забытие и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку

* *Тит Ливий*. Указ. соч. Т. 3. Периохи книг 1—141, с. 643.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 436.

расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном»*. Поэтому в царском зверинце она «имела аспидов и разных других змей»** на тот случай, если придется свести счеты с жизнью.

Выбрав идеальный способ достойного ее статуса ухода в мир иной, Клеопатра поспешила закончить строительство своей будущей усыпальницы — мавзолея, к сооружению которого приступила в начале своего правления в соответствии с фараоновской традицией. Правда, она нарушила традицию тем, что не пожелала быть похороненной в Соме. Клеопатра построила несколько усыпальниц и монументов для себя и ближайших родственников в виде отдельного комплекса. Как пишет Плутарх, гробница находилась «близ храма Исиды»***. Поскольку других уточнений не дается, это могло относиться к любому из многих храмов Исиды, имевшихся в городе, в том числе к круглому храму в восточном квартале Хадра со статуями членов царской семьи и большим зданием. Однако упоминание Диона Кассия о «гробнице, которую она велела выстроить при царском дворце»****, дает основание предположить: речь идет о той, что находилась близ храма Исиды у моря на полуострове Лохиада.

В дошедших до нас описаниях гробницы говорится, что «это было высокое и великолепное здание»*****. Оно вызывает воспоминания об исключительной красоты родильном доме, построенном Клеопатрой в Гермонтисе, «богатый декор которого служит ярким примером барочного стиля [птолемеевской] архитектуры. Смелое решение конструкции крыши над входом, игра света и тени на капителях и эффект, производимый огромным, наподобие окна переходом между

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 436.

** *Дион Кассий*. Римская история, с. 130.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 437.

**** *Дион Кассий*. Римская история, с. 128.

***** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 437.

внутренней частью помещения и наружным пространством, поражают»*.

Насколько известно, гробница Клеопатры представляла собой двухэтажное строение без окон на цокольном этаже, на второй этаж вела одна внутренняя лестница. Через высоко расположенные над землей окна второго этажа в здание проникал свет и мог доноситься шум моря и песнопения жрецов из храма по соседству, ежедневно почитающих ее останки как священную реликвию, точно так же как останки Александра, чтобы увековечить ее статус богини, наделенной способностью воскресать. Как предполагают некоторые историки, проникнуть в гробницу можно было через сложную двойную систему опускаемых дверей и раздвижных решеток, как в других гробницах Птолемеев. Возможно, в стене между храмом и гробницей имелась ложная дверь, такая же, как в родильном доме Гермонтиса, служившая для общения между живыми и мертвыми. В гробницах Александрии в то время даже устраивались помещения, где живые могли есть рядом с умершими. Эти столовые украшали выполненные в классической и египетской манере рисунки греческих богов, амуров и дельфинов, соседствующих с Исидой, Осирисом и Анубисом в образе шакала, склонившегося над мумией.

Первые четыре супружеские пары Птолемеев по македонскому обычаю кремировали, а их прах в золотых ларцах или урнах поместили в Соме. В результате того, что царская власть постоянно уделяла много внимания сохранению древних египетских традиций, к 180 году до н.э. нормой стало бальзамирование коронованных особ и похороны на «египетский манер». Клеопатра VII вполне могла пожелать, чтобы для нее совершили такой же обряд по примеру Александра: превращение в мумию являлось главным элементом

* См.: *Arnold D. Temples of the Last Pharaohs.* — London: OUP, 1999, p. 224.

в отождествлении ее с Исидой и важным этапом на пути к возрождению и вечной жизни.

Сохранившиеся мумии птолемеевских чиновников свидетельствуют о высоком мастерстве бальзамирования. Надпись на стеле, установленной по случаю кончины дальнего родственника Клеопатры Пшеренптаха III, гласила, что его тело «было помещено на Западе, и для царственной мумии совершили все обряды» точно так же, как это описано в двух литературных памятниках за авторством Геродота и современника Клеопатры Диодора. Под бдительным оком верховного похоронного жреца в шакальей маске бога Анубиса тело укладывали на каменный бальзамический стол и удаляли мозг через нос или с основания черепа. Полость затем заполняли теплой смолой. После того как «резальщик» ножом из черного обсидиана вскрывал брюшную полость с левой стороны и удалял внутренности, его ритуально прогоняли за причинение вреда телу. Затем за дело брались «солильщики», которые углекислым натрием высушивали тело, в результате чего его вес уменьшался на семьдесят пять процентов. Потом полость промывали стерилизующим финиковым вином с пряностями, укладывали обратно удаленные внутренности, обмывали и умащивали тело ароматическими маслами, миррой, ладаном, можжевельным и кедровым маслом с добавлением небольшого количества битума из Мертвого моря. Как писал Диодор, если битум не смешать с другими ингредиентами, труп долго не сохранится. Под конец кожу обмазывали смолой и теплым воском, являвшимися важнейшими бальзамическими компонентами у египтян, как и обладающий бактерицидными свойствами мед, который использовался при бальзамировании тела Александра.

Отдав распоряжения относительно своего бальзамирования, Клеопатра, должно быть, отобрала соответствующие драгоценности и амулеты, в первую очередь царскую диадему как символ власти птолемеевского дома. Если римлянам

закон запрещал хоронить усопших с золотыми украшениями, за исключением тех случаев, когда «у человека зубы соединены золотом»*, то у египтян люди уходили в мир иной со сказочными богатствами на себе. Согласно надписи на одной из стел, у мумии некоего родственника Клеопатры жреческого сословия имелись золотые и серебряные украшения и оградительные амулеты из всевозможных драгоценных камней.

Клеопатра могла дать распоряжение подготовить ее тело к погребению в позе фараона со скрещенными руками на груди, с нанизанными на пальцах кольцами и золотыми браслетами в виде змей на предплечьях. Что касается самих браслетов, то Клеопатра придавала им особое значение, потому что змеям отводилась важная роль при поклонениях как Исиде, так и Дионису — руки их почитательниц обвивали эти рептилии. В Бостонском музее изящных искусств хранится пара таких золотых браслетов, относящихся к 40—20-м годам до н.э., украшенных жемчугом и изумрудами. Ярко-зеленый цвет драгоценных камней — цвет жизни — ассоциировался с Осирисом. На рисунках его похорон он изображался с традиционным ожерельем наподобие широкого воротника, который впоследствии клали на грудь каждой мумии в качестве амулета.

Согласно надписям в святилище Осириса на крыше храма в Дендере, по меньшей мере сто четыре амулета требовались для бальзамирования. Когда готовили к похоронам быка Бухиса, введенного Клеопатрой в его храмовую обитель в начале ее правления, — самым пышным похоронам из всех, что когда-либо проводились в Гермонтисе, — использовали разнообразные амулеты из полевого шпата, порфира, ляпислазури и красной яшмы. Как и при бальзамировании человека, каждый амулет помещали в определенное место и акти-

* Цицерон. Диалоги о государстве, о законах. — М.: Ладомир, Наука, 1994, с. 130.

визировали его заклинаниями из «Книги мертвых», а потом обертывали лучшей тканью в несколько слоев и обмазывали разогретой смолой. После этого накрывали тело саваном и бисерной сеткой, символизирующей звездное небо, и надевали погребальную маску какого-либо божества. Клеопатре, конечно, предназначалась маска Исиды из золота с драгоценными камнями.

Потом мумию укладывали в гроб. Для фараонов его часто делали из золота. Хотя антропoidный (по форме тела) гроб Александра из чеканного золота в 89 году до н.э. заменили на «стеклянный», который Клеопатра видела своими глазами, говорили, что «больше всего ценится прозрачное белое стекло, имеющее как можно ближайшее сходство с хрусталем»*. Поскольку термины могли быть взаимозаменяемыми, гроб Александра, вероятно, был сделан из горного хрусталя — его добывали на побережье современного Судана и Эритреи. Когда персидские послы прибыли в этот район, они «посетили гробницы <...>, которые, говорят, делаются из прозрачного камня вот таким образом. Сначала тело покойника высушивается по египетскому способу или как-нибудь иначе. Затем <...> мумию помещают в полый столб из прозрачного камня (камень этот у них добывают в большом количестве, и он легко поддается обработке). Находящаяся внутри столба мумия ясно видна, но не распространяет дурного запаха и вообще не производит отталкивающего впечатления»**.

Очевидно, кто-то из царских родственников Клеопатры знал, что прозрачный камень «находят на острове Некрон, что значит остров Мертвых, в Красном море у побережья Аравии»***. Камень, добывавшийся «на острове в Красном море в шестидесяти милях от города Береника, называли радужным, потому что когда на него падает солнечный свет

* *Плиний*. Естественное знание. Об искусстве, с. 150.

** *Геродот*. Указ. соч., с. 190.

*** *Плиний*. Естественное знание XXXVII. 136.

в комнате, он отбрасывает на стену цвета небесной радуги, постоянно меняя оттенки, и диву даешься переливчатой игре бликов. При полном солнечном освещении он разбрасывает лучи в разные стороны, создавая некое сияние и озаряя все вокруг»*.

Такой камень, оживающий в лучах солнца, должен был казаться волшебным и благодаря своим качествам мог служить отличным материалом для изготовления гроба, потому что положенное в него тело будет хорошо видно снаружи. Эти особенности камня, по-видимому, и предопределили решение Клеопатры. По египетскому обычаю она могла даже заказать золотой саркофаг, в который должны были поместить ее гроб. Саркофаг Александра был сделан из золота и украшен драгоценными камнями, и даже тело Цезаря выставили для прощания в вызолоченной постройке наподобие храма Венеры-Прародительницы, отождествлявшейся с Хатхор. Клеопатра, конечно, намеревалась на стенах в усыпальнице поместить тексты из «Книги мертвых» и окружить себя роскошными предметами, в том числе статуэтками богов, греческими вазами, амфорами с вином и всеми личными вещами, такими как троны и ложа, золотая и серебряная посуда и украшенные драгоценными камнями кубки, дорогие наряды, шкатулки для косметики, парфюмерия и великолепные ювелирные изделия. Говорили, что в свою усыпальницу она «приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы — золото, серебро, изумруды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу»**.

Также стало известно, что «там же навалили груды пакли и смолистой лучины»***, что очень встревожило Октавиана. Он испугался, «как бы эта женщина в порыве отчаяния не сожгла и не уничтожила такое громадное богатство»****

* Плиний. Естественное знание XXXVII. 136.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 437.

*** Там же.

**** Там же.

на огромном погребальном костре. И, продвигаясь с войском на юг через Сирию, он писал о своих добрых намерениях и дружелюбии при условии, что она умертвит Антония. Хотя про Клеопатру говорили, что она всю жизнь использовала мужчин и манипулировала ими для достижения своих целей, царица не желала смерти мужу даже ради своего спасения. И, сделав все необходимые приготовления для того, чтобы уйти из жизни, она решила позаботиться о сохранении власти за своей династией.

В 30 году до н.э., спустя четыре года после церемонии пожалований, явившейся составной частью птолемеевских торжеств, пришло время снова праздновать. Устроив очередное представление в гимнасии, Клеопатра подтвердила право наследования престола Цезарионом, ее наследником и соправителем, которому исполнилось шестнадцать лет, и «по этому случаю вся Александрия много дней подряд пьянствовала, гуляла, веселилась»*. Достижение Цезарионом совершеннолетия, несомненно, отмечалось обрядом «маллоковрия» — отрезания завитка волос. Сохранился папирус, в котором некий житель Александрии сообщает, что «его сыну Теону отрезали прядь волос в честь города 15-го дня месяца Тиби в Большом серапейоне в присутствии жрецов и чиновников». Затем по обычаю Цезариона записали в эфебы Александрии и публично признали мужчиной. Клеопатре хотелось, чтобы все видели в Птолемея XV фараона, выходящего из ее тени и твердо стоящего на ногах. Так же широко александрийцы отметили и четырнадцатилетие Антиллы, старшего сына и наследника Антония; его тогу мальчика с пурпурной каймой заменили на полностью белую — вирилис, ибо в глазах римского общества он стал мужчиной.

Хотя это были ритуальные события в жизни египетских и римских мальчиков, проведением всенародных праздников

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 436.

Клеопатра хотела возвысить значение и продемонстрировать свои репродуктивные способности в отличие от неспособности своего врага. В конце концов, у Октавиана была единственная дочь от бывшей жены Скрибонии, и он не смог родить детей с Ливией, которая произвела на свет двух сыновей от прежнего мужа. Клеопатра хотела показать всему миру своего сына от Цезаря, троих детей от Антония и старшего из четырех его сыновей, Антилла.

После привлечения всеобщего внимания к этой реальности Клеопатра начала претворять в жизнь план своего спасения, поместив часть сокровищ в мавзолее и передав остальное Цезариону. В июне 30 года до н.э., в канун прихода муссонных дождей, мать и сын попрощались на пристани, и молодой фараон со своим учителем Родоном отправился в плавание вверх по реке до Коптоса. Оттуда они проделали долгий двухсотдвадцатимильный путь через пустыню до портового города Береника на Красном море, предположительно передвигаясь на верблюдах ночью, дабы избежать дневного зноя. Затем, благополучно добравшись до порта через двенадцать дней, стали ждать благоприятной погоды, чтобы сесть на корабль и плыть в Индию с надеждой встретиться с Клеопатрой когда-нибудь в будущем.

Между тем троих младших детей — Александра, Клеопатру и Птолемея — также эвакуировали, поручив заботу о них их учителю Эвфронию. Предположительно детей отправили на юг к сторонникам Клеопатры в Фивах. Оттуда Александру Гелиосу и мидийской царевне Иотапе предстояло отправиться на ее родину. Дети Клеопатры еще не покинули Александрию, а силы Октавиана стали приближаться к столице.

На западе Гай Корнелий Галл, друг эксперта Октавиана по связям с общественностью (выражаясь современным языком) поэта Вергилия, уже подплывал к африканскому побережью, и Антоний, хотя и вышел с сорока оставшимися кораблями ему наперерез, потерпел поражение и потерял

корабли, а флот Галла продолжал продвигаться к Александрии. На северо-востоке Октавиан к лету достиг Финикии, привлекая на свою сторону новых союзников, в том числе иудейского царя Ирода, который стал оказывать ему военную поддержку в походе на Египет. Вскоре без сопротивления пал хорошо укрепленный пограничный город Пелусий после тайного сговора начальника гарнизона Селевка с противником. Клеопатра приказала немедленно казнить жену и дочь Селевка за его предательство, в результате которого Октавиан вторгся в Египет.

Быстро продвигаясь по побережью дельты, силы Октавиана рвались к курортному городу Канопу и вскоре уже стояли у ворот царского города. Но когда конница противника предприняла атаку, Антоний во главе своих оставшихся сил обратил ее в бегство у Канопских ворот столицы. Радуюсь победе, «он возвратился во дворец, поцеловал, не снимая доспехов, Клеопатру и представил ей воина, отличившегося больше всех»*. За смелость и доблесть, проявленную при защите ее царства, Клеопатра подарила ему золотой нагрудник и шлем. Той же ночью солдат перебежал к Октавиану.

Тот понимал, что нужно лишить царицу поддержки внутри страны, и действовал решительно и быстро. Получив донесение, что сторонники Клеопатры из числа ее подданных готовы идти ей на подмогу и сражаться с оружием в руках, он без промедления ликвидировал их предводителя и духовного лидера, верховного жреца Мемфиса. Представляющая собой верховную духовную власть в Египте и связанная кровным родством с короной, мемфисская династия предложила оказать Клеопатре безусловную поддержку, а это означало, что династия становится естественным оплотом национального сопротивления. Поэтому, несмотря на юный возраст Петубастиса, его нужно было устранить. В то время

* *Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 437.*

как классические источники хранят полное молчание относительно внутреннего вопроса, не представляющего для них особого интереса, египетские указывают на то, что шестнадцатилетний верховный жрец встретил свою безвременную смерть 31 июля 30 года до н.э., оказавшуюся больше чем совпадением, если не убийством. Теперь, когда мемфисская династия прервалась, продолжала существовать только одна — та, что в Александрии, где Клеопатра задумала во что бы то ни стало сохранить свои сокровища. Антоний был также полон решимости драться, но его вызов на поединок Октавиан не принял, ответив, что Антоний может найти другой способ умереть.

Жизнь в изгнании ему казалась невыносимой, значит, оставался единственный выход. Как истинный воин, он будет биться до конца, поэтому он решил дать последнее сражение всеми оставшимися силами на суше и на море. Вечером 31 июля «Союз смертников» собрался в последний раз. На этом пиру Антоний объявил, что у него нет надежды на победу и он только желает принять почетную смерть. Он, наверное, даже хотел сделать то, что предлагала Клеопатра, — бросить в вино пропитанные ядом цветы, из которых были сплетены их венки, «собрав в чашу лепестки со своего венка»*.

В мрачной атмосфере той жаркой летней ночи, когда город затих, «внезапно раздалась стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатирических прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса»**. Эта процессия, казалось, двигалась от центра города к восточным воротам, в ту сторону, где находился неприятельский лагерь. Там шум достиг высшей точки, а потом стих. Уход из города Диониса с толпой призрачных гуляк истолковали так, будто это бог

* *Плиний*. Естествознание XXI. 12.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 438.

Антония покинул его. На самом деле знамение имело гораздо более зловещий смысл: Дионис покидал династию, которую он так долго защищал.

На рассвете 1 августа, по египетскому календарю 8-го дня Мезори, Клеопатра и Антоний, как они считали, простились в последний раз. Отдав приказ остаткам своего флота, Антоний произвел смотр войск, вывел их через восточные Канопские ворота и расположил на холмах перед городом. Оттуда он наблюдал, как его флот движется навстречу восходящему солнцу, чтобы вступить в бой с кораблями Октавиана.

Но сражения не произошло. Корабли Антония сблизилась с численно превосходящим флотом неприятеля и, подняв весла, приветствовали его, а потом смешались с судами Октавиана, образовали один большой флот, который поплыл в сторону города. Видя, что моряки сдались, всадники Антония сделали то же самое. Только немногочисленная пехота предприняла нерешительную атаку, прежде чем обратиться в бегство, оставив Антония одного. Не получив сатисфакции от Октавиана, он вынужден был вернуться во дворец, а Александрия формально капитулировала.

Когда остатки некогда могучего флота Клеопатры перешли на сторону противника, она, решив, что все кончено и Антоний убит, велела своим служанкам говорить всем, что тоже мертва. Она взяла кинжал и вместе с придворной дамой Хармионой, служанкой Ирадой и, возможно, евнухом Мардионом удалилась в свою усыпальницу. Там они привели в действие механизм тяжелых каменных подъемных дверей, заперлись изнутри и приготовились умереть.

Между тем во дворце Антоний разыскивал Клеопатру и от слуг узнал, что она в гробнице. Когда личный врач царицы рассказал о разыгравшейся драме, Антоний воскликнул, обращаясь к самому себе: «Что же ты еще медлишь, Антоний? Ведь судьба отняла у тебя последний и един-

ственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!” Он вошел в спальню, расстегнул и сбросил панцирь и продолжал так: “Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!”»*. Он дал меч своему слуге Эроту, который, вместо того чтобы заколоть Антония, как тот его просил, вонзил лезвие в себя и упал к ногам своего господина. «Спасибо, Эрот, — промолвил Антоний, — за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется»**. С этими словами он вонзил себе меч в живот.

Антоний лег на кровать и стал ждать, когда наступит конец, но рана оказалась не глубокой, и он не умирал. В страшных муках он принялся молить слуг прикончить его, но они в страхе разбежались. Один из них, по-видимому, сообщил Клеопатре, что Антоний жив, и она через своего секретаря Диомеда повелела доставить мужа к ней. Узнав, что она тоже жива, Антоний приказал слугам поднять его и отнести к усыпальнице.

Вход в нее уже был наглухо закрыт, и Клеопатра посмотрела в окно верхнего этажа. С помощью своих прислужниц она опустила на землю веревки, оставленные либо после строительных работ, либо для перемещения тяжелого гроба. Они с трудом стали поднимать раненого Антония, «ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра, с искаженным от напряжения лицом, едва перехватывала снасть, вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу»***. Истекающего кровью Антония поднимали вверх, «а он простирал руки к царице, беспомощно висая в воздухе»****. Свидетельницы происходившего говорили, что «невозможно

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 438.

** Там же.

*** Там же, с. 439.

**** Там же.

представить себе зрелище жалостнее и горестнее»*, и обо всем этом тут же узнавал Октавиан.

Антония положили на кровать, которую, очевидно, принесли в усыпальницу со всеми другими вещами, предназначенными для погребения царицы. Клеопатра накрыла мужа своей накидкой и начала оплакивать его: она «била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором. Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных»**. Немного успокоив ее, он попросил вина и, напившись, посоветовал ей доверяться Гаю Прокулею, одному из приближенных Октавиана, человеку великодушному и честному. Продолжая утешать жену, он говорил, что прожил счастливую жизнь, достиг величайшей в мире славы и власти, что не нужно горевать из-за превратностей судьбы, а жить воспоминаниями о счастливом времени, проведенном вместе. Потом он умер у нее на руках.

Испугавшись, что в отчаянии Клеопатра покончит с собой и подожжет свои сокровища, Октавиан вызвал к себе Прокулея и приказал взять ее живой. Не имея возможности войти в усыпальницу, он попросил Клеопатру самой выйти наружу. Она согласилась при условии, если Октавиан позволит Цезариону править Египтом. Заверив ее, что она может полагаться на Октавиана, Прокулей дал указание своему коллеге Корнелию Галлу продолжать разговор с Клеопатрой, а сам с вольноотпущенником Эпафродитом по приставной лестнице забрался внутрь через одно из окон верхнего этажа. Служанки закричали, предупреждая царицу о вторжении, она выхватила кинжал, чтобы убить себя, но Прокулей успел подбежать и обезоружить ее. Чтобы проверить, не спрятала ли она на себе яд, о чем его могли предупредить, он «резко отряхнул на ней платье»***.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 438.

** Там же.

*** Там же, с. 440.

Как пленницу Клеопатру отправили обратно во дворец под конвоем Эпафродита, и хотя ей разрешили оставить при себе прислугу, Клеопатру поместили под домашний арест в покоях, где, несомненно, произвели тщательный обыск на предмет каких-либо средств, которыми она могла бы причинить себе вред. Возможно, эти меры предосторожности приняли из-за того, что покончил с собой ее внуч Мардион. «Как только Клеопатра была взята под стражу, [он] добровольно подверг себя укусам ядовитых змей и, ужаленный ими, бросился в гробницу, которую заранее себе приготовил»*.

Между тем Октавиан сам вступил в Александрию и пообещал своим солдатам вознаграждение, если они не будут разграблять город. И все же он не был уверен, какой прием ему окажут жители, прославившие необузданным нравом. Поэтому он решил появиться с александрийским философом Арием Дидимом, его новым советником по египетским вопросам, «держа его за руку»** и беседуя с ним. Так он вошел в гимнасий, где собрались толпы людей. Граждане Александрии испытывали смешанные чувства к Клеопатре, сотрудничавшей с римлянами, и сейчас они слышали от своего нового господина, стоявшего на возвышении в окружении своих воинов, что он освобождает их от всякой вины. Из римских сторонников режима Клеопатры были казнены Канидий Красс, Квинт Овиний и некоторые другие, и только флотоводца и бывшего консула Сосия пощадили. Октавиан обещал пощадить и жителей, потому что он был восхищен красотой и величием их города и хотел угодить своему новому другу Дидиму, а также в память о великом Александре, чью гробницу Дидим собирался показать Октавиану.

Во время посещения Сомы, не забывая посмотреть, что там сохранилось из сказочных богатств Птолемеев, Окта-

* Дион Кассий. Римская история, с. 132.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 440.

виан спустился в подземную погребальную камеру и «осмотрел тело Великого Александра, гроб которого велел вынести из святилища; в знак преклонения он возложил на него золотой венец и усыпал тело цветами»*. К сожалению, при осмотре тела он «задел его, в результате чего, как рассказывают, отломился кусочек носа. Взглянуть на останки Птолемеев он отказался, хотя александрийцы предлагали показать их. Октавиан заметил: «Я хотел видеть царя, а не мертвецов»**.

Вероятно, проявив видимое равнодушие к тому, что знаменитых сокровищ там уже не стало, за исключением золотого нагрудника Александра, братъ который было бы бестактно, Октавиан отклонил предложение посетить городские храмы. Вместо этого он отправил своих солдат в Цезареум, большой храм его приемного отца Юлия Цезаря, где скрывался сын Антония, Антилл, о чем Октавиану доложил учитель мальчика. Четырнадцатилетнего подростка, «после долгих и тщетных молений искавшего спасения у статуи божественного Юлия, [Октавиан] велел оттащить и убить»***. Антиллу обезглавили, а его учитель тайком снял с шеи казненного огромной ценности камень, но его поймали и распяли по приказу Октавиана в наказание за мародерство и, очевидно, чтобы заставить его самого замолчать.

На юг страны послали солдат, чтобы разыскать Цезариона и троих его единоутробных сестер и брата. Их нашли в Фивах, где они скрывались, и отправили назад в Александрию, а Цезариона, пытавшегося покинуть страну с сокровищами, его учитель уговорил вернуться в столицу и обговорить свое будущее. Узнав, что фараон возвращается, Октавиан послал всадников, чтобы перехватить его и также под охраной доставить в Александрию.

* *Светоний*. Указ. соч., с. 51.

** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. LI, гл. 16.

*** *Светоний*. Указ. соч., с. 51.

Завладев одной половиной сокровищ Клеопатры, Октавиан теперь переключил внимание на другую. После того как удалось открыть усыпальницу, стали выносить ее драгоценное содержимое. Наибольшее значение для Октавиана представляло тело Антония, которое он захотел увидеть своими глазами. Весть о гибели Антония, оказывавшего почести своим павшим противникам, так поразила его бывших союзников, что «многие цари и полководцы вызывались и хотели похоронить Антония, но Цезарь оставил тело Клеопатре, которая погребла его собственными руками, с царским великолепием, получив для этого все, что только ни пожелала»*.

Поскольку неизвестны какие-либо другие подробности, можно предположить, что она приказала обмыть и обрядить его в роскошные одежды. Хотя по римским обычаям Антония полагалось кремировать, как Цезаря, каких-либо упоминаний об этом в древних источниках нет, за исключением того, что его «набальзамировали»** . Но так как похороны состоялись спустя два-три дня после его смерти, о семидесятидневном процессе бальзамирования речи быть не могло. Таким образом, либо тело Антония осталось необработанным и его просто захоронили в усыпальнице Клеопатры в готовом саркофаге, либо она договорилась о передаче тела специалистам по бальзамированию, которые приступили к своей работе, длившейся десять недель, вероятно, в ее погребальном комплексе, а она тем временем распорядилась начать обряд оплакивания, который обычно совершался на протяжении всего процесса бальзамирования.

Подобно убитой горем Исиде, безутешно стенавшей из-за гибели своего мужа Осириса-Диониса, ее воплощение, Клеопатра, оплакивала смерть Антония и билась в отчаянии из-за крушения их надежд, царапая себе лицо и раздирая

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 440.

** *Дион Кассий*. Римская история, с. 133.

грудь. Черная краска для век расплывалась по окровавленным щекам, смешиваясь с пеплом, которым она посыпала голову. Обессиленную царицу отвели обратно во дворец все также под присмотром стражи. Личный врач Клеопатры потом напишет, что она испытывала «нестерпимое горе и телесные страдания», и «грудь ее под жестокими ударами воспалилась и покрылась язвами»*. Несмотря на старания врача облегчить мучения царицы, с 3 по 8 августа она находилась в лихорадке, отказывалась от пищи и «радовалась болезни, которая открывала ей возможность беспрепятственно умереть»**, прося врача помочь ей в этом.

У Октавиана возникли подозрения, и он «стал угрожать ей расправой с детьми»***, убеждая, что смерть — это не выход из положения. Она должна есть и принимать лекарства, поскольку, как утверждают древние источники, она нужна была ему живой, чтобы вместе с оставшимися членами семьи участвовать в его триумфе в Риме. Хотя положение вдовствующей матери и ее детей не совсем соответствовало ужасному образу, созданному им, некоторые считают, что он просто хотел, чтобы она скорее исчезла, но так, чтобы на нем не лежало никакой вины. Казнив ее, Октавиан нанес бы тяжелый урон своей репутации, а оставив в живых, не чувствовал бы себя в безопасности. Тем не менее нельзя не согласиться с мнением древних источников, утверждающих, что Октавиан хотел вывести ее напоказ во время празднования своего триумфа, ибо если бы он действительно хотел, чтобы она умерла, то просто мог бы не препятствовать этому, а не угрожать расправой над ее детьми.

Сохранилось предание, что Октавиан якобы посетил Клеопатру примерно 8 августа, желая осведомиться о ее самочувствии, и хотя некоторые авторитетные ученые сомневаются в том, что такая встреча вообще имела место,

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 440.

** Там же.

*** Там же, с. 441.

и считают это просто выдумкой с целью драматизировать повествование, прямой контакт мог состояться, если они оба жили во дворцовом комплексе, особенно если одна сторона хотела получить полное представление о сокровищах, которыми все еще владела другая. По рассказам, когда Октавиан вошел в покои Клеопатры, она лежала в постели, а Олимп ухаживал за ней, но она тут же вскочила в одном хитоне и бросилась Октавиану в ноги, изображая побежденную жертву, «словно обуянная жаждою жить во что бы то ни стало»*. И хотя после пережитых потрясений «ее давно не прибранные волосы висели клочьями, лицо одичало, голос дрожал, глаза потухли, <...> ее прелесть, ее чарующее обаяние не угасли окончательно, но как бы проблискивали изнутри»**. Некоторые авторы даже утверждали, что она оделась «как будто небрежно (между тем траурные одежды удивительно шли ей)»***, несмотря на причиненные самой себе раны. Познав Цезаря и Антония, она теперь якобы пыталась соблазнить Октавиана, но только «добродетель для принцепса [Октавиана] была выше красоты»****.

Это — смехотворное утверждение в духе беспринципности Октавиана, и в любом случае трудно поверить, чтобы Клеопатра могла проявить такое пристрастие к тщедушному человеку с заурядной внешностью, у которого было единственное желание выяснить, какие богатства у нее остались. Согласно источникам, «под конец она вынула опись своих сокровищ и передала [Октавиану]»*****, а глава казначейства Селевк заметил, что некоторые предметы она не упомянула. Как говорят, за это она вцепилась своему министру финансов в волосы, ударила его по лицу, а потом

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 441.

** Там же.

*** *Дион Кассий*. Римская история, с. 131.

**** *Луций Анней Флор*. Указ. соч., с. 183.

***** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 441.

призналась, что действительно «отложила какие-то женские безделушки»*, и то не для себя, а чтобы подарить Ливии и Октавии.

Клеопатра доказала Октавиану, что на самом деле хочет жить, и, убедившись, что она в состоянии перенести путешествие в Рим, он удалился «с мыслью, что обманул египтянку, но в действительности — обманутый ею»**. Зная, какие он вынашивал планы относительно празднования триумфа и ее участия в нем, Клеопатра решила любой ценой избежать участи пленницы — скорее она умрет. Близкий к Октавиану поэт Гораций писал:

Но, хоть и женщина,
 Меча она не убоялась, <...>
 Умереть желая царицею, <...>
 Она решилась на смерть идти
 Из страха, что царицей развенчанной
 Ее позорно для триумфа
 Гордого вражья умчит либурна***.

Когда один из друзей Октавиана, Публий Корнелий Долабелла, сообщил Клеопатре, что Октавиан возвращается в Рим через Сирию, а ей предстоит отправиться туда через три дня, то она начала осуществлять задуманное.

10 августа она попросила разрешения покинуть свои покои и воздать последние почести Антонию, прежде чем ее навсегда увезут из Египта. Из-за того что она была еще слишком слаба, ее отнесли на носилках к усыпальнице вместе с Ирадой и Хармионой. Там она сделала подношения его душе, очевидно, то, что ему было больше всего угодно, как сказано у поэта: «Прах мой вином окропи и маслом пахуче-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 441.

** Там же.

*** *Гораций*. Указ. соч., с. 69–70.

го нарда, <...> и пурпурных роз капни бальзам на него»*. Обращаясь к духу Антония, она промолвила: «Не жди иных почестей, иных возлияний — это последние, какие приносит тебе Клеопатра. <...> Однако ж если хоть один из тамошних богов владеет силою и могуществом, не выдавай свою супругу живую, не допусти, чтобы во мне триумфатор повел за своею колесницею тебя, но укрой, схорони меня здесь, рядом с собою: ведь изо всех неисчислимых бедствий, выпавших на мою долю, не было горше и тяжелее, чем этот короткий срок, что я живу без тебя»**.

Когда она вернулась во дворец и, минуя Эпафродита и стражу, через инкрустированную изумрудами дверь прошла в свои покои, то приказала своим служанкам приготовить ванну. Приняв ее и умастив себя благовониями, Клеопатра попросила Ираду сделать ей обычную прическу «арбуз», тщательно укладывая каждую прядь на затылке в пучок и скрепляя их шпильками. Хармиона помогла ей надеть «самую роскошную одежду»***. Затем Клеопатра легла к столу. Ей подали богатый и обильный завтрак и, конечно, лучшие вина, а на десерт несколько больших смокв, только что доставленных во дворец.

Потом Клеопатра попросила дать ей табличку для письма и стиль и в своем последнем послании к Октавиану изложила просьбу Антония о том, чтобы их похоронили вместе в одной усыпальнице. Она скрепила письмо своей печаткой на кольце и передала Эпафродиту, а тот отправил его с посыльным Октавиану. Она отпустила всю свою прислугу кроме Ирады и Хармионы, двух самых верных служанок, которые всегда находились при ней на протяжении всей ее богатой событиями жизни и которым предстояло сыграть

* Текст приводится по изданию: *Децим Магн Авсоний*. Эпитафия на могиле человека счастливого / Пер. В.Я. Брюсова // *Античная поэзия*. — М.: Эксмо, 2005, с. 425.

** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 441—442.

*** *Дион Кассий*. Римская история, с. 132.

свои роли в заключительном спектакле Клеопатры. Но какое именно представление будет разыгрываться, даже сейчас оставалось тайной. Хотя широко известен сюжет со змеиным укусом, древние источники признают, что «никто не знает достоверно, какой способ смерти она избрала»*, поскольку «истины не знает никто»**.

Версию с аспидом определенно можно отвергнуть как выдумку, основанную на том, что спустя некоторое время по Риму провезли карикатурное чучело Клеопатры со змеями, обвивающими ее руки, как у Исиды. Верно служившие Октавиану поэты Вергилий, Проперций и Гораций потом отразили этот эпизод в своих стихах: «И за спиной у себя не видит змей ядовитых»***; «И злобных змей к груди прижала, чтобы всем телом впитать отраву»****.

Здесь, как и во многих других случаях, они допустили историческую неточность. Тем не менее стереотип, за который они в ответе, — дескать, трагическая смерть Клеопатры наступила от укуса по меньшей мере одного аспида, — стереотип, многократно воспроизведенный художниками и артистами на протяжении столетий, прочно укрепился в истории.

Более поздние источники утверждают, что «аспида принесли вместе со смоквами, спрятанным под ягодами и листьями»***** и что, увидев змею, царица просто сказала «»Так вот она где была...» — обнажила руку и подставила под укус»*****, однако в связи с упоминанием о змее возникает ряд вопросов. Аспидом называют любую змею, способную расширять шею, а также различных североафриканских гадюк, в том числе *Vipera aspis*, рогающую гадюку

* Дион Кассий. Римская история, с. 132.

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

*** Вергилий. Указ. соч., с. 166.

**** Гораций. Указ. соч., с. 70.

***** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

***** Там же.

Cerastes cornutus и *Cerastes vipera*, прозванную аспидом Клеопатры. Между тем укус гадюки вызывает острую реакцию: жжение по всему телу, образование сгустков крови и сизых пятен, отечность, тошноту и недержание с последующей потерей сознания.

Такая змея совершенно не устраивала Клеопатру, желавшую умереть с достоинством, поэтому некоторые историки предположили, что так называемым аспидом была египетская кобра, *Naja naja*, чей яд быстро действует на нервную систему. Кроме двух крошечных следов от змеиных зубов, никаких других повреждений на коже не видели. После состояния сонливости и вялости наступает общий паралич и летальная кома в полном соответствии с древним описанием действия выбранного Клеопатрой змеиного яда, который «вызывает схожее с дремотою забытие и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном»*.

Примерно столетие назад также было высказано предположение, будто бы, оказав предпочтение яду кобры, Клеопатра руководствовалась тем, что змеи вообще и кобры в частности являлись неотъемлемой частью египетской, греческой и римской символики от «добрého духа» Александрии Агафодаймона до классического «уробороса», представляющего собой начало и конец всего в виде змеи, заглатывающей свой хвост. По преданиям, сам Александр был зачат благодаря священной змее, которая в то же время могла являться носительницей смерти. Исиду и ее супруга Осириса-Сераписа почитали как змея. Исида как великая чароми Верет-Хекау появлялась в образе кобры, и служительницы богини носили змей во время мистерий, так же как почитательницы Диониса. Что касается мотивации поступ-

* Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 436.

ка Клеопатры, то наибольший интерес вызывает изображение кобры в качестве элемента священного урея на короне египетских фараонов. Клеопатра, по-видимому, считала этот символ божественной царственности идеальным средством достижения бессмертия и самым подобающим ее статусу последнего фараона Египта.

Однако это разумное объяснение не учитывает того, что урей служил для устрашения врагов фараона, а не для умерщвления его самого, не говоря уже о том, что Клеопатра считала себя бессмертной как живое воплощение Исиды. И, сделав все возможное, чтобы ее сын Цезарион унаследовал престол, она вовсе не хотела изображать себя последней представительницей династии.

По логике вещей кобра также представляется маловероятным орудием самоубийства*. Из-за того что весь яд рептилии извергается в момент первоначального укуса, одна кобра не могла дать столько яда, чтобы одновременно умертвить трех женщин. Поэтому нужны были несколько змей. Кроме того, кобра, способная своим ядом убить человека, должна иметь в длину около шести футов, то есть более 1,8 метра. Чтобы спрятать три такие змеи, потребовалась бы корзина со смоквами таких размеров, что ее едва ли можно было пронести мимо стражи. Не иначе это еще один эпизод художественного вымысла, если вспомнить о том, что саму Клеопатру, как принято считать, принес во дворец среди ночи торговец коврами.

Чтобы обойти стороной эту проблему, в древних источниках высказывается мысль, что змея уже находилась хорошо спрятанной в покоях Клеопатры. Так Плутарх, ссылаясь на третьих лиц, пишет, что «змею держали в закрытом сосуде для воды, и Клеопатра долго выманивала и дразни-

* Предположение о кобре высказал Шпигельберг в 1925 году; его довод состоял в том, что ее укус гарантировал «конец не совсем легкий, но зато самый священный». См.: *Griffiths J.G. The Death of Cleopatra VII // Journal of Egyptian Archaeology 47, 1961, p. 113.*

ла ее золотым веретеном, покуда она не выползла и не впи-лась ей в руку повыше локтя»*. Дальше больше: кое-кто даже утверждал, что Клеопатра умерла от укуса «двухголо-вой змеи, которая могла подпрыгивать вверх на несколько футов»**, и, ужалив царицу, она спряталась среди зелени; и когда пришел Октавиан, она выпрыгнула и укусила и его также.

Желая верить, что Клеопатра совершила самоубийство, позволив змее ужалить себя, люди упускают из виду, что физическое присутствие змеи вовсе не обязательно, чтобы использовать ее яд, особенно если к нему прибегает женщи-на, хорошо знакомая с токсикологией. Поскольку яд кобры вызывает сравнительно безболезненную смерть без отрица-тельного побочного воздействия на тело, не представляло сложности спрятать такой яд заранее, например, смешав его с какой-нибудь мазью***, как об этом говорится в одном со-чинении, появившемся спустя всего несколько лет после драматических событий. Более того, почти без внимания остались некоторые источники, где утверждается, что «гребень, которым она обычно расчесывала волосы, был намазан ядом, причем этот яд обладал особым свойством: при при-косновении к телу он не приносил никакого вреда, но если хотя бы капля его попадала в кровь, он немедленно отравлял ее и причинял мгновенную и безболезненную смерть. Этот гребень, смазанный ядом, Клеопатра до этого времени обыч-но носила в волосах»****. Кроме того, «есть даже сообщение, будто она прятала яд в полый головной шпильке, которая постоянно была у нее в волосах»*****.

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

** Речь идет об арабском географе и путешественнике X века ал-Масуди. См.: *Hughes-Hallett L. Cleopatra: Histories, Dreams and Distortions*. — London: Bloomsbury, 1990, p. 72.

*** О мази, содержащей яд, пишет Страбон в своей «Географии» (XVII. 296).

**** *Дион Кассий*. Римская история, с. 132.

***** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

Такие шпильки, торчащие из волос, составляли важный элемент ее традиционной прически «арбуз». Когда видишь их на скульптурных портретах или в волосах женских мумий того времени, представляешь, как эти смертельно опасные предметы можно было спрятать на теле. Поскольку женские волосы в римской культуре считались неприкосновенными, римским солдатам, обыскивавшим Клеопатру на предмет спрятанного оружия и даже отряхивавшим ее платье в поисках яда, и в голову не приходило проверить ее прическу. Если уж Клеопатра решила умереть вместе со своей служанкой Ирадой, женщиной, которую, как и других придворных и евнухов, сам Октавиан высмеял как не способных ни на какие-либо важные дела, последняя, наконец, с чувством глубокого удовлетворения предоставила своей госпоже средство, лишившее Октавиана грандиозного триумфа.

Клеопатра блестяще поставила даже заключительную сцену трагедии, которая должна была эффектно разыгаться перед глазами тех, кто распахнул бы дверь в любое время, после того как Октавиан прочитал письмо. Вероятно, бросив последний взгляд на море, раскинувшееся за ее окном, где владычествовала Исида Фариа, Клеопатра легла на золотое ложе и «взяла в руки знаки своей царской власти»*. Расправив платье Клеопатры, Хармиона заняла место у изголовья, а Ирада — в ногах ложа, то есть там, где обычно у тела располагались Нефтида и Исида, главные хранительницы усопшего. Итак, Хармиона, придворная дама, отвечавшая за гардероб царицы, разместилась там, где обычно находилась богиня Нефтида, покровительница погребальных пелен, а Ирада, чье искусство убирать волосы, было хорошо знакомо Исиде, занимая удобную позицию для исполнения священной обязанности, передала царице полую шпильку со смертоносным содержимым.

* Дион Кассий. Римская история, с. 132.

Клеопатра, «слегка оцарапав себе руку, впустила яд в кровь»*. Через ранку на коже ядовитая жидкость быстро попала в организм. Когда яд начал действовать, Клеопатра закрыла глаза, и ее тело постепенно онемело. Последнее, что она слышала, были негромкие голоса двух женщин, готовящихся последовать за ней, и размеренный плеск волн, все больше и больше удалявшийся, пока он не исчез вовсе.

Наступившую тишину нарушил стук подбитых гвоздями подошв на мраморном полу дворца. Это спешили люди Октавиана, они взломали дверь и увидели, что Клеопатра «в царском уборе лежала на золотом ложе мертвой. Одна из двух женщин, Ирада, умирала у ее ног, другая, Хармиона, уже шатаясь и уронив голову на грудь, поправляла диадему в волосах своей госпожи»**, унаследованную от Александра как символ власти. Всех потрясла представшая перед глазами мизансцена, рассчитанная на то, чтобы произвести эффект. «Кто-то в ярости воскликнул: «Прекрасно, Хармиона!» — «Да, поистине прекрасно и достойно преемницы стольких царей», — вымолвила женщина и, не проронив больше ни звука, упала подле ложа»***.

* Дион Кассий. Римская история, с. 132. См. также: *Galen. De Theriacis ad Pisonem 7*, in *von Wertheimer O. Cleopatra: a Royal Voluptuary*. — London: Harrap, 1931, p. 318, где сказано: «Она укусила себя и в рану вылила змеиный яд».

** Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

*** Там же.

12

ЭПИЛОГ: ПОСЛЕДСТВИЯ

Как только Октавиан получил письмо Клеопатры с просьбой похоронить ее рядом с Антонием, он бросился в ее покои, потому что «Клеопатру он особенно хотел сохранить в живых для триумфа»*. Октавиан приказал врачам попробовать оживить ее, но было уже поздно. Они не смогли определить причину смерти и обнаружить следов насилия: «на руке ее были видны только еле заметные уколы»**.

Не обратив внимания, нет ли на полу каких-нибудь оброненных заколок и есть ли они в волосах женщин, врачи предположили, что отметины на коже остались от укуса змеи. Хотя ни одной из трех огромных кобр, которые могли бы лишиться жизни трех женщин, не нашли, «некоторые утверждали, будто видели змеиный след на морском берегу, куда выходили окна»***. По рассказам очевидцев, Октавиан «даже посылал псиллов, чтобы высосать яд и заразу»****. Эти ливий-

* *Светоний*. Указ. соч., с. 51.

** *Дион Кассий*. Римская история, с. 132.

*** *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

**** *Светоний*. Указ. соч., с. 51.

ские заклинатели змей, жившие тогда в Александрии, прославились тем, что умели «высасывать змеинный яд из ран людей, только что укушенных змеей, но еще не умерших»*.

Их египетские коллеги были жрецами богини Селкет, владычицы скорпионов. Они спасали людей от укусов этих ядовитых насекомых и змей с помощью сложных ритуалов, описанных в медицинских текстах. Там излагались способы лечения от укусов двадцати одного вида змей и говорилось, какие боги отождествлялись с ними. Содержащийся в трактатах прогностический текст давал ответ на вопрос, будет ли жить пациент. Лечение заключалось в том, что в месте укуса делался надрез и прикладывался углекислый натрий, чтобы снять отечность, наподобие того, как сейчас с этой целью может применяться сульфат магния. Рана также обрабатывалась составами и смесями из лука, пива, рожкового и терпентинного дерева, куфи, горчицы и отваром корня мандрагора.

Клеопатре, конечно, была оказана экстренная помощь. Октавиан «осмотрел ее тело и велел попытаться вернуть ее к жизни с помощью различных противоядий и псиллов»**. Чтение ими заклинаний составляло важный элемент лечения. Одно из заклинаний птолемеевских времен звучало так: «Яд не проникнет в сердце, не будет жечь грудь. Меч Осириса уничтожит яд, он ослабит жжение, когда выйдут из тела змеи мербу, вартет и кетет». В таких заклинаниях упоминались традиционные божества Селкет, Ра и Гор, но чаще всего на помощь призывали Исиду, лучшую целительницу при укусах змей.

Однако все попытки вернуть к жизни Клеопатру медицинскими и магическими методами оказались тщетными. Клеопатра ускользнула. Она твердо решила «не достаться произволу победителя»***. И как говорят, особенно Октавиан

* Дион Кассий. Римская история, с. 132.

** Там же.

*** Тит Ливий. Указ. соч. Периохи, с. 638.

«сокрушался о самом себе, как будто ее смерть лишила его всей славы от его победы»*.

Но он также сознавал: если он хочет, чтобы египтяне видели в нем законного преемника, — а кое-где уже начали бунтовать, когда распространилась весть о смерти Клеопатры, — он должен достойно похоронить свою предшественницу. Поэтому, исполняя ее волю, он велел достроить ее усыпальницу и похоронить Клеопатру вместе с Антонием. Согласно источникам, оба «были набальзамированы и похоронены в одной гробнице»**.

Время похоронных обрядов, конечно, имело немаловажное значение с ритуальной точки зрения, так как через два дня после смерти Клеопатры 10 августа египтяне отмечали день рождения Исиды, или праздник огней в память о том, что Исида с факелом разыскивала в темноте расчлененное тело Осириса. Когда повсюду в Египте и за его пределами храмы Исиды засверкали огнями, тело живого воплощения Исиды поместили в мавзолей рядом с храмом богини на полуострове Лохиада в Александрии, к всеобщему удовлетворению почитателей, верящих в бессмертие их божества. В отличие от ее мужа Осириса Исида никогда не умирала, ее считали живой царицей, которая перешла в другое измерение, чтобы воскрешать мертвых. В более позднем литературном произведении, основанном на фараоновском «Ритуале предка», описан эпизод, как Клеопатра рассказывала, будто мертвые ждут живую воду, чтобы повторно родиться. Кроме того, существовало поверье, что в храмах Исиды души умерших получают новое рождение и там «полно привидений»***.

В загробный мир Клеопатру сопровождали ее служанки Хармиона и Ирада, чья преданность в Александрии вошла в поговорку. По приказу Октавиана «обе доверенные слу-

* Дион Кассий. Римская история, с. 133.

** Там же.

*** Павсаний. Описание Эллады. Т. 2, с. 380.

жанки были удостоены почетного погребения»*, по всей видимости, в мавзолее Клеопатры в соответствии с применявшейся в самые ранние исторические периоды Египта многовековой практикой захоронения слуг с теми, кому они служили при жизни. Там же установили их статуи. Хотя, как утверждают источники, Октавиан «велел с надлежащей пышностью похоронить»** Клеопатру, в них не говорится, что он лишил ее важных и дорогих, предназначенных для погребения с ней предметов. Говорят, что «во дворце нашли несметные сокровища»***, и в своем реквизиционном рвении Октавиан переплавил царское столовое серебро и золото, а также все изделия из драгоценных металлов, какие попали ему в руки, и отправил в Рим все другие сокровища Клеопатры, в том числе ее личные украшения и сохранившуюся одну большую жемчужину стоимостью примерно десять миллионов сестерциев. И хотя его биограф с умилением пишет, что он не оставил для себя ничего, «кроме одной плавиковой чаши»****, у него нашлось достаточно средств, чтобы на следующий год приобрести остров Капри как символ своего статуса.

Богатства Египта, отправленные в Рим, в одночасье положили конец тринадцатилетнему периоду экономической депрессии, когда «процентная ставка упала с 12 до 4%»*****. Теперь Октавиан мог гарантировать ежегодные поставки египетского зерна в огромных количествах и выдать войскам давно задержанную плату. Согласно более позднему источнику, он «покорил своими щедротами воинов, раздачами хлеба — толпу и всех вместе — сладостными благами мира»*****, и никто не осмелился оказать ему противодейст-

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 442.

** *Плутарх*. Там же.

*** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. LI, гл. 17.

**** *Светоний*. Указ. соч., с. 78.

***** См.: *Earl D. The Age of Augustus*. — London: Elek, 1968, p. 55.

***** Текст приводится по изданию: *Тацит*. *Анналы и другие сочинения* / Пер. А. Бобовича. — М.: Терра, 2009, с. 20.

вия, «так как наиболее непримиримые пали в сражениях и от проскрипций»*, в том числе одна женщина.

После смерти Клеопатры 17-го дня Мезори, или 10 августа, Египтом, очевидно, управляли ее дети в течение приблизительно трех недель. Когда Рим аннексировал Египет 1-го дня Тота, или 31 августа 30 года до н.э., с первого дня следующего месяца правление перешло к режиму Октавиана. Сделав себя законным наследником Клеопатры тем, что он отдал распоряжение похоронить ее и достроить гробницу, Октавиан приказал казнить ее старшего сына и соправителя Цезариона, пятнадцатого и последнего Птолемея, чья династия правила Египтом почти триста лет.

Соглашаясь с Арием, который перефразировал строку из «Илиады», что «нет в многоцезарстве блага»**, Октавиан наконец сделал себя единственным наследником Юлия Цезаря. Он распорядился построенный Клеопатрой Цезареум в честь Цезаря переделать в мемориал в честь его самого. Вместе с тем Октавиан приступил к осуществлению и замысла Клеопатры установить с обеих сторон от огромного входа два гранитных обелиска, что она повелела доставить из Гелиополя. Каждый из них стоял на спинах четырех гигантских бронзовых крабов. Надписи на их клешнях на греческом и латыни извещали, что обелиски установлены по указанию Октавиана, однако, увезенные в Лондон и Нью-Йорк, они до сих пор называются «Иглами Клеопатры».

В Цезареуме находились многочисленные статуи в соответствии с давней египетской традицией воздавать почести предкам, но Октавиан заменил изваяния, оставшиеся от прежнего режима, своими. Женские статуи должны были затмить скульптуры Клеопатры, поэтому он поместил там изображения своей жены Ливии и других родственниц. Бюст

* *Тацит.* Указ. соч., с. 20.

** *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 440. Арий перефразировал слова Одиссея: «Нет в многовластии блага». (См.: Гомер. Илиада II. 204, с. 35.)

молодой женщины, найденный недавно в гавани Александрии, идентифицировали по прическе — как оказалось, это скульптурный портрет дочери Октавии, Антонии Младшей.

Но ее отец Антоний не удостоился такой чести — все его статуи сбросили с постаментов и разбили. Обелиск, воздвигнутый Клеопатрой в его честь, теперь увековечивал завоевание Египта Римом. Имя Антония убрали из всех официальных надписей, и день рождения Антония 14 января Октавиан объявил *nefastus* — несчастливым.

Статуи Клеопатры избежали уничтожения благодаря тому, что «один из ее друзей, Архибий, заплатил [Октавиану] две тысячи талантов»*. Этих денег хватило бы, чтобы содержать римскую армию в течение года, и от такого предложения не мог отказаться даже Октавиан. Хотя об Архибии обычно отзываются как о человеке, у которого больше денег, чем разума, только храмы были в состоянии предоставить такую огромную сумму, особенно потому, что им нужно было сохранить статуи Клеопатры в целостности как важную составляющую часть египетского культа божественных предков. Если учесть, что египетское имя Архибия было Хоремахбит, правдоподобно было бы предположить, что он выступал представителем египетского духовенства после смерти юного верховного жреца Петубастиса.

Эта смерть не только серьезно отразилась на египетской администрации, но и изменила ситуацию в древней столице, Мемфисе, где новые правители Египта традиционно короновались наследным верховным жрецом. Теперь это не представлялось возможным, поскольку «мемфисская династия оказалась уничтоженной одновременно с домом Птолемеев»**. Египетские источники констатируют, что солдаты Октавиана разграбили и осквернили гробницу прежнего верховного жреца Пшеренптаха III, хотя он умер за десять лет до этого

* *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Т. 2, с. 443.

** См.: *Reymond E.A.E. and Barns J.W. Alexandria and Memphis: Some Historical Observations // Orientalia 46 (1), 1977, p. 14.*

и был похоронен рядом со своей женой Таимхотеп. Его тело пришлось заново бальзамировать и перезахоронить в 30 году до н.э. Чтобы тело его несчастного сына и наследника Петубастиса не постигла такая же участь, его хранили в помещении, где проводили бальзамирование, невероятно долго — в течение семи лет, и только потом захоронили его мумию с золотыми и серебряными украшениями и оградительными амулетами из всевозможных драгоценных камней.

Обеспечив свои позиции в Александрии, Октавиан отправился в Мемфис, где он назначил новым верховным жрецом ближайшего родственника прежнего — Псенемона из Летополя, объявленного также «божественным сыном» Юлия Цезаря, то есть самого правящего императора, или «бога и сына бога» на египетский манер. Хотя его почитали таковым в храмовом комплексе Мемфиса, скорее всего Псенемон был первым и последним верховным жрецом Октавиана. После того как несчастного Петубастиса похоронили спустя семь лет после его смерти, жрецы перестали вести записи в 23 году до н.э.

Не разделяя энтузиазма своей предшественницы по поводу египетской религии, Октавиан «отказался свернуть с пути, чтобы посмотреть на Аписа»*. Он заявил, что «поклоняется богам, а не быкам»**, и ему поддакивали его услужливые поэты, которые высмеивали «глупых» и «грубых»*** египтян и их поклонение таким священным созданиям. Новый режим перестал оплачивать дорогостоящие похороны животных, как это было заведено при Птолемах, и теперь при бальзамировании их обматывали использованным папирусом, а не полотном лучшего качества. То же самое происходило во время похорон быка Бухиса в Гермонтисе. Ког-

* *Светоний*. Указ. соч., с. 88.

** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. LI, гл. 16.

*** *Ювенал*. Указ. соч., с. 148, 149. Также: «лающий Анубис» (Проперций. Элегии III. 11), «чудища-боги и псоглавый Анубис» (Вергилий. Энеида VIII. 698–700).

да двадцатичетырехлетний бык, которого Клеопатра перевозила на лодке по Нилу в начале своего правления, умер вскоре после ее смерти, на стеле из песчаника, установленной по такому случаю, упоминалось имя Октавиана, но без его титулов и даже без картуша.

Служители культа из Гермонтиса, «сердитые жрецы», как их назвал историк Дж. Линсей, видимо, выразили нежелание признать законность преемника тем, что не указали его титулы, хотя они уже существовали. Об антиримских настроениях можно судить по тому, что всем служителям храма — от верховного жреца до рядового служки — полагалось приносить клятву в том, что они не будут оставлять свой пост и принимать участие в мятежах. Вот содержание папируса, найденного в районе Фаюма:

«Мы, два служителя, отвечающие за лампы в храме величайшего бога Сераписа и в находящемся там святилище Исиды, а также Паапис, сын Тониса, и Петорисрис, сын Патефоса, оба отвечающие за лампы в храме величайшей богини Таурт в Оксиринхе, все четверо клянемся Цезарем [Октавианом], богом и сыном бога, перед надзирателями храмов в Оксиринхском и Кинопольском номах, что будем следить за лампами в храмах вышеназванных номов и наливать надлежащее масло для горения ламп в храмах с 1-го дня Тота до 5-го дня Мезори нынешнего первого года Цезаря в соответствии с тем, что поставлялось до 22 года Клеопатры, который также является седьмым. Мы ручаемся друг за друга, и вся наша собственность является гарантией выполнения нами указанных обязанностей»*.

Очевидно, что подобные клятвы оказались неэффективными, поэтому в ответ на начавшиеся волнения, центром которых, как всегда, были храмы, Октавиан конфисковал

* См.: *Lindsay J. Cleopatra*. — London: Constable, 1970, p. 485—486.

земли храмов и поставил духовенство под начало великого жреца Александрии и всего Египта. Этот новый назначенец отвечал за соблюдение строгих правил, касающихся всего — от одежды жрецов до их поведения. Он также велел установить свои статуи по всей стране. На дальнем юге, в Асуане, появилась огромная бронзовая статуя с большими, глубоко посаженными глазами, как у него самого, а его глаза сверкали «как у лошади, и белки были больше обычного»*. Ее назначение состояло еще в том, чтобы вести символическое наблюдение за границей с Нубией, населенной кочевыми племенами блеммиев и нобатов.

Эти находившиеся в постоянном движении племена также поклонялись Исиде, что, вероятно, служит объяснением того, почему, несмотря на свое истинное отношение к Египту и его богам, Октавиан пожелал установить в Филэ статуя, изображающую его в полном облачении фараона подносящим мирру, вино и прочие дары Исиде и другим божествам. Его даже стали называть «возлюбившим Птаха и Исиду». Еще дальше на юге, в Калабше, что в Нубии, из громадной скульптурной группы Клеопатры и Цезариона, возлагающих подношения Исиде, на 23-футовом (около 7 метров) входе он приказал вытесать свое изваяние с надписью в картуше «Римлянин, бог Цезарь, сын бога».

Хотя Октавиан традиционно изображался как фараон, который занимал центральное место в египетской культуре, он управлял страной заочно, после того как уехал из Египта в Сирию и летом 29 года до н.э. вернулся в Италию. Несмотря на то что Октавиан и его римские преемники продолжали использовать фараоновский титул «царь Верхнего и Нижнего Египта, владыка Двух Земель, сын Ра», они добавляли еще фразу «обладающий несравнимой властью особенно в любимом им городе Риме»**. Тем самым подчеркивалось, что египетский фараон больше не живет в Египте.

* *Плиний*. Естественное знание XI. 143.

** См.: *Dunand F. and Zivie-Coche C. Gods and Men in Egypt: 3000 BC to 395CE.* — London: Cornell University Press, 2004, p. 204.

Превратив независимое царство Клеопатры в некое подобие своей вотчины, Октавиан относился к египтянам иначе, чем к остальным подданным. Им не разрешалось не только входить в римский сенат, на что они имели право в птолемеевские времена, но даже служить в армии. Таким образом, их положение свелось до уровня крепостных, занимающихся выращиванием зерна для Рима. Границы Египта были закрыты для иностранцев, и совершать поездки можно было лишь при наличии специальной визы. Любому римлянину senatorской номенклатуры запрещалось без особого разрешения посещать Египет. Одним словом, «римляне <...> научились от Александра зорко следить за Египтом»*. Прекрасно понимая, что рискованно вручать управление этой страной кому-либо из сенаторов, Октавиан назначил человека второго сословия, всадника Корнелия Галла, одного из похитителей Клеопатры, префектом Египта и Александрии. Подавив восстание на юге, Галл приказал сделать мемориальные надписи в храмах, в частности в Филэ, «записать его победы на каменных глыбах пирамид»** и даже установить его статуи повсюду в Египте. Имеются сведения, что он «распускал порочащие Октавиана сплетни»***, за что его обвинили в измене и принудили к самоубийству.

Между тем серьезные волнения продолжались почти по всему Южному Египту, и в 24–23 годах до н.э. Октавиан потерпел крупное поражение от кандаки (царицы) Мерое, воительницы Аманиторе. Войска этой «второй Клеопатры» вторглись в Египет из Судана, разгромили три римские когорты, взяв много пленных, захватили Асуан и даже, как свидетельствует Страбон, сбросили с постаментов статуи Октавиана. Этим фактом объясняется, как голова огромной бронзовой статуи Октавиана с глубоко посаженными глазами оказалась за сто миль южнее, в Мерое, зако-

* *Арриан*. Указ. соч., с. 114.

** *Дион Кассий*. Римская история. Кн. LIII, гл. 23.

*** Там же.

панной под ступенями храма и символически попираемой прихожанами.

После того как Октавиан покинул Египет, куда он больше никогда не возвращался, 13 августа 29 года до н.э. он прибыл в Рим. Там он отпраздновал три пышных триумфа в ознаменование побед в Иллирии, при Акции и в Египте. По свидетельству историка, «все шествия производили потрясающее впечатление трофеями, добытыми в Египте»*. Огромные богатства Клеопатры и ее погребальные принадлежности были показаны во время шествия, кульминацией которого стало появление ее одиннадцатилетних близнецов под табличкой с надписью «Солнце и Луна» вместо имен. Разговорам о том, что Октавиан с радостью избавился от Клеопатры, иначе он оскорбил бы общественное мнение, проведя ее в триумфальном шествии, был положен конец, когда люди увидели ее детей, шедших через весь Рим за повозкой с огромной восковой фигурой их покойной матери на ложе. «Чучело мертвой Клеопатры, будто следующей вместе с пленными и своими детьми, составляло часть пышной процессии»**, а муляжи змей, обвивающих руки египтянки и ползущих к груди, давали понять невежественной толпе, что царица умерла от змеиного яда.

Среди тех, кто пришел посмотреть на смерть Клеопатры, находился поэт Проперций со своей девушкой. Они так удачно расположились в толпе зрителей, что потом в своем стихотворении поэт написал: «Я видел руку со следом укуса священной змеи, видел, как в члены тайным путем проникает сон»***. Его собрат по перу Гораций по такому случаю переписал мрачноватое стихотворение, сочиненное им вскоре после битвы при Акции. Скрытое разочарование по поводу того, что Клеопатра осталась жива, сменилось радостью и чувством удовлетворения, вызванным ее смертью. Ведь

* Дион Кассий. Римская история. Кн. LI, гл. 21.

** Там же.

*** Проперций. Указ. соч., с. 149.

теперь Рим мог откупорить бутылку старого вина и торжествовать, потому что его «Ода о Клеопатре» начиналась «Nunc est bibendum»:

Нам пить пора, пора нам свободною
Стою в землю бить, сотрапезники,
Пора для пышных яств салийских
Ложа богов разубрать богаче*.

Кульминацией триумфа стала казнь пленных на форуме, после чего герой-победитель Октавиан взошел на Капитолийский холм и совершил жертвоприношения в храме Юпитера. Поскольку здесь находился религиозный центр Рима, откуда Клеопатра предположительно намеревалась править, Октавиан одарил своей щедростью главные храмы Юпитера (Зевса), Юноны (Геры) и Минервы (Афины) — из них убрали все прежние украшения и принесли туда богатые трофеи Египта. Октавиан признался, что дары, преподнесенные римским храмам, обошлись ему в 100 миллионов сестерциев, и не случайно «невиданное доселе количество горного хрусталя»** весом 150 фунтов (68 кг) презентовала храмам на Капитолийском холме жена Октавиана Ливия. Вполне возможно, что это был хрусталь, из которого Клеопатра намеревалась сделать для себя гроб такой же, как у Александра, хотя из-за его астрономической стоимости она не могла позволить себе такую роскошь даже после смерти.

Октавиан построил в общей сложности десять новых храмов и более восьмидесяти отремонтировал за баснословные деньги, не оставив никаких мемориальных надписей о себе. Построив огромный храм, получивший название Пантеон, он установил в нем статую Венеры. Возвращая Риму богиню, что символизировало поражение Клеопатры, он украсил новую статую ее оставшейся крупной жемчужиной,

* *Гораций*. Указ. соч., с. 69.

** *Плиний*. Естествознание XXXVII, 23—29.

«которая была разделена надвое, чтобы эта половина <...> пиршества была в обоих ушах»*. Октавиан даже взял для своей новой статуи жемчужное ожерелье, которое Клеопатра собственноручно повесила на шею статуе Венеры, установленную Цезарем в его семейном храме на форуме.

Хотя Октавиан обязался сохранить в целостности скульптуры Клеопатры, в том числе и эту, он изменил архитектурный ансамбль форума, расширив его и придав ему некоторую фаллическую композицию. Две полукруглые галереи напоминают яички, а длинный передний двор смыкается с территорией храма Венеры, построенного в ее честь Цезарем, «производя впечатление, будто здание совершает половой акт»**, в результате неявного, но вполне понятного расположения архитектурных составляющих.

Безусловно, много чему научившись во время пребывания в Александрии и осуществляя замыслы Цезаря, намеченные вместе с Клеопатрой, Октавиан завершил строительство нового здания сената, начатое Цезарем. Он также мог гордиться, что «принял Рим кирпичным, а оставляет мраморным»***. Тогда впервые облицевали североафриканским мрамором храм Аполлона на Палатинском холме. В стенах храма за дверями из слоновой кости на фоне барельефов с изображением Аполлона-Октавиана, сражающегося с Антонием-Гераклом, расположилась библиотека, подобная александрийской, где «дано узнавать читателю, что создавали в долгих ученых трудах новый и старый поэты»****.

Следуя традиции римских полководцев привозить изделия старины из Греции и стран Востока для украшения

* *Плиний*. Естественное знание. Об искусстве, с. 154.

** См.: *Montserrat D.* Reading Gender in the Roman World // *Experiencing Rome: Culture, Identity and Power in the Roman Empire* (ed. Huskinson J.). — London: Routledge, 2000, p. 169.

*** *Светоний*. Указ. соч., с. 57.

**** *Овидий*. Собрание сочинений. Т. I. Элегия I / Пер. Н. Вольпин. — СПб., «Студия Биографика», 1994, с. 274.

своего более скромного города, Октавиан распорядился доставить из Египта коллекцию статуй и обелисков и тем самым положил начало тенденции, которая привела к тому, что в Риме оказалось больше обелисков, чем осталось в Египте. Из двух обелисков, увезенных из храма бога Солнца Ра в Гелиополе в знак победы над Египтом, один, воздвигнутый фараоном Сети I, был установлен в центре Большого цирка (ныне на Народной площади), а второй, воздвигнутый сайтским царем Псамметихом II, чье имя заменили на имя Октавиана, поставили на Марсовом поле (сейчас находится на площади Монте Читорио) в центре вымощенной мраморными и бронзовыми плитами площадки. Размеченная линиями и с обозначениями зодиакальных созвездий, она образовывала гигантский циферблат солнечных часов, имевший 100 футов (примерно 30 м) в диаметре. Эти самые большие во все времена часы, названные «*Solarium Augusti*», создавались по образцу египетских, состоявших из циферблата и стержня, тень от которого, перемещаясь вследствие движения солнца, показывала истинное солнечное время. Стоявший в центре обелиск высотой 100 футов дважды в году — 23 сентября, в день рождения Октавиана и день осеннего равноденствия, и 21 марта, в день весеннего равноденствия, отбрасывал тень поперек циферблата до ступеней, ведущих к алтарю «Мира, дарованного Августом» с такой надписью на медной доске: «Август пожаловал этот дар солнцу, поставив Египет под власть римского народа».

Еще два гранитных обелиска, привезенных из Египта (сейчас они стоят на площадях Есквилинской и Квиринальской), установили справа и слева от входа в величественный мавзолей, который Октавиан начал строить на Марсовом поле в 28 году до н.э. Вполне возможно, что прототипом его гробницы послужила усыпальница Клеопатры, а архитектурное оформление фасада такое же, как у мавзолеев царей на Востоке. Могила под купольным верхом чаще всего представляла собой ступенчатую пирамиду в поперечном сече-

нии. Когда Римом овладела египтомания, богачи, такие как Гай Цестий, начали строить пирамидальные гробницы посередине Вечного города.

Хотя Октавиан любил повторять, что он восстановил республику и ликвидировал угрозу монархии, исходившую с Востока, он стал принцепсом Рима, то есть «первым гражданином», а фактически императором, в январе 28 года, после чего его тоталитарный режим определял все аспекты жизни от общественной морали до подавления таких нежелательных культов, как поклонение Исиде. Он даже устанавливал, как нужно одеваться: всем мужчинам надлежало носить тогу, а замужним женщинам — скрывавшее всю фигуру длинное платье и накидку.

Угодливый сенат лишь штамповал такую политику, желая отметить восхождение к власти Октавиана присвоением ему нового имени, непосредственно связывающего его с Римом. Кто-то высказывался за то, чтобы назвать его Ромулом по имени основателя города и первого царя, против чего возражали советники принцепса, указывавшие на нежелательные в таком случае ассоциации с монархией и тиранией. Поэтому в качестве более почетной альтернативы Мунаций Планк предложил имя Август, процитировав строку из стиха Энния: «По августейшем гаданье основан был Рим знаменитый»*. Хотя места, где авгуры совершили обряд освящения, назывались «августейшими», видимо, не случайно Планк, однажды плясавший перед Клеопатрой, Новой Исидой, и, вероятно, знавший, что она носила еще один священный титул «Исида Августейшая», что значит «величественная» и «божественная», сделал такое предложение. Вот так в 27 году до н.э. сын банкира Гай Октавиан стал Августом Цезарем, присвоив себе имя божественной Клеопатры.

Тогда же было принято решение назвать в честь Октавиана его новым именем один из месяцев точно так же, как

* Светоний. Указ. соч., с. 46.

пятый месяц года* квинтилис переименовали в июль в честь Юлия Цезаря. Но вместо того чтобы выбрать для этого месяц своего рождения — сентябрь, новоиспеченный Август сделал августом секстилис с таким расчетом, чтобы «месяцем, переименованным в его честь, был тот, когда он сверг Клеопатру»**. А 1 августа, день, когда капитулировала Александрия, он провозгласил всенародным праздником.

С тех пор, избегая упоминания Клеопатры, Антония или гражданской войны, Октавиан просто заявлял: «Aegyptum imperio populi Romani adieci» — «Я присоединил Египет к империи римского народа», хотя он сделал его своей вотчиной. Изолировав египтян от остального Древнего мира путем запрета любому римлянину посещать Египет или египтянину приезжать в Рим, Октавиан принял меры к тому, чтобы его версия событий никогда не оспаривалась: он ввел строжайшую цензуру. Были сожжены тысячи противоречащих или инкриминирующих текстов от «Книг Сивилл» до сочинений Юлия Цезаря. Смотрителю за библиотеками приказали изъять произведения, признанные «неподходящими» для читательской аудитории, и заменить их трудами самого Октавиана, обогащенными литературным талантом его поэтов, с его собственной трактовкой истории.

И все же, несмотря на драконовские меры, некоторые источники сохранились. Когда царские архивы в Александрии переходили в другие руки, бесчисленное множество официальных документов отправили в корзину как макулатуру, еще какие-то пошли в переработку для обертывания мумий, и лишь малая толика обнаружилась через две тысячи лет, в том числе документы, написанные рукой Клеопатры. Погребальные надписи верховных жрецов Мемфиса, скрытые под зыбучими песками Саккары, были найдены и переведены только в наше время. Благодаря сложностям

* Год у римлян начинался с марта. — *Примеч. пер.*

** См.: *Hamer M. Signs of Cleopatra: History, Politics and Representations.* — London: Routledge, 1993, p. 81.

птолемеевской иероглифики от глаз агентов Октавиана ускользнули тексты на стенах храмов, содержащие удивительные факты и излагающие опасные умонастроения.

Имена и образы Клеопатры и Антония также сохранились на их монетах, причем серебряные монеты Антония находились в обращении в течение почти 250 лет, то есть намного дольше, чем более мягкие золотые монеты Октавиана, бывшие в ходу едва ли одно столетие. Как и его монеты, гены Антония оказались более долговечными. Родив единственного ребенка, дочь Юлию, Октавиан неоднократно использовал ее для достижения своих политических целей: сначала она была помолвлена с сыном Антония, Антиллом, а затем после его казни — с гетским царем вопреки римскому закону, запрещающему браки с иностранцами. В конце концов, в 25 году до н.э. ее выдали за двоюродного брата, сына Октавии — Марцелла, а после его преждевременной кончины ее сосватали престарелому Агриппе в знак запоздалой благодарности за то, что он выиграл многие сражения для Октавиана. Несмотря на 25-летнюю разницу в возрасте, они родили двух сыновей — Гая и Луция, которые стали наследниками Октавиана. После смерти Агриппы Юлию заставили выйти замуж за сына Ливии, Тиберия, из тех соображений, что ее мальчикам нужен отец, но так как обе стороны не проявляли интереса к этому союзу, Юлия часто заводила любовные романы. После того как ее любовником стал младший сын Антония, Юл, Октавиан вынудил его совершить самоубийство, а Юлию обвинили в распущенности, сослали на небольшой остров Пандатерия и даже отказали в похоронах в семейной усыпальнице. Поскольку ее сыновья также рано умерли при загадочных обстоятельствах, Октавиану ничего не оставалось, как сделать своего взрослого пасынка Тиберия преемником. Сам он умер в 14 году н.э. в возрасте 75 лет, как говорят, отравленный Ливией, пожелавшей, чтобы императором стал ее сын, которому было уже около тридцати.

В то время как Октавиан явно не преуспел как представитель династии, род Антония был плодовитым и многочисленным. На Востоке его внука, полукровка-азиатка по имени Пифодорида, вышла замуж за его бывшего вассального царя Полемона I Понтийского, а затем за Архелая Каппадокийского. На Западе внук Антония, Клавдий, и правнуки Калигула и Нерон стали императорами и преемниками Октавиана и Тиберия.

При их правлении возродилось восточное великолепие, и снова пошли слухи, что Александрия станет столицей империи вместо Рима. Калигула возродил память о своем прадеде и приказал доставить из Александрии обелиск, установленный Клеопатрой в честь Антония, и установить в Риме рядом с центром поклонения Исиде (ныне он находится на площади Святого Петра рядом с Ватиканом). При Калигуле культ Исида получил государственное признание после его жестокого подавления предшествовавшим режимом. Калигула также продвигал идею о своей божественности, основанной на мистериях, связанных с культом Исида, и даже хотел жениться по-птолемеевски на своей сестре. Как поклонник Александра Великого он возложил щедрые подношения к его саркофагу и взял себе его золотой нагрудник, а когда принимал заморских царей, надевал диадему, очень напоминавшую царскую птолемеевскую.

Откровенно неримское поведение послужило одной из причин убийства Калигулы. Его преемником стал внук Антония, Клавдий, который, продолжая поддерживать культ Исида, построил замысловатый алтарь, украшенный изображениями Исида и священных быков. Военный трибун Клавдия — Гай Стертимий Ксенофон — также являлся жрецом Исида и Сераписа. И хотя Октавиана и всех его ближайших родственников кремировали по римскому обычаю, а урны с их прахом установили в семейном мавзолее, там же нашлось место и для саркофагов, когда кто-либо из членов

императорской семьи изъявлял желание быть по-египетски забальзамированным.

Египетское влияние продолжало распространяться в Риме под влиянием таких придворных, как Херемон, бывший библиотекарь в Александрии и эксперт по египетской цивилизации; сочинения «Агугжтлака» («История Египта») и книги об этой стране вызывали все больший читательский интерес. Будучи известным историком и автором работ по этрусской и карфагенской истории, Клавдий сам приступил к написанию современной истории Рима начиная с убийства Цезаря в 44 году до н.э., но его бабка Ливия настоятельно посоветовала ему опустить события, предшествовавшие 30 году до н.э., и любое упоминание о Клеопатре, ибо даже как император «он видел, что о событиях более ранних правдивый и свободный рассказ уже был невозможен»*. При том что сторонницей цензуры являлась мать Клавдия — Антония, дочь триумвира Антония от Октавии, — его дочь от Клеопатры делала все возможное, чтобы сохранить наследие своих родителей, ибо Клеопатра Селена была «в полном смысле маминой дочкой»**.

Хотя многим историкам хочется верить, что всех троих детей Антония и Клеопатры пощадили, поскольку Октавиан вроде бы «впоследствии поддерживал их и заботился о них, как о близких родственниках, сообразно с положением каждого»***, упоминания об участии семилетнего Птолемея Филадельфа в триумфе 29 года до н.э. не встречаются, а это вполне может означать, что он не пережил своей первой холодной зимы в Риме. Александра Гелиоса также последний раз видели во время триумфа, поскольку он, вероятно, умер, «не достигнув возраста, когда разрешалось идти на военную

* Светоний. Указ. соч., с. 185.

** См.: Roller D.W. World of Juba II and Cleopatra Selena. — London: Routledge, 2003, p. 90.

*** Светоний. Указ. соч., с. 51.

службу и жениться»*. Его нареченную Иотапу, теперь оставшуюся невестребованной, отправили обратно к ее отцу Артавазду, который был прощен Октавианом и стал вассальным царем Армении. Саму же Иотапу выдали за другого вассального царя Коммагены.

Единственного оставшегося в живых ребенка Клеопатры, одиннадцатилетнюю дочь Клеопатру Селену, отправили жить со святейшей Октавией, на чьем попечении находились ее двое сыновей от первого брака, ее две дочери от Антония — две Антонии в возрасте от девяти и шести лет — и тринадцатилетние Юл, Антоний и оставшийся сын Фульвии, после того как Октавиан обезглавил его старшего брата Антиллу. Детей растили и воспитывали для создания политических союзов, и на Селену распространялись планы Октавиана относительно Северной Африки. Ее обручили с царевичем Юбой, жившим в Риме с тех пор, как Цезарь привез его из Северной Африки четырехлетним ребенком, он получил римское гражданство, был наречен Гаем Юлием Юбой, остался у Цезаря и, возможно, встречался с Клеопатрой VII во время ее пребывания в Риме. Затем, проживший какое-то время в доме Октавии, царевич был сделан вассальным царем Мавритании и Нумидии в 25 году до н.э. и женился на Селене.

Официально Селена стала царицей Мавритании и Нумидии, но еще раньше на церемонии пожалований она получила от родителей Киренаику. После того как из всех детей Клеопатры VII Селена одна осталась в живых, она могла считать себя правительницей Египта по рождению. Как наследники всей Северной Африки — в теории, а не на практике — Юба и Селена правили своим царством из приморской столицы Иол. Они переименовали ее в Кесарию (ныне Шершель), и своим новым названием город мог быть в равной мере обязан и Цезарю, и Октавиану. Супруги вос-

* См.: *Rokker D.W. Op. cit., p. 84.*

создали двор Клеопатры в роскошном дворцовом комплексе с великолепной мозаикой, облицованными мрамором стенами и полотнищами богатой пурпурной ткани, выработанной на фабриках Юбы в Могадоре. Дворец украшали резные изображения сфинксов, бронзовые фигуры Диониса и светильники в александрийском стиле. Много статуй привезли из Египта, в том числе полуторатысячной давности статуи фараонов Тутмоса I и Тутмоса II, гигантский урей со змеей и голову Амона, вероятно, вытесанную из камня в Фивах, чтобы увековечить династическую связь между Александром и его божественным отцом.

Среди экспонатов своеобразной галереи предков находились великолепные мраморные бюсты Юбы с очень красивым лицом и вьющимися волосами и скульптурные портреты столь же привлекательной Селены, передающие ее преданность и любовь к родной стране. Унаследовавшая любовь Клеопатры к жемчугу и ярким нарядам, Селена в память о матери переняла и ее прическу «арбуз», правда, добавив к ней такую деталь, как завитки в форме улиток, обрамлявшие ее несколько полноватое лицо.

Кроме того, в этой галерее имелась скульптура Птолемея I и базальтовая статуя последнего верховного жреца Мемфиса Петубастиса III, троюродного брата, близкого к царской семье. На статуе была выбита дата смерти шестнадцатилетнего жреца — 31 июля 30 года до н.э., когда его, как и единоутробного брата Цезариона и сводного брата Антилла, убили по приказу Октавиана.

Но самым замечательным произведением в этой экспозиции было большое мраморное изваяние самой Клеопатры. Абсолютно не похожий на мягкие и кроткие портреты царицы, выполненные во время ее пребывания в Риме в молодые годы, «скульптурный портрет в накидке передает совершенно иной образ Клеопатры VII»*. Ваятель изобразил

* См.: Walker S. and Higgs P. *Op. cit.*, p. 208.

энергичную женщину, чьи последующие достижения прославлялись дочерью, вероятно, заказавшей этот портрет. Из-под края накидки на голове виднеются уши с проткнутыми мочками для сережек, по-видимому, похожих на те с ее знаменитыми жемчужинами. Пучок вьющихся волос над бровью очень напоминает локон на голове Александра Великого также из Северной Африки римского периода. Очевидно, так Селена подчеркивала родственные отношения своей матери со знаменитым предком их династии. В самом деле, это лицо Клеопатры с крупным, но красивым носом кажется таким мужественным, что кое-кто считает его лицом мужчины. Если учесть большое сходство данного скульптурного портрета с мужеподобными изображениями Клеопатры на монетах, а также многозначительные события, приведшие к его созданию, нет ничего удивительного в подобной интерпретации.

Новый двор начал изготавливать серебряные изделия такого же изумительного качества. Примером может служить великолепное серебряное блюдо с фигурой женщины, вполне возможно, самой Селены. Локоны у нее над бровью «уложены в бог весть какую прическу»*, похожую на ту, что у скульптурного портрета ее матери, выполненного в мраморе. Проткнутые уши также виднеются из-под головного убора Александра из слоновьей кожи со всеми атрибутами птолемеевского Египта от систра и кобры до рога изобилия. Полумесяц как символ Селены соединялся с изображением Гелиоса в память о ее брате Александре Гелиосе, а лира, виноградные гроздья и сосновые шишки Диониса вместе с палицей и колчаном Геракла — как дань уважения ее отцу Антонию.

Как Антоний и Клеопатра, Селена и Юба несли в массы политическую идею посредством своих монет: царя Юбу чеканили на одной стороне, а царицу Селену — на другой.

* См.: *Walker S. and Higgs P. Op. cit.*, p. 312.

По ее портретам можно судить, что она «унаследовала сильно выдающийся вперед нос матери, но в то же время складывается впечатление, что она была красивее Клеопатры VII»* или по крайней мере не выглядела столь устрашающей. На монетах Селены можно видеть полумесяц, символизирующий Исиду, египетский систр, корону с двойным оперением и солнечным диском, а также крокодила как характерную эмблему Египта. Селена и Юба, конечно, содержали живых крокодилов в большом столичном храме Исиды, украшенном статуями богини, чей культ имел достаточно широкое распространение. Некоторые детали этого культа великолепно описаны в единственном целиком дошедшем до нас известном римском «романе» «Метаморфозы», написанном романизированным жителем Северной Африки (современного Алжира) во II веке н.э.

Прочная связь с родиной Селены, Египтом, нашла отражение в творениях архитекторов, художников, писателей и ученых, наводнивших ее двор. Личный врач Юбы, Евфорб, доводился братом Антония Музы, греческого вольноотпущенника Антония. И тот и другой прославились как специалисты в области водолечения, которое, вероятно, проводилось в роскошном банном комплексе Кесарии, куда вода доставлялась по громадному акведуку. Юба и Селена также построили большой амфитеатр и ипподром рядом с библиотекой, ставшей образовательным центром.

О самом Юбе Плиний Старший писал, что «он больше прославился своей ученостью, чем как властитель»**, а его интерес к философии, истории и географии проявился в том, что они с супругой отправляли экспедиции за пределы сфер своего влияния. Морские экспедиции на запад достигали островов в Атлантическом океане, названных «Канария» (от латинского «*canis*» — «собака»), поскольку там

* См.: *Whitehorne J. Cleopatra*. — London: Routledge, 2001, p. 199.

** *Плиний*. Естествознание VII. 16.

водились крупные собаки. Пару этих животных привезли Юбе. Росшие на Канарских островах финиковые пальмы и папирус напомнили Селене о ее родине. При Юбе также совершенствовались методы бальзамирования.

Пытаясь установить более прочные связи с Египтом, они также послали экспедицию, которая должна была найти таинственные истоки Нила. Геродот утверждал, что великая река Египта текла с запада на восток, а учитель Александра, Аристотель сделал предположение, что ее истоки могут на самом деле находиться на западе. Этой проблемой занимался и заступник Юбы, Цезарь. Желая установить истину, Юба и Селена направили своих исследователей, которые пришли к выводу, что обнаружили истоки Нила в горах их Мавританского царства.

Открытию, подтверждавшему, что Нил выше третьего порога вместе со своим притоком Атбара может отделять Египет и, стало быть, всю Северную Африку от Эфиопии, посвятил несколько строк поэт Кринагор Митиленский. В своей эпиграмме по случаю бракосочетания Юбы и Селены он писал:

Судьбою назначено двум народам соседним,
чьи обширные земли от страны темнокожих эфиопов
отделяет Нила поток полноводный,
подданными стать одной четы царственной
и создать единую семью египтян и ливийцев.
И пусть отпрыски царские, когда черед их настанет,
примут над ними державную власть*.

Первого ребенка, родившегося у Юбы и Селены между 13 и 9 годами до н.э., назвали Птолемеем. Хотя до нас дошли немногие подробности личной жизни Селены, она, безуслов-

* См.: Braund D. «Anth. Pal. 9. 235: Juba II, Cleopatra Selene and the Course of the Nile». The Classical Quarterly 34 (1), 1984, p. 175.

но, оказывала большое влияние, если учесть ярко выраженный египетский стиль ее двора и «необычно высокий статус, занимаемый женщинами Кесарии в последующие после ее смерти века»*. В то время к элите принадлежали такие образованные представительницы слабого пола, как филолог Волусия Тертуллина. Когда Селена умерла в возрасте примерно тридцати пяти лет, вероятно, во время родов, ее смерть связали с лунным затмением. Поэт Кринагор написал по этому поводу:

Взойдя в ту ночь над горизонтом,
 Сама луна от горя потемнела
 И накрылась траурной вуалью.
 Бездыханной увидала небесная Селена
 Свою прекрасную земную тезку,
 Черной тенью сходящей в мрачный Гадес.
 Еще недавно красотой они сияли: одна — меж звезд,
 Другая — средь людей, но в одночасье
 Их поглотил крошечный мрак**.

По-видимому, забальзамированную в традициях династии Клеопатру Селену погребли в царском некрополе, который Помпоний Мела назвал «общей могилой царской семьи», приблизительно в 20 милях к востоку от столицы Иол Кесарии. Это была большая округлая гробница диаметром 200 футов (более 60 метров), вероятно, построенная Юбой II. Ее окружали шестьдесят ионических колонн, и со всех четырех сторон света имелись изящно вытесанные ложные двери, напоминавшие традиционный египетский элемент декора, любимый самой Клеопатрой VII. Над каж-

* См.: *Roller D.W. World of Juba II and Cleopatra Selena.* — London: Routledge, 2003, p. 257.

** *Crinagoras 18/Anth. Pal. 7. 633 in Whitehorne J. Cleopatras.* — London: Routledge, 2001, p. 201.

дой из них вверх до вершины на высоту 75 футов (порядка 24 метров) поднимались каменные ступени.

При соединении в одной конструкции восточного округлого мавзолея с архитектурой древнеегипетских погребальных сооружений получилась необычная ступенчатая пирамида. За замураванным входом, расположенным на уровне земли под одной из ложных дверей на восточной стороне гробницы, начинался сводчатый проход, ведущий в прямоугольную комнату, своего рода преддверие. За ней на высоте семи ступеней начиналась сводчатая галерея, закручивающаяся в спираль против часовой стрелки, протяженностью 500 футов (152 метра). Одно из ответвлений галереи оканчивалось в центре гробницы, где египетского типа раздвижные двери из известняка с приводным механизмом закрывали вход в погребальную камеру, в которой могли находиться только два или три захоронения. В гробницу, ограбленную еще в давние времена, археологи проникли в 1855 году. По сохранившимся записям, здесь ничего не было обнаружено. Ни тел, ни погребальных урн. Разве что египетская подвеска, несколько бусин и жемчужин на полу, столь обожаемых прославленной матерью Селены.

Юба на много лет пережил свою жену. Он много путешествовал по Востоку и женился во второй раз, прежде чем вернуться в Мавританию в 5 году н.э. В 21 году он сделал соправителем своего сына Птолемея, унаследовавшего царский престол после смерти отца в 23 году. Его титулы утвердили Тиберий и сенат, который провозгласил его «другом и союзником римского народа». Направленные Римом послы вручили ему скипетр из слоновой кости и триумфальную с вышитыми звездами пурпурную тогу, называвшуюся «*toga picta*».

Судя по великолепному скульптурному портрету в мраморе из царской столицы, Птолемея, как и его отец, был красивым мужчиной. По примеру своих современников-римлян он носил небольшую бороду и аккуратную стрижку.

О личной жизни Птолемея почти ничего не известно. В исторических документах нет сведений ни о его жене, ни о детях. Упоминание о некой «царице Урании», считающейся придворной дамой с царскими замашками, может относиться к какой-нибудь родственнице, пожелавшей по примеру знаменитых птолемеевских предков называться Уранией — по имени, под которым известна сама Афродита.

Очевидно, собрав огромные богатства, Птолемей почувствовал себя достаточно независимым от Рима, чтобы на восемнадцатом году правления выпустить золотые монеты с изображением своих триумфальных регалий и скипетра из слоновой кости в ознаменование того, что ему удавалось подавлять время от времени поднимавшиеся волнения в своем царстве. Он также совершал частые поездки в зарубежные страны. В Афинах в его честь установили статую в гимнасии ранних Птолемеев с надписью: «Сыну царя Юбы, потомку царя Птолемея».

В 39 году его пригласил в Рим его правнучатый племянник император Калигула, очевидно, как внука Клеопатры, земного воплощения Исиды, на церемонию освящения нового храма Исиды на Марсовом поле. Согласно древним источникам, Птолемей в великолепном пурпурном плаще, надетом, по-видимому, поверх полученной от сената тоги, «привлек к себе все взгляды»*, и Калигула, сочтя, что тем самым унижается его достоинство, приказал арестовать Птолемея и казнить.

Поскольку он был единственным вассальным царем, с кем Калигула обошелся таким образом, видимо, причина была не только в броской одежде Птолемея. Вполне вероятно, что Птолемей оказался замешанным в заговоре против императора, возглавляемом неким Гетуликом, чей отец являлся союзником отца Птолемея, Юбы. Возможно, Птолемей надеялся, что, если заговор удастся, он вернет себе террито-

* *Светоний. Указ. соч.*, с. 149.

рии, включая личную вотчину императора — Египет. Или, может быть, он стал настолько сильным и богатым, что не пожелал довольствоваться ролью вассального царя, а Калигула решил сделать Мавританию римской провинцией.

Когда сам Калигула был убит в 41 году, его преемник Клавдий действительно включил Мавританию в состав Римской империи, но, опечаленный смертью Птолемея, его троюродного брата по их деду Антонию, решил установить статуи Птолемея и Юбы II в их столице Кесарии. Обе эти статуи поместили в храме Венеры, потому что знавший историю Клавдий чтит память их предшественника Юлия Цезаря.

По злой иронии судьбы последнего известного потомка Клеопатры Великой, ее внука Птолемея, казнил приверженец Исиды и правнук Антония, Калигула. Тем не менее влияние Клеопатры VII продолжало сказываться как через ее образ земного воплощения Исиды, так, вполне возможно, через других царских потомков. При всей скудости сведений известны имена семерых членов мавританского царского дома. Известно также, что примерно в 8 году до н.э. у Селены и Юбы II родилась дочь, о чем имеется почетная надпись в Афинах. Римские источники упоминают о внучке Клеопатры и Антония по имени Друзилла*, которая вышла замуж за Тиберия Клавдия Феликса, вольноотпущенника императора Клавдия, в 50-х годах ставшего прокуратором Иудеи, царства, коим Клеопатра VII так хотела завладеть.

Муж Друзиллы также являлся сподвижником Павла из Тарса, того самого города, куда прибыла Клеопатра для встречи с Антонием в образе Афродиты. Здесь, как в Антиохии и Эфесе, процветал культ Исиды. После принятия крещения Павлом он, ведя истовую миссионерскую деятельность в Сирии, Малой Азии и Греции, вступил в тесный контакт со многими последователями Исиды, бывшими господствующими

* См.: *Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 2. История.* — М.: Наука, 1968, с. 194.

щей религиозной силой в Древнем мире. Даже построенный в Александрии корабль, на котором он плыл с Мальты в Путолы и Сиракузы, назывался «Диоскуры»*, по имени героев-близнецов Кастора и Полидевка, ставших спасителями благодаря самой Исиде. И так как культ ее распространился далеко за пределами Египта вплоть до Британии, преодолевая этнические и политические барьеры, образ матери Исиды со своим божественным сыном был воспринят ранним христианством, пытавшимся соперничать с ее всеохватывающим призывом.

Друзилла умерла в 30-х годах н.э., но, по преданию, ее родословная продолжалась еще в течение нескольких столетий, пока в III веке не проявилась сильная историческая личность — Зеновия из Пальмиры. Названная в сирийских надписях Бат-Заббаи, «та, которая с красивыми длинными волосами», двадцатисемилетняя Зеновия стала регентшей своего сына после смерти мужа в 267 году. Прославившаяся умом и красотой, она утверждала, что ведет происхождение от Клеопатры. Говорят, что ей принадлежала коллекция кубков ее великой прародительницы, якобы доставшихся ей в Антиохии, городе, находившемся во владении и той и другой.

Когда самозваная «новая Клеопатра» бросила вызов могуществу Рима, увенчав себя царской диадемой и взяв имперские титулы, в том числе имя Августа, сенат обратился к императору Клавдию Августу с просьбой «освободить нас от Зеновии». К тому времени она расширила свои владения за счет римских провинций в Малой Азии, а затем захватила Египет. Сражение за Александрию в 272 году произвело такие разрушения, что, как писал историк Аммиан Марцеллин, стены рухнули, превратилась в руины большая часть района Брухий, значительно пострадал Дворцовый квартал и даже была разрушена великая Александрийская библиотека.

* Деяния 28. 11.

В конце концов Зеновия потерпела поражение, ее силы были разбиты в сражениях при Антиохии и Пальмире преемником Клавдия, Аврелианом. Увешанную драгоценностями Зеновию доставили в Рим и в золотых оковах провели по улицам столицы в триумфальном шествии Аврелиана. Жизнь ей сохранили и позволили доживать свои годы в имении Аврелиана недалеко от Тиволи. Однако арабские источники расходятся с римскими в описании ее судьбы. Она якобы не попала в руки своему врагу «царю Амру», а покончила с собой, приняв яд, находившийся в ее полом кольце. Молва приписывает ей такие слова: «Я умираю по своей воле, а не по воле Амра».

Постигшая Зеновию и Клеопатру участь, совпадающая даже в том, что как одна, так и другая скрывали смертельный яд в некоем украшении, отражает влияние, какое веками оказывала Клеопатра VII после своей смерти. Ее золотая статуя до 220 года стояла в храме Венеры на форуме в Риме. Клеопатру продолжали почитать и боготворить повсюду в Египте от Александрии до Гермополя. Ее превозносили до небес, ее статуям поклонялись в самых дальних уголках страны. В 373 году писец в культовом центре Исида на острове Филэ оставил такую запись: «Я выкрасил фигуру Клеопатры золотой краской»*.

Память царицы-богини продолжали чтить в знаменитом святилище Исида на острове Филэ вплоть до VI века н.э., когда весь остальной Египет уже был христианизирован. В 453 году население этого района получило разрешение от Рима отметить ежегодный праздник «плавание Исида на корабле», провезя по Нилу культовую статую храма. По сути дела, это действие должно было символизировать путешествие великой царицы-фараона, которая пыталась осуществить свою мечту — возродить империю Александра Великого.

* См.: Hölbl G. Op. cit, p. 301.

Самоубийство последней его преемницы явилось поворотным пунктом западной цивилизации. Почти добившись своей цели путем улаживания отношений с Римом, чтобы сохранить независимость Египта, и привлечения самих римлян себе в помощь, Клеопатра вселила такой ужас своим недругам, что их враждебность по сей день дает о себе знать. Но, несмотря на все попытки убрать ее из истории, она оставила о себе такую память, что сделать это оказалось не просто, и, подобно Александру, стала легендой. Даже ее самым злобным критикам пришлось признать неустрашимость этого легендарного потомка многих царей — Клеопатры Великой, чей дух, унаследованный от самого Александра, в конечном счете оказался несломленным.

Благодарности

Среди многих и многих людей, которые оказывали помощь и поддержку, а также предоставляли информацию в течение нескольких лет при подготовке этой книги, мне бы особенно хотелось выразить признательность Дейвиду Бомону и его семье, Интсу Бирзкопсу, Джульете Брайтмор, Рите Бриттон, проф. Дону Брозвеллу, д-ру Стивену Бакли, Кристине Каррадерс, Джули и Адаму Чокли, проф. Мэтью Коллинсу, д-ру Ванессе Корби, Джеймсу Стивенсу Коксу, Сайану Эдвардсу Дейвису, д-ру Дейвиду Депрейтеру, д-ру Дейвиду Диксону, Николе Доерти, Мелу Дайку, Элейн Эдгар, проф. Эрлу Эртману, Серин Эванс, Джанис Эрс, проф. Махмуду Эззамел, Ванессе Фелл, Алану Филдсу и его семье, Майклу Флетчер, д-ру Дайане Франс, Паме и Бэрри Джидни, Мэрилин Гриффитс, Линн и Бэрри Харпер, д-ру Бернарду Хефран, Андреа Хирст-Джи, Керри Худ, д-ру Дейвиду Хауард, Терезе Халл, Данкану Джеймсу, д-ру Поле Джеймс, Николе и Майклу Джеймисон, д-ру Джону Кейну, проф. Бэрри Кемпу, Мэри Кершо, д-ру Сандре Надсен, Лейту Крюгеру, Руперту Ланкастеру, Шерли Ланкастер, Данкану Лису, Джеки Лиго, Марку Льюкасу, Саре Льюкас, Джоуну Олгроуву Макдауэллу, Джону Макмахону, проф. Хервигу Мелеру, Дейвиду Моссу, Джиллиану Мосли, Ричарду Нельсону, проф. Терри О'Коннору, Джеф-

фри Оутсу, Делии Пембертон, Майклу и Джейн Пикеринг, Джэн Пиктон, Роду Пулу, Тиму Рэдфорду, Магди ал-Рашиди, д-ру Хауарду Рейду, Энни Роддем, Кэрол Роуботам, Филиппо Саламоне, д-ру Кипу Самбу, Джулии Сэмсон, Эмме Сарджент, д-ру Нику Сондерсу, д-ру Отто Шадену, Айану Скора, Джиллиан Скот, Фил и Гордону Семли, Али Хасану Шебе и его семье, Брайану Ситчу, Аластэру Смиту, Пенни Смит, Алексу Тайпе, Анджеле Томас, Джин Томпсон, «Трейси», Дейвиду и Кэрол Уокер, Элисон Уолстер, Росу Уотсону, Ровена Уэбб, д-ру Энди Уилсону, Бобу Уилсону, но больше всех Гарри и Сьюзан, Кейт, Стивену, Эленор и Жанго!

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИБОРАТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Щариново», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkpniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Флетчер Джоан
Клеопатра Великая
Женщина, стоящая за легендой

Редактор Н.Л. Зайцева
Компьютерная верстка: В.Е. Кудымов
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 19.10.10.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.
С.: Ист.библ.(84)-3. Тираж 2500 экз. Заказ № 619.
С.: ЖЗЛ. Тираж 2500 экз. Заказ № 618.

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Доктор исторических наук Джоан Флетчер — ведущий современный археолог. Ее перу принадлежит множество популярных книг, включая бестселлеры «В поисках Нефертити», «Александр Великий — сын богов» и «Клеопатра Великая».

Клеопатра.

Едва ли не самая известная женщина в мировой истории. Легенды, которые рассказывают о ней, настолько противоречивы, что их можно считать ложью или поэтическим преувеличением. Так какой же была Клеопатра в действительности? Слабой правительницей, попавшей в жернова непростой эпохи, — или умным, циничным политиком, готовым ради независимости Египта на все? Была ли она так красива, как принято считать? И наконец, покончила ли она с собой — или была убита? Книга доктора Джоан Флетчер не только развенчивает многие легенды о Клеопатре, но и раскрывает тайны великой царицы.

Эта книга завораживает. Доктор Флетчер сделала для Клеопатры то же, что когда-то для Нефертити, — вернула нам реальную женщину, стоявшую за легендами!

«Daily Mail»

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-069496-9

9 785170 694969